

ISBN 978-5-4386-0882-0

НАУЧНОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

**ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВОГО
ОБЩЕСТВА**

МАТЕРИАЛЫ XXXV
ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КУРБАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
(1–4 ДЕКАБРЯ 2015 ГОДА)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»
2017

КУРБАТОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА

Материалы XXXV всероссийской
научной конференции
«Курбатовские чтения»
(1–4 декабря 2015 года)

УДК 94(100)“05/...”

ББК 63.3(0)4

П 78

Редакционная коллегия:

д. и. н. А. Ю. Прокопьев (отв. редактор),
к. и. н. В. В. Шишкин, к. и. н. Е. А. Мехмадиев,
Е. Г. Тишунин (отв. секретарь)

П 78   **Проблемы истории и культуры средневекового общества.** Материалы XXXV всероссийской научной конференции «Курбатовские чтения» (1–4 декабря 2015 года) [Электронный ресурс] / под ред. А. Ю. Прокопьева. — Электрон. текстовые дан. (2,7 Мб). — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 380 с.

ISBN 978-5-4386-0882-0

УДК 94(100)»05/...»

ББК 63.3(0)4

© Коллектив авторов, 2017

© А. Ю. Прокопьев, Е. Г. Тишунин, составление 2017

© К. В. Перепечкин, дизайн, 2017

© «Свое издательство», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

I. Средиземноморье и Византия

<i>Синица М. М.</i> Иоанн Лид и проблема возникновения антикварианизма в ранневизантийскую эпоху	10
<i>Слядзь А. Н.</i> «Насколько яркий, настолько же малоизвестный»: император Юстиниан II в кривом зеркале истории	20
<i>Ануфриева А. С.</i> Первое посольство Лиутпранда Кремонского в Константинополь: дипломатическая миссия или образовательная поездка?	27
<i>Левинская Я. В.</i> Византийский император Михаил VIII Палеолог в оценках современников	33
<i>Жигалова Н. Э.</i> Фессалоника под властью венецианцев (1423–1430): антилатинские настроения горожан в условиях турецкой осады	43

II. Династии и монархии в Средние века и раннее Новое время

<i>Беспальчикова Я. Е.</i> Мавзолей Теодориха Великого как финал репрезентации его власти	53
<i>Пикин А. В.</i> Церковные лидеры перед королями варваров в середине V века: посольства Льва Великого и Северина Норикского	63
<i>Кривощекова В. Н.</i> Святость в политическом измерении: пророчество святого Колумбана	68
<i>Федонников Н. А.</i> Образ королевской власти в «De Ordine Palatii» Хинкмара Реймского	76

<i>Ковриженко Е. В.</i> Триумф короля Альфонса I Арагонского по «Изречениям и деяниям короля Альфонса» Антонио Беккаделли	85
<i>Тишунин Е. Г.</i> Английский парламент в дневнике Эдуарда VI	93
<i>Александрова М. А.</i> Буллионизм в действии: проблема королевских займов и транспортировки денежных средств в Англию в середине XVI века	98
<i>Мигунова А. В.</i> Как жить в изгнании? Резиденции князей-эмигрантов в Тридцатилетнюю войну	106

III. Образ и текст Средневековья и раннего Нового времени

<i>Алексеева М. С.</i> Антихрист или ирландский король? «Видение Тнугдала» и его скульптурная иллюстрация	114
<i>Зайцева А. В.</i> Дьявол и демон на небесном суде в трактате Бартоло да Сассофerrато «Процесс сатаны против человеческого рода»	120
<i>Дремова В. С.</i> Цветы в испанской живописи XV века	128
<i>Симонженкова Е. М.</i> Особенности восприятия России начала XVII века испанскими литераторами	134
<i>Терентьева Е. А.</i> «Мистические образы великолепного и драгоценного кабинета дам» Андре Дюшена	147
<i>Федорова Т. Е.</i> Ковровые страницы в Островной книжной миниатюре: в поисках аналогий	155
<i>Ушакова В. Г.</i> Архитектурная декорация базилики в Трое: к вопросу о генезисе романской скульптуры Южной Италии	160
<i>Туминская О. А.</i> Образы новгородских юродивых в произведениях искусства Великого Новгорода эпохи позднего русского Средневековья	171

IV. Право и власть в Средние века и раннее Новое время

- Голованенко Д. А.* Общие модели обрядового поведения на Руси и в Скандинавии: клятва землей и обряд побратимства 178
- Долкова Е. А.* К вопросу об использовании права г. Бретейль в качестве источника городского права Валлийской Марки в XI–XIII вв. 189
- Прохорова М. Ю.* Поиски оптимальной организационной формы международного сотрудничества: чешская и французская модель — сравнительный анализ 199
- Рева К. С.* Шотландская корона и парламент в 1424–1426 гг.: восстановление финансовых привилегий 210
- Митюрева Д. С.* Королевская власть в представлении Жана Бодена и Якова I Стюарта 216

V. Историк и текст

- Шабанов И. П.* Исследование феномена кругового путешествия ирландского святого на примере «Vita sancti Albei» 223
- Утузилов С. В.* Послание, написанное королевой Кастилии на исходе Реконкисты 229
- Вершинин И. Н.* Меланхолия личности в представлении Роберта Бертона 234
- Дингес М. А.* Валленштейн в историографии XVIII века 246
- Зайцев А. А.* Развитие историографии Ренессанса в США в контексте европейской учёной эмиграции 1930-х гг. 256
- Шерихова Е. А.* Метод Никколо Макиавелли в интерпретации Клода Лефора: экономическое измерение политики 263
- Власова А. А.* Феномен социокультурного анализа западного средневекового капитализма в концепциях К. Маркса, М. Вебера и Ф. Броделя 266

Ющенко А. В. Обстоятельства издания «Historical collections»
Джона Рашуота 276

Зайцева Т. И. Изучение «истории мужчин» в современной
немецкой медиэвистике. 282

VI. Религия и церковь в Средние века и раннее Новое время

Семенова П. Н. Блаженный Августин о епископском служении:
проповеди 339 и 340А 292

Звягина Е. Д. Взаимоотношения Григория Великого
и короля Реккареда в контексте распространения
папской власти на Западе 297

Лапунов А. А. Патриарх Фотий и проблема церковной
юрисдикции над Болгарией 303

Бируля М. А. Святые как оппоненты светской власти:
Торлак сын Торхалля, епископ Скалахольтский и
Станислав Щепановский, епископ Краковский 311

Гусакова А. В. Св. Кентигерн и борьба шотландской церкви
с архиепископством Йорка в XII веке 321

Шишкова А. С. Политические аспекты Ферраро-Флорентийского
собора в воспоминаниях Сильвестра Сиропула 327

Аннотации 338

Summaries 355

Сведения об авторах 371

List of authors 376

I

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ВИЗАНТИЯ

ИОАНН ЛИД И ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ АНТИКВАРИАНИЗМА В РАННЕВИЗАНТИЙСКУЮ ЭПОХУ

Тема данной работы посвящена исследованию предпосылок ранневизантийского антикварианизма по творчеству Иоанна Лида (490–565?), так как писатель считается выразителем антикварной традиции Ранней Византии [1, S. 1041]. Цель работы — комплексно охарактеризовать и систематизировать причины и предпосылки возникновения и развития антикварного направления в ранневизантийской культуре в целом, а также его проявления в творчестве Иоанна Лида в частности, определив аспекты воздействий эпохи на писателя.

Новизна работы заключается в том, что проблема возникновения ранневизантийского антикварианизма в данном контексте исследователями практически не изучалась. Антикварианизм как общекультурное явление наиболее подробно анализируется в работах А. Момилиано [2; 3]. Среди отечественных исследований по античному антикварианизму наиболее фундаментальными являются работы О. Сидорович [4; 5], которая рассматривает это явление вплоть до VI в., но Иоанн Лид как антиквар упоминается вскользь. Наиболее глубоко антикварианизм Иоанна Лида изучен в монографии М. Мааса [6], где не только подробно исследуется личность и деятельность писателя, но также дается оценка его антикварных изысканий, которые связываются с реставраторской идеологией Юстиниана и основными течениями ранневизантийской мысли, но в ней акцент смещен на политические аспекты.

Как и историческое исследование антикварианизм связан с изучением прошлого. Но если историк изучает прошлое в хронологическом порядке, то антиквар — в систематическом. Изучая прошлое,

историк приводит факты, которые иллюстрируют или объясняют какую-либо ситуацию, изучаются события недавнего прошлого, прежде всего политические, — то есть, прошлое рассматривается в отношении к настоящему, в его контексте. В то же время антиквар собирает и систематизирует возможно большее число фактов отдаленного прошлого, не связанного с настоящим, находясь вне политики [2]. В античности эти исследования носят ярко выраженный отвлеченно-научный и эрудитский характер [3, Р. 59].

Иоанн Лид является единственным сохранившимся до нашего времени ранневизантийским писателем, чье творчество отражает антикварные тенденции в Ранней Византии [6, Р. 1-2]. Поэтому его произведения приобретают особое значение для изучения этого научного направления в вышеуказанный период. Из всех написанных им произведений до настоящего времени дошли только три: «О месяцах», «О знамениях» и «О магистратах» [7, Р. 19.].

Наиболее ранним считается произведение «О месяцах» — оно написано в начале 540-х гг. [6, Р. 8] и посвящено рассмотрению древнеримской календарной системы, отражая пифагорейско-неоплатоническую картину мира и космоса. По структуре трактат состоит из четырех книг. 1 книга описывает появление календарной системы Рима в древнейшие времена и реформы Нумы Помпилия, рассказывая о происхождении различных элементов древнеримской культуры (алфавит, ипподром, государственные должности); 2 книга посвящена истории недельного деления и дням недели, рассматриваемым через призму пифагорейской нумерологии; 3 книга имеет дело с общим понятием древнеримского месяца и его структурой (календы, ноны, иды); 4 книга построена по типу фаст, она последовательно рассматривает все древнеримские месяцы, начиная с января, описывает их происхождение, мифологические и нумерологические основы, аллегорическое толкование мифов в неоплатоническом духе, главные языческие праздники и обряды в эти дни, исторические события [8, Р. 1-118].

«О знамениях» написано также в 540-х гг. [6, Р. 8], это историко-астрологическое сочинение, рассматривающее различные при-

родные явления как предзнаменования исторических событий. Оно состоит из Введения и 132 глав, в 1 главу были внесены изменения. Произведение написано под впечатлением от захвата и разрушения Антиохии персами в 540 г. н. э. и призвано показать, как божественные законы действуют в человеческом опыте. Большая часть этого произведения является простой компиляцией астрологических сочинений, написанных в античности [9, Р. 1-160]. Оно представляет исторический обзор знамений, выводимых из солнечных и лунных затмений, появлений комет, примет от луны, грома, землетрясений и других метеорологических явлений параллельно их источникам [7, Р. 21].

«О магистратах» написано в 550-х гг. после выхода автора в отставку [10]. Данное сочинение состоит из трех книг, в которых описывается история государственных учреждений и должностей римского государства. 1 книга описывает происхождение и развитие государственных должностей в республиканский период, 2 книга — посвящена имперскому периоду до кончины императора Анастасия, а 3 книга — является центральной она описывает современное состояние ключевого административного учреждения империи — Восточной префектуры претория, подробно характеризуется ее развитие, функционирование, структура и проблемы, главной из которых является кризис и упадок этого института, а также империи, в целом, в современное писателю время [7, Р. 47-319].

О. Сидорович отмечает в своем исследовании [4, С. 58-59], что Иоанн Лид находился на пересечении двух историографических традиций: греческой, в рамках которой создавались трактаты «археологии», и римской, с богатыми традициями антикварных штудий. Чтобы понять, как образовался антикварианизм Лида и что конкретно он из себя представлял, необходимо рассмотреть те условия, в которых развивалось творчество данного писателя.

Появление антикварианизма как научного направления в VI в. было обусловлено своей эпохой. Хотя Иоанн Лид и старался писать в русле классической традиции, его изыскания имеют ряд

существенных отличий, совпадая с антикварными исследованиями древних писателей только по форме подачи материала. Антикварное направление Лида сформировалось под влиянием комплексно-го воздействия различных факторов ранневизантийской эпохи.

1. Политический. Сохранение Римского государства только на Востоке — эллинизация римской государственности с вытеснением латинских элементов: на фоне упадка Западной части и захвата ее варварами Восточная часть Римской империи смогла сохранить свою государственность и независимость [11]. В результате она де-факто стала единственной наследницей Римской империи и носительницей имперской идеи господства над всей цивилизованной ойкуменой [12]. Государственность Ранней Византии сформировалась на эллинско-римской основе и базовым языком был греческий [13]. «Римскость», принадлежность к римскому миру определяется теперь не только владением латинским языком, но также сохранением римского культурного наследия, прежде всего государственности; произошла дифференциация понятий «римляне» и «италийцы». Итальянцами ранневизантийские писатели, в том числе Иоанн Лид, называли жителей западной части средиземноморского мира, которые хотя и говорили по-латыни, не были «римлянами» в политическом плане [14].

2. Идеологический. Развитие государственной идеологии в VI в., всегда ассоциировавшейся с Древним Римом и Римской империей — подавление со стороны императорской власти эллинских тенденций и культивация романских [15, Р. 51-53]; имперской идеологией поддерживалась идея неразрывности и преемственности с Римской империей и интерес к римскому прошлому, а император Юстиниан позиционировал себя в качестве восстановителя всей империи [6, Р. 37-40]. Основание новой столицы Константином в духовном плане перенесло Рим на новое место, Константинополь был не просто столицей, а «Новым Римом» [13]. Также во времена Юстиниана (527–565) стала проводиться политика на полную унификацию религиозной и культурной жизни [16, С. 233-234]. Наи-

высшей точки достигло развитие культа императора избранника Божьего, владыки всего цивилизованного мира, власть которого была санкционирована Божьей волей, и поэтому выше любой другой [17, Р. 3]. Император определил единую догматическую идеологию, опирающуюся на никейское христианство, поэтому императорская власть подавляла культуру эллинизма как базирующуюся на язычестве. Философские школы во многих регионах были закрыты, учителя увольнялись, и им было запрещено преподавать, уличенные в язычестве арестовывались, а их имущество конфисковывалось. В 529 г. была закрыта знаменитая афинская Академия, учителям было запрещено преподавать, а когда они отказались подчиниться, их имущество было конфисковано, а университет Афин осужден [18, Р. 21].

3. Религиозный. Основой идеологии Восточной римской империи являлось христианство, претендовавшее на универсализм и монопольное доминирование, которое в VI в. получало мощную поддержку государства в культурно-идеологической борьбе; сформировавшись на основе ближневосточной иудейской религиозной традиции на принципе монотеизма и заняв господствующее положение в IV в. в Римской империи, христианство бескомпромиссно стремилось вытеснить все другие культурные течения из сферы общественной жизни позднеантичной империи, переводя их в религиозную плоскость язычества [19]. Христианство базировалось на фундаменте, абсолютно отличном от традиций греко-римского мира. Оно предложило принципиально новое осмысление Бога, мира, космоса, времени, истории, в результате чего вступало в онтологическую полемику с неоплатонизмом, являющимся вершиной философской мысли античности [20]. В условиях государственной поддержки христианства как официальной религии Римской империи, опирающаяся на античные традиции научная мысль не могла открыто выступать против него, занимая нейтралитет в религиозном и политическом отношении и в целом, нося оборонительный характер [21].

4. Культурный. Этнокультурное многообразие Восточной римской империи, которая включала в себя помимо балканских греков, многочисленные народы Малой Азии, этносы Кавказа и Закавказья, Ближнего Востока и Северной Африки, а Ближний Восток был зоной обширных межкультурных взаимодействий; этническая и конфессиональная пестрота имперского населения, определила многообразие культур и их смешение в зонах межкультурных контактов [22]. Зачастую национальные и социальные движения воплощались в формах различных ересей [23]. Плюрализм культур способствовал развитию множества взглядов на прошлое, привязанных к разнообразным литературным и культурным традициям, которые соревновались за внимание теоретиков начала VI в.: эллинское, римское, местное и гражданское, библейское и новозаветное [6, Р. 34].

В качестве элитной развитие типично греческой культуры, признание абсолютной ценности классического греческого образования и воспитания в системе греческой пайдеи, основывавшейся на классической полисной культуре. Вся система образования базировалась на традициях «эллинской» цивилизации с ее полисной культурой. В ранневизантийский период образовательные центры базировались в городах, сохранявших колорит античности, практически любой значимый город имел свою школу [24, С. 59-61]. Образование базировалось на изучении наследия классической Греции, и прежде всего поэм Гомера и текстов древнегреческих философов [25]. На основе классического образования в восточной части Римской империи продолжали развиваться традиции эллинизма как культурно-цивилизационной парадигмы. Понятие «эллинизм» уже утрачивало этническую и религиозную окраску к началу ранневизантийского периода, сохраняя культурную, связываясь прежде всего с понятием παιδεία — «воспитание, образование, образованность», обозначая воспитание по нормам классической Греции и приверженность традиционным греческим ценностям и культуре, выражая направление научной мысли [15, Р. 174].

Все это определило сущностные характеристики ранневизантийского антикварианизма. Согласно М. Маасу [6, Р. 1-7, 33, 45-47]

можно выделить следующие особенности антикварианизма Лида: 1) интерес к традиционно-римскому прошлому, доходящий до восторга перед ним, но без политического наполнения, носящий ученый характер (его справочники похожи на музейные каталоги); 2) состояние неопределенности переходной эпохи, ощущение страха разрыва с прошлым, связи с этим прошлым через продолжение ритуалов, стремление перенести эти ритуалы в настоящее время, но при отсутствии какой-либо религиозной полемики и избегании христианских выражений; 3) оплакивание упадка настоящего как забвения древних обычаев и традиций, негативное отношение к нововведениям; 4) имперская идея, соединяющая не только небо и землю, но и прошлое и настоящее в христианской империи; 5) интеллектуализм, демонстрация эрудиции и классической образованности: классицизирующий стиль, ссылки и компилирование огромного массива античных авторов; 6) заинтересованность в классической философии, перенос философских (неоплатонических) концепций на природный и политический мир; к этому можно еще добавить 7) интерес к другим, неримским культурам и традициям (преимущественно восточным — халдейским, египетским, иудейским).

Кроме общих тенденций, творчество Иоанна Лида было взаимозависимо от его жизни и карьеры. В идеологическом плане Лид оказался под мощным воздействием двух тенденций: эллинизма, выраженного в классической системе образования и городской культуре, и романско-христианской идеологии, нашедшей отражение в государственной идее. Его научные изыскания связаны с первым направлением, а бюрократическая карьера — со вторым.

Иоанн Лид в полной мере ощущал свою принадлежность античному обществу, равно и его мировоззрение было традиционным и античным. В своих произведениях он предстает прилежным собирателем древностей, буквально влюбленным в античность, глубоким знатоком и ценителем античной литературы и хранителем классической ученой традиции. Также Лид выражает привержен-

ность куриальным традициям античного полиса. Он на всю жизнь сохранил гордость и привязанность к своему родному городу Филадельфии (de mag. III. 26, 58) [7, P. 202, 250, 252]. Писатель восхищался древностью города и античными памятниками, что позволило ему гордо цитировать студентов знаменитого философа Прокла, называвших Филадельфию «Маленькие Афины», потому что город с языческими фестивалями и праздниками позволял их учителю чувствовать себя как в Афинах. Лид также похвально репутацией Филадельфии как центра учености [6, P. 26]. Он также с гордостью говорит о своих успехах в занятиях греческой философией (de mag. III. 26) [7, P. 204].

Но при этом среди древностей Иоанна Лида наиболее привлекают именно «римские древности», на которых он сосредотачивает свое внимание, причем важное место занимает развитие римских государственных должностей [7, P. 19-29]. Не менее важную роль играет у него идея христианского Бога, которую писатель проводит применительно к постконстантиновскому времени и современности (см., напр., de mag. III. 71) [7, P. 274], а применительно к древности — в форме ветхозаветных параллелей (напр., de mens. IV.38) [8, P. 74]. Кроме того, в ученом педантизме Лида, его точности и внимании к каждой букве, монотонном и дословном воспроизведении одних и тех же выражений как будто документационной формы, стремлении к наибольшей точности и систематизации материала [7, P. 29] виден канцелярско-бюрократический пласт. Лид подходит к научно-литературной работе как к бюрократическому делопроизводству, именно поэтому антикварная форма наиболее привлекает его в исследованиях.

Таким образом, ранневизантийский антикварианизм как явление был обусловлен комплексным воздействием различных факторов данной эпохи: политических, идеологических, религиозных и этнокультурных, — являясь индикатором общей культурной ситуации в ранневизантийском обществе. Он нашел свое выражение в творчестве образованного бюрократа Иоанна Лида, который

умудрялся сочетать в своих взглядах противоположные тенденции, отражая тем самым сложность и многообразие ранневизантийской культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *W. von Christ*. Geschichte der griechischen Litteratur umgearbeitet von Wilhelm Schmid und Otto Stählin. VII, Zweiter Teil, Zweite Hälfte.
2. *Momigliano A.* Ancient History and the Antiquarian // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, Vol. 13, No. ¾. 1950. P. 285-315.
3. *Momigliano A.* The Classical Foundation of Modern Historiography. The University of California Press, 1990. 165 p.
4. *Сидорович О. В.* Жреческая традиция в римской историографии конца III – I в. до н.э. [Дисс. на соиск. уч. ст. д.и.н.]: 07.00.03. Москва, 2005. 370 с. (Прил. с. 371-589).
5. *Сидорович О. В.* Анналисты и антиквары: римская историография конца III – I в. до н.э. Москва: РГГУ, 2005. 292 с.
6. *Maas M.* John Lydus and the Roman Past. Antiquarianism and politics in the age of Justiniane. London, New York: Routledge, 1992. 201 p.
7. *Ioannes Lydus.* On the Powers or The Magistracies of the Roman State / Ed. A. Bandy. Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press, 2013. 319 p.
8. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Ioannes Lydus.* Bonnae impensis ed. Weberi, 1837. 322 p.
9. *Ioannis Lavrentii Lydi Liber De Ostentis et Calendaria Graeca Omnia / ed. C. Wachsmuth.* Lipsiae: in Aedibus B. G. Teunners, 1897. 228 p.
10. *Wallinga T.* The date of Joannes Lydus De magistratibus // RIDA, 39, 1992. P. 359-380.
11. *Louth A.* The Eastern Empire in the sixth century // The New Cambridge Medieval History. Vol. I. c. 500 – c. 700. Cambridge University Press, 2008. P. 93-118.
12. *Уколова В. И.* Империя: исторический опыт Рима // Вестник МГИМО Университета. 2008. №2. С. 3-10.
13. *Фрейберг Л. А.* Античное литературное наследие в византийскую эпоху // Античность и Византия. М., 1975. С. 5-53.
14. *Dmitriev S.* John Lydus and His Contemporaries on Identities and Cultures of Six-Century Byzantium // Dumbarton Oaks. Trustees for Harvard University. 2010, Vol. 64. P. 27-42.

15. *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium: The Transformation of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge University Press, 2007. 468 p.
16. *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. 272 с.
17. *Evans J. A. S.* The Emperor Justinian and the Byzantine Empire. Greenwood Press, 2005. 179 p.
18. *Cameron Av.* Procopius and the Sixth Century. London, New York, 2005. 308 p.
19. *Аверинцев С. С.* Символика раннего Средневековья. (К постановке вопроса) // Семиотика и художественное творчество. М., 1977. С. 308-337.
20. *Аверинцев С. С.* Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего Средневековья (Общие замечания) // Античность и Византия. М., 1975. С. 266-286.
21. *Motigliano A.* Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A. D. // The Conflict Between Paganism and Christianity in the Fourth Century. The Clarendon Press, Oxford, 1963. P. 79-99.
22. *Аверинцев С. С.* От берегов Евфрата до берегов Босфора. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии от Р. X. / Многоценная жемчужина. К., 2004. С. 397-447.
23. *Сюзюмов М. Я.* Христианская церковь в IV-VI вв. // История Византии. В 3-х т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. Т. I. М., 1967. С. 144-164.
24. *Каждан А. П.* Книга и писатель в Византии. М., 1973. 152 с.
25. *Самодурова З. Г.* Школы и образование // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 478-504.

**«НАСКОЛЬКО ЯРКИЙ, НАСТОЛЬКО ЖЕ
МАЛОИЗВЕСТНЫЙ»: ИМПЕРАТОР ЮСТИНИАН II
В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ**

«Император, потерявший нос, но никогда не терявший волю к власти», «насколько яркий, настолько же малоизвестный» — так характеризует василевса Юстиниана II Ринотмета (ок. 669–711) его биограф К. Хэд [1, р. ix]. Действительно, византийская историография резко негативно оценивала личность и царствование Юстиниана II [2; 3; 4; 5]: «Юстиниан Безносый, свирепейший, дурной нравом, слабый духом <...> был тираном» — самая суть отношения ромейской исторической традиции к Юстиниану II и его времени, выраженная в одной из позднейших т.н. «Малых хроник» [6]. Такая «аттестация» вкупе с некритическим восприятием источников обусловили возникновение «черной легенды» вокруг имени этого императора, порождавшей тиражированные, пристрастные и в высшей степени тенденциозные оценки вплоть до середины XX в. (см., наприм. [7, С. 353, 370; 8, С. 239; 9, С. 549]).

В то время как в зарубежной литературе последних десятилетий наблюдается всплеск интереса к проблемам кризиса VII в. [10; 11; 12], в отечественной историографии данному сюжету в целом и, тем более, эпохе Юстиниана II в частности, внимание почти не уделяется [13, 14; 15; 16]. Поэтому представляется важным рассмотреть основные вехи правления Юстиниана Ринотмета в качестве финальной стадии всестороннего преобразования империи в VII ст., когда «с одной стороны, обнаруживаются во всей силе разрушительные элементы, наносившие удар по старой системе, с другой — начинают входить в жизнь новые начала» [17, С. 79-80].

«Дважды император» Юстиниан II пришел к власти в 685 г., но спустя десять лет был свергнут, лишен носа (откуда и прозвище «Ринотмет» — «Безносый») и сослан в крымский Херсон. Однако в 705 г. при помощи болгар он вернулся на престол с тем, чтобы уже в 711 г. пасть жертвой нового заговора, приведшего к гибели василевса.

В отличие от отца Константина IV и деда Константа II, скорее, оборонявшихся, чем наступавших, Юстиниан II в первые годы правления развернул активные боевые действия, как на восточном, так и на западном направлениях [2, С. 311-313]. Это обстоятельство, несомненно, свидетельствует о значительной консолидации Византии, укреплении ее международного положения после полувека отступлений, потерь и глухой обороны. Вместе с тем внешнеполитические достижения Юстиниана II не обладали прочным основанием и были достигнуты во многом за счет военной паузы на азиатской границе, стабильность которой напрямую зависела от продолжения/окончания внутриарабских смут.

Краеугольным камнем внутренней политики Юстиниана явилась колонизация опустошенных областей Византии, впервые принятая в таких размерах [18, С. 398; 19, С. 184]. В 688/89 г. большая экспедиция против славян Стримонии, с запада угрожавших Фессалонике, привела не только к возвращению под контроль константинопольской администрации ряда территорий, на которых возникли клисура Стримон и фема Эллада [20, Р. 3; 12, Р. 71, 164, 733]. Часть македонских славян была переселена в ближайшую к столице малоазийскую область — Вифинию: найдя средства на организацию славянской колонии, Юстиниан II сформировал из новопоселенцев вспомогательную кавалерийскую часть, приписанную к ополчению фемы Опсикий [21, С. 259].

Преследуя, прежде всего, военные цели — пополнение армии варварами-колонистами [8, С. 243-245] — Юстиниан рассматривал также и экономические последствия такого шага — обеспечение рабочей силой обезлюдевших районов Малой Азии. В результате

славянской миграции число необработанных и незаселенных территорий значительно уменьшилось, что в свою очередь снижало налоговое бремя, возложенное на крестьянские общины [22, С. 67]. Славяне, осевшие на равнинах Фессалии, долинах рек Вардар и Стримон, а теперь массово переселенные в Малую Азию, представляли собой оседлое земледельческое население с развитой свободной крестьянской собственностью [23, С. 85-87]. Иными словами, македонские новопоселенцы соответствовали развивавшемуся экономическому строю и тем хозяйственным задачам, которые поставило перед собой константинопольское правительство.

Ранее, по соглашению с халифатом 687 г. василевс переселил в Византию значительную часть мардаитов — обитателей горных ущелий Ливана, неподконтрольных арабам и совершавших набеги на Палестину [8, С. 241-242]. Вывезенные в империю мардаиты сформировали два новых военных корпуса — один в Пелопоннесе, о. Кефалония и Никополе (Эпир), другой — на островах Эгейского моря, вошедший в состав морской фемы Киверриотов (в Атталии). Новый этап переселения мардаитов, еще оставшихся в Ливане, прошел в 689 г., когда они заселили некоторые территории в новообразованной феме Эллада [24, Р. 332]. В 690/91 г. жители Кипра по распоряжению Юстиниана II также оказались в Византии и колонизировали полуостров Кизик с новым городом Юстинианополем, названным в честь императора [25, С. 213, 215, 425-426]. Массовые миграции способствовали расширению и укреплению прослойки свободного общинного крестьянства, явившегося неиссякаемым экономическим резервом, несшим на себе податные тяготы и выполнявшим воинскую повинность [22, С. 67].

Фискальная политика Юстиниана II носила антиаристократический и централизаторский характер, а ее острие оказалось направлено на подрыв позиций городской, в первую очередь, константинопольской знати [14, С. 44-46.], которая была принуждена финансировать амбициозные мероприятия василевса [26, С. 149; 24, Р. 333, 937].

Несмотря на ряд существенных успехов, обеспеченных правительством Юстиниана II, Византия находилась в еще очень уязвимом положении, для значительной экспансии явно не хватало материальных и людских ресурсов [24, Р. 337]. Больше того, значительное внешнее напряжение сил, помноженное на довольно жесткий внутренний режим, спровоцировали переворот и низложение Юстиниана в 695 г. Василевс нажил массу врагов не только среди правящей верхушки, но и среди населения Константинополя.

Острое противостояние императора и старой «римской» знати привело к тому, что Юстиниан II сделал ставку на «новых людей» — незнатного происхождения и не относившихся к сенаторской аристократии. Эта тенденция, особенно на фоне политической нестабильности и частой смены монархов на грани VII–VIII вв., стала долгосрочной: во многом именно благодаря поддержке данной социальной группы — выдвинутых из провинции — Ринотмету удалось взять реванш 705 г. [12, Р. 581, 586–588].

В то же время организованные Юстинианом II после 705 г. репрессии против реальных или мнимых противников режима и участников заговора 695 г. являлись не бессмысленными расправами, а закономерным продолжением правительственного курса конца 680-х – начала 690-х гг., направленного на подрыв позиций столичной знати и централизацию административного управления, т. е. против развивавшейся «частной власти» [27, С. 55]. Террор Юстиниана Ринотмета оказался на руку зарождавшейся в условиях военизации сельского населения армейской аристократии [15, С. 13, 15] — провинциальному офицерству, укреплявшему позиции на местах, в первую очередь, в деревне. В конечном итоге политика Юстиниана II настолько снизила влияние константинопольской знати, что высшая власть стала доступна выходцам из провинциальной войсковой среды, хотя некоторых ее представителей также затронули репрессии Ринотмета.

Таким образом, масштабные конфискации имущества городской аристократии, переселение на обезлюдевшие земли тысяч са-

мостоятельных хозяев окончательно подорвали влияние или даже ликвидировали значительное число старых общественных групп, принципиально изменив социальный облик империи. Если начало кризиса VII в. ознаменовалось террором Фоки, направленным на физическое истребление большей части землевладельческой аристократии [15, С. 11; 16, С. 189-190] и прекращение экономического господства сенаторской знати в столице и в провинции [28, С. 14], то завершение этапа социальной трансформации и глубокого реформирования хозяйственных основ Византии связано с эпохой Юстиниана II.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Head C.* Justinian II of Byzantium. Madison: University of Wisconsin Press, 1972. 196 p.
2. *Феофан Византиец.* Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта; Приск Панийский. Сказания Приска Панийского / Изд. подг. А. И. Цепковым. Рязань: Александрия, 2005. 608 с.
3. Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия / Пер. и комм. Е. Э. Липшиц // Византийский временник. Т. III (28). 1950. С. 349-387.
4. *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, пер., комм. М.: Наука, 1980. 216 с.
5. *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь: В 3 т. Т. I: Текст. Пг.: Российская государственная академическая типография, 1920. 634 с.
6. *Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken: Bd. I-III. Teil I. Wien, 1975. [Электронный ресурс] // Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/Kleinchroniken/Texts/text14.htm> (дата обращения: 01.06.2015).
7. *Финлей Дж.* Греция под римский владычеством со времени завоевания римлянами до падения империи на их востоке. 146 год до Р.Х. – 717 год по Р.Х. / Пер. С. Никитенко. М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1877. 462 с.

8. Кулаковский Ю. А. История Византии: В 3 т. Т. III: 602-717 годы. СПб.: Алетейя, 1996. 456 с.
9. Карташев А. В. Вселенские соборы. М.: Эксмо, 2006. 672 с.
10. Stratos A. N. Byzantium in the Seventh century: In 5 v. Vol V: Justinian II, Leontius and Tiberius, 685-711. Amsterdam: Adolf M. Hakkert Publisher, 1980. 212 p.
11. Haldon J. F. Byzantium in the Seventh Century: The transformation of a culture. Cambridge University Press, 1990. 510 p.
12. Brubaker L., Haldon J. Byzantium in the iconoclast era, c. 680-850: A history. Cambridge University Press, 2011. 942 p.
13. Сюзюмов М. Я. Некоторые проблемы истории Византии // Вопросы истории. № 3. 1959. С. 98-117.
14. Сюзюмов М. Я. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // Византийские очерки. М.: АН СССР, 1961. С. 34-63.
15. Сюзюмов М. Я. Дофеодальный период // Античная древность и Средние века. Сб. VIII. 1972. С. 3-41.
16. Кучма В. В. К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки (602-610) // Византийские очерки: Труды советских ученых к XV международному конгрессу византинистов. М.: Наука, 1977. С. 182-194.
17. Успенский Ф. И. История Византийской империи: В 5 т. Т. II: Период III (610-716). Иконоборческий период (717-867). М.: Астрель, 2001. 624 с.
18. Шестаков С. П. Лекции по истории Византии. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. I. Казань: Книжный магазин М. А. Голубева, 1915. 438 с.
19. Острогорский Г. А. История византийского государства / Перев. с нем. М. В. Грацианского; ред. П. В. Кузенков. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. 895 с.
20. Ostrogorsky G. Byzantium and the South Slavs // The Slavonic and East European Review. Vol. XLII. №98. 1963. P. 1-14.
21. Вернадский Г. В. История России. Древняя Русь / Пер. с англ., вступ. ст. Б. А. Николаева. Тверь; М.: ЛЕАН Аграф, 1997. 448 с.
22. Сборник документов по социально-экономической истории Византии / Отв. ред. акад. Е. А. Косминский. М.: АН СССР, 1951. 320 с.
23. Иванова О. В. Славяне и Фессалоника во второй половине VII века по данным «Чудес св. Димитрия» (постановка вопроса) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев: Наукова думка, 1980. С. 81-107.

24. *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. Stanford University Press, 1997. 1039 p.
25. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Текст, пер., комм. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.
26. *Романчук А. И.* Исследования Херсонеса — Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: В 2 т. Т. II: Византийский город. Тюмень: ТГУ, 2008. 544 с.
27. *Сюзюмов М. Я.* Проблемы иконоборчества в Византии // Ученые записки Свердловского государственного педагогического института. Вып. VI. 1948. С. 48-110.
28. История Византии: В 3 т. / Под ред. С. Д. Сказкина: Т. II. М.: Наука, 1967. 472 с.

ПЕРВОЕ ПОСОЛЬСТВО ЛИУТПРАНДА КРЕМОНСКОГО В КОНСТАНТИНОПОЛЬ: ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ИЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЕЗДКА?

Лиутпранд Кремонский (ок. 920 – 972/73), выдающийся историкограф X в., начинавший карьеру при дворе итальянских королей Гуго Арльского (926–945) и Беренгара II Иврейского (950–964, фактически с 945) и впоследствии бежавший ко двору германского властителя Оттона I (936–973), совершил по меньшей мере две дипломатические поездки в столицу Византии. Наиболее известно его второе посольство в 968 г. от Оттона I и Оттона II к Никифору Фоке (963–969); оно подробно описано в знаменитом «Докладе о посольстве в Константинополь».

Но и первое посольство Лиутпранда в 949–950 гг. от Беренгара II к Константину VII Багрянородному (913–920; 945–959) было по-своему примечательно. Впечатления этой поездки описаны в шестой книге его наиболее масштабного исторического сочинения «Антаподосис» [1; 2]. В отличие от описания посольства 968 г., полного критики в адрес византийцев, в «Антаподосисе» автор восхищается великолепием константинопольского двора. Очевидно, именно первый опыт соприкосновения Лиутпранда с византийской культурой глубоко повлиял на него. В своих сочинениях Лиутпранд неизменно использовал не только латынь, но и греческий, причем на уровне, уникальном для его эпохи и региона; работая над сочинениями, прославляющими династию Оттонов, изгнанник-интеллектуал, возможно, идентифицировал себя скорее с утонченными византийцами, чем с невежественными саксами.

О том, какие задачи стояли перед Лиутпрандом во время этой миссии, информации немного, — исследователи используют, пре-

жде всего, сведения, которые сообщает сам автор «Антаподосиса» [Ср. напр. 3; 4; 5]. Так, к примеру, З. В. Удальцова высказала догадку, что Лиутпранд получил от Беренгара некое ответственное поручение, которое не выполнил, и именно это впоследствии стало причиной его конфликта с королем [3, С. 259]. А Ю. Думмер, следуя за рассказом Лиутпранда, усматривал в этом предприятии, прежде всего, поездку с образовательными целями [4, S. 43].

Уже отец и отчим Лиутпранда бывали в Константинополе как послы короля Гуго Арльского [2, S. 82-83, 137-139]. В 948 г., после смерти Гуго, когда за Беренгаром II окончательно утвердился статус фактического правителя Италии, Константин VII обратился к нему с просьбой отправить посольство в Константинополь. По рассказу «Антаподосиса», Беренгар пообещал отчиму Лиутпранда доверить миссию его пасынку, чтобы тот, уже преуспевший в латинском красноречии, мог обучиться греческому [2, S. 152-153]. Историограф поясняет: Беренгар не хотел тратить на дальнейшее путешествие и рассчитывал, что средства отыщет отчим, - чего в итоге и добился [2, S. 153].

Финансовые затруднения Беренгара объяснимы, принимая во внимание только что завершившееся многолетнее политическое и военное противостояние с Гуго. Теперь же перед ним стояла задача решить прежде всего проблемы внутривизантийские, заново выстроить систему отношений со своими бывшими противниками из числа итальянской знати [6, С. 180-184; 7, P. 207-225.].

Возможно, исходя из этого Беренгар не воспринимал отправку посольства как дело первостепенной важности. По рассказу Лиутпранда, он, вопреки негласным правилам дипломатии того времени, не послал василевсу дары [2, S. 155-156] (послу пришлось преподнести Константину VII от имени Беренгара дары, которые vez императору он сам, — также на деньги отчима). Кроме того, едва ли Беренгар отправил бы с ответственной миссией человека неопытного, лишь готовящегося к изучению греческого языка, — когда в его распоряжении находился, например, тот же отчим Лиутпранда, уже бывавший в Константинополе.

Приглашение исходило от византийцев. Просьба направить официальную миссию к константинопольскому двору должна была служить формой признания некоронованного итальянского владыки. Лиутпранд рассказывает, что после смерти Гуго Беренгар получил от Константина VII письмо, в котором император сообщал, «что очень желал бы видеть у себя его посла, по возвращении которого Беренгар мог бы узнать, сколь глубоко он его почитает» [2, S. 152-153]. То есть, приглашение официальной миссии к константинопольскому двору должно было служить формой признания некоронованного итальянского владыки. Но, вероятно, у византийского владыки имелись некие дополнительные, скрытые цели кроме преисполненного стремления «засвидетельствовать уважение».

Одновременно с Лиутпрандом Константин принимал посла Оттона I, Лиутфрида [2, S. 155]. Уже через три года, в 951 г., состоялся Первый итальянский поход Оттона, а еще десятилетие спустя германский властитель свергнет Беренгара и будет коронован императором в Риме. В Константинополе пытались следить за ситуацией в Италии и предугадать ее развитие, до определенного момента поддерживая отношения со всеми потенциальными участниками конфликта. Возможно, Беренгар недооценил важность доверенной Лиутпранду миссии.

С точки зрения отчима Лиутпранда, карьера и обучение папы стоили затрат на снаряжение целого посольства. Тем более, что подобное предприятие сулило в перспективе и материальную выгоду. По свидетельствам Книги церемоний, в Константинополе в этот период было принято щедро одаривать иностранных послов и их свиту [8, S. 585, 597; 9, S. 251-282]. Историкограф описывает, как ему удалось получить от императора в награду золото и дорогое облачение [2, S. 157-158], в другом случае — упоминает о вручении ему и провожатым «богатых даров» [2, S. 156]. По всей видимости, в ходе посольства Лиутпранду представлялись и другие возможности обогатиться.

Неясно, удалось ли таким образом окупить затраты на поездку. По некоторым намекам в «Антаподосисе» можно предположить,

что одной из причин последующего конфликта Лиутпранда с Беренгаром был спор имущественного характера после возвращения из посольства; возможно, властитель, «выдавший» дары Лиутпранда Константину за свои, мог попытаться присвоить и дары Константина Лиутпранду. Впрочем, можно ли положиться в этом вопросе на свидетельство лукавого царедворца, в своем сочинении стремившегося очернить былого покровителя?

Опыт этого посольства оказался полезным для Лиутпранда и в дальнейшем. Работая над «Антаподосисом», много внимания он уделял тому, чтобы продемонстрировать и свои познания в греческом, и непосредственное знакомство с византийскими реалиями. Одной из важных целей при этом, по-видимому, было зарекомендовать себя как человека опытного и сведущего в дипломатической сфере в глазах потенциального нового покровителя.

Описания византийских церемоний, которые Лиутпранд приводит в «Антаподосисе», судя по всему, выросли из заметок, сделанных еще в Византии и фиксировавших его непосредственные впечатления. Хотя, безусловно, в «византийских» главах этого сочинения читатель имеет дело отнюдь не только с пересказом увиденного Лиутпрандом собственными глазами. Образ Византии в «Антаподосисе» на деле выстраивается из разнообразных элементов, — в том числе и на основе отсылок к античной литературе (так, к примеру, он описывает встречу императора придворными при помощи видоизмененной цитаты из комедии Теренция [2, S. 11]). Другие эпизоды он пересказывает с чужих слов; это очевидно в уже упоминавшихся главах, повествующих о посольствах отца и отчима. Были у Лиутпранда, по-видимому, и иные, не названные прямо информаторы, на которых он также ссылается в своем рассказе [2, S. 155].

При всей непосредственности Лиутпранда, его готовности к простодушному восхищению увиденным в Константинополе, он умел при необходимости оборачивать «символические ситуации» при константинопольском дворе себе на пользу. И это касается не

только материальных наград, полученных от Константина VII, но и использования Лиутпрандом описаний колоритных сцен в «Антаподосисе» как возможности продемонстрировать при оттоновском дворе свои знания о Византии.

Само восхищение, выражаемое Лиутпрандом по поводу необычных и ярких сцен, которые ему довелось наблюдать в Константинополе, — это, весьма вероятно, еще и попытка очаровать Оттона I и его окружение величием и сложностью византийского языка репрезентации власти. В период работы Лиутпранда над «Антаподосисом», когда имперские амбиции Оттона I все возрастали (см. напр. [10, S. 73-79; 11, S. 93-105]), этот государь и его приближенные стали особенно активно искать образцы, на которые можно было бы ориентироваться для утверждения нового статуса могущественного властителя.

Лиутпранд, рассказывая о своем константинопольском опыте, стремился, в том числе, внушить своему покровителю впечатление великолепия византийского церемониала. Не в последнюю очередь потому, что, если бы Оттон избрал именно византийский символический язык в качестве важного ориентира в собственной репрезентации власти, стали бы гораздо более востребованы «профессиональные качества» самого Лиутпранда, — его познания в греческом языке и в византийских придворных ритуалах, — пусть и не понятых им до конца, но, безусловно, привлекавших и очаровавших его.

Так или иначе, благодаря свидетельству «Антаподосиса» мы знаем о любопытном казусе: итальянский властитель сер. X в. «профинансировал» посольство в Византию за счет средств на образовательную поездку отпрыска знатного семейства. Беренгар в тот момент шёл контакты с Константинополем второстепенной задачей, — быть может, опрометчиво. А для самого посла эта поездка стала отправной точкой карьеры, принесла сначала выгоду, затем немилость, а главное — определила многое в его дальнейшей жизни и творчестве, близко познакомив с византийской культурой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь. 2-е изд., исправл. и дополн. / Лиутпранд Кремонский; пер. с лат. и комментарии И. В. Дьяконова, ред. И. А. Настенко. М.: «SPSL» — «Русская панорама», 2012. 192 с.
2. *Liudprandi Antapodosis* // *Die Werke Liutprands von Cremona* / Hrsg. von J. Becker. Hannover; Leipzig, 1915. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi, 41). S. 1-158.
3. *Удальцова З. В.* Дипломатия // *Культура Византии: в 3 т. Т. 2. Вторая половина VII–XII в. М.: Наука, 1989. С. 241-279.*
4. *Dummer J.* Die Schriften Liudprands von Cremona als Quelle für die byzantinische Kulturgeschichte // *Byzanz in der europäischen Staatenwelt. Eine Aufsatzsammlung* / Hrsg. von J. Dummer, J. Irmscher. Berlin: Akademie-Verlag, 1983. S. 40-46.
5. *Balard M.* Voyageurs italiens à Byzance VI–XI siècles // *Voyages et voyageurs à Byzance et en Occident du VIe au XIe siècle. Actes du colloque international organisé par la Section d'Histoire de l'Université Libre de Bruxelles en collaboration avec le Département des Sciences Historiques de l'Université de Liège (5-7 mai 1994).* Genève, 2000. P. 254-272.
6. *Фазоли Дж.* Короли Италии (888–962) / Джина Фазоли; пер. с ит. А. В. Лентовской. СПб.: Евразия, 2007. 288 с.
7. *Buc P.* Italian Hussies and German Matrons. Liutprand of Cremona on Dynastic Legitimacy // *Frühmittelalterliche Studien*. Bd. 29. 1995. S. 207-225.
8. *Constantini Porphyrogeniti imperatoris de cerimoniis aulae Byzantinae libri duo: 2 Bd.* / Hrsg. von J. J. Reiske. Bd. 1. (Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, 16). Bonn, 1829–1830.
9. *Schreiner P.* Diplomatische Geschenke zwischen Byzanz und dem Westen ca. 800–1200: Eine Analyse der Texte mit Quellenanhang // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 58. 2004. P. 251-282.
10. *Goetz H.-W.* Europa im frühen Mittelalter. 500–1050. Stuttgart: Eugen Ulmer, 2003. 480 s.
11. *Fleckenstein J.* Grundlagen und Beginn der deutschen Geschichte. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1974. 250 s.

ЛЕВИНСКАЯ Я. В.

Уральский федеральный университет

ВИЗАНТИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР МИХАИЛ VIII ПАЛЕОЛОГ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

В эпоху Ранней Византии сложилось особое представление византийцев об императоре, прежде всего, как об идеальном правителе. Историками создавался образ василевса, наделенный рядом добродетелей и доблестей, главными из которых являлись мужество, ум, щедрость, любовь к подданным. [1, Р. 80] В зависимости от эпохи и политического курса акценты на добродетелях василевса могли меняться. Например, таким переломным периодом в истории Византии являлся XIII век, ввиду завоевания Константинополя крестоносцами в 1204 г. В результате этого события государство распалось на несколько частей, что сказалось на степени преемственности традиционных воззрений византийцев, в том числе и об императорской власти в рамках политической доктрины государства. Однако, спустя полстолетия, в 1261 г. государство возродилось под эгидой никейского василевса Михаила VIII Палеолога. Несмотря на это важное политическое событие, поздневизантийские историки XIII–XIV вв. — Георгий Акрополит [2], Георгий Пахимер [3], Никифор Григора [4], повествовавшие в своих трудах об истории Никейской империи, весьма неоднозначно оценивают деятельность основателя новой династии, восстановителя Византийского государства — Михаила VIII Палеолога (1261–1282). Казалось бы, историки следуют византийской традиции презентации имперской власти, отмечая роль василевса в завоевании Константинополя и акцентируя внимание на такие доблести и добродетели первого Палеолога, как мужественность, щедрость, справедливость, ум и т. д., но при этом отмечают и негативные стороны его политики.

Безусловно, историки воздают честь императору как восстановителю империи, отмечают его роль в возрождении могущественного государства, часто ссылаясь на ключевое событие биографии василевса — взятие Константинополя. Георгий Пахимер, воздает благодарность василевсу за восстановление империи, отмечая радость народа: «С одной стороны народ был преисполнен удовольствия, с другой же — страхом, ввиду отсутствия Иоанна Ласкариса вместе с Михаилом Палеологом во время вступления в столицу» [3, С. 148]. Историческая память византийцев сохранила образ Михаила VIII, как образ василевса-строителя: строителя не только новой династии, но и государства в целом. Его роль в восстановлении империи была признана и более поздними авторами. Возможно, на это повлиял факт основания первым Палеологом византийской династии, правление которой было самым продолжительным за всю историю империи.

Историками подчеркивалось особое божественное вмешательство в судьбу императора, что помогло Михаилу VIII в узурпации престола. Путь Михаила к власти можно назвать кровавым, однако авторы находили в этом предопределение Господне. Георгий Акрополит в описании истоков власти Михаила Палеолога подчеркивал: «Бог возжелал возвести его в императорское достоинство» [2, С. 95]; Георгий Пахимер, повествуя о назначении Михаила VIII соправителем Иоанна Ласкариса, пришел к выводу: «Наконец победило небесное определение. Весьма многие, даже почти все были расположены вверить власть Палеологу» [3, С. 86]. Никифор Григора в последующем также упоминал о вмешательстве Божественной воли в жизнь василевса: «Господь еще в детстве его предопределил ему царствовать, на что было много разных указаний». [4, С. 149]. Пахимер также отмечал особую роль Господа, рассказывая об определении судьбы: «Это определение судьбы, <...> повторялось явление: когда царь, быв еще младенцем, лежал в колыбели и питался из сосцов кормилицы, тогда часто раздражался и кричал, никак не поддаваясь сну. В таких случаях, чтобы он перестал раздражаться и замолчал, надлежало убаюкивать его песнями: но каких ни вы-

думывали и не слагали песней, — они нисколько не действовали на младенца. Когда же начинали сквозь зубы бормотать песню о городе, именно эту: «Вот царь вступит в город чрез золотые ворота и тем прославить свое царствование», — дитя умолкало, будто очарованное сиренами, и сладко засыпало» [3, С. 118]. Второе указание, несмотря на противоречивость доводов, историк находит в услышанном Михаилом VIII голосе во время молитвы в Фессалонике: «Стал сам наедине беседовать с Богом и в глубокой тишине своей души возносил обычные преджертвосовершительные молитвы. Во время этого-то молитвословия слышал он <...> голос <...>. Удивившись этому, архиерей тотчас пошел к фессалоникийскому предстоятелю <...> объявил ему, <...> как, <...> нечаянно услышал голос. Долго рассматривал это выражение <...> вникал отдельно в каждую букву этого слова и наконец ясно сказал, что оно обещает Палеологу римское царство» [3, С. 20]. Сам Михаил VIII Палеолог был уверен в особом желании Бога видеть его на престоле, о чем говорит Пахимер, приводя слова будущего императора: «...кому Бог дает царствовать, тот не виноват, если позовут его на царство» [3, С. 17]. Историки неоднократно в своих трудах воспринимают власть Михаила VIII Палеолога как дарованную Богом, что не только связывалось с традицией, но и стремлением оправдать узурпаторские деяния основателя правящей династии. Михаил Палеолог являлся Новым Константином, освободившим императорский город, затмив таким образом многие свои недостатки, в том числе и узурпацию власти [5, Р. 134].

Таким образом, роль Михаила VIII Палеолога в восстановлении империи в оценках византийцев была, несомненно, ключевой. Несмотря на все противоречия по отношению к василевсу, народ не только видел в нем своего правителя, но и восхвалял его, как строителя и основателя государства и новой династии, что зафиксировалось в исторической памяти потомков.

Помимо признания роли императора в возрождении империи, поздневизантийские историки наделяли василевса и традиционным набором доблестей и добродетелей, создавая образ, прежде всего,

идеального правителя. Георгий Акрополит сравнивал Михаила VIII Палеолога с быстрым орлом, подчеркивая стремительность императора на военном поле. Георгий Пахимер словно в продолжение называл его самым мужественным из мужей и говорил о превосходстве императора над остальными воинами. Описывая его в бою, историк отмечал: «...ведя войско под царскими знаменами против врагов султана, Палеолог совершает подвиги мужества» [3, С. 17]. Историком особо сосредотачивалось внимание на стремлении императора к победе, от чего получал он истинное удовольствие и даже счастье: «Он несчастье производил от лукавства врагов, а счастье — от открытого мужества, что почитал достойною трофеев воинскою доблестью» [4, С. 309]. Никифор Григора ненавязчиво подчеркивал уважение военного люда к императору, складывающемуся, как правило, в результате сильного личного примера василевса на поле боя и в битвах. Об опыте в военных делах свидетельствует и общий вывод историка о правлении Михаила VIII Палеолога: «Он соединял в себе сановитость и повелительный вид, крепость телосложения и опытность в воинских делах, приобретенную в течение долгого времени» [4, С. 148]. Авторы, повествуя о жизни и деятельности императора, таким образом, создают образ императора-воина, подвиги которого направлены на благополучие государства.

Историки наделяли василевсов добродетелями храбрости, мужества, силы, стремительности, смелости, как правило, чтобы сосредоточить внимание на внешней политике императора. Если речь шла о внутренних делах в государстве, то особо отмечалась филантропия правителя по отношению к подданным. Такие добродетели, как человеколюбие, благотворительность, благосклонность, милосердие, великодушие, щедрость, создавали на страницах трудов образ «императора-филантропа», правителя, помогающего своему народу. Руководящий принцип политики заключался в заботе о подданных, процветании вверенного василевсу государства [6, С. 92]. «Филантропия», таким образом, является собирательным понятием, включающим все характеристики василевса, подчеркивающие имперскую любовь к подданным.

Михаил VIII Палеолог наделялся широким спектром добродетелей, олицетворяющих любовь к подданным. В начале своего правления первый Палеолог был особенно щедрым, желая завоевать поддержку народа, на что особое внимание обращал Никифор Григора: «В начале царствования он отличался особенно щедростью, для того, думаю, чтобы снискать себе расположение подданных» [4, С. 148]. Подданные в ответ радовались и прославляли нового императора: «...и вообще он был более щедрым государем ко всем и, не скупясь, осыпал деньгами всех подданных. <...> Ромейский народ <...> преисполнен был удовольствия и радовался делам в государстве» [2, С. 126], «Между тем царствующий то и дело ораторствовал, ласкал народ и в толпы его обеими руками бросал золото. Облагодетельствованные, сходясь, прославляли благодетеля» [3, С. 10]. Михаил VIII Палеолог изображался традиционно щедрым василевсом, что особенно пришлось на начало его правления, это связывалось со стремлением завоевать авторитет среди подданных и духовенства: «Духовным же лицам раздавал дары щедрою рукою — тайно и явно, то в виде необходимых жизненных потребностей» [2, С. 71]

Образу императора-филантропа характерен был ряд достоинств, связанных с законодательной и политической сферами, важнейшими из которых являлись справедливость, ум, предусмотрительность, бережливость, чувство меры. Правитель должен был относиться ко всем одинаково, выступать главным гарантом правосудия и закона, стремиться к благосостоянию государства в целом. Искусство умело управлять империей считалось высшим уровнем применения практической философии [7, С. 92]

Первый Палеолог, по мнению историков, был справедливым, стремился к общему благу и истине [8, С. 215]. Михаил Палеолог в описании Акрополита изображался «...очень справедливым в делах, <...> зрелым по уму и рассудительности» [2, С. 94]. Георгий Пахимер редко восхвалял умственные способности и справедливые поступки василевса, однако упоминал: «Этот человек обладал умом истинно царственным» [3, С. 191]. Никифор Григора же, наоборот, подчеркивал силу ума императора: «Будучи необыкновенно силен

умом и словом» [4, С. 148]. Причину упадка щедрости императора автор объясняет свойственной для правителя бережливостью в период «всюду вспыхивающих войн» [4, С. 148]. Акценты добродетелей, таким образом, были смещены с щедрости на бережливость, объяснение чему крылось в необходимости решения политических проблем, однако это не принижало имперских достоинств.

Помимо изображения императора в двух ипостасях: воина и филантропа, историки воссоздавали и третью — философа. Императоры-философы сосредотачивали внимание на духовности, как на собственной — путем самоанализа и смирения, так и на общественной — через покровительство образованности, науке и культуре [9, С. 99]. Особое внимание историки акцентировали на описании таких качеств василевса, как смирение и кротость перед Господом. В свою очередь это способствовало реабилитации василевса и его авторитета в глазах подданных после ослепления законного наследника престола — Иоанна IV Ласкариса. Акрополитом передавались слова императора, признававшего всю грешность своей человеческой природы: «... чтобы подобное совершить, надо называться святым, а я человек грешный и не могу сотворить такое чудо...» [2, С. 94]. Никифор Григора словно продолжал: «Он чувствовал укол, как будто от иглы, от совести, имел в виду раскаяться и просил Бога исправить в нем этот недостаток» [4, С. 57-58]. Историк передал слова самого василевса: «Если бы я жил безукоризненно и целомудренно, то сохранил бы неприкосновенным и царское достоинство, и себя. Но так как я сам дал повод бесчестить и себя, и свое достоинство, то вот и получаю приличное возмездие: злые семена приносят свои плоды» [4, С. 57-58]. Под «злыми семенами» император имел ввиду ослепление наследника престола, Иоанна IV. Как заметил Пахимер, «василевс многие дни беспрекословно сносил отлучение и, приняв на себя вид покорности, ожидал разрешения епитимии» [3, С. 89] Историки, для того, чтобы подчеркнуть кротость и смирение императора апеллировали и к событиям 1261 г. — взятию Константинополя. «Император как смиренный слуга Бога вошел в Золотые

ворота» [3, С. 138] — передавал Акрополит. Пахимер неоднократно упоминал о «боголюбности» и «благодарности Господу» за взятие города [3, 147-148]. Таким образом, императорам, по словам историков, не были чужды угрызения совести и чувство стыда перед Богом, а также смирение и благодарность.

Византийские интеллектуалы, являясь проводниками «имперской идеи», считали своим долгом, помимо восхваления правителя и прославления империи ромеев, высказывать и критические замечания в сторону имперской власти с целью исправления отдельных недостатков как самого василевса, так и его политического курса [10, С. 185]. Донесение до потомков информации, объясняющей противоречивые явления в государстве, являлось одним из способов выражения критических отзывов в адрес василевса. Недовольство Михаилом VIII Палеологом, во-первых, связывалось с ослеплением законного наследника — Иоанна IV Ласкариса с целью единоличного правления, во-вторых, неприятие вызывали униатские настроения василевса. Никифор Григора, описывая путь Михаила VIII к власти, отмечал такие качества василевса, как тщеславие, страх, желание мести — черты, сосредотачивающие внимание на человеческой природе императора, а не на божественной воле в наделении императора властью: «Тайна...исполнена дикой жадности, побуждавшей его, чрез нарушение клятвы, тяжко грешить пред Богом, и воздымавшейся так высоко, что человеку мыслящему нельзя было не видеть ее. А это послужило началом великих бедствий для римлян и причиною невыносимого смятения» [4, С. 153-154]. Георгием Пахимером неоднократно упоминались такие качества императора как «величайшее честолюбие, необыкновенная, не знавшая предела гордость» императора [3, С. 153], отсутствие «чувства меры» у василевса — свойство, которое являлось одним из канонических достоинств василевса в византийской традиции, в чем историк находил причины всех бед в государстве. Вероятно, критика разворачивалась с целью становления императора на истинный путь — путь смирения и кротости.

Критике подвергались униатские настроения правителя. Историки, как правило, воздерживались от оценки религиозной политики Михаила VIII, однако разными методами старались донести негативное отношение духовенства и подданных к политическим шагам василевса в сторону сближения церквей. Именно в стремлении к унии историки видели причину упадка авторитета Михаила Палеолога, поэтому изображали его как императора-изменника. Слова Андроника II о своем отце, воспроизведенные Никифором Григорой, отражают это неприятие: «Сын же его, император Андроник, не удостоил отца не то что приличествующего царям погребения, но даже и такого, какое предоставляют ремесленникам или земледельцам. <...> Виной тому было нарушение правого учения церкви» [4, С. 123]. Собственное мнение историками высказывалось аккуратно с целью не нарушить святость имперской власти. Однако Никифор Григора, не являясь современником Михаила VIII Палеолога, отмечал: «По-моему, <...> кто целиком предался погоне за блеском мирской славы <...> — тот мне кажется жалким по причине своего безумия и суетным в своих напрасных хлопотах. Вот и император Михаил <...> ввергся в пропасть бедствий и к тому же навлек на себя всенародное проклятие» [4, С. 123].

Таким образом, несмотря на императорский статус Михаила VIII Палеолога, его образ, представленный на страницах поздневизантийских исторических сочинений, не всегда соответствовал традиции описания василевса. Михаил VIII наряду с такими качествами, как мужество, щедрость, смелость, отличался и такими свойствами, как тщеславие, страх, жадность, что расходилось с классическим набором добродетелей и доблестей императора. Как правило, историки наделяли императора негативными характеристиками не от своего имени, а прежде всего, передавая оценки других людей. Однако данный прием дает возможность отразить и личные взгляды историков на политику Михаила VIII Палеолога. Показательным является восхваление в трудах Георгия Акрополита, Никифора Григоры, Георгия Пахимера никейской династии

Ласкарисов, положившей начало возрождению империи, для того, чтобы уменьшить роль Михаила VIII Палеолога как восстановителя империи.

Таким образом, Михаил VIII Палеолог помимо традиционных характеристик имперской власти наделялся и особым набором черт, подчеркивающих, прежде всего, его человеческую природу. Восхваление имперских достоинств — каноничный прием, использованный византийскими авторами, критика в адрес василевсов — безмолвная традиция, являвшаяся рычагом управления над василевсом в кризисные моменты империи. Михаил VIII увековечил свое имя благодаря возрождению Византии, но при этом совершив еще один шаг на пути к ее гибели.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium 1204–1330.* N. Y.: Cambridge University Press, 2007. 474 p.
2. *Акрополит Георгий.* История / Пер., комм. П. И. Жаворонкова. СПб.: Алетейя, 2005. 415 с.
3. *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб.: Типография Департамента уделов, 1862. 546 с.
4. *Григора Никифор.* Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. 1204–1341. Спб.: Типография Департамента уделов, 1862. 564 с.
5. *Dennis G. T. Imperial Panegyric: Rhetoric and Reality / Byzantine Court Culture from 829 to 1204 / Ed. H. Maguire.* Washington: Harvard University Press, 1997. P. 131-140.
6. *Закржевская О. Г.* Концепция патриотизма Никифора Григоры (к вопросу о «греческом патриотизме» XIV в.) // *Античная древность и Средние века.* 1977. Вып. 14. С. 85-95.
7. *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв. М.: Наука, 1978. 300 с.
8. *Курбатов Г. Л.* Византия во второй половине XIII – середине XV вв. // Под ред. Г. Г. Литаврина. *Культура Византии в XIII – первая половина XV.* М.: Наука, 1991. Т. 3. С. 202-224.

9. Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти» / Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. 334 с.
10. Куц Т. В. Критика императорской власти в Поздней Византии: границы допустимого // Власть и ее пределы в Средние века и раннее Новое время. Сборник научных статей / под. ред. П. Ю. Уваровой и С. К. Цатуровой. М.: Институт Всеобщей истории РАН, 2015. С. 185-198.

**ФЕССАЛОНИКА ПОД ВЛАСТЬЮ ВЕНЕЦИАНЦЕВ
(1423–1430): АНТИЛАТИНСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ГОРОЖАН
В УСЛОВИЯХ ТУРЕЦКОЙ ОСАДЫ**

Фессалоника была крупнейшим экономическим и политическим центром Византийской империи после Константинополя. Являя собой едва ли не последний оплот сопротивления туркам, город был желаемой целью османских султанов. Согласно одной турецкой легенде, султану Мураду II (1421–1444, 1446–1451) во сне явился Бог и протянул ему прекрасную благоухающую розу. Султан был поражен красотой цветка и умолял Бога о праве владеть им, на что Бог ответил ему: «Эта роза, Мурад, есть Фессалоника. Знай же, что Небесами тебе предопределено наслаждаться ею. Так что не теряй времени, иди же и возьми ее» [1, Р. 73].

Однако впервые турки появились под стенами Фессалоники еще в 1372 г., а в 1387 г. после длительной осады город был захвачен османскими войсками. Лишь в 1403 г. Фессалоника была возвращена византийцам после турецкого поражения от Тимура [2, Р. 72–88]. Затем, в 1412 и 1414 гг., город подвергся новым атакам со стороны представителей Османской династии, которые, однако, оказались безуспешными [3, Р. 266–267]. Последняя осада Фессалоники 1422–1430 гг. завершилась окончательным подчинением города османам [См.: 4, 5]. К тому времени Фессалоника уже 7 лет находилась во власти венецианцев, которые получили город согласно договоренности с греческим правительством в 1423 г. [6, Р. 125].

В то время деспотом Фессалоники был болезненный Андроник¹, третий сын императора Мануила II Палеолога. По сообщению

---

¹ Молодой Андроник предположительно страдал от слоновой болезни, хотя некоторые источники сообщают, что это была либо эпилепсия, либо проказа [См.: 7, Р. 372. Not. 128].

историка Дуки, фессалоникийцы отправили нескольких чиновников к венецианцам с предложением взять город под свое крыло², «с позволения деспота Андроника или без него» [9, S. 247]. Дука, известный своими пролатинскими взглядами, отмечал, что венецианцы с большой радостью приняли данное предложение, пообещав «защищать город, содержать его в достатке и процветании и превратить его во вторую Венецию» [Ibid.].

Фессалоникийцы выдвинули ряд условий, при которых Венеция могла осуществлять власть в городе: жители Фессалоники будут жить согласно византийскому законодательству; архиепископ и духовенство сохраняют свои полномочия; горожане по-прежнему смогут свободно распоряжаться своим имуществом [1, P. 63].

В свою очередь, жители Фессалоники клялись быть верными венецианской власти «так, словно родились и выросли в Венеции» [9, S. 247]. Если говорить о причинах такого беспрецедентного шага со стороны византийцев, то они, вероятно, ожидали таким образом обеспечить городу защиту от турок. С 1422 г. Фессалоника находилась в осадном положении, а местная администрация была не способна организовать сопротивление захватчикам. Не приходилось ждать помощи и от императора, поскольку в том же 1422 г. Константинополь также был осажден турецкими войсками [См.: 10].

В таком ракурсе начало «венецианского» этапа в истории Фессалоники представляется многообещающим и полным надежд. Однако, как будет показано далее, многие горожане довольно однозначно высказывались против латинского владычества, о чем свидетельствует Иоанн Анагност, автор «Повести об окончательном завоевании Фессалоники»³. Как, согласно сообщению Анагноста,

---

² Ранее в историографии бытовало мнение, что Фессалоника была продана за 50 000 золотых монет, однако дальнейшие исследования показали, что город был передан венецианскому правительству на безвозмездной основе [См.: 8].

³ Повествование представляет собой короткую хронику событий осады города, состоит из 22 глав. Ряд исследователей полагают, что сочинение составлено двумя разными людьми — вторая половина произведения, повествующая о судьбе города после его захвата, написана более ярким и богатым языком, но, вероятно, тоже очевидцем описываемых событий. Исследователи также отмечали сходство сочинения Анагноста с другим свидетельством о захвате Фессалоники аvaraми в 904 г., написанным Иоанном Каминиатом [См.: 5; 11; 12, P. 250].

жители Фессалоники воспринимали венецианскую власть и как писатель характеризовал взаимоотношения латинян и греков в осажденном городе — эти вопросы и станут предметом рассмотрения в данной статье.

Сделка оказалась невыгодной для венецианцев: в городе царил голод, снабжение было нарушено, сухопутные подступы перекрыты турецкой армией [13, Р. 64-65]. Архиепископ Симеон Фессалоникийский сообщал, что к 1425 г. положение жителей только ухудшилось: «люди, оставшиеся в городе, были в большой нужде, не хватало хлеба, не было даже годных к употреблению овощей, лишь дикий редис и другие растения, которые не могли бы спасти человеческое тело от голода» [14, Р. 59].

Смерть архиепископа Симеона в 1429 г. еще больше ввергла горожан в уныние. Это подтверждает Анагност, передавая настроения фессалоникийцев: «все в городе — мужчины, женщины, дети, латиняне и даже евреи — скорбно обратились друг к другу, позабыв все остальные проблемы, гнетущие нас» [15, Σ. 10]. Страдающих жителей Фессалоники автор сравнивал с «кораблем, попавшим в шторм и лишенным рулевого» [Ibid., Σ. 10-12]. По словам Анагоста, все они сошлись во мнении, что происходящие события — знак Божьего наказания, поскольку дела горожан становились все хуже и хуже. Недобрым предзнаменованием было и землетрясение, «вселившее ужас в сердца людей» [Ibid., Σ. 16]. Это, по всей вероятности, только усилило желание некоторых жителей бежать из города и сдаться под власть турок [См.: 16].

По отношению же к латинянам горожане проявляли открытую неприязнь. Анагност так писал о настроениях, царивших среди его соотечественников: «Как вы знаете, город страдал от владычества латинян; каждый день они приносили нам одни несчастья, и мы часто говорили друг с другом о том, как избавиться от них, но не было никакого плана, как освободиться от этого отвратительного договора» [15, Σ. 6-8]. Как свидетельствует Анагност, жители Фессалоники воспринимали подчинение венецианцам как испытание. В городе ширились антилатинские настроения, что только усугубляло и без того незавидное положение венецианских властей.

Когда до венецианцев дошла весть о том, что Мурад II двинул под стены города огромную и хорошо оснащенную армию для решающего штурма, латиняне не отнеслись к этому известию серьезно [Ibid., Σ. 12]. Согласно Анагносту, «некоторые думали, что это сообщение могло быть правдиво и надежно, в то время как другие, в особенности латиняне, так не считали, притворившись уверенными в своей правоте» [Ibid.].

Повествуя о событиях 1430 г. — времени, когда город уже несколько лет находился в осаде и его судьба уже вот-вот должна была решиться, — Иоанн Анагност сетовал, что венецианцы до момента финальной осады не заботились об организации должной обороны города. Причину такой медлительности автор видел в том, что «латиняне никогда ранее не сталкивались с турками. Да и могли бы они получить о них какие-либо сведения, когда они родились у моря и жили там до старости, разве что курсируя на своих галерах у собственных границ? Оттого и не были они подготовлены к тем столкновениям и битвам, какие были в обычаях у турецкого рода» [Ibid.]. Очевидно, что автор был невысокого мнения о венецианцах и их способности противостоять турецкой угрозе. Он особо подчеркивал, что греки обладали гораздо большим военным опытом сдерживания восточного соседа.

Когда до финального штурма оставались считанные дни, венецианцы, наконец, начали приготовления. «Прежде всего, — пишет Анагност, — они [латиняне — Н. Ж.] завершили ту работу, которую делали ранее, но с гораздо большей прытью» [Ibid.]. Венецианцы в спешке приступили к возведению баррикад, укреплению стен, учету боеспособных защитников города и пр. Однако, по мнению автора, воины не были готовы к обороне, многие из них не имели оружия и необходимого снаряжения, да и малое их число не позволило бы оказать достойный отпор захватчикам [Ibid., Σ. 14].

Первоначально венецианцы надеялись организовать оборону силами греческого населения, однако, по словам Анагноста, «латиняне, поскольку у них не было выбора (ибо у них не было воинов,

кроме тех, кто был в городе), пришли к неизбежному решению, что им необходимо готовится к войне самостоятельно» [Ibid.].

Вероятно, греки не вызывали доверия у венецианского правительства из-за напряженных отношений между итальянскими властями и местным населением. Это подтверждает Анагност, сообщая, что «те, кто управлял городом, не доверяя нам, разделили нас, латинян и греков, разместив среди нас всяких разбойников, пригрозив смертью любому, кто помыслит о предательстве, назначив для этой цели, как они звались на общем языке, цетариев (τοὺς Τζεταρίους) — они были сборищем разбойников, собранных вместе из разных мест — в качестве стражи» [Ibid., Σ. 20].

Разместив горожан на стенах города, венецианцы сосредоточили силы на укреплении гавани, где стояли три итальянских галеры. Исходя из сообщения Анагноста, многие другие важные участки оказались незащищенными, поскольку венецианцы, не особо заботясь о судьбе греков, были более заинтересованы в сохранении собственных кораблей [Ibid., Σ. 26-28]. Это обстоятельство лишь усугубило пропасть между латинянами и византийцами и внесло смуту в ряды защитников города.

Для турок, по словам автора, переговоры с венецианским правительством Фессалоники не представляли никакого интереса, хотя впоследствии и было отправлено немало послов и с той, и с другой стороны [Ibid., Σ. 18]. Эти сведения подтверждает также историк Дука, сообщая, что венецианцы неоднократно предлагали султану мир, обещая деньги и разного рода уступки. Однако, по мнению писателя, султан даже не пожелал выслушать предложения латинян, лишь заметив: «этот город принадлежит мне по праву рождения. Мой дед Баязид своими руками вырвал его у ромеев. Если бы они одержали надо мной победу, они бы имели право провозгласить: "Он не прав!". Но поскольку вы — латиняне из Италии, с чего бы вам посягать на эти места?» [9, S. 249]. Заметим, что Мурад, действительно желавший договориться с византийцами, таким образом давал венецианцам понять, что им здесь не место, а дела турок и греков касаются только их самих.

Большинство фессалоникийцев, действительно, уже не возражало против сдачи города врагам, к чему их, кроме голода, подталкивали и другие причины. Султан Мурад II неоднократно отправлял в город послов с предложением сдать Фессалонику добровольно, обещая горожанам сохранить их права и имущество. По мнению автора, султан стремился настроить горожан против венецианского правительства, которое в последний момент неожиданно активизировало оборонительные действия: «он отправил некоторых христиан из других городов, которые советовали нам спасти собственные жизни и прилагали усилия, чтобы возбудить нас против латинян» [15, С. 16-18].

Султан, однако, надеялся использовать неприязнь греческого населения к латинянам и не оставлял попыток склонить горожан к подчинению: «он в очередной раз отправил вестника, чтобы пообещать нам свободу и прочие воздаяния, если мы внемлем его словам и сдадим город, заверив нас в форме клятвы, которую они принесут; также он пообещал обратное, а то и хуже, если мы не уступим» [Ibid., С. 20]. Однако увещевания турецких агентов не имели успеха среди греческого населения, как считал Анагност.

Писатель был возмущен этим фактом, поскольку считал последующий захват и разграбление города страшнейшим бедствием. Он сетовал на бездействие и нерешительность греков, выражая свое осуждение их позицией в форме риторических вопросов: «Где вы были, когда Мурад давал свои обещания? Разве вы не были в городе, не слышали тех заявлений, которые были сделаны? Почему вы не дали на то своего согласия? Почему не сделали ничего, чтобы дела ваши соответствовали вашим мыслям? Почему же вы сами не сделали того, за что стыдите других сейчас, когда возможность утрачена?» [Ibid., С. 20-22]. Вероятно, фессалоникийцы, пострадавшие после захвата города, высказывали мысли о том, что лучше было бы сдать город мирным путем, как того просил султан.

Рассуждая о захвате города в 1430 г., Анагност обвинял в трагедии как латинян, так и греков. Первые, по его мнению, заботились

о собственных кораблях и усиленно обороняли гавань, оставив без защиты другие важные объекты. Последние же, снедаемые ужасом, бросили свои посты и укрылись в своих домах. Как заметил писатель: «Вряд ли город бы устоял, но, не случись всего этого, вероятно, он не был бы взят столь легко» [Ibid., Σ. 28].

Когда турки ворвались в город, жители, вынужденные отступить, пытались прорваться в гавань к кораблям. Однако венецианцы, сами спасавшиеся тем же путем, приказали своим верным цетариям блокировать выход к морю, бросив греков на произвол судьбы [Ibid., Σ. 38]. Так латиняне отплатили византийцам за ненависть и неподчинение.

Отношения греков и венецианцев в Фессалонике в период 1423–1430 гг., вероятно, можно охарактеризовать как подозрительные и даже враждебные. Однако трудно сказать, что послужило тому причиной. Источники не оставили нам сведений о притеснениях греческого населения или о конфликтах горожан с венецианской властью⁴. Скорее, здесь сыграло роль давнее неприятие греками латинян.

Не следует удивляться тому, что венецианское правительство не прилагало особых усилий для защиты местного населения. Фессалоника оказалась в руках венецианцев уже весьма в плачевном виде, доставив больше проблем, чем пользы. В свою очередь, византийцы отвечали латинянам неприязнью и нежеланием подчиниться новоиспеченным владельцам города, что не создавало условий для консолидации сил для борьбы с общим врагом. За несколько лет правления венецианцев греческое население так и не смирилось с перспективой жить под властью латинян [5, Р. 300–301].

Вспомним слова Ш. Диля о том, что за триста с лишним лет постоянных отношений с латинянами греческий Восток так и не смог прийти к соглашению с ними [17, С. 670–671]. Стоило ли ожидать, что это вдруг случится за семь?

---

⁴ Единственно, о чем можно с уверенностью говорить, так это о желании венецианских сановников подчинить себе церковную юрисдикцию Фессалоники [См.: 13, Р. 103–104].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vacalopoulos A. E.* A History of Thessaloniki / Transl. by T. F. Carney. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 1972. 152 p.
2. *Dennis G. T.* The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // *Orientalia Christiana Periodica*. 1967. Fasc. 1. P. 72-88.
3. *Dimitriades V.* Byzantine and Ottoman Thessaloniki // *Byzantinische Forschungen*. 1991. Vol. 16. P. 265-273.
4. *Dennis G. T.* The Second Turkish Capture of Thessalonica // *Byzantinische Zeitschrift*. 1964. Bd. 57. H. 1. S. 53-61.
5. *Vryonis S.* The Ottoman Conquest of Thessaloniki in 1430 // *Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society*. Birmingham, 1986. P. 281-321.
6. *Melville-Jones J. R.* Venice and Thessalonica 1423–1430: the Greek Accounts. Padova: Unipress Padova, 2006. 214 p.
7. *Barker J. W.* Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick; New Jersey: Rutgers University Press, 1969. 614 p.
8. *Τσάρας Γ.* Ἡ Θεσσαλονίκη ἀπό τοῦς Βυζαντινοῦς στοῦς Βενετσιάνους (1423–1430) // *Μακεδονικά*. 1977. Τ. 17. Σ. 85-123.
9. *Dukas.* *Historia Turco-Byzantina (1341–1462)* / ed. V. Grecu. Bucarest: Editura Academiei Republicii Populare Romine, 1958. 503 s.
10. *Куц Т. В.* Турки под стенами Константинополя (1422): образ врага в восприятии защитников города // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2015. № 4 (145). С. 105-115.
11. *Τσάρας Γ.* Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονωδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή — κείμενο — μετάφραση — σχόλια. Θεσσαλονίκη, 1958. 104 σ.
12. *Бибигов М. В.* Историческая литература Византии. СПб.: Алетея, 1998. 317 с.
13. *Necipoglu N.* Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and Society in the Late Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 350 p.

14. *Symeon of Thessalonica*. Λόγος εἰς τὸν ἐν ἁγίοις μέγιστον ἀθλητὴν καὶ μυροβλύτην Δημήτριον ἐν ἱστορίας τύπῳ τὰ νεωστὶ αὐτοῦ γεγονότα διηγούμενος θαύματα / Balfour D. Politico-Historical Works of Symeon Archbishop of Thessalonica (1416/17 to 1429). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. 319 s.
15. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονωδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης / Τσάρας Γ. Ἰωάννου Ἀναγνώστου Διήγησις περὶ τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης. Μονωδία ἐπὶ τῇ ἀλώσει τῆς Θεσσαλονίκης. Εἰσαγωγή — κείμενο — μετάφραση — σχόλια. Θεσσαλονίκη, 1958.
16. Жигалова Н. Э. Конформизм греков в условиях турецкой экспансии: взгляд поздневизантийских писателей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2015. № 4 (145). С. 116-124.
17. *Диль III*. Византийские портреты. Т. 2. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2011. 744 с.

II

ДИНАСТИИ И МОНАРХИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

БЕСПАЛЬЧИКОВА Я. Е.

Санкт-Петербургский государственный университет

МАВЗОЛЕЙ ТЕОДОРИХА ВЕЛИКОГО КАК ФИНАЛ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ

Символика, которая окружала в Средневековье кончину и погребение государя, не менее выразительна, богата, разнообразна и значима, чем символизм вокруг фигур живых властителей. В захоронении выражался финальный этап репрезентации власти правителя, последняя возможность указать на его статус и выразить его притязания. В изучении funerальных практик и их символизма представляет особый интерес анализ этих практик в эпоху перехода от поздней Античности к раннему Средневековью, поскольку именно в это время стоит искать корни основных направлений их развития в последующие века. Кроме того, безусловный интерес представляет изучение репрезентации власти италийских властителей, поскольку именно через Италию, начиная с IV в., шла трансляция византийского влияния на Западную Европу. Эти два обстоятельства заставляют обратить внимание на фигуру Теодориха Великого — первого собственно средневекового правителя Италии в эталонных рамках периода.

Теодорих стал тем государем, который не просто во многом заменил для жителей Италии императора, единственного возможного для нее властителя, создав жизнеспособную политическую структуру, но и освоил искусство репрезентации собственной власти. Магистральные тенденции репрезентации его власти сводились к следующему. С одной стороны, королю было необходимо показать своим романским подданным, что он достойный восприемник власти западных императоров, с другой — не дать восточному императору заподозрить себя в посягательстве на равный с ним титул и, наконец, продемонстрировать, что император выше Теодориха

настолько, насколько он сам, учившийся в Константинополе, как управлять римлянами («...*quemadmodum Romanis aequabiliter imperare possimus*») [8, I, 1], выше других варварских лидеров.

Возведение мавзолея, произошедшее, по сообщению Анонима Валезия, по воле самого короля [7, XVI. (96)], стало посмертным финалом репрезентации его власти — конечной возможностью внести последние штрихи в репрезентацию собственной власти, создав ее нетленный образ.

Специфику этого финала мы сможем понять, если рассмотрим с одной стороны то, в какой традиции хоронили лидеров варварского мира, близких по статусу к Теодориху, с другой — насколько его погребение было похоже на захоронения императоров того же времени.

Принципиальное значение для развития традиции захоронения самых значимых персон эпохи Поздней Античности — императоров, начиная с середины IV в., сыграло погребение Константина Великого. Оно детально описано в труде Евсевия Кесарийского, посвященном деяниям этого императора. Поэтому исследователи до тонкостей могут изучить обряд погребения, ставший образцовым на несколько последующих веков. Константин был первым императором, который умер крещеным, то есть первым властителем Империи — всего цивилизованного мира, который принял смерть, будучи христианином. Очевидно, никаких ритуалов, которые должны были провожать в мир иной подобного владыку и окружать почетом его тело, просто не существовало. Придворные «церемонейстеры» столкнулись в этом случае с поистине нетривиальной задачей, с которой они прекрасно справились.

Тело императора с большими почестями было перенесено в возвеличенный им город и выставлено во внутренней зале дворца, где в течение некоторого времени (до прибытия детей императора) происходила грандиозная имитация ежедневной придворной жизни. Все вокруг шло так, как будто император жив. Знаменательно, что Евсевий считает выставление тела Константина и бдение подле

него стражи новым явлением в традиционной процедуре принесения последних почестей правителю. То есть речь идет о введении нового ритуала — об оказании же мертвому тех же почестей, что и живому, Евсевий пишет: «*Одному только ему от начала мира Бог даровал такую честь*» [5, IV, 67].

Евсевий Памфил рисует картину достаточно проработанных ритуалов прощания с почившим императором, причем императором-христианином, который на долгие века стал образцом для подражания, эталоном христианского государя. Захоронен Константин был в гробнице, которую он сам «приготовил» для себя в выстроенном по его же приказу храме св. Апостолов в Константинополе. Сама процедура захоронения так же описывается Евсевием, причем очень подробно на фоне других источников IV–V вв., в которых практически не освещаются подобные темы. К месту последнего успокоения его приносят воины, которыми командует его сын, остальные члены семьи так же присутствуют. После ухода семьи и войск, проходит торжественная церковная служба при большом стечении народа — еще один жест в сторону новой веры почившего. Христианский епископ, Евсевий ничего не пишет о чувствах и переживаниях язычников, которые видели, как новая вера меняет одну из важнейших церемоний касавшихся стержня римской государственной религии — императора.

Если взглянуть на текст, оставленный нам Евсевием Кесарийским, с точки зрения тех антропологических изысканий, начало которым было положено в том числе Ф. Арьесом, то можно заметить несколько важных моментов. Захоронением в церкви, в черте города, Константин порывает с античной традицией четкого разделения мертвых и живых, расположения погребений вне черты действующих поселений. Кроме того, это серьезное отступление от представлений о том, что присутствие мертвого оскверняет священное место. Многие императоры от Констанция II до Анастасия, а позднее и василевсы IX–X вв., были захоронены в гробнице Константина, а не в собственных часовнях на территории того же храма св. Апостолов.

Кроме того, усыпальница Константина, чье устройство изначально предполагало место упокоения иных лиц, может быть началом как традиции захоронения «у святого», так и в отдельной усыпальнице знатного человека. Императоры, которые будут править на Востоке и на Западе в V в. поддержат эту традицию: все представители династии Феодосиев будут лежать или в храме св. Апостолов или в императорских храмах-усыпальницах Рима и Медиолана [9].

Традиции захоронения императора-христианина, заложенные погребением Константина Великого, отрабатывались на протяжении IV–V в. Описание этого захоронения было, вероятно, первым описанием практик обращения с мертвым телом усопшего правителя, на которое могли ориентироваться те, кто организовывал в 526 г. похороны Теодориха, или он сам, если помимо строительства мавзолея отдавал распоряжения на этот счет. Только на основании личного опыта эти люди не могли помнить, как хоронили императоров в Италии. Последний такой государь умер в середине V в. — слишком давно, чтобы в 526 г. еще были в живых свидетели. Возможно, кто-то из них бывал в Константинополе и был знаком с продолжавшимися там традициями императорских погребений. Однако они, так или иначе, генетически восходят именно к рассмотренному выше захоронению Константина.

Однако Теодорих, о процедуре погребения которого нам ничего не известно, очевидно, не мог быть захоронен полностью как император, так как им не являлся, хотя элементы традиций императорского захоронения осознанно могли быть взяты на вооружение и им самим, и теми, кто готовил короля к последнему упокоению. Не стоит так же забывать, что Теодорих был германским, варварским королем, рожденным как плоть от плоти *«аристократической культуры пограничья Восточно-Римской империи эпохи переселения народов»* [2, С. 31], представителем особой военной элиты. Эта элита отмечена своеобразной культурой захоронений — создания привилегированных или «вождеских» погребений, которые и позволяют изучать особенности этой культуры.

Здесь стоит привести несколько основополагающих черт этих погребений, поскольку необходимо понять, как именно был бы захоронен Теодорих полностью согласно традициям культуры, в которой он родился и вырос. Первое и самое главное — это сочетание греко-римских и варварских элементов в погребальном обряде, характерное для этой надплеменной вождеской культуры. Германская культурная традиция предполагала выражение статуса покойного с помощью престижных предметов, которые становились частью погребального инвентаря. Такими статусными предметами было оружие, части конского снаряжения или даже сами кони, золотые браслеты и фибулы особого вида, например, использовавшиеся в Империи как опознавательный знак носителя определенного военного звания — фактически, инсигнии, отправленные императором (одно из крупных исследований последних лет о значении инсигний, отправляемых восточными императорами — Е. Nechaeva «Embassies — Negotiations — Gifts» [10]). В римской традиции *«привилегированный статус погребенного выражался в богатстве могильных сооружений (мавзолеи, саркофаги, погребальные мозаики и надписи)»* [3, С. 278] при почти полном отсутствии погребального инвентаря.

Другой важнейшей чертой было выделение «на местности» погребения значительного лица. Часто такие погребения имели *«курганные насыпи и сопровождалась конскими захоронениями»* [3, С. 384], причем к востоку от Рейна это могли быть даже погребения вождей средней важности, тогда как к западу — только если речь шла о княжеских и королевских захоронениях. Так же играло роль расположение могилы в некрополе, например, погребение значимого вождя могло дать начало новому кладбищу.

К нашему времени найдено и описано достаточное количество памятников, которые позволяют понять, какими были захоронения ключевых фигур варварского мира в V в., то есть тех, на кого мог ориентироваться Теодорих в конце своей жизни. Здесь мы остановимся только на двух из них и подробно рассмотрим знаменитую

могилу Хильдерика в Турне и не менее известное княжеское захоронение в Концештах (Румыния).

Найденное в 1808 г. на правом берегу реки Прут изолированное вождеское захоронение в Концештах — *«по степени богатства одно из самых значительных в европейском Барбарикуме гуннского времени. Не исключено даже, что речь идет об особе королевского ранга»* или же о гуннском наместнике в данном регионе. *«Сводчатый склеп, сложенный из тесанного камня и выложенный плитами»* [2, С. 29] возвышался над могилой, в которую были положены парадное оружие, пиршественный столовый прибор, складной стул — статусные предметы, как и захоронение коня, обнаруженное справа от гроба. Таким образом, очевидно то соединение погребальных традиций, о котором было сказано выше: склеп, взятый из римской традиции, соседствует с конским захоронением и германскими статусными предметами.

Другое уже без сомнения королевское захоронение — погребение Хильдерика в Турне (481/482 гг.). Погребальный инвентарь отражает то смешение имперской и варварской традиции, которая вообще характера для подобных погребений. В его составе были найдены перстень-печатка с надписью «Childerci Regis» и портретом *«владельца с копьем в руке, в панцире, с длинными волосами на прямой проборе»*, золотой «королевский» браслет, три золотые фибулы римского должностного лица, наконечник копья, топорик-томагавк (так называемая «франдиска»), умбон щита, *«два меча — длинная широкая спата и более короткий однолезвийный скрамасакс. Ножны и рукояти обоих были выполнены в технике клуазоне с гранатами»* [6, С. 360]. Так же было найдено множество римских монет и мелких украшений, в том числе знаменитые бляшки-«кузнечики» в технике клуазоне. Характерно *«присутствие в инвентаре символов власти — золотого «королевского» браслета, именного перстня-печатки, а также римской фибулы высшего чиновника и, наконец, экипировки, типичной для римского генерала поздней Империи. Похоже, что в состав инвентаря входил и скипетр. Интересно, что если фи-*

була, скипетр и перстень-печатъ являются характерными атрибутами римского чиновника (Хильдерик был губернатором провинции Бельгика II), то золотой браслет и набор оружия являются типично германскими символами власти» [3, С. 272-273]. Другой важнейшей чертой могилы Хильдерика был большой курган, вокруг которого было размещено 21 захоронение лошадей. М. М. Казанский и П. Перен видят в этом влияние тюрингской супруги Хильдерика — королевы Базины, «привезшей на Запад аристократические гуннские обычаи» [3, С. 274].

Теодорих же был знаком с этими обычаями с детства: остготы долгое время пробыли под властью гуннов и многое переняли у них, прежде всего в области военного искусства, коневодства и оружия, в сфере мифологии и концептуальной религиозности [4]. Иными словами, великого короля готов вполне могли похоронить как Хильдерика, разве что еще более пышно и с использованием большего количества римских элементов. Для народа, воинственное прошлое которого еще было живо, и связи с ним, как мы это уже видели, постоянно подчеркивались Теодорихом, было естественно похоронить того, кто воспринимался ими еще при жизни как величайший предводитель, сопроводив захоронение всеми атрибутами такого человека: конскими захоронениями и богатейшим военным инвентарем. Однако реальность, как мы знаем, весьма отлична от подобных представлений и ожиданий. В Равенне до сих пор возвышается мавзолей Теодориха, построенный при его жизни и по его замыслу.

Мавзолей был возведен сирийским архитектором в виде ротонды, увенчанной куполом, как и усыпальница Константина в одноименном ему городе и мавзолей Адриана в Риме. Его слагают отдельные блоки итальянского мрамора и известняка, привезенного с Дуная. В верхнем помещении, в котором есть прямоугольная ниша, где во времена, когда мавзолей использовали в качестве часовни, находился небольшой алтарь, стоял саркофаг с останками короля. Нижний этаж — сводчатое помещение в форме греческого

креста — был предназначен для размещения других саркофагов — для членов семьи Теодориха или других лиц, которые, как предполагалось, будут удостоены того, чтобы покоятся там. Так же было сделано в равенском мавзолее Галлы Плацидии», а также в усыпальнице Константина.

Вокруг купола были расположены фигуры двенадцати апостолов [6, С. 305], теперь сбитые. Эта деталь так же, как и форма ротонды и наличие места для других саркофагов, роднит мавзолей Теодориха с усыпальницей Константина, описанной Евсевием. В ней стояло двенадцать ковчегов по числу апостолов и среди них — гроб самого императора так, что по обе стороны от него оказалось по шесть «гробов» апостолов. Нельзя не признать, что, безусловно, замысел Теодориха был не столь претенциозным.

Все мозаики, которыми изнутри были украшены стены мавзолея, были сбиты и до нас не дошли. Однако учитывая, что мавзолей был построен в Равенне — в крупном центре со своей школой мозаичистов, довольно большое количество работ которых сохранилось до наших дней, можно хотя бы в общих чертах представить себе внутренний облик усыпальницы Теодориха. Вполне возможно, что одним из образцов для его создания послужил мавзолей Галлы Плацидии, возведенный в Равенне еще в середине V в. Его мозаичный ансамбль — жемчужина монументального искусства Италии V в. Обнаруживающиеся уже там мотивы превращения Христа в бога-победителя, триумфатора были, по всей видимости, созвучны германской ментальности остготов. Их использование в оформлении мавзолея Теодориха было более чем ожидаемым, однако в данной области, к сожалению, не приходится оперировать чем-либо, кроме догадок и предположений.

Мавзолей Теодориха был пуст уже в IX в. [1, С. 476], никаких упоминаний о том, кем и при каких обстоятельствах он был разграблен, до нас не дошло. Следовательно, не приходится и говорить о погребальном инвентаре, который сопровождал тело почившего короля. Однако сам факт существования этого инвентаря вызывает

сомнения, поскольку нам известны обращения Теодориха к знатым готам «с призывом совершать погребения по римскому обычаю, в мавзолеях, а не с вещами» [8, IV, 34]. В случае отсутствия инвентаря в гробнице Теодориха мы можем говорить о полном разрыве с традицией вождеских захоронений.

Мавзолей символизирует финал жизни Теодориха: то, кем он стал, по сравнению с тем, кем он родился. Он означает полный разрыв сына Тиудимира с культурой, в которой он появился на свет и был воспитан — культурой римско-варварской имперской военной элиты. Можно сказать, что в смысле выбора места последнего упокоения, Теодорих был похоронен как император, чьего титула он никогда не носил при жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Пер. с нем. Б. П. Миловидов, М. Ю. Некрасов / Под ред. М. Б. Шукина, Н. А. Бондарко и П. В. Шувалова. СПб.: Ювента (Историческая библиотека), 2003.
2. *Казанский М. М.* Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его исторический контекст // Империи и периферии / *Tractus Aevorum*, Т. 1, 2014.
3. *Казанский М. М., Перен П.* «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований / Краткие сообщения института археологии, выпуск 234. М.: Языки славянской культуры. Знак, 2014.
4. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства / Сокр. пер. с ит. В. П. Гайдука; Вступ. Статья и общ. ред. В. И. Уколовой, Л. А. Котельниковой. М.: «Прогресс», 1987.
5. Четыре книги Евсевия Памфила, епископа Кесарии Палестинской о жизни блаженного василевса Константина. Перев. СПб Духовной Академии, пересм. и испр. В. В. Серповой, примеч. А. Калинин. М.: изд. группа Labarum, 1998.
6. *Шукин М. Б.* Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005.

7. Excerpta Valesiana, Pars II. Recensvit Jacques Moreav. Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana. Academia Scientiarum Germanica Berolinensis. Lipsiae in Aedibus B.G. Teubneri, 1961.
8. *Cassiodori Senatoris. Variae.* Recensvit Theodorus Mommsen. Monumenta Germaniae Histotica, Tomus XII, Berolini MDCCCXCIV.
9. *Jonson M. J.* On the burial places of the Theodosian dynasty // Byzantion, T. 61.2. Bruxelles, 1991.
10. *Nechaeva E.* Embassies — Negotiations — Gifts: Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity, Steiner (Franz), 2014.

ЦЕРКОВНЫЕ ЛИДЕРЫ ПЕРЕД КОРОЛЯМИ ВАРВАРОВ В СЕРЕДИНЕ V ВЕКА: ПОСОЛЬСТВА ЛЬВА ВЕЛИКОГО И СЕВЕРИНА НОРИКСКОГО

V век становится вызовом для римской истории. В это время на территориях Запада появляются новые политические образования, с которыми римлянам необходимо было взаимодействовать. Перипетии Великого переселения народов порой приводили к тому, что варвары открыто вторгались на территорию империи. Кроме того, появляется новая сила, которая претендовала на то, чтобы стать одним из лидеров общества — христианская церковь. Порой деятели церкви должны были выполнять различные миссии, исполнение которых раньше ожидалось от гражданских магистратур. Среди подобных поручений мы находим участие в переговорах между осажденным городом и осаждающими.

Вполне естественным образом встает вопрос о том, по чьей инициативе совершались эти миссии. Ответ на этот вопрос касается не только существовавших в эпоху поздней Античности форм дипломатического общения, но и степени самостоятельности епископской власти в городах. Важно понять, насколько эти посольства совершались по инициативе самих клириков, или за этим участием клириков в дипломатических миссиях стоит инициатива гражданских властей. Для этого имеет смысл обратиться к конкретным сюжетам, в частности нескольким миссиям, совершенным Львом Великим, римским епископом, Северином Норикским и некоторыми другими владыками. Так же, на наш взгляд, стоит привлечь сообщения об осаде Рима Аларихом для понимания сути процессов переговоров между осажденными и осаждающими.

Наиболее известны миссии, совершенные римским епископом Львом (годы служения 441–467). Он дважды принимал участие в посольствах, отправленных к угрожавшим городу варварским правителям. В 452 г. Лев был участником миссии к Атилле. Под угрозой взятия и разграбления Рима, правительство Валентиниана III решается на отправку послов, среди которых был и Лев. Проспер Аквитанский, автор продолжения Хроники Иеронима, пишет, что решение об отправлении посольства было принято на совете императора и Сената (*consilia principis ac senatus populique Romani*, §1367) [1, P. 482]. К сожалению, другие источники об этом событии практически не упоминают, за исключением готского историка Иордана. В *Гетике* (§223), отстоящей на столетие от описываемых событий, Иордан пишет, что Лев был единственным послом и не указывает инициаторов посольства [2, С. 158]. Другие, в основном восточные, версии этой осады делают особый упор на болезни в лагере Атилы и экспедицию восточного полководца Аэция, готовую ударить в тыл гуннам [3, P. 360-362].

Другой, внешне похожей на первую, миссией епископа Льва было посольство, к Гейзериху, королю вандалов. Сообщения об этой миссии остались лишь у Проспера. В 455 г. император Петроний Максим, сменивший убитого по его приказу Валентиниана III, сам был убит, не процарствовав и трех полных месяцев. Пользуясь фактическим безвластием в Западной империи, Рим осаждает войско вандалов. Единственной силой, согласно Просперу, которая решается на переговоры с вандалами, становится предстоятель Римской церкви. Епископ выходит навстречу Гейзериху, еще бывшему неподалеку от Рима. Тот не смог отказать папе в аудиенции. Лев умоляет правителя вандалов воздерживаться от огня, убийств и мучений, фактически обменивая жизни горожан на легендарные богатства Рима. Тот соглашается на подобный обмен. Вандалы входят в Рим в конце мая и начинают двухнедельный грабеж. Проспер, говоря об успехе посольства, настаивает, что сделка состоялась благодаря авторитету Льва [1, P. 484]. Вполне возможно, что хронист, будучи

секретарем Льва, стремился как можно полнее отразить деяния и роль своего патрона в этих двух миссиях, а кое-где и придать ему дополнительного веса. Но, как честный автор, Проспер не оставляет в безвестности, например, других участников посольства 452 г. В случае со вторым посольством Льва император, инициатор предыдущего посольства римского епископа, был убит, а новый еще не был избран. Возможно, в Риме оставались сенаторы, но источники [4, Р. 158, п. 2], описывая ситуацию после убийства Максима, оставляют ощущение полной неопределенности, присутствуют ли члены Сената в Риме в момент захвата города или нет. Таким образом, вопрос о степени самостоятельности Льва открыт. В литературе есть точка зрения, что Лев был абсолютно самостоятелен в совершении этого посольства [4, Р. 157-158], Однако с ней сложно согласиться.

Согласно стандартной посольской практике того времени, назначение посла в рамках римской парадигмы власти должно было быть коллегиальным. В случае межгосударственного посольства посла назначает император, а утверждает сенат [4, Р. 248, 5, Р. 231-234; 6. Р. 25]. В случае местного посольства назначение посла целиком и полностью отдается в руки местных органов власти [5, Р. 236].

Похожий на второе посольство Льва эпизод обращения церковного лидера к королю варваров сохранился в «*Житии святого Северина*» [7]. Этот святой был одним из важнейших деятелей 60-80-х гг. V в. на территории бывшей римской провинции Норик. В его *Житии* есть эпизод, обстоятельства которого напоминают посольство Льва к Гейзериху. Король ругиев Фелетей (Фева), бывший арианином, решил переселить жителей города Лавриак на контролируемые им территории и заставить платить ему за оборону от прочих варваров. Все горожане (*universi*), боясь разорения, попросили Северина выступить их защитником и смягчить душу короля. Северин согласился и лично вышел навстречу правителю, бывшему неподалеку от его местопребывания. Король явно не был настроен для переговоров и, сославшись на усталость от перехода, пытался от них уклониться. Северин же, напомнив правителю ругиев о воз-

даянии за милосердие, просил его отдать римлян под покровительство самому Северину. Король пытался возразить святому, но тот, упрекнув его в слабости, настоял на своем мнении и получил желаемое [7, Р. 23-24]. По итогам этого посольства жители Лавриака получают защитника не только в своих глазах, но и в глазах королевской власти ругов. Здесь мы видим, что инициатива в назначении посольства принадлежит не церковному лидеру, а общине, скорее всего ее светским властям. Слово *universi* Евгиппием используется еще один раз, когда тот описывает переселение норикцев в Италию (XLIV глава). Скорее всего этот термин относится к объединению представителей нескольких общин в одну. Так в главе XXXI упоминается, что в Лавриаке собраны представители городов, уже разоренных варварами (*cunctorum reliquias oppidorum, Lauriacum se per dei famulum contulisse*). Можно сблизить в случае XXXI главы термины *plebs* [5, Р. 60], которым Евгиппий обозначает куриалов при заключении договоров между городом и варварами и *universi* в силу практически одинакового контекстуального содержания терминов.

Второе посольство Льва и миссия Северина схожи в ключевых деталях. Миссии отправляются в острые кризисные моменты, во главе их мы фигуру признанного церковного лидера. Оба посольства имеют целью добиться от правителя варваров милосердного отношения и добиваются: разрешение конфликта является относительно успешным. Миссию Северина от второго посольства Льва отличает упоминание инициаторов посольства.

Наиболее ярким и подробным примером переговоров между осаждающими и осажденными для V в. является прекрасное описание осад Рима в 408–410 гг. Аларихом, сохранившееся у Зосима, автора конца V в. Этот источник довольно четко дает понять, кто же в моменты осады был инициатором переговоров с осаждающими. Зосим приводит сведения о переговорах римлян и Алариха во время одной из них. Рим отправляет посольство только в самый критический момент, причем инициатива в отправлении явно принадлежит Сенату. Между прочим заметим, что Сенат отправляет

послом к императору Гонорию римского епископа Иннокентия [8, С. 236-240]. Из всех сообщений Зосима о переговорах между Римом и Аларихом видно, что в случае, когда сенат является единственным органом власти в городе, то ему принадлежит инициатива отправления послов.

Таким образом, становится видно, что для отправления официального посольства осажденному городу требовалась санкция муниципальных властей. Лев в 455 г., скорее всего, получил такую санкцию от сенаторов, но не ясно, было ли решение коллегиальным. Тем не менее, говорить о самостоятельности инициативы епископа по формированию и отправлению посольства в середине V в. еще рано.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Prosper Tiro*. Epitoma chronicon // MGH, AA 9. Ed. T. Mommsen. Berlin, 1892.
2. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Скржинской Е. Ч. СПб., 2000.
3. *Burgess R. W.* A New Reading for Hydatius «Chronicle» 177 and the Defeat of the Huns in Italy // Phoenix, Vol. 42, No. 4, 1988. P. 357-363.
4. *Becker-Piriou A.* Modalités des relations diplomatiques romano-barbares en Occident au Ve siècle (416–497). Thèse de doctorat en Sciences. Vol. I. Strasbourg, 2006.
5. *Gillett A.* Envoys and Political Communication in the Late Antique West, 411–533. Cambridge, 2003.
6. *Nechaeva E.* Embassies — Negotiations — Gifts: Systems of East Roman Diplomacy in Late Antiquity. Stuttgart, 2014.
7. *Eugippius*. Vita sancti Severini // MGH, AA 1. Vol. 2. Ed. H.Sauppe. Berlin, 1877.
8. *Зосим*. Новая история / пер. Болгова Н. Н. Белгород, 2010.

СВЯТОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПРОРОЧЕСТВО СВЯТОГО КОЛУМБАНА

Христианский культ святых являлся одним из ключевых элементов народной религиозности, и многие средневековые святые, чей культ не выходил за пределы небольших общин, почитались лишь за их чудодейство [1, С. 70 ff]. Однако некоторые святые приобретали исключительную значимость среди высокопоставленных лиц, и тогда проявления святости, запечатлевшиеся в житиях, становились более разнообразными и изобретательными. Особый интерес представляют видения и пророчества. Никто не сомневался, что святые, благодаря своей близости к Богу, могли знать то, чего другим знать не дано. Это знание касалось судеб отдельных людей и целых государств. Нетрудно догадаться, что в руках агиографа, пишущего *ex post facto*, подобный сюжет превращался в могущественный инструмент легитимации событий недавнего прошлого. Именно в таком качестве мы проанализируем один из самых ранних и самых ярких примеров использования пророчества в меровингской агиографии — в «Житии святого Колумбана».

Житие было написано между 639–643 гг. Ионой, монахом монастыря Боббио. Описывает оно, как водится, деяния и чудеса святого Колумбана — ирландского монаха-пегрегина, основателя крупной монашеской сети в Бургундии и Северной Италии. На континенте Колумбан провел около четверти века (ок. 590 – 615 гг.), и его активная монастырская деятельность, приведшая к основанию четырех обителей (Люксёй и Боббио — крупнейшие из них), протекала на фоне разного рода контактов с правителями трех франкских королевств.

«Житие св. Колумбана» является самым ранним источником по событиям, происходившим в меровингских землях в 612–613 гг., когда в результате ряда конфликтов и случайностей пали королевские дома двух из трех франкских королевств, и государство было объединено под властью Хлотаря II, короля Нейстрии. В «Житии» пророчество Колумбана, данное трем королям персонально, занимает одно из центральных мест, поскольку оно является логической частью сюжета о конфликте святого с Теодорихом II, королем Бургундии, и его бабкой Брунгильдой. Попав в опалу за отказ проявить лояльность правящему дому и чрезмерную самостоятельность в монастырских делах, Колумбан предсказал Теодориху падение его королевства и уничтожение всего его королевского рода [2, Р. 190]. Затем, когда Колумбан пребывал в Нейстрии, между Теодорихом и его братом Теодобертом, королем Австразии, вспыхнула ссора. Каждый попытался заручиться поддержкой нейстрийского короля. Но Хлотарь, которого Иона изображает исключительно благочестивым государем, спросив совета у божьего человека, узнал, что невмешательство позволит ему обрести власть над обоими королевствами [2, Р. 207]. Так потеря трона была заочно предсказана и Теодоберту. Но и он получил личное пророчество: Колумбан открыл ему, что, добровольно или принудительно, он сделается клириком [2, Р. 218]. Эта часть пророчества, как и сами отношения Колумбана с Теодобертом носит более нейтральный характер по сравнению с двумя предыдущими.

Стоит ли говорить о том, что все эти предсказания с точностью осуществились? Описанию их исполнения Иона посвятил две главы. Одна из них повествует о том, как Теодорих в 612 г. нанес поражение Теодоберту. Победенный, в соответствии с предсказанием, был насильственно рукоположен в клирики, а затем убит по приказу Брунгильды. Следующая глава посвящена триумфу Хлотаря. Неожиданная смерть Теодориха от дизентерии, разумеется, толкуется Ионой как божественная кара за совершенные грехи. Брунгильда попыталась сохранить положение, возведя на престол своего прав-

нука Сигиберта II, но его войско было разбито Хлотарем, а сам он вместе с братьями и прабабкой был взят в плен. Умерщвление мальчиков и жестокая казнь Брунгильды ознакомили исполнение пророчества Колумбана для всех трех королей: «один из трех вместе со своим родом был целиком уничтожен, другой насильственно был сделан клириком, третий возвысился владением и господством над тремя королевствами» [2, Р. 220].

Но конечно, все это было написано в 640-х гг., когда объединение франкского государства под властью Хлотаря было свершившимся фактом. А историю, как известно, пишут победители. Поэтому сюжет пророчества оказался весьма на руку Ионе, ведь если рассматривать три его части как единое целое, то обнаружится его явный пронестрийский характер.

Анализ ряда письменных памятников времен Хлотаря II и его сына Дагоберта I показывает, что во франкском государстве была начата широкомасштабная кампания по *damnatio memoriae* — проклятию памяти семейства Брунгильды [3, Р. 195-196]. Первой ласточкой этой традиции стал Парижский эдикт, изданный Хлотарем в 614 г., который, среди прочего, подтверждал некоторые установления, принятые «доброй памяти... королями Гунтрамом, Хильпериком и Сигибертом» [4, Р. 22], полностью игнорируя всю законодательную деятельность Брунгильды, ее сына Хильдеберта и ее внуков. За этим последовала агиографическая традиция, в русле которой оказалось и «Житие св. Колумбана» [cf. 5, Р. 632-637; 6, Р. 51-52; 7, Р. 327-328]. Сама королева была обвинена в смерти десяти меровингских королей, начиная от ее мужа Сигиберта, заканчивая сыновьями Теодориха [8, Р. 141-142]. Кроме того, *damnatio memoriae* также подразумевало, что, хотя Хлотарь не был задействован в основании ни одного из трех бургундских монастырей Колумбана, они стали прославлять его как своего главного благодетеля.

Таким образом, пророчество позволило Ионе засвидетельствовать лояльность монастырей Колумбана Хлотарю и Дагоберту. И сделать это действительно стоило, ведь в годы их правления

колумбанианская сеть стала насчитывать около ста обитателей [9, С. 101], а ее особое положение закреплялось королевскими привилегиями. Так, по сообщению Ионы, незадолго до смерти Колумбан написал Хлотарю письмо, прося королевской поддержки и защиты [2, Р. 223]. Король, памятуя о лояльности Колумбана в годы междоусобицы, выполнил его просьбу. Позднее привилегии Люксёя были подтверждены хартией Дагоберта [10, Р. 33-34].

Нужно также отметить, что пророчество Колумбана Теодориху не только вынесло приговор в отношении грешника-короля, но и фактически осуществило его символическое низложение. В частности, незадолго до того, как предсказать Теодориху гибель его семьи, Колумбан отказался благословить его сыновей, аргументируя это тем, что они родились вне законного брака [2, Р. 187-188]. Оба этих действия можно рассматривать как инвертированный ритуал королевской инаугурации. Эту любопытную идею предлагает Т. Чарльз-Эдвардс, основываясь на том, что в библейской и ирландской традиции пророчество о судьбе правителя, следующее за его благословением на царство, могло служить одной из форм инаугурации [11, Р. 360-361].

Один из наиболее ярких примеров тому встречается в житии тезки, земляка и старшего современника Колумбана — святого Колумбы (521–597). Так, Адомнан, автор жития, рассказывает о том, что Колумба предсказал королю Айдану, кто из его сыновей унаследует королевство Дал Риادا. Указав на ребенка, «избранного Богом», — будущего короля Эохайда I — святой «поцеловав, благословил его и сказал отцу: «Этот останется в живых и как король после тебя будет править, и сыновья его после него будут править» [12, Р. Р. 98-99]. Как видно, этот эпизод с точностью протигвоположен эпизоду из жития Колумбана. Это неудивительно, ведь действия Колумбана должны были продемонстрировать непризнание права Теодориха и его детей на престол.

Вообще, право наследования нередко становилось предметом пророчеств, подтверждением чему может служить «Житие св. Кут-

берта», написанное Бедой Достопочтенным. Кутберт, епископ Линдисфарнский (634–687) был не менее прославленным чудотворцем, чем Колумба и Колумбан, и ему также была дарована способность пророчествовать. Он, в частности, предсказал скорую смерть Эгфрида, короля Нортумбрии, а на вопрос его сестры, аббатисы Элфледы, о том, кто станет наследником, святой указал на побочного брата короля — изгнанника Элдфрида [13, Р. 234–238]. Кутберт куда более терпим к незаконнорожденным детям в том, что касалось их права на престол, хотя, и здесь есть основания для спекуляций относительно его беспристрастности [cf. 14].

Эти примеры позволяют раскрыть дополнительные смыслы, придававшиеся пророчеству в агиографии. Так, помимо своекорыстного прославления патронов, оно могло иметь функцию ритуального освещения или напротив дискредитации власти, а также признавалось легитимным основанием права престолонаследия.

Понимание пророчества святого как инструмента легитимации также подчеркивает такой аспект святости, который как правило меркнет на фоне многочисленных чудес по евангельским мотивам. Речь идет о способности святого вершить судьбы сильных мира сего — способности, восходящей к образам ветхозаветных пророков. Такая коннотация позволяет сгладить эффект неприкрытой ангажированности текста, ведь пророки не встают ни на чью сторону, но провозглашают божественную истину. Иона не проводит прямых параллелей между предсказаниями Колумбана и библейскими текстами, однако при желании можно обнаружить любопытные реминисценции из книг пророков. В частности, судьба Брунгильды и ее потомков имеет отражение в пророчестве Исаии о падении Вавилона, где есть такие строки: «Во веки не помянется племя злодеев. Готовьте заклятие сыновьям его за беззаконие отца их, чтобы не восстали и не завладели землей и не наполнили вселенной неприятелями» [Ис 14:20–21]. В целом же, образ Колумбана весьма точно соответствует описанию образа пророка из Книги Иеремии: «...и сказал мне Господь: вот, Я вложил слова Мои в уста

твои. Смотри, Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать» [Иер. 1:9-10]. Действительно, пророчество Колумбана предсказало с одной стороны, искоренение рода Брунгильды, а с другой — создание, а точнее, воссоздание единого франкского государства. Показательно и использованное Ионой выражение *propheticus repletus spiritu* — «преисполненный пророческого духа» [2, Р. 207]. Колумбан как бы примеряет на себя состояние экстатического прорицания и тем самым дополнительно санкционирует свои слова, которые в действительности исходят от самого Господа. В этом смысле позицию Колумбана можно рассматривать в рамках концепции «праведного мужа», предложенной П. Брауном [15]. Пророчество здесь рассматривается как вердикт высшего, божественного суда, оглашенный человеком объективным, чьи связи с обществом максимально ослаблены. У Колумбана это положение было вдвойне прочным ввиду его статуса как иноземца и как отшельника.

Сам факт того, что Колумбану был дан дар прорицания, служил неоспоримым, подтвержденным самим ходом истории свидетельством его святости. Иона ловко использовал печальную судьбу Брунгильды и ее семьи, чтобы показать, к чему приводит неуважение к святому, тогда как блестящее будущее, которое Колумбан предсказал королю Нейстрии, напрямую связано с его почтительностью перед божьим человеком. Таким образом, Колумбан предстает не просто как глашатай божественного суда, но как катализатор всего политического кризиса, ведь начался он именно с обиды, нанесенной Колумбану Теодорихом и Брунгильдой. При чтении жития создается впечатление, что успех или падение государей целиком зависит от их отношений с божьим человеком. Следует отметить, что этим житие Колумбана отличается от приведенных выше примеров из житий Колумбы и Кутберта, ведь в них святые выступают лишь как «медиаторы» и, по большому счету, не принимают непосредственного участия в политических играх [cf. 13, Р. 98-99; 14, Р. 234-238].

Итак, на примере пророчества Колумбана нам удалось зафиксировать несколько смысловых уровней в сфере политического: в первую очередь, это оправдание политического кризиса и легитимация новой власти через божественную санкцию; во-вторых, пророчество позволяет автору жития засвидетельствовать этой новой власти свою лояльность, определив ее как угодную Богу; в-третьих, предсказание как элемент ритуала королевской инаугурации может служить легитимным основанием для передачи трона; и в-четвертых, через дар прорицания закрепляется особый статус святого в качестве вершителя королевских судеб.

Наконец, нужно подчеркнуть ценность сюжета о пророчестве в «Житии св. Колумбана» и мотива пророчеств в агиографии в целом. Помещение пророчества в историко-культурный контекст, в котором создавалось житие, позволяет увидеть не только конъюнктурные особенности, но и символические представления, существовавшие в рассматриваемом обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры // Избранные труды. Культура средневековой Европы. СПб., 2007. С. 15-286.
2. *Ionae Vitae Columbani abbatis discipulorumque eius libri II* // *Ionae Vita sanctorum Columbani, Vedastis, Iohannis* / ed. B. Krusch. MGH: SS rer. Germ. 37. Hannoverae, Lipsiae, 1905. P. 144-294.
3. Wood I. *The Merovingian kingdoms*. London, New York: Longman, 1994. 405 p.
4. *Capitularia regum Francorum* / ed. A. Boretius // MGH: Capit. T. 1. Hannoverae, 1883. 461 p.
5. *Vita Desiderii episcopi Viennensis auctore Sisebuto rege Wisigothorum* // *Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici et antiquorum aliquot* / ed. B. Krusch. MGH: SS rer. Merov. T.3. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1896. P. 630-637.
6. *Vita Sadalbergae abbatissae Laudunensis* / ed. B. Krusch, W. Levison // *Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici* MGH: SS rer. Merov. T. 5. Hannoverae, Lipsiae, 1910. P. 40-66.

7. *Vita S. Agili abbatis Resbacensis primi* / ed. J. Mabillon // *Acta sanctorum ordinis S. Benedicti*. T. II. Lutetiae Parisiorum, 1659. P. 315-326.
8. *Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV cum Continuationibus* // *Fredegarii et aliorum chronica. Vitae sanctorum* / ed. B. Krusch // *MGH: SS rer. Merov.* T. 2. Hannoverae, 1888. P. 1-193.
9. Усков Н. Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. СПб.: Алтейя, 2001. 506 с.
10. *Diplomata, chartae, epistolae, leges aliaque instrumenta ad res Gallo-Francicas spectantia* / ed. J.M. Pardessus. T. II. Lutetiae Parisiorum, 1849. 675 p.
11. *Charles-Edwards T. M.* Early Christian Ireland. Port Chester: Cambridge University Press, 2001. 727 p.
12. *Adamnani Vita Sancti Columbae* / ed. J. T. Fowler. Oxford: At the Clarendon Press, 1920. 280 p.
13. *Vita Sancti Cuthberti auctore Beda* / ed. B. Colgrave // *Two Lives of Saint Cuthbert*. New York: Greenwood Press Publishers, 1969. P. 141-309.
14. *Yorke B.* Adomnán at the court of King Aldfrith // *Adomnán of Iona: Theologian, lawmaker, peacemaker* / ed. J. Wooding. Dublin: Four Courts Press, 2010. P. 36-50.
15. *Brown P.* The rise and function of the Holy Man in Late Antiquity // *Journal of Roman Studies*, Vol. 61. 1971. P. 80-101.

ОБРАЗ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В «DE ORDINE PALATII» ХИНКМАРА РЕЙМССКОГО

Начиная со времени правления Людовика Заика, Западное королевство франков вступает в период значительного и продолжительного ослабления королевской власти и видоизменения политической организации. В первую очередь, стремительное ослабление королевской власти стало следствием частой смены королей на троне. Так, за период с 877 по 885 год в Западном королевстве франков сменилось четыре короля — Людовик II Заика, Людовик III, Карломан II, Карл III. Поздние Каролинги, за редким исключением, умирали молодыми, а в короткие сроки правления акцентировали свое внимание на проблемах военного характера.

На фоне слабых монархов происходило усиление светской региональной власти, со временем составившей альтернативу власти Каролингов. Иными словами, власть теряет свой универсалистский имперский характер. С некоторыми оговорками можно сказать, что повторялся сценарий падения власти Меровингов, когда слабый король был объектом манипулирования сильных и практически независимых герцогов и майордомов [1, Р. 405]. Зачастую графы и маркграфы не были преисполнены лояльности к слабым королям, что выливалось в открытый сепаратизм. Так, например, Бозон Веннский [2, С. 118-122] в 879 г. после смерти Людовика Заика, объявил себя королем на территории Юго-Восточной части Западного королевства франков (Прованс и Южная Бургундия), его поддержали местные графы и епископы, недовольные разделом королевства между Людовиком III и Карломаном II.

На фоне упадка реальной власти в королевстве, некоторые церковные деятели, обращаются ко времени правления ранних

Каролингов, как к спокойному времени развития и культурного подъема. Церковь, в отличие от светской знати, в каком-то смысле нуждалась в наличии сильной королевской власти, поэтому мы не наблюдаем за ней центробежных процессов. В связи с этим, интеллектуальная элита, прежде всего церковная, становится важной опорой каролингской власти, предоставляя советы в управлении королевством. Одним из важнейших представителей церковной знати, защищавших королевскую власть, обращаясь в своих трудах к Каролингскому прошлому, был Хинкмар, архиепископ Реймса, а также важный придворный советник королей Западной Франкии в 845–882 г. Он выступал в суде над Готшалком из Орбе, монахом, обвиненным в ереси за свое учение о предопределении [3, Р. 5-7]. В 858 г. Хинкмар был одним из епископов, кто не поддержал притязания Людовика Немецкого на трон Западного королевства франков, оставшись верным Карлу Лысому, в отличие, например от Венилона Санского [2, С 45-47], который перешел на сторону короля восточных франков, Людовика Немецкого. В 860 г. Хинкмар выступил как противник развода Лотаря II с его женой Теутбергой. После смерти Лотаря, архиепископ Реймса короновал короля Карла Лысого как короля Лотарингии. Также, Хинкмар короновал Людовика Заику в 877 г., а также упоминал в своем наставлении, именуемом *Admonitio ad episcopos et Carlomanum regem*, что данный король Западной Франкии был одним из тех, кто просил его написать данное наставление. На протяжении всей жизни Хинкмар выступал как сторонник сильной власти Каролингов, защищая интересы королей Западного Королевства франков [4, Р. 189].

Одним из важнейших его трудов, посвященных проблеме политического устройства королевства, было наставление «*De ordine palatii*», написанное в 882 г., в котором он обращается ко многим проблемам королевского управления, определяя понятия церковной и королевской власти, а также описывая придворные должности. Цель написания «*De ordine palatii*» — предоставление советов по управлению Западно-Франкским королевством. Труд был написан для епископов данного королевства и в первую очередь, для ко-

роля Карломана, унаследовавшего свою власть от Людовика III [5, S. 6-7]. К 882 г. Карломану было всего 16 лет, поэтому вполне оправдано написание данного труда в качестве наставления. С одной стороны, Хинкмар мог пытаться добиться расположения короля Карломану II, вернуться в активное королевское управление. То есть «*De ordine palatii*» — попытка политической реабилитации. С другой стороны, Хинкмару уже было 76 лет на момент написания данного труда, и он мог написать свой финальный труд как посмертное наставление, своего рода даже политическое завещание. Данное исследование посвящено определению того, что представляет собой королевская власть в понимании Хинкмара Реймского по его наставлению «*De ordine palatii*».

В раннее Средневековье, в связи с распространением идеи о божественном происхождении королевской власти, возникает непростой вопрос, является ли король лицом исключительно светским или же он, в результате помазания, и коронации, наделяется некоторыми церковными полномочиями [6, P. 26]. Хинкмар отвечает на данный вопрос отрицательно, оставляя королю лишь светские полномочия. Углубляясь в этимологию имени «гех», описание которого он заимствовал из труда Псевдо-Киприана «*De duodecim abusivis saeculi*» архиепископ говорит, что его власть — забота об исправлении тех подданных, кто сбился со своего пути. «*Et rex in sementipso nominis sui dignitatem custodire debet. Nomen enim regis intellectualiter hoc retinet, ut subiectis omnibus rectoris officium procuret*» [7. VI]. Интересно, что данную мысль Хинкмар цитирует также в своих наставлениях «*De regis persona et regio ministerio*» и «*De institutione regia*», что говорит о стабильности политических взглядов Хинкмара во время правления разных королей. Во-первых, власть короля в данном отрывке оказывается исполнительной и судебной, то есть король держит народ в определенных рамках закона и наказывает за их нарушение. Во-вторых, должность короля возникает как обязанность, а не как привилегия. Данный тезис передается через указание на то, что король не может исполнять свои функции, если сам не может следить за своей нравственностью. «*Sed qualiter alios corrigere*

poterit, qui proprios mores ne iniqui sint non corrigit?» [7. X]. А поскольку единственно верным наставником в нравственности является епископ, о чем Хинкмар упоминает, следовательно, король попадает под влияние церковного лица при решении важных вопросов. Также, король обязан заботиться об укреплении своей власти, с целью в регулирования вверенного ему народа в рамках существующих светских и церковных законов.

Несмотря на то, что Хинкмар не использует в *De ordine palatii* формулировку *Rex Dei gratia* [6. P. 18, 46], тем не менее, в Прологе, он напоминает, что король должен помнить происхождении своей власти от Бога, давая понять, что она сакральна. «*Sancta scriptura in omni ordine et professione uniuersique administrator praecipit, ut intelligat cuncta, quae agit, quoniam, si intelligit, administrationem quam gerit unde exordium coepit, sollicitius satagit, ut de administrationis talentum sibi credito rationem redditurus sit*» [7. III]. Хинкмар пытается отметить, что это не специфическая привилегия правящего лица, но способность, если точнее, добродетель управления. «*Et quinque in omni ordine et professione in dominatione constituuntur et domini appellantur ... dominationis virtutem auctore et cooperatore Domino teneant...*» [7. X]. Любая власть начинается именно с личного соблюдения всех установленных законов и предписаний, соответствия поведения короля существующим моральным нормам, с его личной добродетели.

По этой причине участие церковного лица в коронации становится неотъемлемой частью ритуала. Епископ производит священное помазание, раскрывая божественный характер власти, коронует короля, указывая на его главенство перед народом, а также влагает в его руки книгу законов, «требуя» соблюдения всех норм в управлении. «*Et in sacra regum historia legimus, quia principes sacerdotum, quando sacra unctione reges in regnum sacrabant, coronam significantem victoriam ponentes super capita eorum legem in manum eius dabant ut scirent, qualiter se ipsos regere et praeuos corrigere et bonos in viam rectam deberent dirigere*» [7. V] Хинкмар не зря акцентирует внимание на помазании и коронации, наталкивая читателя на аналогию с Саулом и короновавшим его Самуилом [7. XIX]. Вполне вероятно, что

Хинкмар тем самым пытается доказать, что королевская власть не передается только лишь по наследству, помазание стало обязательным ритуалом обретения королевской власти.

Выделяемые Хинкмаром три элемента ритуала коронации, а именно корона, помазание и книга законов могут таким образом охарактеризовать в полной мере природу королевской власти. Корона выступает как символ светской власти короля, помазание — благословение Господа на царствование, книга — законоохранительную функцию. Высшее церковное лицо, будь то епископ или папа Римский, таким образом, является посредником, передающим власть королю. Получается, что у короля, как у наместника Бога, нет власти делать то, чего он хочет в соответствии с тем, как он хочет (будь то ведение войны или вынесение судебного решения), но, поскольку его власть дается от Бога, то власть ограничена сугубо теми законами, которые им установлены. Также Хинкмар говорит, что для королевской власти гораздо важнее соблюдение порядка в королевстве, забота об общем благе, установленном Богом, нежели обеспечение собственных земных благ «...*ita rex custodire debe, sicut sanctus Augustinus demonstrat, ne muneribus vel blanditiis cuiusquam scelerati pelleciatur vel adulationibus decipiatur nec quibusunque propinquitatis necessitudinibus coniunctis contra Deum santamque ecclesiam atque rempublicam perverse agentibus affect carnali parcat...*» [7. IX].

Хинкмар говорит о трех необходимых составляющих, которые требуются от любого правителя, в том числе и от короля. Три качества, необходимые любому господину для управления своими подданными — это страх, любовь и порядок (которое, вероятно, используется в смысле способности и законности подчинения). «*Tria ergo necessaria his qui dominantur habere oportet, terrorem scilicet, ordinationem et amorem*» [7. X]. Без данных качеств невозможно управление. При этом Хинкмар не объясняет, что есть порядок, в отличие от страха, который возникает при справедливом наказании, и любви народа, которая является результатом дружелюбия и милости короля. «*Per beneficia ergo et affabilitatem procuret, ut diligatur, et per*

iustas vindictas non propriae iniuriae, sed legis Dei studeat, ut metuatur» [7. X]. Божественная природа власти короля — не единственная необходимая составляющая управления. Важную роль в эффективном управлении королевством играют взаимоотношения с народом, проявляющийся в любви народа к своему королю и одновременно в страхе перед ним. Вероятно, Хинкмар пытается убедить короля, что управляемый им народ должен уважать королевскую власть, тогда король будет не только сакральной фигурой, но и реальным сильным правителем.

Не меньшей обязанностью короля является забота о тех, кто не преступает закона Божьего и охраняет христианскую веру. «*Unde principi terrae magnopere providendum atque cavendum est, ne in his Deus offendatur, per quos religio christiana consistere debet et ceteri ab offensione salvari*» [7. IX]. На короля возлагается ответственность за тех, кто охраняет христианскую веру, то есть, как мы ранее проследили, за епископами (хранителями). Вполне вероятно, что данное наставление могло указывать как на язычников-норманнов, зачастую грабивших церкви (в том числе и сам Хинкмар пострадал от нападения викингов на Реймс в 882 г.), так и на светскую знать, которая использовала церкви и монастыри, в целях укрепления власти, присоединяя их к своим владениям. Более того, на короля как бы возлагается ответственность за его христианский народ, который он должен оберегать и исправлять, при этом самому ни в коем случае не преступая законов Божьих [7. XXII].

Король несет ответственность не только за свою жизнь, как земную, так и небесную, но и за жизнь оберегаемых им подданных. Причиной же, по которой король должен нести эти обязанности, является его стремление заслужить спасение души. Следовательно, если король не будет следовать Божьим законам сам, и не будет помогать своим подданным в следовании христианской вере, его ждет наказание, значительно более суровое, чем для обычного христианина. «*Et sciat, quod, sicut in principatu hominum primus constitutus est, ita, quosunque peccatores sub se in praesenti habuit, nisi se et illos cor-*

rexerit, supra se modo plagali in illa future poena habebit» [7. X]. Таким образом, по мнению Хинкмара Реймского, король — это охранитель законов, установленных Богом и своими предшественниками, основная обязанность которого — предотвращать любые возможные инциденты, связанные с их нарушениями.

Таким образом, можно предположить, что Хинкмар хотел видеть власть короля ограниченной лишь установленными церковными и светскими законами, обозначая для короля главную цель — достижение общего блага христианского народа. Вспоминая ветхозаветных царей, таких как Давид или Саул, архиепископ указывает на то, как важно королю (как и любому служащему или господину) соблюдать существующие светские и церковные законы. В связи с чем церковные служащие (чья функция — наставление) оказывают немалое влияние на проводимую им политику. Поэтому, по мнению Хинкмара Реймского, король — это охранитель законов, установленных Богом и своими предшественниками, основная обязанность которого — предотвращать любые возможные инциденты, связанные с их нарушениями.

Особое место Хинкмар отводит тому, что должен делать и как должен себя вести король во время проведения генеральных собраний. Изначально Хинкмар дает понять, что король не участвует в обсуждении вопросов, которыми занимается собрание, этим занимается высшие королевские вельможи, как церковные, так и светские, а также королевские советники (*consilarii*) — наиболее близкие и верные королю люди. Пока знатные советники обсуждают проблемы, появившиеся в королевстве за год, разрабатывают планы на будущий год и составляют решения, король занят принятием даров и общением с остальными участниками съезда, не участвующими в обсуждении. *«Interim vero, quo haec in regis absentia agebantur, ipse princeps reliqua multitudini in suscipiendis muneribus, salutandis proceribus, confabulando rarius visis...»* [7. XXXIV]. Вполне вероятно, что данный посыл связан с тем, что наставление адресовано юному королю Карломану, еще неопытному королю, чтобы

дать возможность опытным советникам решать многие вопросы за него, пока он налаживает контакты с остальными участниками. Более того, если учесть, что главы о генеральном собрании перешли в наставление из труда Адальгарда, который мог писать этот труд для итальянских Каролингов, скорее всего такая система предназначена именно для юных неопытных королей. На это указывает также упоминание Хинкмаром поведения короля с молодыми и старшими (или высшими) — «*conpatiēdo senioribus, congaudēdo iunioribus*» [7. XXXIV] — то есть король мог находиться в таком возрасте, для которого важны поведенческие различия в зависимости от возраста и статуса подчиненных.

Во-первых, король, по мнению Хинкмара, занимался получением сведений о королевских делах. «*Secunda autem ratio regis erat interrogation, quid unusquisque ex illa parte regni, qua veniebat, dignum-relatu vel reclaratu secum afferent*» [7. XXXVI]. Во-вторых, глава королевства передавал изначальные указания советникам по вопросам и проблемам, которые затем передавались на обсуждение знати. «*...Haec interim de his, quae eis a rege ad tractandum proponenbantur*» [7. XXXV]. В-третьих, король мог принимать участие в обсуждении вопросов вместе с высшей знатью, если она того требовала. «*...ita tamen, ut quotienscunque segregatorum voluntas esset, ad eos venire, similiter quoque, quanto spatio voluissent, cum eis consisteret*» [7. XXXIV]. В-четвертых, король участвовал в советах, состоящих из consilarii. И, наконец, за ним оставалось финальное принятие решений, уже после того, как знать передавала ему результаты своего обсуждения. Если быть точным, то король решал, утвердить ли решение, вынесенное знатью. «*...donec res singulae ad effectum perductae gloriosi principis auditui in sacris eius obtutibus exponerentur, et quicquid a Deo data sapientia eius eligeret, omnes sequerentur*» [7. XXXIV]. То есть Хинкмар скорее освобождает короля от долгого процесса обсуждения различных общих и частных дел, вверяя полномочия решения вопросов верной знати. Мы не можем говорить о том, что Хинкмар «отказывает» королю в участии в законодательном процессе, по-

сколько король является автором первичной законодательной инициативы и финальной инстанцией для решений собрания.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что Хинкмар отводит королю значительное место в управлении королевством. Для архиепископа король должен был являться не только сакральной фигурой, но реальным правителем, обладающим такими качествами, как справедливость, милосердие, любовь к своему народу. Власть короля имела божественное происхождение, поэтому он нес ответственность за свой народ в этом мире, направляя его своей властью. Политическая деятельность короля, вопреки первому взгляду на текст, не ограничивалась утверждением решений, вынесенных на собраниях, он должен был активно участвовать в управлении своим королевством, за ним оставалось право первичной законодательной инициативы, в то время, как собрания и советники участвовали в последующей разработке решений по представленным проблемам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Archibald R. Lewis*. The Dukes in the Regnum Francorum, A. D. 550–751 // *Speculum*. Vol. 51. No. 3. (Jul., 1976), P. 381–410.
2. *Teiċ Л.* Наследие Каролингов. IX–X века / Пер. с французского Т. А. Чесноковой. М.: «Скарабей», 1993. Т. 2. 272 с.
3. *Nineham D. E.* Gottschalk of Orbais: Reactionary or Precursor of the Reformation? *Journal of Ecclesiastical History*. P. 1–18.
4. *Wallace-Hadrill J. M.* The Frankish Church. New York: Oxford University Press, 1985. 463 p.
5. *Fleckenstein J.* Die Struktur des Hofes Karls des Grossen im Spiegel von Hinkmars De Ordine Palatii. *Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins*. 1976. №86. S. 5–21.
6. *Canning J.* History of Medieval political thought 300–1450. London and New York: The Routledge Press, 1996. 272 p.
7. *Hincmarus Remensis, De Ordine Palatii*, Thomas Gross und Rudolf Schieffer (ed.), Hannover: MGH in usum scholarum. 1980. S. 32–99 (Cap I–XXXVI).

**ТРИУМФ КОРОЛЯ АЛЬФОНСА I АРАГОНСКОГО
ПО «ИЗРЕЧЕНИЯМ И ДЕЯНИЯМ КОРОЛЯ АЛЬФОНСА»
АНТОНИО БЕККАДЕЛИ**

26 февраля 1443 г. состоялся триумфальный въезд Альфонса I Арагонского в Неаполь. Он знаменовал собой завершение многолетней борьбы за власть в Неаполитанском королевстве, борьбы, которую с 20-х гг. XV в. вели между собой король Арагона Альфонс V (1416–1458) и анжуйские герцоги (сначала Людовик III, потом его брат Рене). Победивший арагонский король стал править в Неаполе как Альфонс I, таким образом, положив начало Арагонской династии (1442–1501).

Правление Альфонса I рассматривают как начало нового этапа в культурном развитии Неаполитанского королевства. Именно при нем Неаполь становится одним из центров гуманистической культуры. Королевский двор и канцелярия привлекали немалое число гуманистов, которым король оказывал покровительство, что отражало потребность королевской власти в гуманистической мысли для идейной легитимации установления новой династии. Симбиоз гуманистов и королевской власти, которые нуждались друг в друге, естественным образом породил целую группу гуманистических сочинений, цель которых состояла в восхвалении монарха, в созидании «мифа о великодушном короле» [1, Р. 8], в апологии династии. Благоприятным полем для осуществления таких целей, прежде всего, была «парадная» историография (хотя, конечно, не только она). Хотелось бы отметить, что в современной отечественной историографии возрастает интерес к историописанию в Неаполе XV в. [2; 3], хотя в целом сюжеты, связанные с правлением Арагонской династии, на наш взгляд, не получили достаточного освещения.

Одним из создающих «парадный» образ короля Альфонса I произведений является сочинение Антонио Беккаделли «Изречения и деяния короля Альфонса» («De dictis et factis Alphonsi regis Aragonum et Neapolis libri quatuor»). Беккаделли, или, как его еще называли, Панормита, был значительной фигурой при неаполитанском дворе, возглавлял королевскую канцелярию и сформировал вокруг себя гуманистический кружок (ставший впоследствии одной из первых гуманистических академий).

«Изречения и деяния короля Альфонса» были закончены Беккаделли в 1455 г. Само произведение состоит из небольших рассказов, иллюстрирующих, по мнению Беккаделли, различные добродетели короля. Альфонс — милосердный, разумный, щедрый, великодушный и справедливый король [4, С. 32]. Нравственные добродетели правителя проистекают из соображений как личной, так и общественной пользы, из стремления короля заботиться о благосостоянии подданных.

«Изречения и деяния» завершаются описанием триумфального въезда короля Альфонса в Неаполь, что вносит свой вклад в конструирование «парадного» образа монарха. Сам триумф можно рассматривать как форму символической коммуникации монарха и его подданных. Принято считать, что триумфальный въезд Альфонса в Неаполь положил начало новой, ренессансной эпохе в устроении подобных торжеств [5, С. 44]. Триумф, символическая церемония и театрализованное действо, сочетал следование традиции чествования въезжавшего в город правителя с новыми элементами, которые представляли собой «возрождение» античности.

В данной работе предполагается рассмотреть описание триумфа в «Изречениях и деяниях короля Альфонса» Антонио Беккаделли. Триумф — точка кульминации, завершение борьбы за власть и начало царствования — должен был создать благоприятное представление о короле и стать своеобразной «программой» правления. Как пишет Ф. Делле Донне, возможно, что триумф в определенном аспекте заменил собой коронацию [6, Р. 462].

Описание триумфа начинается с изложения приготовлений к въезду короля в город. Горожане постановили встретить Альфонса как триумфатора в честь его знаменательной победы, привлеченные, как пишет Беккаделли, также «необычайным милосердием короля» [7, Р. 106]. Король со своей свитой, оставив Беневенто, направился в предместья Неаполя, и там дожидался окончания приготовлений к торжественному въезду.

Когда все было готово, 26 февраля 1443 г. король и его свита подъехали к Кармелитским воротам, рядом с которыми стояла позолоченная триумфальная колесница, запряженная четверкой белых лошадей, что соответствовало представлениям о римском триумфе. На колеснице был помещен трон, украшенный золотом и порфиром. Окружавшие колесницу двадцать патрициев несли шести, к которым крепился золотой балдахин с геральдическими знаками короля, города и королевства.

Прежде чем взойти на колесницу, Альфонс занялся раздачей пожалований; он даровал многим графские титулы за верность, воинскую доблесть и прочие заслуги, в рыцари же посвятил «бесчисленное множество достойных мужей» [7, Р. 107]. Затем король призвал возносить хвалу Иисусу Христу за одержанную победу, так как по сути это победа Христа (а не личная заслуга короля). С одной стороны, Беккаделли пишет о короле торжествующем, но не забывающем о смирении (заметим, что Беккаделли в описании триумфа неоднократно подчеркивает смирение и благочестие короля). С другой стороны, этот жест направлен на подтверждение прав Альфонса на неаполитанский престол, так как представляет его победу не только как свершившийся факт, но и промысел Божий, а завоеванное королевство Альфонс, таким образом, получает от Бога.

После этого Альфонс в алом шелковом одеянии, ниспадавшем до земли, взошел на колесницу, причем голова его была обнажена — король, вопреки «обычаю триумфаторов», не надел лаврового венка. Беккаделли замечает, что многие достойные мужи пытались убедить короля принять лавровый венок, однако тот, продолжая

стоять на своем, отказывался, по мнению Беккаделли, «в силу своей исключительной скромности и благочестия», так как считал, что «венец причитается скорее Богу, чем какому-либо смертному» [7, Р. 107].

На колеснице король вступил в город, где его встретила ликующая толпа. Далее Беккаделли описывает саму торжественную процессию, в начале которой за флейтистами и прочими музыкантами ехали десять всадников с копьями.

Следующим звеном процессии была Фортуна, передвигающаяся на дощатом помосте. Под ее ногами был огромный золотой шар — характерный атрибут, отражавший еще античное представление о ее непостоянстве и изменчивости (в противоположность добродетелям, которые представлялись покоящимися на кубе), добавляя к этому также ренессансное представление о мире, в котором она царит. При этом сама она имела облик Случая (так две аллегорические фигуры оказываются слиты в одну, что характерно для этого времени), у которого волосы «на лбу растут», а затылок лыс, так что если удача отвернулась, то ее уже не ухватить.

За Фортуной верхом на лошадях следовали персонифицированные Добродетели со своими атрибутами. Первыми проехали три теологические Добродетели: Надежда с короной (как надежда на будущую славу), Вера — с чашей, Любовь же держала на руках младенца. После них настал черед четырех кардинальных Добродетелей: Храбрость (как сила духа и как физическая сила) поддерживала руками мраморную колонну, Умеренность разбавляла вино водой, у Благоразумия в руках были змея и зеркало. Справедливость же (для гуманистов «царица прочих» [7, Р. 108]) остановилась на помосте с мечом и весами в руках, и она будто бы собиралась предложить власть тем, кто следует за ней и почитает ее. Позади нее стоял украшенный золотом и пурпуром трон, над ним в небе витали ангелы, которые обещали отдать корону тому, кто действительно был бы достоин трона рядом со Справедливостью. Затем следовала свита из рыцарей.

Затем к помосту на высокой изукрашенной колеснице был доставлен сам Цезарь; он был одет в военный плащ, на голове у него был лавровый венок, в руках он держал скипетр и золотой шар (державу). У его ног вращался «мир в форме шара» [7, Р. 109]. Цезарь комментировал только что увиденные «превосходнейшим» королем аллегии. Проехавшие семь Добродетелей олицетворяют положительные качества короля, который всегда их почитал. Цезарь желал Альфонсу и впредь блюсти эти добродетели, ибо они делают его примером для народа и, к тому же, делают достойным того «императорского трона», рядом с которым встала Справедливость, ведь она одна может принести государю истинную славу. Цезарь предупреждает Альфонса, чтобы он ни в коем случае не полагался на Фортуна, так как она «преходяща и непостоянна» [7, Р. 109]. Мир (тот самый, что вращался у ног Цезаря) изменчив, и только лишь добродетели можно верить, ее и нужно чтить. Затем Цезарь пожелал королю процветания и присоединился к процессии. За ним проследовали шестьдесят флорентинцев в пурпурном одеянии.

Затем были устроены потешные бои испанцев (как пишет Беккаделли, на вульгарном языке — «каталонцев»), которые «сидели верхом» на игрушечных лошадях, и «неверных», одетых в персидские и сирийские одежды. Бои, сопровождавшиеся громким смехом со стороны зрителей, закончились победой испанцев, которые обратили врагов в бегство.

После этого показалась огромная деревянная башня, вход в которую охранял Ангел с мечом. На ее вершине стояли еще четыре Добродетели: Великодушие, Стойкость, Милосердие и Щедрость. Ангел-страж башни, обратившись к Альфонсу как к «королю мира» (*rex pacis*) [7, Р. 110], сказал, что передает ему в руки эту башню с четырьмя Добродетелями, дабы они сопровождали короля-триумфатора. Ангел подчеркивал, что эти Добродетели Альфонс всегда почитал и всегда обладал ими, тем не менее, он должен помнить о них; здесь можно указать на некую программность: проявившись в начале, добродетели должны освещать и все правление Альфонса.

Добродетели, в свою очередь, также обращались к королю с речами. Великодушные призывало Альфонса к поддержанию величия духа [7, Р. 110]. Стойкость побуждала короля стоически переносить превратности судьбы и человеческие ошибки и не отклоняться от благородного замысла, даже пребывая в бедственном положении, ибо с помощью терпения можно одержать верх над Фортуной.

Милосердие, как пишет Беккаделли, в короле, словно в зеркале, «рассматривало само себя» [7, Р. 110]. Эта добродетель говорила, что она выше других, так как они возвышают короля среди смертных, а милосердие делает его равным бессмертным богам, ибо прочие добродетели учат побеждать, оно же — щадить побежденных. Последняя Добродетель — Щедрость — бросала деньги в толпу, изображая короля. Все это обилие добродетелей должно было показать, что король получил власть в Неаполе, в том числе, в силу обладания названными качествами.

Такие аллегорические представления в духе *tableaux vivants* (живых картин) были вполне традиционны для въездов правителей в город, однако в данном случае сценки были включены в процессию, которая изначально мыслилась как триумфальная. Характерным и постоянно встречающимся элементом для королевских въездов были и сами аллегорические фигуры, воплощающие разного рода добродетели, к обладанию которыми правитель должен стремиться [8, Р. 8].

Конечной целью процессии были театры, где собирался народ для встречи короля и устраивались игры в его честь, и, наконец, богослужение в церкви. В Неаполе было пять театров, и король с процессией должен был последовательно их посетить. Всюду его чествовали как «короля-господина», «отца-благодетеля», «благочестивейшего и милосерднейшего». Девушки на коленях молились королю, «словно богу какому», как стражу их целомудрия; с благодарностью и почтением подданные встречали «короля-спасителя» [7, Р. 112]. Действительно, здесь, в случае встречи короля народом, можно заметить архетип восприятия въезда правителя в город как

явление Спасителя [9, С. 36], что отражало, наверное, традиционные надежды подданных на начало новой эпохи, эры покоя и процветания вместе с началом нового правления, тем более в данном случае, когда после двух десятилетий борьбы за власть в королевстве воцарился мир.

Наконец, король вместе со знатью направился в храм на молебен. Там он снова возносил благодарение Богу, ибо победа — продукт Божьей воли, а не личная заслуга короля. Затем Альфонс посетил последний театр, где был снова встречен народным ликованием, и оттуда уже проследовал в Капуанский замок [7, Р. 112].

Триумф Альфонса I стал пышным ренессансным торжеством, в котором смешивались традиционная церемония въезда правителя в город и новые черты, предполагавшие воспроизведение элементов античного триумфа. Альфонс выступал как триумфатор, но не забывал и о христианском смирении. Король представлялся носителем всех оживших в процессии добродетелей, «идеальным государем», с которым подданные могли бы связывать надежды на благополучие; в некотором смысле торжества можно назвать «репрезентацией» будущего правления. Триумф стал частью легитимации правления Альфонса, причем, с одной стороны, король предстал как победитель, пришедший к власти в завоеванном королевстве благодаря своей доблести и добродетелям, то есть, в силу личных качеств и своего достоинства, с другой стороны, победа и восшествие на престол определялись как свершившиеся по воле Божьей, и Альфонс, как законный король, признавался носителем божественной благодати. Во всяком случае, триумф задавал тон начавшемуся царствованию Альфонса в Неаполе — времени культурного расцвета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Roick M.* From Lost Laughter to Latin philosophy: the Humanist movement in Quattrocento Naples / California Italian Studies. 2012. 3(1) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://escholarship.org/uc/item/91x000m2> (дата обращения 25.03.2015).

2. Андронов И. Е. Формирование национальной историографии в Неаполе эпохи Возрождения // Средние века. Вып. 72 (1-2). М.: Наука, 2011. С. 130-152.
3. Иванова Ю. О. Историописание Неаполитанского королевства // Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья в 3-х кн. Кн. 3. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2010. С. 110-133.
4. Финогентова Е. В. Гуманистические идеи Антонио Беккаделли в его сочинении «Изречения и деяния неаполитанского короля Альфонса Арагонского» // Культура Возрождения и власть. М.: Наука, 1999. С. 27-37.
5. Степанов А. В. Искусство эпохи Возрождения. Италия. XIV–XV века. СПб.: Азбука-классика, 2003.
6. *Delle Donne F. Il trionfo, l'incoronazione mancata, la celebrazione letteraria: i paradigmi della propaganda di Alfonso il Magnanimo* // Arch. stor. ital. Firenze, 2011. A. 169, fasc. 629. P. 447-476.
7. Antonii Panormitae de dictis et factis Alphonsi regis Aragonum et Neapolis libri quatuor. Rostociis Typis Myliandrinis, 1589.
8. Strong R. Art and Power: Renaissance festivals 1450-1650. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984.
9. Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

АНГЛИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ В ДНЕВНИКЕ ЭДУАРДА VI

Эдуард VI, последний представитель мужского пола дома Тюдоров, правивший с 1547 по 1553 гг., вплоть до сегодняшнего дня остается малоизвестной фигурой, как для исследователей, так и для обывателей. Для большинства людей, мало знакомых с историей Англии раннего Нового времени, юный монарх известен, прежде всего, как персонаж сказки Марка Твена «Принц и Нищий». Да, слава обошла стороной мальчика, на которого в свое время английское общество возлагало большие надежды. На слуху имена его деда — Генриха VII, выведшего королевство из упадка, оставленного «войной Роз», отца — Генриха VIII, запомнившегося своим роскошным ренессансным двором, разрывом с Римской церковью и большим количеством браков. Сестры Эдуарда, занимавшие престол после ранней кончины монарха, также получили, куда большую известность: Мария — из-за ненависти английских протестантов к попыткам возвращения католицизма на острова, и Елизавета — «королева Бесс», чье весьма продолжительное правление ознаменовалось «Золотым веком» английской истории. Именно из-за отсутствия великих свершений и великих аномалий, Эдуард VI мало интересен для мировой, и почти не вызывает интереса в отечественной исторической науке в сравнении с прочими представителями своего королевского рода.

Однако напрасно шестилетнее правление последнего представителя династии Тюдоров мужского пола оказалось забытым. Именно в эти годы реформационные процессы в Англии приобретают широчайшие масштабы. Помимо этого, несамостоятельное правление Эдуарда запомнилось противостояниями в регентском

совете, вылившимся в смещение лорда-протектора. Но интересно и наследие самого монарха: король оставил себя ценный источник, написанный собственноручно и отражающий различные события жизни Англии с 1547 по 1552 г. Эти записи, именуемые по-разному в научном сообществе, ввиду того, что при каждом издании издатель отдавали предпочтение тому или иному именованию: «Хроника», «Журнал», «Дневник», содержат ценные сведения, касающиеся событий, происходивших как внутри Англии, так и за ее пределами в озвученный период. Интересны они тем, что позволяют хоть и немного, но пролить свет на то, как проходила жизнь короля и королевства, в каком информационном поле находился практически оторванный от управления государственными делами монарх и каким представлением о государственных делах мог обладать.

В статье я хотел бы рассмотреть то, каким образом Эдуардом VI, в его личных записях, была освящена деятельность английского парламента в 1547–1552 г., поскольку последняя запись в «дневнике» датирована 28 ноября 1552 г.

Первая заметка встречается в «хроникальной» части источника, в осенних записях 1547 г. Звучит она так: «Был также созван парламент, в котором некоторые часовни были предоставлены королю, и принят экстренный закон о бродягах, и различные другие» [1, Р. 220]. В этом кратком сообщении о первом парламенте Эдуарда VI, заседавшем с ноября по декабрь 1547 г., упоминается акт о ликвидации часовен, по которому некоторые часовни, колледжи, свободные церкви и их владения передаются королевскому величеству [2, Р. 24]. Являясь продолжением принятого в 1545 г. статута, он знаменует собой активное отчуждение церковных имуществ в пользу короны [3, С. 99]. Замечу, что упомянутый акт являет собой одно из первых реформационных преобразований нового правления. Его принятие и реализация свидетельствует о претворении в жизнь победившей в регентском совете идеи о том, что супрематия, ранее присущая Генриху VIII, может быть сосредоточена не в самой персоне, а в титуле короля, позволяя претворять в жизнь раз-

личные деяния по реформированию церкви регентам от имени монарха [4, Р. 511]. Упомянутый в сообщении акт является не столько проводником теоретических основ новой веры, сколько решением организационных и финансовых вопросов в церкви. Второй акт — «Закон о бродягах» [2, Р. 5]. Эдуард VI именуется его «экстренным» ввиду того, что к моменту начала написания дневника в 1550 г., этот акт был признан непрактичным, и был отменен 2-3 парламентом Эдуарда в 1549 г.

Следующая запись, о парламенте: «Был создан парламент, на котором был установлен единый порядок молитвы, созданный до этого рядом епископов и ученых мужей, собравшихся в Виндзоре. Там им была предоставлена субсидия, и в здании парламента состоялся заметный диспут о таинстве евхаристии» [1, Р. 223]. Данная заметка содержит информацию о втором парламенте Эдуарда VI, заседавшем с ноября 1548 по март 1549 г. и основной итог сессии — принятие Акта о единообразии, устанавливавшего идентичные на территории всего королевства правила и порядок отправления религиозного культа [2, Р. 37]. Закон запускал механизм принятия первой редакции «Книги общих молитв». Вместе с тем, принятие акта, и, соответственно, молитвенника, усугубляло раскол в умах. Его обсуждение в Палате лордов сопровождалось жаркими спорами. Из 18 епископов, присутствовавших на итоговом голосовании, 8 выступали против [4, Р. 516]. И несмотря на то, что акт знаменовал собой переход к золотой середине в вопросах реформирования английской церкви, на момент его принятия раскол не был ликвидирован, а наоборот усилился. Для одних перспективы были чересчур реформаторскими, для других — недостаточно радикальными. Одним из ключевых моментов споров, упомянутых Эдуардом в записи, являлось таинство евхаристии. На заседании Виндзорской комиссии столкнулись различные точки зрения по вопросу, имеет ли место пресуществление и как воспринимать само таинство. По итогам этих диспутов, на заседаниях комиссии было положено начало усредненного варианта понимания таинства евхаристии [4, Р. 516].

Последняя запись «хроникальной» части дневника сообщает следующее: «Парламент, где был принят порядок возведения в сан священников, епископов и диаконов» [1, Р. 248]. Речь в данном сообщении идет о сессии парламента проходившей с 4 ноября 1549 до 1 февраля 1550 гг., а упоминается акт «Об упорядочивании церковных служителей» [2, Р. 112], устанавливавший единые правила возведения в сан епископов, священников, диаконов, которые в дальнейшем были включены в «Книгу общих молитв». Наряду с реформированием самой структуры священнослужителей, это означало наступление на церковное право со стороны монархии [4, Р. 516].

Следующие записи, касающиеся деятельности парламента, приобретают несколько иной вид, поскольку принадлежат они уже к журнальной части. Запись от 13 августа 1550 г.: «Парламент был приостановлен до 20 февраля» [1, Р. 290]. Затем, в записи от 5 октября того же года сообщается, что парламент был отсрочен до 20 января [1, Р. 295]. И последняя заметка, касающаяся деятельности парламента от 23 января 1552 гласит: «Сессия парламента началась» [1, Р. 391].

Рассмотрев перечисленные записи, можно заметить несколько отличительных особенностей. Во-первых, все они достаточно краткие и, во-вторых, сведения, содержащиеся в более информативных, по сравнению с другими, записях, посвящены церковной политике в королевстве.

Первая особенность объясняется спецификой источника. Поскольку хроникальная часть содержит записи, повествующие о событиях, предшествующих моменту начала написания «дневника», и уже имевших определенные итоги, именно в ней встречаются упоминания об изданных актах, напрямую касающихся процессов по реформированию английской церкви.

В завершение следовало бы отметить, что юный король оставил в своем сочинении упоминания о наиболее дискуссионных проблемах, обсуждавшихся в английском парламенте. Воспринимая себя

самого в качестве монарха, с вытекающим из это пониманием собственной фигуры как вместилища церковного верховенства, Эдуард VI отводит значительное место событиям и проблемам, возникшим в ходе размежевания умов в вопросах веры. От этого среди многообразия решаемых в парламенте вопросов, достойными записи королевской рукой и наиболее репрезентативными становятся церковные дела, определявшие развитие сознания англичан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Literary Remains of King Edward VI* / ed. by Nichols. J. G. L., 1857. 636 p.
2. *The Statutes of the Realm*. 9 Vols. / ed. Raithby. J. L., 1819. Vol. 4. 436 p.
3. *Иванова О. Ю.* Реформа канонического права как часть английской Реформации (1529–1553). Смоленск, 2008. 167 с.
4. *Mackie J. D.* *The Earlier Tudors*. Oxford, 1966. 699 p.

АЛЕКСАНДРОВА М. А.
Московский государственный университет /
НИУ «Высшая школа экономики»

БУЛЛИОНИЗМ В ДЕЙСТВИИ: ПРОБЛЕМА КОРОЛЕВСКИХ ЗАЙМОВ И ТРАНСПОРТИРОВКИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В АНглиЮ В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

Вводные замечания. К середине XVI в. среди европейских монархов уже длительное время была распространена практика занимать деньги. Кредиторами выступали известные финансисты, платежи по кредитам осуществлялись на биржах и ярмарках. От места сделки деньги нужно было доставить ко двору заемщика. К этому времени широкое распространение получили векселя, которые исключали риски транспортировки драгоценных грузов. Тем не менее, как отмечает Дж. Манро, при определенной экономической конъюнктуре издержки перевозки денег были ниже, чем при использовании векселя [1, Р. 173]. Дело осложнялось тем, что в Средние века в Европе господствовали буллионистские представления (*bullionist mentality*, как называет их Манро [1, Р. 198]), согласно которым, для благосостояния королевства было важно сохранять богатство в его пределах, поэтому импорт драгоценных металлов стимулировался, тогда как экспорт запрещался. Жесткие запреты на вывоз слитков существовали на протяжении всего Средневековья и вплоть до XVII в. Манро удивлялся тому, что даже экономически прогрессивные фламандцы в 1435 г. неодобрительно относились к идее ганзейцев, которые хотели увезти с собой золото или серебро, которое они или привезли с собой, или наторговали во Фландрии, «поскольку это послужит разорению Фландрии и гибели для всей ее торговли» [1, Р. 175]. Для Англии, у которой не было своей добычи серебра и золота, необходимость ввоза стояла особенно остро.

Основные займы в середине XVI в. были иностранными, сделки по ним заключались на антверпенской бирже. Англичанам приходилось вывозить деньги с территории Священной Римской империи германской нации. Существовали законные способы преодолеть запреты, а именно, получить паспорт, или лицензию от императора на вывоз определенной суммы денег. Однако практика показывает, что этого было недостаточно.

На примере деятельности Томаса Грэшема, английского королевского агента в Нидерландах, организовавшего займы для короны на антверпенской бирже с начала 1550-х г. до середины 1560-х г., я намереваюсь показать, как официальные финансовые практики английских монархов подстраивались под ограничения, вытекающие из буллионистских представлений эпохи. Источником служит переписка Т. Грэшема с королевой Марией Тюдор и членами Тайного совета. Эта корреспонденция доступна в виде описей, опубликованных в форме т. н. календарей государственных бумаг, преимущественно иностранной серии [2]. Кроме того, в 1839 г. Дж. У. Бергон опубликовал многие письма Т. Грэшема в его двухтомной биографии [3].

Контрабанда в Средние века — это обширная тема, занимающая большое место в историографии периода. Однако проблема буллионизма и транспортировки металлов и ее связь с королевскими займами в литературе не ставилась. Ч. Макфарлэйн [4, Р. 83-89] в 1845 г. воспроизвел в сокращенном виде биографию Т. Грэшема, написанную У. Бергоном, и в ней посвятил отдельную главу контрабандным перевозкам (не только денег, но и оружия), в которых принимал участие Т. Г. Однако его перечень не полон и не поставлен в предлагаемый мной контекст буллионистских представлений.

Эпизод первый. О том, как Т. Грэшем пытался вывезти деньги из Фландрии с товарами или в посольских сундуках.

В ноябре 1553 г. Т. Грэшем должен был получить в Антверпене деньги по одному из займов в тяжелых испанских реалах. Для их транспортировки в Англию он просил Тайный совет дать ему пору-

чение закупить перец, в мешках с которым он мог перевезти часть денег. Другую часть он хотел бы отправить в сундуках сэра Джона Мэйсона, посла в Брюсселе, поскольку посольские сундуки не подвергались досмотру на таможне [2, Р. 31-32, N 83; 3, Р. 140].

Вскоре Т. Грэшем изменил свое мнение в отношении перца и попросил дать ему поручение купить другой товар: «Хотя я писал Вашим светлостям поручить мне купить перца для более надежной перевозки моего груза, тепер я изменил свое мнение и прошу поручить мне купить 1000 единиц военного снаряжения (*demi-lances harness*), которые лучше подойдут для моей цели и для [обеспечения — М. А.] могущества нашего королевства» [3, Р. 141].

Т. Грэшем просил разрешения распределить деньги определенным образом по повозкам (речь шла о доставке в Кале), что таким способом доставил уже 100 000 марок, и ни разу не был пойман [3, Р. 141-142].

Эпизод второй. О том, как Т. Грэшем достигал расположения таможенников подарками.

1 марта 1553/54 г., собираясь в Англию, Т. Грэшем писал в Тайный совет, что деньги, которые он занял для королевы, он высылает заранее, исключительно чтобы не иметь при себе груза и выйти сухим из воды во время обыска в Гриннах, поскольку там он не сможет отказаться от выпивки, которую ему предложит капитан и те, кто производят обыск, ведь только в этом и состоит их удовольствие, а он очень плохо на нее реагирует, но в то же время он не может от нее отказаться, потому что это поможет его замыслам в дальнейшем. Он уже заранее подкупил капитана и таможенников с досмотрщиками подарками к новому году (капитану — 12 мер (*ells*) высококачественного черного бархата, каждому таможеннику и досмотрщику — 8 мер (*ells*) черного сукна), так что пока он будет укреплять контакты с важными людьми, ворота для его слуг с драгоценными металлами будут открыты всю ночь, о чем он известил сэра Дж. Мэйсона [2, Р. 64, N 162; 3, Р. 143-144].

Эпизод третий. О том, как сложно было получить разрешение на вывоз.

Одновременно с просьбой поручить ему покупку перца, Т. Грэшем писал в Тайный совет, что «королеве следует получить паспорт у императора на перевозку 10 000 весовых марок полновесного серебра» [2, Р. 31-32, N 83]. Контрабандные методы Т. Грэшем сочетал с законными в зависимости от наибольшей выгоды и политической конъюнктуры. Позиция сэра Дж. Мэйсона по этому вопросу была такова: «что касается паспорта на вывоз драгоценных металлов, он не станет в это ввязываться без поручения». Посол боялся делать какие-либо шаги в этом направлении, вероятно, без письменного поручения королевы, которое требовалось, по всей видимости, с оригинальными подписями и печатями. Эта ситуация показывает, что вопрос перевозки денег вызывал опасения у посла даже в мирное время.

В мае 1558 г. в Брюсселе Грэшем разговаривал с Филиппом II о получении лицензии на вывоз из Нидерландов в Англию 300 000 крон. Король дал ему разрешение сначала на вывоз части суммы [2, Р. 377, N 775], затем и всей суммы [2, Р. 377-378, N 779], однако велел переправить деньги как можно более секретно, потому что в Антверпене в это время ощущался недостаток денег [2, Р. 377, N 775]. Очевидно, что этот шаг Филиппа II был бы крайне непопулярен у нидерландцев.

Интересным в этой связи представляется т. н. испанское дело. 18 января 1553/54 г. Т. Грэшем сообщил Тайному совету о предложенной ему выгодной сделке: три или четыре гемуэзских купца предложили ему 300 000 дукатов на 12 месяцев. Получить их было необходимо в Испании на ярмарке Виллалона. Предполагалось транспортировать полученные деньги из Испании в Англию с решением от императора [2, Р. 49, N 135].

Испанская Севилья была основным портом, через который в Европу поступало серебро и золото из Америки. Т. Грэшему предоставлялась редкая возможность получить сразу большое количе-

ство серебра и, переправив его в Англию, обеспечить драгоценным металлом Монетный двор.

По поручению королевы Т. Грэшем должен был ехать в Испанию только с паспортом [2, Р. 94-95, N 220], т. е. в данном случае она исключала возможность контрабанды.

Однако паспорт оказалось получить не так просто. Дело было поручено послу, а тем временем Т. Грэшем прибыл в Брюссель, чтобы выяснить, не может ли он сослужить какую-либо службу императору или регентше в Испании. Сэр Дж. Мэйсон посоветовал ему обратиться с этим вопросом к епископу Аррасскому, который после дружелюбного приема сам перевел разговор на тему паспорта. Епископ был осведомлен о том, что английский посол написал просьбу императору, но тот еще не принял решения. Епископ намекнул, что если Т. Грэшем отправится в Испанию без паспорта императора, то ему не позволят вывезти оттуда деньги. Он посоветовал Т. Грэшему обратиться к регентше с вопросом, не может ли он сослужить ей какую-либо службу перед английской королевой, и заодно попросить ее узнать у императора о судьбе паспорта для него, т. к. может так случиться, что, когда он прибудет в Испанию, государя там уже не будет — то есть на месте разрешения получить будет не у кого. Вопрос был адресован регентше, и та, узнав о сумме, попросила Т. Грэшема составить письменный запрос и оставаться (во Фландрии) до тех пор, пока испаноязычный секретарь императора монсиньор де Эрассе не прибудет в Антверпен. Поэтому Т. Грэшем отправился обратно в Антверпен с намерением дожидаться его и затем последовать за ним в Брюссель [2, Р. 86-87, N 210; 3, Р. 150-152]. Спустя полтора месяца император говорил с сэром Дж. Мэйсоном о недовольстве, которое могут вызвать в Испании попытки вывезти такие суммы, ссылаясь на трудности, которые возникали у него самого, когда он выводил деньги из Испании для своих собственных нужд. Однако император обещал поговорить с тем, кто отвечает за финансы в Испании, и дать ответ через день или два [2, Р. 98-99, N 226].

Перед отъездом у Т. Грэшема был паспорт только на 200 000 дукатов. В Тайном совете ему рекомендовали обратиться за недоста-

ющим разрешением к принцессе португальской. Королева Мария и император тоже написали ей письма об этом [2, Р. 115-116, N 254]. О судьбе дополнительного разрешения ничего не известно. Из этого эпизода ясно, насколько сложна была в реализации практика запретов, основанных на буллионистских представлениях.

Эпизод четвертый. О том, как испанцы отреагировали на вывоз денег.

С конца июня до конца ноября 1554 г. Т. Грэшем практически не писал. Уже в конце ноября обнаруживаем его за непосредственным вывозом денег из Испании. После тщательного и неоднократного пересчитывания и упаковывания денег служащие таможи, несмотря на паспорт и письма Т. Грэшема, засомневались, действительно ли он был королевским агентом и обладал особыми полномочиями [для вывоза драгоценных металлов — М. А.].

Ему пришлось найти свидетелей, двух уроженцев Испании и двух англичан, для подтверждения достоверности почерка и печати королевы. После этого двое служащих приходили два дня подряд, открывали один ящик, снова пересчитывали его содержимое. Затем они проследили, как его снова упаковали, и только после этого на следующий день дали ему отплыть [2, Р. 141-142, N 297].

Тем временем горожане [commons of this town] были очень озабочены тем, что такие большие суммы денег покидали королевство, поскольку была очевидна нехватка денег по всей Испании (ожидавшийся Вест-Индский флот не прибыл вовремя в Севилью [3, Р. 156]).

Пока Т. Грэшем был в Вальядолиде, один из старейших банков Испании, банк Иоанна Иннингеса (John Innynges) и Октавиана Негроне (Octavian Negrone) объявил себя банкротом с долгами в размере 150 000 дукатов.

Т. Грэшем писал, что именно его действия считали там причиной этого банкротства. Поскольку по инструкциям он должен был получать только живые деньги [ready money], что очень раздражало горожан и банкиров, он и сам думал, что это может привести

к приостановке всех платежей и скажется на репутации королевы. Ф. Бродель писал о том, что в большой степени эти банкротства были вызваны все же сложившейся конъюнктурой [5, С. 199]. Недовольство горожан тем не менее было настолько велико, что Т. Грэшем опасался за свою безопасность, когда он будет перевозить деньги по суше до порта [2, Р. 141-142, N 297].

Итак, характерно, что противниками вывоза являлись горожане, а не власти. Власти лишь отвечали своими запретами на беспокойство горожан, при этом нередко принимая участие в контрабандных перевозках или тайно выдавая паспорт на вывоз. Т.о. буллионизм был не только правительственной, но скорее всеобщей идеологией.

Заключение. Пример организации транспортировки заемных средств в Англию в правление Марии Тюдор показателен, т.к. это время мира для стран, на территории которых Т. Грэшем заключал сделки по займам. И в это время средневековые буллионистские представления проявлялись в полной мере как в запретах на вывоз драгоценных металлов, так и в преодолении этих запретов. Уже в XVII в. буллионизм утратит значимость, поскольку с точки зрения классической политэкономии, невозможность вывоза денег очевидно вредит экономике. Едва ли такая быстрая перемена обусловлена различием в уровне понимания экономических процессов людьми двух столетий. Вероятнее, в реалиях XVI в. накопление богатств в пределах своих владений было оптимальным способом поддержания ликвидности королевской казны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Munro J. H. Bullionism and the Bill of Exchange in England, 1272–1663: A Study in Monetary Management and Popular Prejudice // The Dawn of Modern Banking.* New Haven: Yale University Press, 1979.
2. *Calendar of State papers, Foreign series, of the reign of Mary, 1553–1558 / Ed. by W. B. Turnbull.* London: Longman, Green, Longman & Roberts, 1861. P. 169-240.

3. *Burton J. W.* The life and times of Sir Thomas Gresham. 2 vols. London: R. Jennings, 1839.
4. *MacFarlane C.* The life of Sir Thomas Gresham: founder of the Royal Exchange. London: C. Knight & Co., 1845.
5. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. 3 т. М.: Языки славянской культуры, 2002-2004. Т. 2.

КАК ЖИТЬ В ИЗГНАНИИ? РЕЗИДЕНЦИИ КНЯЗЕЙ-ЭМИГРАНТОВ В ТРИДЦАТИЛЕТНЮЮ ВОЙНУ

Кризисы XVII века, прежде всего Тридцатилетняя война, глубоко затронувшая социальные структуры Старой империи, вызвали феномен вынужденной миграции целых групп дворянских семейств. Встряске подверглась сословная элита, и возник эффект своеобразной миграции отдельных сословных групп, тогда когда целые семьи превращались в настоящих изгоев, утративших собственные дома и превратившихся в людей целого христианского мира. В зависимости от статуса и материального положения, судьбы их сложились по-разному. В скитаниях на чужбине, в процессе преодоления превратностей социальной карьеры, зримо очерчивались границы возможностей сословного мира. До сих пор слабоизученным здесь остается вопрос адаптации на чужбине представителей опальных фамилий имперской знати, таких как Эбергарда Вюртембергского, маркграфа Георга Фридриха Баден Дурлахского. Судьбы попавших в 1621 г. под опалу пфальцских Виттельсбахов также все еще не стали предметом всестороннего анализа под углом зрения выработки стратегии адаптации и реставрации за счет менявшейся общественно-политической конъюнктуры. В тоже время эта семья хорошо иллюстрирует поведенческую модель представителей элиты, оказавшихся в условиях острого кризиса. В целом, изучая феномен политической миграции важно понять, как проходили формы сословной репрезентации и адаптации на чужой земле. Одной из таких форм репрезентации и одновременно адаптации служит устройство двора и резиденций семейств, вынужденных приспособиться к новым условиям.

Семья пфальцских Виттельсбахов и в частности Фридрих Пфальцкий известны своей коронацией в Чехии в 1619 г. Однако уже в 1620 г. протестантские войска терпят поражение в битве при Белой горе.

После побега самого Фридриха в Бреслау столицу Богемии занял Максимилиан Баварский. Тринадцатого ноября Фридрих был низложен в качестве чешского короля. Однако худшие последствия были впереди. Курфюрст Бранденбурга был женат на сестре Елизаветы — Екатерине. Будучи лютеранином, он не желал ссориться с императором, поэтому принял Елизавету и ее семью холодно, одолжил ей промерзлый замок. В нем в 1621 г. Елизавета родила пятого ребенка — Морица. Малыш был назван в честь Морица Оранского, и мать желала ему уже тогда военной карьеры.

О возвращении в Пфальц не было и речи, поэтому, оставив младенца на попечение Екатерине, семья уехала в Голландию, где их принял у себя упомянутый Мориц Оранский. В Мюнстере их встречал младший брат Фредерик-Генрих, который сопровождал беженцев в Гаагу. Семью ожидало добрая встреча. Фредерик-Генрих отдал свой замок им в распоряжении [1, Р. 87]. Были получены так же некоторые гранты из Англии и Шотландии.

Большое значение при дворе Елизавета приобрела и после смерти Морица, когда единственный сын нового штатгальтера и Амелии Сольмс-Браунфельсской, которая, между прочим, в свое время приехала в Голландию в составе свиты Елизаветы Богемской, будучи бесприданницей, женился на Марии, дочери Карла Стюарта.

Конечно, были у семьи и долги перед правящим домом, часть из которых взял на себя брат Елизаветы — Карл Стюарт. Старшие дети были отправлены на учебу в Лейден [2, S. 325], а у Виттельсбахов благодаря щедрости штатгальтера был там дом недалеко от Университета. Этот дом стоял на углу Рапенбурга и Лангенбурга.

А вот о матери Карл Людвиг писал, что она не стремилась завоевать любовь детей. По воспоминаниям Софии, младшей дочери, которая родилась только в 1630 г., Елизавета предпочитала обще-

ство своих семнадцати обезьянок и собак обществу детей. Довольно быстро Елизавета стала популярной среди местных дам, собрался вокруг нее и кружок почитателей, состоявший, в том числе, из английских послов в Гааге. К примеру, сэръ Томас Рой. Прозвище «Королевы Сердец» закрепилось за Елизаветой и здесь.

В Гааге семья пробыла не долго, переехав в Лейден. Но Рупрехт и Карл Людвиг были отправлены в Берлин к сестре и братьям вместе с детьми, рожденными в Гааге, как только последний подросли достаточно, чтобы выдержать три дня путешествий

София подробно описывает их повседневную жизнь. Двор у них был вполне в немецком стиле, распорядок дня распisan по часам. В одиннадцать часов предполагался обед, и это была целая церемония с множеством слуг, реверансов сестер для каждого брата. Им приносили чашу для омовения рук, прежде чем они садились за стол. И каждый день они знали, что будут есть. По воскресеньям и средам двух богословов или двух профессоров всегда приглашали отобедать с детьми [3, Р. 10].

Все дети — и мальчики, и девочки, были тщательно обучены теологии, согласно учению Кальвина. Как вспоминала София: «Знали Гейдельбергский катехизис весь наизусть, при этом, не понимая ни слова» [3, Р. 11].

Для мальчиков был составлен специальный учебный план: четыре часа отводилось им на отдых и физические упражнения, утром и вечером они посещали молитвы, читавшиеся на английском, после утренних — чтение Библии и учебные занятия. Они знали об истории реформации и религиозных спорах. Ходили в церковь по праздникам и воскресеньям. Кроме того, изучали историю, математику, юриспруденцию, говорили с легкостью на пяти-шести языках. В частности с матерью общались и писали ей на английском. Между собой дети с удовольствием использовали французский, часто совмещая его с голландскими и немецкими фразами.

Иногда мать звала детей в Гаагу, чтобы показать своим друзьям. София с горечью говорила, что они как будто бы табуны лошадей.

Жизнь в Лейдене была так же разнообразна визитами Фридриха в сопровождении англичан.

Когда в 1625 г. умер штатгальтер Мориц, то он завещал Елизавете среди прочего долю в добыче голландского флота, посланного для перехвата испанских галеонов с золотом из Мексики. В январе 1629 г. Фридрих отправился в Амстердам вместе с пятнадцатилетним старшим сыном, дабы требовать деньги жены. Достигли они Амстердама благополучно, а на обратном пути отплыли на небольшом судне, который был подбит. Фридриху удалось спастись, но юный Фридрих Генрих погиб. Крик сына — «Спаси меня отец» еще до самой смерти преследовал несчастного курфюрста. [3, Р. 13].

Вслед за этим пришли еще беды. Долги росли в той же степени, как и размеры самой семьи. Карл I даже закладывал свои драгоценности, чтобы помочь им. Чета вынуждена была переехать на виллу в Ренене близ Утрехта, где они надеялись быть более экономными. Елизавета была лишена общества, к которому привыкла, но здесь она нашла утешение в охоте. С собой она брала сыновей.

Фридриху на этой вилле было лучше. Но ухудшавшиеся здоровья только увеличивали его природную раздражительность: он стал чаще жаловаться на голландцев.

В 1631 г. Рупрехт вместе с остальными детьми отправился в Лейден.

В Лейдене принц Рупрехт скоро взял кредит, завел особо важные и дружественные связи. В общежитии Лейденского университета Рупрехт был вынужден остановиться под именем мистера Плалера.

Первого июня Рупрехт держал экзамен, и его привлекли к лекциям вместе с принцем Морицем, на которого наставник возлагал большие надежды. Предметы, которые они изучали, мало чем отличались, в принципе, от их домашнего обучения. Это была та же математика, латынь, занятия музыкой и верховой ездой. В Лейдене Рупрехт сошелся с принцем Ландсбергом, который составил ему компанию [2, S. 326].

Смерть отца глубоко тронула мальчиков, так как Фридрих был любим своими детьми. Положение Елизаветы отнюдь не было завидным: она потеряла мужа, первенца и еще двух детей, умерших в младенчестве — Людвига и Шарлотту. Сейчас она же осталась с десятью детьми и огромным количеством долгов. Несмотря на это в Елизавете сохранился прочный стержень, она не предавалась унынию, и это унаследовали ее дети, как и крепкое здоровье матери, а Рупрехт даже в два раза больше, чем остальные. София признается, что была весела в те дни, хотя им приходилось продавать жемчуга и другие драгоценности. Правда девочке было всего два года, и она вряд ли могла осознавать бедствие семьи. У детей была игра — будто бы они возвращаются в Пфальц и останавливаются по дороге в гостинице. Они поддерживали друг друга. Известно, что Луиза обладала невероятным талантом к живописи, она нередко продавала сове картины, чтобы принести какой-то доход семье. Были среди детей и прозвища. Так Карла прозвали Тимоном, а Рупрехта — дьяволом, за его грубые манеры и поспешность в поведении [3, Р. 18].

Когда все мальчики и девочки подросли, они были вывезены из Лейдена ко двору в Гааге. Здесь королева была на редкость оживленной: она устраивала домашние театры и маскарады. Голландцы относились к семье с любезной толерантностью, но английские пуритане были менее флегматичны. Когда в 1635 г. приехала делегация из Англии, чтобы выразить свое сочувствие, они довольно резко и с отвращением отнеслись к бегающим в масках принцам.

Примечательно, что когда в 1648 г. новый курфюрст Карл Людовиг вернулся в Пфальц, его мать осталась в Нидерландах вплоть до своей смерти.

Намного меньше мы знаем об устройстве резиденций маркграфа Баден-Дурлаханского и Эбергарда Вюртенбергского.

Тесно связана с судьбой пфальцских Виттельсбахов и жизнь маркграфов Баден-Дурлаханские. В 1622 г. Георг-Фридрих пришел на помощь пфальцским войскам, однако в битве при Вимпфене был разбит графом Тилли. Его сын Фридрих V унаследовал

маркграфство, которое теряет после 1629 г. Далее маркграф, как и пфальцкий курфюрст, присоединяется к шведскому королю Густаву-Адольфу в надежде на возвращение утерянных земель и статуса. С 1638 г. маркграф возвращает северную часть маркграфства, а в ходе переговоров 1643–1648 гг. оформляются условия реституции.

Итак, после поражения в битве при Нердлинге в 1634 г., когда утасли все надежды на шведское влияние, Фридрих спешно бежит из страны. Сначала в Страсбург, а затем, предвидя свою долгосрочную перспективу, в нейтральный Базель. Прибывает он туда 18 октября 1635 г., принят хорошо, приобретает 19 марта усадьбу Хаген по Райнспрунг.

Как и Виттельсбахов, маркграфа преследовали денежные трудности и угроза публичного суда с кредиторами. Еще в 1641 г., во время его отсутствия кредиторы подали иск. 19 мая 1644 г. Фридрих подал ходяйство и сумел на год откупиться 366 гульденами. Тем не менее, дело продолжалось еще несколько лет.

Эбергард Вюртенбургский после неудачных военных стычек и сражений спешно находит приют для себя и своей матери в Страсбурге [4]. Вполне возможно, он снимал Рюлев дом на площади Святого Фомы. Двор герцога оскуднел. Его материальное положение оставалось плачевным, в прочем как и пошатнулась его сословная репутация. Эбергард из Страсбурга писал письма своим старым друзьям, таким же дворянам, оставшимся в Империи с просьбой помочь материально или приехать на похороны матери (к сожалению Эбергарда пышной траурной церемонии не состоялось). Не находит Эбергард и поддержки во время своей скандальной женитьбы на женщине ниже его по положению.

Подводя итог, можно проследить схожие и различные признаки немецкого дворянина, находившегося в вынужденной эмиграции. Совпадающими и главными признаками оставалось бедственное положение семей и потеря земельного и сословного статуса, ведь дворянин без земли не дворянин. Семьи мигрантов старались найти себе новый дом, однако они считали его лишь своим временным

жилищем. Другое дело, что Виттельсбахи смогли более-менее продолжить свой образ жизни или хотя бы попытаться создать картину ушедших дней. В свою очередь, маркграф и герцог, по положению ниже семьи курфюрста и не имевшие влиятельных родственников, находились ближе к границам Священной Римской империи и имели больше шансов на реституцию своих исконных земель.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bentley R.* Memoirs of the Princess Palatine princess of Bohemia. L., 1853.
2. *Berichte des Johann Heinriche Stern über das Leben der Prinzen und Prinzessinnen in Leiden und Haag. 1631–1633 // Schmidt F.* Geschichte der Erziehung der pfälzischen Wittelsbacher. B., 1899.
3. *Scott E.* Rupert Prince of Palatine. N. Y., 1900.
4. HSTASt G 67 Bü 23. Черновик письма Барбары Софии Эбергарду от 14 августа из Дурлаха.

III

ОБРАЗ И ТЕКСТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

АЛЕКСЕЕВА М. С.

Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина

**АНТИХРИСТ ИЛИ ИРЛАНДСКИЙ КОРОЛЬ?
«ВИДЕНИЕ ТНУГДАЛА» И
ЕГО СКУЛЬПТУРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ**

Городская церковь Святого Иакова в южнонемецком городе Регенсбурге с XII–XIX в. являлась частью, основанного ирландскими миссионерами ок. 1070 – 1080 гг. монастыря (в 1862 г. монастырь был преобразован в семинарию); этому монастырю суждено было стать главным материнским аббатством будущей конгрегации ирландских монастырей на территории Германии. Среди прочих манускриптов в регенсбургском аббатстве Святого Иакова в 1148–1149 гг. ирландским монахом Марком был создан текст под названием «Видение Тнугдала», который рассказывал об ирландском рыцаре Тнугдале, совершившем путешествие в Ад и Рай и вернувшемся из них.

История представлена читателю как видение этого человека, чья душа временно покидает тело и вместе с его ангелом-хранителем отправляется в мир мертвых. Марк — автор «Видения Тнугдала» — постарался создать убедительную историю, упоминая важные события того времени. В тексте есть упоминание того, что сам рыцарь происходил из города Кашел (Cashel) и перед своим видением он обедал у друга в Корке, которого навещал с целью забрать долг. Интересно, что второй по счету аббат монастыря Святого Иакова в Регенсбурге Дирмициус (1121–1133) отправил двух плотников из Регенсбурга — Конрада и Уильяма (которые сами, возможно, были ирландского происхождения) в Ирландию, чтобы те помогли со строительством Капеллы короля Кормака Мак Картайга

(Cormac Mac Carthaigh) на Скале Кашел, а также для того, чтобы, по-видимому, собрать средства на возведение нового здания церкви Святого Иакова в самом Регенсбурге — об этом сообщается в двух манускриптах местного скриптория. Большинство исследователей полагают, что Капелла Кормака (1127–1134) на Скале Кашел (Rock of Cashel), являясь частью большого архитектурного комплекса, своей композицией и в особенности двумя квадратными в основании башнями на фасаде восходит к церкви Святого Иакова в Регенсбурге (башни-прототипы из Регенсбурга, венчающие апсиду, были возведены в 1112 г.). И, если башни регенсбургской церкви служили моделью для Капеллы в Кашеле, то структура Северного портала церкви Святого Иакова была частично вдохновлена фасадом (тоже северным) Капеллы Кормака в Кашеле. Несмотря на то, что размеры портала Капеллы Кормака превосходили портал церкви Святого Иакова, очевидно схожи членения по горизонтальным регистрам, а также неглубокие слепые аркады, опирающиеся на полуколонны и небольшого размера тимпан над дверным проемом.

Сложившаяся трактовка образов на Северном портале церкви заключается в том, что его условно делят на две зоны: «добродетельную» (восточную) и «греховную» (западная). Такая интерпретация имеет место быть, однако добродетельные персонажи часто оказываются в зоне греха и наоборот, что вызывает закономерные сомнения касательно такой прямолинейной трактовки. Поэтому, сравнение текста «Видения Тнугдала» со скульптурными изображениями на Северном портале церкви дает основание для нового предположения, заключающегося в том, что вербальные образы этого местного манускрипта могли быть частично визуализированы в виде скульптуры на портале.

Анализ текста дает возможность по-новому интерпретировать многие фигуры на портале, в частности, главную фигуру западной части портала — сидящего на троне человека. Единственная на данный момент концепция принадлежит Р. Штробелю и он трактовал эту фигуру как изображение Антихриста [1, S. 32]. Выступая в каче-

стве антипода Христа, он сопровождается с обеих сторон агрессивными, враждебными животными, которые, согласно диалектике, должны трактоваться положительно.

В тексте «Видений Тнугдала» присутствуют упоминания и описание страшных существ и чудовищ, которые населяют Ад и мучают грешников — в том числе и самого рыцаря, и почти всех этих персонажей можно найти на Северном портале церкви.

По мнению Р. Штробеля, под фигурой Антихриста средневековый мастер поместил изображение крокодила, заглатывающего гидру (Enidros), которая, согласно бестиариям, являясь злейшим его врагом, должна была разорвать внутренности и тем самым его умертвить, а сама выйти наружу. Этот сюжет обычно трактовался в средневековых бестиариях как символ Воскресения Христа. Однако нет точных свидетельств того, что изображен именно крокодил, это могло быть и какое-то совершенно иное животное (безусловно, живых крокодилов средневековые мастера видеть не могли, и его изображения в бестиариях очень разнообразны и абсолютно неправдоподобны), и заглатывает это существо некий шарообразный объект. Вполне возможно, этот шар мог быть головой одного из грешников, которых в «Видениях Тнугдала» пожирали разные чудовища, и это был один из чаще всего встречающихся видов адских мук. Этот мотив также достаточно часто встречается в германских сказаниях о героях, например, в легенде об освобождении героя Синтрама из пасти дракона или сюжете, связанном с королем Ортнитом (упоминается в «Саге о Дитрихе из Берна» (Thidrekssaga)). Такая сцена представлена на одном из тимпанов замка Вартбург (вторая половина XII в.): двуногий крылатый дракон с закручивающимся в виде кольца хвостом (как и у того существа на Северном портале церкви Святого Иакова в Регенсбурге) пытается проглотить человека, одетого в кольчугу и шлем со спускающимся забралом. Рыцарский щит с большим гербом висит у него на ленте, прикрепленной к плечу. Дракон как будто хочет проглотить человека, но герой хватается, защищаясь, его челюсть. Мотив дракона, заглатывающего рыцаря,

встречается на тимпане западного фасада церкви Святого Михаила в Альтенштадте (около 1140 г.) — это иллюстрация к героической легенде о Дитрихе из Берна [2, Р. 94]. Среди аналогий вне Германии — драматический рельеф на абаке одной из капителей южного портала собора в Вероне (середина XII в.). Также в качестве примера можно привести и бронзовый акваманил, хранящийся в Государственном Эрмитаже (Англия или Лотарингия. Конец XII – начало XIII вв.), изображающий борьбу дракона и рыцаря в два этапа: вначале рыцарь сражается на равных и не желает сдаваться, а затем мы уже видим только его ноги, торчащие из драконовой пасти.

Тот персонаж, которого Рихард Штробель интерпретировал как Антихриста, представлен в виде бородатого человека в короне, сидящего на троне. Отсылка на то, что эта фигура — непосредственный антипод Христа, нет; эта теория поддерживается только идеей, что западная часть должна нести в себе негативный посыл. Однако в тексте «Видения Тнугдала» мы можем обнаружить описание [3, Р. 144-145] сидящего на троне человека в короне, этим человеком является король Кормак Мак Картайг, умерший за десять лет до того времени, когда Тнугдал с ангелом спустился в мир мертвых. Перед сидящим на троне королем выстроилась очередь людей с драгоценными дарами. Рыцарь поинтересовался у ангела, являются ли эти выражающие ему почтение люди слугами и свитой Кормака, потому что он, будучи раньше его рыцарем, сам лично никого не узнает. На это ангел ответил, что это многочисленные бедняки, пилигримы и монахи, которым Кормак при жизни щедро помогал, и эти богатства («плод его труда» [3, Р. 144]) ему теперь ими же и возвращаются. На Северном портале под этой сидящей фигурой проступают изображения людей с Евангелием в руках — монах, паломник и миссионер — как будто часть этой вереницы людей, почитающих Кормака.

Фигура Кормака не случайно находится в «греховной» западной части портала: зал с тронном короля находился не в Раю, а в Аду, и каждый день, двадцать один час короля чествуют паломники и

монахи, а в течение трех часов он испытывает муки огненного котла и власяницы, как грешник (за то, что «он запятнал святость законного брака» и за то, что «он заказал убийство одного из своих вассалов, которое произошло у алтаря Святого Патрика» [3, Р. 145]). Однако именно то, что Кормак при жизни активно поддерживал монахов, миссионеров и пилигримов, дало ему возможность иметь покой в течение того двадцати одного часа и заслуженное место на романском портале церкви Святого Иакова в Регенсбурге.

На то, что на троне восседает не Антихрист, также указывает и поза, в которой эта фигура сидит: колени сомкнуты, а ноги от колен расходятся в разные стороны. Эта расположение ног создает аллюзию на позу со скрещивающимися ногами, а это изначально было признаком того, что перед нами правитель; позже так стали изображать крестоносцев [4; 5]. Подтвердить предположение, что сидящая на троне фигура является королем Кормаком, можно тем, что Марк упоминает пожертвование на строительство монастыря Святого Иакова некими двумя ирландскими королями [7, Р. 3], более того, вспоминается уже рассказанная выше история о том, как строители из Регенсбурга отправлялись в Кашел с целью не только помочь с возведением Капеллы короля Кормака, но и собрать средства на строительство монастыря Святого Иакова в Регенсбурге. Возможно, решив отблагодарить ирландского короля, мастера и разместили его изображение на фасаде церкви.

Предложенная концепция не противоречит традиционной интерпретации скульптурной программы Северного портала как пространства, на котором разыгрывается борьба Добра (восточная часть портала) и Зла (западная часть портала), однако дополняет ее разработки, которые существуют на данный момент в иконографии скульптуры этого романского портала, рассматривая некоторые скульптурные изображения как визуальное воплощение встречающихся в тексте «Видения Тнугдала» образов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Strobel R.* Schottenkirche St. Jakob. Regensburg. Regensburg: Schell — Steiner, 2006. 31 s.
2. *Curschmann M.* Heroic Legend and Scriptural Message: The Case of St. Michael's in Altenstadt. Objects, images and the world. Art in service of the liturgy / Ed. by C. Hourihane. Princeton, 2003. P. 94-104.
3. *The Vision of Tnugdál* / Translated by Jean-Michel Picard, with introduction by Yolande de Pontfarcy. Dublin: Four Courts Press Ltd, 1989. 162 p.
4. *Dressler R.* Cross-legged knights and signification in English Medieval tomb sculpture. *Studies in iconography*. Vol. 21. Board of Trustees of Western Michigan University, 2000. P. 91-121.
5. *Harris O. S.* Antiquarian Attitudes: Crossed Legs, Crusaders and Evolution of an Idea. *The Antiquaries Journal*. Vol. 90, September 2010. P. 401-440.
6. *Kren T., Wieck R. S.* *The Visions of Tondal from the library of Margaret of York*. Malibu: The J. Paul Getty Museum, 1990. 62 p.

**ДЬЯВОЛ И ДЕМОН НА НЕБЕСНОМ СУДЕ
В ТРАКТАТЕ БАРТОЛО ДА САССОФЕРРАТО
«ПРОЦЕСС САТАНЫ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА»**

Трактат «Процесс сатаны против человеческого рода», чье авторство приписывается знаменитому адвокату и профессору факультетов права университетов Перуджи и Пизы Бартоло да Сассоферрато (1313/1314–1357), является удивительным феноменом культуры европейского позднего Средневековья. Впервые сюжет, объединяющий тексты круга «Процессов сатаны» или «Satanprozessen», появляется в XII в. [1, S. 233]. В то время как участники и детали могут варьироваться, некоторые характеристики остаются неизменными: сюжет повествует о небесном суде, на котором сатана отстаивает свое право на обладание всем человеческим родом, которое он потерял после искупительной жертвы Христа. Ему противостоит либо сам Иисус Христос, либо, как в данном случае, защитница человечества Дева Мария. В ходе долгой тяжбы дьявол прибегает к помощи демонов, но, в конце концов, проигрывает дело и с позором удаляется в преисподнюю. По сюжету же трактата «Процесс сатаны против человеческого рода» дьявол назначает себе помощника — демона-прокуратора, который должен представлять его интересы в суде. Этот демон подкован в знании как римского, так и канонического права, без труда цитирует Священное Писание и кажется опасным противником Девы Марии в суде. Но с этим образом связано и множество загадок. Демон избирается на свою должность в Аду на совете «адской злобы», которая в то же время является советом отдельных демонов и совокупностью пороков. Став представителем «адской злобы» («procurator nequitie

infernalis»), демон начинает представлять в суде интересы самого дьявола, что позволяет приравнять сатану к совокупности грехов. Более того, во время хода процесса через демона, будто через маску, в судилище вступает сам властитель Ада.

Таким образом, основная проблема, которая встает перед читателем текста, заключается в отсутствии четких границ между дьяволом, его избранным представителем и даже всем советом демонов Преисподней. Чтобы разобраться в этом вопросе, нам прежде всего следует описать ту природу, которой по представлениям средневековых богословов обладали демоны. Как отмечает А. Е. Махов в своей монографии «Hortus daemonum. Словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения»: «Подлинно ли, иллюзорно ли тело демона — оно отличается, при всем своем внешнем сходстве с человеческим или животным, пугающей изменчивостью. В описании Вира демон лишен всякого участия в устойчивом, пребывающем бытии; принимая ту или иную форму, он не в состоянии в ней долго удержаться и тут же перетекает в другую...» [2, С. 88]. Более того, демоны изменчивы не только по своей природе, они не присутствуют ни в одном отдельном месте, но сразу во многих [2, С. 180]. В подтверждение данного тезиса можно привести любопытную деталь из «Процесса сатаны»: «И хотя демон, как сказано, есть всюду, разумеется, потенциально, все же его наказание никоим образом ничем не облегчается, поскольку он остается осужденным к вечным адским мукам» [3]. Вездесущая природа демона позволяет ему пребывать в любом месте в любой момент времени, но также является и его слабостью, ведь он не может освободиться от своего наказания и претерпевает его вечно и повсеместно. Здесь демон является частью той самой совокупности пороков, которая является «адской злобой» и к которой принадлежит и сам дьявол. Но его истинная природа открывается читателю лишь значительно позже.

На первый взгляд кажется, что перед нами предстают два отдельных, самостоятельно действующих персонажа. По сюжету дьявол не покидает границ своих владений и отправляет вместо себя

«достаточно обученного» и сообразительного демона, избранного на совете «адской злобы». В тексте практически не описывается этап наделения демона полномочиями представителя, этап *intentio*, лишь в самом начале трактата упоминается следующая деталь: «И потому замыслила адская злоба после долгого и тяжкого зловредного совета, послать прокуратора, достаточно обученного, в присутствии Иисуса Христа для предъявления претензии, чтобы человеческий род вернулся к своему прежнему рабству...» [3, S. 2]. Этап *actio* раскрывается позже, после того, как Дева Мария произносит такие слова, отвечая на один из выпадов демона: «Но я не вижу истца, который является первым основным элементом суда...» [3, S. 8]. На это демон показывает свой документ о представительстве, написанный и скрепленный на земле. Таким образом, демон становится абсолютно законным участником процесса, единственно присутствующим в суде со стороны истца. В отличие от своего господина демон обладает физическим обликом, ярко отражающим его греховную сущность. Сперва он ведет себя достаточно кротко, и Мария, только что появившаяся в суде, видит перед собой демона, «смирненного видом и дерзкого духом», пытающегося скрыть свои злобные намерения. Но по мере развития процесса, когда демону становится ясно, что он проигрывает дело, он теряет все свое терпение, принимается «скрипеть зубами», становится «враждебным лицом» и «ужасным видом и взором». Все эти описания дают нам возможность представить демона, описывают внешность представителя адской злобы так, как если бы он был отдельным персонажем «Процесса сатаны».

С другой стороны, может показаться, что сатана-истец абсолютно пассивен и не играет на суде никакой особой роли, но в ходе тяжбы становится ясно, что дьявол не хочет выпускать дело из своих рук. При этом в тексте нет упоминаний о внешнем облике дьявола, его описание дается лишь через определенные титулы. К фигуре дьявола в средневековой традиции относится множество устоявшихся обозначений, которые, в частности, были сведены воедино в уже упомянутой работе А. Е. Махова. Большое количе-

ство описаний дьявола, к которым обращаются как Христос, так и Дева Мария, отсылают к текстам Ветхого и Нового Завета. Дьявол зовется «гордым», «предателем», «павшим с небес из-за гордыни», «лишенным ангельского чина», «отверженным». Все эти титулы связаны с историей падения ангела Люцифера, возгордившегося и попытавшегося уподобиться Богу, за что он и был изгнан из Рая вместе с другими падшими ангелами и заточен в Аду. Дьявол также носит титул «лукавого», «обманщика», как являющегося истоком всей лжи мира. Дьявол предстает как «злостный враг» человеческого рода. Само грехопадение, к которому он толкнул Адама и Еву, попытки вернуть человечество в прежнее рабское состояние лишь закрепляют за ним этот статус.

Особенно интересным являются определения «князь мира сего», «князь нечестивых грешников». Так себя называет сам дьявол в лице демона, в доказательство своих слов, приведший Евангелие: «Вы знаете, что я являюсь князем мира сего, и так обо мне говорит Священное Писание» [3, S. 16]. Этот дьявольский титул можно назвать выделяющимся среди остальных. Если все остальные звания каким-либо образом связаны с прегрешениями дьявола, указывают на его слабость и ничтожность по сравнению с Девой Марией и Христом, то «князь мира сего» отсылает к дьявольской силе, власти. Дьявол прибегает к этому титулу неслучайно, ведь именно с помощью него он пытается поставить себя на один уровень с Иисусом Христом, «князем добродетельных и праведных». Следуя этому своему статусу, он пытается сохранить за собой право на обладание грешниками, чьим правителем он и является, оставляя за Христом право на обладание людьми добродетельными.

Таким образом, если демон обладает вполне осязаемым и индивидуальным образом, то дьявола в первую очередь можно опознать по титулам, отсылающим к сюжетам, описанным в Священном Писании. Изгнание из Рая за гордыню, грехопадение Адама и Евы, искушение Христа в пустыне — обо всех этих событиях упоминают Христос и Мария, давая дьяволу понять, что его злые деяния не за-

быты и должны быть взяты во внимание при принятии решения о судьбе человеческого рода. Но также существует и группа амбивалентных описаний, относящихся как к демону, так и к дьяволу. Этими названиями являются — «лукавый», «изворотливый», «грубый», «бесстыдный», «хитрец», «обманщик», «позорный», «коварный», «свирепый», «несчастный», «жалкий», «дурной», «злой». Каждое из данных описаний отсылает к греховной природе как демона, так и дьявола, к собирательному образу зла. Такие названия вполне могут служить одним из свидетельств неразделимости образов дьявола и демона, ведь последний относится к первому как часть к целому, а следовательно, на него переносятся и его атрибуты.

Демон становится настоящим воплощением понятия римского права «persona» — участника суда, или «маски» в изначальном переводе. Он обладает вполне осязаемой формой, имеет нужные официальные документы и легально присутствует на суде. И в таком ключе демон отлично исполняет свою роль, становясь оболочкой для сатаны, который незаметно вмешивается в ход дела. Это объясняет столь частые обращения Марии и Иисуса Христа непосредственно к дьяволу, хотя физически он не находится в присутствии. Показателен момент, когда Христос напоминает дьяволу, скрывшемуся за личиной демона, об истории его падения и свержения из Рая: «И ты знаешь, что с земли до неба путь долог, и этот путь ты знаешь хорошо, потому как нашей властью пал с небес из-за своей гордыни» [3, S. 4]. Ангелы, призывающие Деву Марию в небесный суд для защиты человеческого рода, произносят следующие слова: «О, защитница человеческого рода, узри изворотливого прокуратора адской злобы, проклятого за его необъятную гордыню, которую имел, пока пребывал меж нами» [3, S. 7]. В своих словах они смешивают образы демона и дьявола, и пересказывают историю Люцифера, как если бы она относилась к демону-прокуратору! Но наиболее показательной становится фраза, сказанная Девой Марией Христу: «Также в иске утверждается, что демон вызвал ординарного помощника, и сам вошел в суд, о чем я упоминала выше, и в его образе явился...»

[3, S.14]. Противореча раннее сказанному, Мария тем не менее показывает, что демон и дьявол не смогли ввести ее в заблуждение, она распознала установленную между ними связь. С помощью слов защитницы человеческого рода становится возможным разобраться в соотношении образов дьявола и демона.

Ранее мы уже упоминали о постоянно изменяющейся, нестабильной природе демонов. Сам дьявол становится частью совокупности зла, может свободно входить в оболочку одного из своих подчиненных. Адский совет то распадается на отдельных демонов (например, в тексте упоминается имя Вельзевула), то становится адской злобой. Она может равняться самому властителю Преисподней, ведь демон является представителем именно ее интересов, либо действовать самостоятельно: в прологе упоминаются «адская злоба и безудержная похоть», желающие помешать Пилату казнить Христа и тем самым предотвратить акт искупления всего человечества. Дьявол, таким образом, является некой неустойчивой субстанцией, не обладающей определенным физическим обликом, но имеющей возможность принимать форму демонов. С определенными оговорками можно провести аналогию между связями внутри Святой Троицы и связью дьявола и демона, ведь, будто пародируя Троицу, они неразделимы, но в то же время могут действовать самостоятельно.

Образ дьявола и демона выстраивается и в противопоставлении образам Девы Марии и Христа, а также в противостоянии Ада и Рая. Мир «Процесса сатаны» строго симметричен, и дьявол и демон занимают в нем определенные места. В глаза бросаются аналогии образов Ада и Рая: если в Преисподней царит «скрежет зубовой», то в Раю звучат ангельские трубы, конец тяжбы отмечается хором ангелов. Четкая симметрия прослеживается между демонами, включенными в состав «совета адской злобы», и сонмом ангелов и небесного войска. Если совет выдвигает от себя одного избранного демона, то ангельский хор призывает на суд Деву Марию, которая становится защитницей человеческого рода. Демон-представитель

формально соответствует Богородице по занимаемой роли в суде. Но даже несмотря на практически полную симметрию сил зла и сил света, между ними нет баланса, ведь сказано, что дьявол «не имел никаких друзей в суде», и следовательно, не мог рассчитывать на поддержку во время тяжбы и довольствовался лишь советами своих приспешников. Симметрия прослеживается и в актах скрепления самых важных документов «Процесса» — поручительства демона о представительстве и финальном заключении Иисуса Христа. Документ о представительстве становится действительным лишь после составления его у земного публичного нотариуса, а последний приговор Христа Судии записывается и затем всенародно зачитывается «Иоанном евангелистом, нотариусом Господа нашего Иисуса Христа и публичным секретарем названного собрания» [3, S. 23]. Образы Рая и Ада также перекликаются: если в пространстве Рая мы слышим ангельские трубы, торжественно призывающие Деву Марию на защиту человеческого рода, возвещающие об исполнении высшей воли Христа, то в Аду демонов встречает пронзительный зубовой скрежет и ужасный шум.

Но между этими двумя пространствами находится и человеческий мир, являющийся в некотором роде осью симметрии для Ада и Рая. Особый интерес представляет связь демона с человечеством. Хотя демон и избирается на совете адской злобы и сразу поднимается из Ада на Небеса, чтобы отстаивать права своего повелителя, в середине трактата становится известно, что он успел побывать и на земле. Дева Мария заставляет его предоставить официальный документ, который оказывается записан и скреплен в мире смертных: «Отвечает демон: Сторона истца подтверждается, разумеется, моим поручительством о представительстве, выше уже предьявленном, составленном и записанном рукой публичного нотариуса в год Господний 1301, индикта первого, в присутствии Рафина Маккавея и Цербаро и многих других, приглашенных, попрошенных и призванных быть свидетелями при составлении грамоты поручительства о представительстве» [3, S. 8]. Демон точно указывает дату

подписания поручительства, что позволяет нам отнести события самого небесного суда к определенному земному времени. Таким образом, через демона ход процесса встраивается и в примерное время написания трактата, становится четко локализованным событием, произошедшим не так давно.

Сюжет трактата «Процесс сатаны против человеческого рода» во многом зависит от дьявола и демона, которые играют в нем одни из главных ролей. Именно дьявол является зачинателем процесса, в то время как демон дает ему возможность появиться в небесном суде и тягаться с Девой Марией. Дьявол оказывается чрезвычайно подкован в знании римского и канонического права, он является знатоком Священного Писания. Также, именно фигуры дьявола и демона, хотя они и являются врагами человечества, позволяют автору встроить сюжет трактата в исторические реалии XIV в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Cardelle de Hartmann C.* Lateinische Dialoge 1200–1400. Literaturhistorische Studie und repertorium. Leiden, Boston: Brill, 2007.
2. *Махов А. Е.* Hortus daemonum. Словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения. М.: Intrada, 2014. 320 с.
3. *Bartolo da Sassoferrato.* Processus satanae contra genus humanum. Leipzig: Gregor Boettiger, ca. 1495. 24 p.

ЦВЕТЫ В ИСПАНСКОЙ ЖИВОПИСИ XV ВЕКА

Изображения цветов, а также некоторые их символические значения в той или иной мере перешли в раннее Средневековье из античной традиции. Но с течением времени характер растительных изображений видоизменялся, в живописной композиции им начинали отводиться иные места, усложнялась или упрощалась их символика. Анализ изображений цветов в испанском искусстве XV в. помогает определить роль этих изображений в формировании испанского цветочного натюрморта XVII в.

Среди флоральных изображений в испанской живописи XV в. можно выделить несколько относительно четко определяемых групп, которые помогают приблизиться к семантическому толкованию образа цветка в данный период.

В ранних изображениях того или иного цветка живописный образ растения часто сведен к знаку. Во фронтале св. Доминика (первая четверть XIV в., Барселона, Национальный музей искусства Каталонии) — изображение лилии в руках святого крайне условно. Тем не менее, это изображение помогает зрителю безошибочно идентифицировать образ святого. Мастера не волнует ботаническая точность.

История растения как атрибута того или иного святого крайне обширна. Мы ограничимся самыми показательными примерами.

Одним из самых распространенных изображений цветка следует считать лилию. Мишель Пастуро называет ее одним из наиболее часто встречающихся изображений цветов на протяжении всей истории человечества. При множестве предполагаемых трактовок исследователь называет три основных компонента ее символиче-

ского истолкования — непорочность, плодovitость и власть [1, С. 102]. В Средние века лилия всегда содержала устойчивый религиозный символический подтекст, главным образом христологический. Отцы Церкви неоднократно цитируют строфу из Песни Песней: «Я — нарцисс Саронский, лилия долин» (Песнь 2:1). С периода раннего Средневековья, вплоть до XIII в. Христа неоднократно изображали в окружении лилий. С 1000 г. лилия начинает четко ассоциироваться с культом Девы Марии [1, С. 104]. «Что лилия между тернами, что возлюбленная моя между девами» (Песнь 2:2). Лилия означает непорочность Богоматери, также цветок лилии служил символом страданий и всепоглощающего горя Богоматери из-за смерти Сына.

Эрмитажное «Положение во гроб» неизвестного испанского мастера, выполненное в начале XV в., содержит изображения нескольких видов цветов. Ирисы, розы, гвоздика и лилии изображены очень детализированно, с большим вниманием к их реальной природе. Лилия в контексте этой картины соединяет в себе богородичную и христологическую символику. Ирисы являются символом страданий Богоматери. Мишель Пастуро справедливо полагает, что, возможно, в основе образа геральдической лилии лежит изображение сразу нескольких растений, а именно — дрока, ириса, руты [1, С. 105]. Таким образом, символические значения ириса и лилии тесно переплетаются. Роза — символ ран Христовых, и в то же время широко принятый с XV в. богородичный символ. Таким образом, в данном произведении можно найти символическую программу, построенную на соединении богородичной и христологической символики.

В Европе в XV в. лилия уступает первенство розе. Испанская живопись была одной из наиболее консервативных, и, возможно, именно поэтому испанские художники и в это время не теряли интереса к изображению лилии. В основном мы встречаем лилию в сцене Благовещенья, изображениях Мадонны с Младенцем. Известно «Крещение» Мастера из Бадалоны (первая треть XV в., Барселона,

Национальный музей искусства Каталонии), в котором Христос и Иоанн Креститель представлены в окружении лилий. Святые доминиканского ордена в испанской живописи зачастую предстают с лилиями в руках. Особенно интересно одно из изображений Екатерины Сиенской (Мастер св. Иоанна и св. Эстебана, ок. 1450, Барселона, Национальный музей искусства Каталонии). Ее руки, отмеченные стигматами, держат белые лилии, свидетельствующие о ее особой связи с Девой Марией. Особенно любопытен тот факт, что данное произведение создано после запрета на изображение Екатерины со стигматами.

Несмотря на внимание к изображению лилии, испанские художники откликаются на общие настроения времени и начинают все активнее включать в свои произведения изображение розы. Наряду с символизированием ран Христовых, роза становится олицетворением галантной любви. Успех «Романа о розе» и растущий интерес к «Метаморфозам» Овидия, переведенным на испанский еще в XIV в., обусловили рост популярности образа розы в испанском искусстве. Розы встречаются не только в произведениях светских жанров, но и в религиозной живописи. Даже лилия в руках Мадонны с младенцем заменяется хрупкой розой.

Разумеется, роза присутствовала в произведениях испанских художников и ранее. Но в XV в. розы изображаются не только как атрибут Мадонны, часто они представлены в руках ангелов, украшают их венки, лепестки и соцветия роз рассыпаны повсюду в сценах подношений святым и Марии.

Иконографический тип «чудо с розами» обретает свои устойчивые черты. Легенда, послужившая источником для этой иконографии, была известна не только в Испании. Самой популярной считается версия легенды о Елизавете Венгерской, но в ней явно проступают испанские корни. Мотив превращения хлеба в цветы нашел свое отражение в позднесредневековой живописи в изображении святых с подолами, полными роз. В «Путешествии Св. Урсулы» (Жуан Рейсак, 1468, Барселона, Национальный музей искусства

Каталонии) в нижней пределле таковым является изображение св. Кассильды.

Роза понимается как наипрекраснейший цветок, достойный Царицы Небесной. Как правило, он красный, небольшого размера и изображен в руках Мадонны или преподносится ей кем-то из святых. Белые розы встречаются крайне редко. Красный цвет, в средневековом сознании не отделимый от воспоминаний о цвете крови Христовой, должен был в ярких, празднично окрашенных образах Богоматери и Младенца напоминать зрителю об уготованных Спасителю грядущих страстях [2, С. 364].

После XV в. цветы как атрибуты святых не уходят из испанской иконографической системы. В полотнах Сурбарана мы часто видим лепестки цветов, символизирующие кровь святых мучеников, иконография «Чуда с розами» почти без изменений будет воспринята искусством барокко, что доказывают изображения святой Кассильды (Франсиско де Субаран, 1630–1635, Мадрид, Музей Тиссена-Борнемисы) и святого Диего из Алькалы (Франсиско де Сурбаран, 1658–1660, Мадрид, Прадо).

Но только ли в атрибутах осуществлялось сохранение флоральной символики? Существовал определенный круг иконографических типов, также связанных с растительным миром — Мадонна в розовой беседке, Мадонна на дерновой скамье, и, особенно интересный для нас, *Hortus conclusus*. Данный образ представляет собой изображение Мадонны с младенцем в саду, обнесенном стеной, а его название восходит к цитате из Песни Песней: «Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник» (4:12). Этот иконографический тип редок для Испании, но тем интереснее представляется нам декоративное решение Залы Капитула Толедского собора (Хуан де Бургонья, 1508–1510), которое опирается на принципы *Hortus Conclusus*. В композиции Возложение риз св. Идельфонсо присутствует миниатюрное аллегорическое изображение католической Церкви среди кипарисов окруженной стеной, что отсылает к рассматриваемому типу изображений. Кро-

ме религиозных сюжетов, в росписи Аванзалы перед Залой Капитула также представлены изображения окон, на подоконниках которых изображены вазоны с гвоздиками и лилиями, — цветами, в европейском сознании начиная со средневековья, прочно ассоциирующимися с Мадонной. Испанский исследователь А. Авила отмечает, что декоративное решение, воплощенное в соединении интерьера и экстерьера, реального и ирреального, указывает на его связь с типом *Hortus Conclusus* [3, Р. 76]. Цветочные композиции этой росписи весьма лаконичны в художественном исполнении, отсутствие лишних деталей и строгость композиции напоминают нам о *floreros* — испанских цветочных натюрмортах XV в. Справедливо предположить, что переходную ступень от религиозных сюжетов с флоральными мотивами к светским следует искать именно в подобных изображениях.

Глубина семантики символики цветов, включенных в произведение на религиозную тему, достаточно очевидна. Интересной нам представляется проблема актуальности данной символической трактовки для более поздних изображений.

Цветочная тема была популярна не столько в чисто декоративных натюрмортах, сколько в изображениях, предназначенных для вдумчивого восприятия. Отсюда лаконичность испанского цветочного натюрморта, порой сведенного к единственному сосуду с определенным набором растений. Слишком смело утверждать, что натюрморты Хуана Фернандеса «Лабрадора» или Сурбарана напрямую наследуют изображениям ваз с лилиями из позднесредневековых Благовещений и других религиозных композиций, однако преемственность испанского искусства XVII в. по отношению к более ранним его этапам позволяет говорить о сильных символических связях. Цветы продолжают занимать важное место в религиозных сюжетах и как атрибуты святых.

Эволюцию данных изображений важно проследить от периода позднего Средневековья, так как именно в эту эпоху был наиболее силен символический подтекст в изображениях растений, который

перейдет в более позднее время. Это подтверждается весьма значительными изменениями в иконографии святых или иконографии религиозных сюжетов, включавшей цветы, на протяжении долгого времени. В целом, даже в такой специфической сфере, как изображение растительных мотивов, ясно прослеживаются основные тенденции развития испанской живописи и ее самобытность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пастуро М.* Символическая история европейского Средневековья / пер. с франц. Решетниковой Е. В. СПб., 2012.
2. *Хейзинга Й.* Осень Средневековья / пер. с нидерл. Сильвестрова Д. В. СПб., 2013.
3. *Ávila A.* Imágenes y símbolos en la arquitectura pintada española (1470–1560). Barcelona, 1993.

СИМОНЖЕНКОВА Е. М.
Московский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ НАЧАЛА XVII ВЕКА ИСПАНСКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ

История России в Смутное время и история первого русского самозванца — Лжедмитрия I интересовала европейцев. Отражение этого интереса мы находим в популярном в то время жанре испанской литературы — пьесе, у таких писателей, как Лопе де Вега, Кальдерон, Сервантес, Франсиско де Кеведо, Э. Суарес де Мендоса. Как испанские писатели XVII в. воспринимали события в России, чем это было обусловлено и какие цели преследовали авторы пьес — это и есть главные вопросы, на которые нам необходимо найти ответы.

Актуальность нашего исследования с первого взгляда неочевидна. Однако состоит она в том, что тема исследования имеет привязку к настоящему времени, процессам и явлениям, происходящим в современном мире. Под такими явлениями мы, во-первых, имеем в виду непонимание разными этническими группами, народами, нациями явлений, происходящих в том или ином обществе, что обусловлено, вероятнее всего, различиями в менталитетах. Во-вторых, глубокий разрыв между Россией и Западом, выраженный в восприятии испанских литераторов событий Смуты и в целом России как чего-то варварского и чуждого, который стал этапом формирования кардинально отличных систем ценностей, а значит, и мировоззрений России и Западного мира. В-третьих, немаловажным фактом, доказывающим актуальность нашего исследования, может служить усиление в последнее время интереса к тематике межкультурной коммуникации и связей различных культур

Исследование основано на двух достаточно крупных литературных источниках, пьесах Лопе де Веги «Великий князь Москов-

ский, или Преследуемый Император» и Педро Кальдерона де ла Барки «Жизнь есть сон». Пожалуй, специфичность источников, использованных для анализа, состоит в их характере: оба они являются художественными произведениями. Из этого можно сделать несколько выводов. Во-первых, в связи с тем, что Лопе де Вега и Кальдерон, являясь весьма образованными людьми, все же не были историками, упомянутые выше источники хотя и отражают некоторые подлинные исторические факты, созданы отнюдь не с целью «написать историю, а создать драму» [1, С. 1]. Таким образом, данные, указанные в источниках, необходимо подвергать более тщательному анализу и проверке. Во-вторых, репрезентативность этих источников, вне всякого сомнения, довольно низкая, потому что любое художественное произведение (не зависимо от того, является ли оно произведением на историческую тематику, или нет) представляет собой, по большей части, авторскую выдумку, полет авторской фантазии.

Источники, хотя и относятся к одному литературному жанру — пьесе, весьма неоднородны и в разной степени репрезентативны. Это, в первую очередь, обусловлено тем, что один из авторов, а именно Кальдерон де ла Барка, представил события Смуты в аллегорическом свете, не называя, в отличие от Лопе, героев этих событий даже сколько-нибудь похожими именами (Дмитрий в пьесе Лопе — Деметрио, в пьесе Кальдерона — Сехисмундо, и т. д.).

При сравнении произведений Лопе де Веге «Великий князь Московский, или Преследуемый Император» и Педро Кальдерона де ла Барки «Жизнь есть сон» необходимо, в первую очередь, учитывать различную степень их репрезентативности в связи с иноказательностью одного из них. Как уже было сказано, произведение Кальдерона лишь косвенно касается событий истории России, а многие исследователи (и, надо отметить, в основном зарубежные) вообще не считают, что драма хоть сколько-нибудь отражает события Смуты. Связано это, прежде всего, с тем, что зарубежные ученые, занимающиеся, в первую очередь, филологическим и философским из-

учением пьесы «Жизнь есть сон», не являются в большинстве своем крупными специалистами по истории нашей страны, а также имеют кардинально отличающийся от русского менталитет, и поэтому не могут, в силу обстоятельств, провести необходимые параллели, которые для любого сведущего в событиях Смутного времени человека кажутся явными, лежащими на поверхности и, несомненно, достойными изучения. Мы же, солидарно с Н. И. Балашовым, придерживаемся мнения, что Кальдерон, конечно, имел целью показать свое видение событий в России начала XVII в. [2]. В свою очередь, о произведении Лопе де Веги «Великий князь Московский...» и о его историческом аспекте не приходится рассуждать, в связи с тем, что мотив русских событий лежит в данной пьесе на поверхности, проходя красной нитью сквозь каждую строку сочинения.

Конечно, произведения Лопе де Веги и Кальдерона де ла Барки не лишены многочисленных исторических неточностей, однако мы не считаем нужным, в отличие от А. Н. Федорова и Б. В. Варнеке [3, С. 107; 4, С. 383-385], жестко критиковать авторов, потому что можем найти им оправдание. Прежде чем приступать к описанию и изучению сходств и различий в пьесах, важно отметить причины отличий пьес, которые, хотя и определяются достаточно интуитивно, требуют подробного исследования.

Одной из важнейших причин являлось различное время написания произведений. Если Лопе де Вега, являясь практически современником и свидетелем описанных событий, как доказал Н. И. Балашов [5, С. 18-35], писал произведение в 1606 г., и не мог взглянуть на происходившие события с высоты исторического опыта и оценить их последствия, то Кальдерону, создавшему «Жизнь есть сон» в 1634 г., это удалось, и весьма успешно: по сравнению с Лопе де Вегой, он стал более точен в изложении многих исторических фактов и оценок, что мы отметим ниже.

Второй, но не менее важной причиной, которой мы уже касались, является разный способ подачи материала драматургами и разница их целей. Лопе, стараясь создать историческую драму, так или иначе отражающую реальную Россию, или, по крайней мере,

образ России, который он и его современники видели перед собой, сосредоточен на включении в сюжет «Великого князя Московского» исторических фактов и ситуаций. В то же время, целью Кальдерона, по большей степени, было раскрытие философского замысла тщетности бытия и тонкой грани между реальностью и вымыслом, так что он преследовал отличные от Лопе замыслы, хотя, несомненно, старался находиться в пределах взятой им эпохи и исторической ситуации — узурпации власти Лжецаревичем.

Кроме того, нельзя не упомянуть, что Лопе де Вега и Кальдерон, безусловно, пользовались разными сочинениями о России. Основным протографом пьесы Лопе де Веги «Великий князь Московский...» служила брошюра Барецци-Поссевино или ее перевод Хуана Москеры. Оба эти произведения создавали и закрепляли в умах читателей определенный «социокультурный образ России» [6, Р. 721-735], не отличающийся позитивной характеристикой, воплощенный в жизнь с целью принижения представителей другой культуры, религии, а также продвижения собственных, личных мотивов. К примеру, унижая в своих произведениях православие в России, Антонио Поссевино и Хуан Москера желали возвысить католическую веру в общем, а также, более узко, Орден Иезуитов, к которому примыкали.

Естественно, передаваемый в протографах образ не мог не повлиять на Лопе де Вегу, хотя влияние это зачастую незаметно ввиду того, что, скорее всего, у автора имелись и другие протографы, более мягкие и справедливые, дающие иную информацию о России, сопоставив которую с точками зрения Поссевино и Москеры, автор создал довольно справедливый общий образ, который, однако, содержал в себе большое количество неточностей.

С другой стороны, о протографах пьесы «Жизнь есть сон», к сожалению, практически ничего не известно. Мы употребляем термин «практически» в связи с тем, что одна теорема, выдвинутая в ходе сугубо филологического изучения пьесы, не может быть опровергнута и должна быть отнесена к ряду литературных аксиом: Н. И. Балашов доказывает, что источники у Кальдерона и Лопе

были разные [7]. Полагаясь на филологов в этом вопросе, не можем отрицать то, что использование различных источников привело к передаче литераторами различной информации, созданию ими похожих, но не идентичных образов России XVII в.

Помимо перечисленных выше причин, мы хотим заострить внимание на постепенной установке более тесных международных связей между Россией и Испанией с начала XVII в., или со времени написания «Великого князя Московского...», и до 1634 г., когда был создан второй важнейший испанский литературный памятник о России — «Жизнь есть сон». Мы понимаем, что с развитием политических и экономических отношений между странами, невольно происходил и социальный, культурный обмен информацией, а также накопление и передача опыта одного народа другому в связи с тем, что больше русских людей волей-неволей стали попадать в Испанию, и наоборот.

Эта причина тесно связана с предыдущей, поскольку мы также рассматриваем разные источники драматургов, но уже не письменные, а устные, такие, как, рассказы испанских путешественников, послов, русских узников, представителей духовенства, купечества. По сравнению с письменными протографами, устные оказали на формирование различий не меньшее влияние: опираясь на рассказы жителей России, тем или иным способом попавших на территорию Испании, а также испанцев, не оставивших письменных свидетельств, но обладающих истинной информацией о России, Лопе де Вега и Кальдерон создавали литературный образ «варварского» государства.

Кроме того, можно выделить техническую причину, которая, несомненно, влияла на передаваемую информацию. Под такой причиной мы подразумеваем привычные для драматургов темпы работы и способы ее организации. Если Лопе де Вега, по единому мнению, сложившемуся в историографии, работал невероятно быстро, стараясь писать свои пьесы, затрачивая на это не более 2-3 недель, Кальдерон уделял внимание четкой проработке информации и от-

тачивал пьесы до идеального состояния. Из этого можно сделать вывод, что пьесы априори имеют большое количество различий в связи с разными принципами написания художественных произведений авторами.

Перейдем к непосредственному исследованию ошибок исторических реалий в пьесах. В первую очередь, хочется отметить, что Лопе де Вега, в отличие от Кальдерона, неправильно определил степень родства Дмитрия относительно Ивана Грозного, и утверждал, что он был его внуком, сыном Федора Ионовича, что, конечно же, противоречит истории. Кальдерон оказался более точным: назвав правителя Басилио (как и Лопе), а его сына Сехисмундо сделав аналогом царевича Дмитрия, он попал в точку.

Кроме всего прочего, хотелось бы показать многочисленные ошибки в географических и исторических названиях. Если у Кальдерона весь исторический сюжет перевернут с ног на голову, да и о реальных географических названиях не идет и речи, о чем мы частично говорили выше, то произведение Лопе изобилует такого рода неточностями. К примеру, вместо «царь Астраханский» писец с рукописи списывал более привычное ему «царь Хорасанский»; вместо «Ливония» — «Бибония»; вместо «Casano» — «Casiano», и так далее [5, С. 18-35]. Таким образом, можно придти к выводу, что, поскольку подобных ошибок мы не отмечаем в личной рукописи пьесы Лопе де Веги, значит, сам автор был осведомлен о тонкостях Русской истории, а значит многие ошибки в пьесе — отнюдь не его вина.

К сожалению или к счастью, пьесы дополняют одна другую, поэтому общих аспектов, которые могли бы поддаваться сравнительному анализу, всего два, однако они составляют основу нашего исследования, так что малое количество черт для сравнения будет восполнено глубиной анализа.

Естественно, наиболее явным различием в пьесах является восприятие и передача образа царевича Дмитрия, который был центральным персонажем как литературной, так и исторической реальностей.

Первое, на что мы обратили внимание, это различия в характеристике родословной царевича. Именно это наиболее явное и значимое в историческом контексте различие играет роль индикатора достоверности протографов, использованных драматургами. В то время как Лопе де Вега, пользуясь брошюрой Бареццо Барецци, в которой присутствует неточность, связанная с родословной Дмитрия, проявляет невнимательность и допускает крупную историческую ошибку, Кальдерон, написавший свое произведение через несколько десятилетий и имевший больше времени на поиск и сбор информации, а также на тщательный, взвешиваемый анализ протографов, не позволяет себе такую фривольность.

Если говорить точнее, различие состоит в том, что Деметрио в пьесе Лопе был внуком Ивана Грозного и сыном Федора:

Теодоро (обращаясь к Деметрио):

«Знай я, сколь ждет нас унижений,

Я б не родил тебя, мой сын!» [8, С. 40].

В то же время, Сехисмундо (прототип Дмитрия) в пьесе «Жизнь есть Сон» был сыном Ивана IV:

Басилио:

«От Клорилены дорогой

Имел несчастного я сына» [9, С. 22].

Педро Кальдерон де ла Барка, как мы знаем, оказался точен в своих суждениях, так как Дмитрий действительно был сыном Ивана Васильевича. Скорее всего, это различие обусловлено большей осведомленностью Кальдерона о русском дворе и родословной Рюриковичей, а также спешностью написания произведения Лопе де Веги, которая критиковалась А. Н. Федоровым [3, С. 107].

Во-вторых, если Лопе удалось показать изначально идеального правителя, природой наделенного всеми необходимыми качествами, такими, как легитимность, способность к образованию и самообразованию, духовная близость к народу, набожность, то Кальдерон, наоборот, заострил внимание на самовоспитании Сехисмундо, на том, как из «чудовища» он превращается в монарха.

Лопе де Вега, через монолог Кристины, матери Дмитрия, указывает в нескольких строках практически все идеальные черты, характеризующие Дмитрия с детства, которые мы выделили в первой главе:

Кристина:

«Там будешь изучать науки,
Историю царей и царств их,
Научишься владеть оружием.
Потом, когда пора настанет,
Оружие тебе даст силы,
Наука — мудрости и знания,
Дабы восстановить права,
Вернуть себе свою державу» [8, С. 50].

В-третьих, самое важное различие в образах Дмитрия Кальдерона и Лопе де Веги, по нашему мнению, заключается в том, что у Лопе царевич представляет собой персонажа с постоянным, неменяющимся на протяжении всей пьесы характером, который оценивался исключительно положительно; Кальдероновский же Сехисмундо-Дмитрий очень противоречив, непонятен, и даже в развязке сюжета пьесы «Жизнь есть сон» остается неоднозначное впечатление о нем: вроде бы, он, захватив престол, помиловал отца и никого не отправил на казнь, но при этом в каждом его слове чувствуется тщеславие, гордость, превосходство над остальными, включая его собственного отца:

Сехисмундо:

«О, двор Полонии преславный,
Внемли, что Принц твой возвестит!
То, что назначено от неба,
Что написал перстом Всевышний
На той лазоревой скрижали,
Где, волю в знаках затаив,
На стольких надписях лазурных
Блистают буквы золотые...» [9, С. 22].

В-четвертых, отличается метод и вид воспитания, которое получают персонажи в пьесах. Если Лопе показывает гуманистическое воспитание Деметрио, включающее в себя ознакомление со всеми возможными науками, обучение военному делу, и другим необходимым жизненным навыкам, то Кальдерон заостряет внимание на религиозно-нравственном его аспекте [2], что ясно исходя из целей автора показать нравственность и философию царевича Дмитрия.

В-пятых, изменяется и отношение к беспрекословности легитимности власти царствующего в 1605–1606 гг. на русском престоле Дмитрия. Лопе, делая свое великолепное и точное предположение о последующем всплеске самозванства, тем не менее, не подвергает сомнению права Деметрио на престол:

Родульфо:

«Знай, сотни самозванцев повсеместно

Пойдут вслед за Деметрио вот-вот» [8, С. 176].

В то же время мы видим, как Кальдерон делает достаточно заметный намек на возможность наличия на престоле самозванца нецарских кровей, который мы рассмотрели в последнем параграфе предыдущей главы.

Итак, выше мы старались показать различия в текстах пьес, касающиеся образа главного виновника событий Смутного времени в России — царевича или лжецаревича Дмитрия.

Кроме всего вышесказанного, еще один крупный блок составляют различия в образе русской монархии, которые, несомненно, играют важнейшую роль для понимания взглядов авторов на Россию.

Во-первых, важнейшим отличием пьес Лопе де Веги и Педро Кальдерона де ла Барки является в целом отношение в царской власти. Лопе де Вега на нескольких примерах показывает, что власть, а особенно монархическая, вредна и портит человека и его характер. Первое столкновение с этой мыслью происходит в самом начале пьесы, где мы видим крайне неприятный образ Басилио.

Басилио (обращаясь к Теодоро, своему сыну и наследнику престола):

«О, сколь ошиблася природа!
Ты мной зачат в недобрый час,
Позор властительного рода!» [8, С. 34].

Затем мы встречаем мысль о вреде власти в сюжетном повороте, гениально, по нашему мнению, введенном в событийную линию, рассказывающем о том, как Борис изменился, дорвавшись до власти:

Борис (о Басилио до получения власти):

«Нрав этого тирана зная,
Здесь все уже давно дрожат» [8, С. 66].

Борис (о царской власти после ее получения):

«Верховной власти я один достоин,
Благие побужденья движут мной.
За Теодоро я вполне спокоен,
Помехой он не станет мне большой.
Совет, что был против меня настроен,
От козней я успел отвлечь войной:
Чтоб не могли в дела мои мешаться,
Отправил их в Тартарию сражаться» [8, С. 76-77].

Кроме всего прочего, в то время как у Лопе де Веги Басилио, или Иван Грозный, а впоследствии и Борис, прототип Бориса Годунова, изображены жуткими тиранами (которых, к слову, необходимо побороть Деметрио).

Исабелла, одна из придворных дам в изображении Лопе де Веги, подвергает жесткой критике царя, его характер и устои, указывая, таким образом, на объективные недостатки правления Ивана Грозного.

Исабелла о Басилио («Великий князь Московский...»):

«Слух пошел,
Что своей властью неуемной

Ты вред творишь стране огромный,
И все клянут твой произвол.
Нас ты жестокого угнетаешь,
Свирепо глушишь каждый стон.
Ты любострастен, как Нерон,
И всех такими же считаешь» [8, С. 58].

Кальдерон же старается отойти от изображения деспотии, и обращает внимание читателя на личностные изменения характеров или на их приятные, идеальные черты.

Басилио («Жизнь есть сон»):
«Пожелавши
Свое отечество спасти,
Сам мятежам его я предал
И злодеям, от которых
Освободить его замыслил» [9, С. 41].

Также можно отметить, что Басилио Кальдерона являет собой образ, отличный от образа Басилио Лопе де Веги, и наиболее явно это проявляется в увлечении науками и искусством кальдероновского Басилио. Получается, что и отношение Кальдерона к монархии изменилось: царь больше не тиран.

В данном случае мы видим противоположную образу царевича Дмитрия картину: теперь статичным предстает перед нами позитивный образ монархии пера Кальдерона, у Лопе де Веги же видны постоянные скачки, изменения в образах, их эволюция и деградация, и многие другие черты.

Итак, обобщая все вышесказанное, необходимо сказать, что в ходе исследования нам удалось проследить отношение испанских литераторов к событиям смутного времени в России, а также существенную эволюцию взглядов испанцев на политическое и социальное устройство Российского государства с течением времени. Лопе де Вега, писавший свою драму на тридцать лет раньше Кальдерона, создал образ утопической России, посадив на ее престол идеального императора — императора, который готов бороться за свою ле-

гитимную власть с тиранами-узурпаторами и деспотами, который заручается поддержкой простого народа, а также беспрекословно верует в Бога. Целью его, по всей видимости, было создание образа именно совершенного государства, которое резко контрастировало бы с Испанией и пороками ее монархов. Кальдерон же смотрел на Россию иначе, уже не так идеализируя страну, но все еще веря в образ идеального монарха, созданный его предшественником. Именно поэтому, в общем, пьеса «Жизнь есть сон» — это пьеса, несомненно, отражающая происходившие в России XVII в. события, но направленная на другое, на то, чтобы раскрыть образ царя, проследить внутренние преобразования и влияние власти на монарха.

Конечно, наше исследование на этом не закончено, и данное историческое поле, разумеется, требует более глубинного изучения разнообразных вопросов, которыми полна эта тема.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Molina-Moreno F.* Знаменитый испанский предшественник Пушкина: «Великий князь Московский» Лопе де Вега (перевод Я. Князевой) // XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. Том II. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. URL: http://pstgu.ru/download/1235130902.conf_XVIII_cont2.pdf (Проверено: 14.12.2015).
2. *Балашов Н. И.* Славянская тематика у Кальдерона и проблема Ренессанса-Барокко в испанской литературе // Известия АН СССР. Серия литература и языка. 1967. Т. 26. Вып. 3.
3. *Федоров А. Н.* Лжедмитрий в испанской драме XVII века // Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. 1898. №8.
4. *Варнеке Б. В.* Трагедия Лопе де Вега «Дмитрий Самозванец» // Театр и искусство. 1903. №19.
5. *Балашов Н. И.* Рукописи испанских драм о Руси и гуманистическая традиция литературы Испании XVII века // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1964. Т. 23. Вып. 1.
6. *Stokti E.* El mundo ruso en una comedia de Lope de Vega: la manipulación literaria // Los extranjeros en la España moderna. Actas del primer coloquio internacional. Málaga, 2003. Т. II. P. 721-735.

7. *Балашов Н. И.* Испанская классическая драма в сравнительно-литературном и текстологическом аспектах. М., 1975.
8. *Вега Лопе де.* Великий князь Московский, или Преследуемый Император // Альманах «Канун». СПб, 1999.
9. *Кальдерон де ла барка Педро.* Жизнь есть сон // Драммы в 2-х книгах. Москва, 1989. Кн. 2.

ТЕРЕНТЬЕВА Е. А.

*Санкт-Петербургский государственный
университет телекоммуникаций*

«МИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЛЕПНОГО И ДРАГОЦЕННОГО КАБИНЕТА ДАМ» АНДРЕ ДЮШЕНА

Андре Дюшен (1584–1640) был одним из наиболее выдающихся французских интеллектуалов первой половины XVII в. Малоизвестный в современном научном сообществе французский историописатель первой половины XVII столетия, он, однако, с полным правом носит звание «отца французской истории». Занимая должность королевского географа и историографа Генриха IV и Людовика XIII, он внес значительный вклад в развитие французского историописания и формирование французской этнокультурной идентичности.

За свою жизнь он опубликовал значительное количество историко-географических описаний Франции, трудов, посвященных истории французской церкви, французского чиновничества, французских монархов, а также истории институтов и обычаев, связанных с фигурой и семьей французского короля. Наибольшую известность среди потомков ему принесли критические публикации источников по истории страны. Его перу принадлежит и целый цикл генеалогических историй французских и фламандских благородных семейств. Еще больший массив его работ, хранящийся во Французской национальной библиотеке, до сих пор остается неизданным.

Анализ его наследия позволяет сделать вывод о том, что при выборе направления своих штудий и написании своих трудов он прямо или косвенно ориентировался на заказы короны [1]. Большинство его работ выполняли функцию укрепления формировавшегося абсолютизма, возвеличивания фигуры короля, удревление

государственных институтов и должностей, формирования лояльности дворянства и аристократии по отношению к короне [2].

По области своих интересов и используемому методу А. Дюшена можно отнести к эрудитскому интеллектуальному течению, а не к традиционному официальному историописанию французской короны [3]. При этом надо отметить, что, несмотря на терминологию, фактически эрудитские работы того времени были значительно более научными в современном понимании этого слова, нежели труды тех, кто считался историком. Особенности эрудитского подхода к прошлому были выбор специфических и новых для той эпохи тем (исследование истории разнообразных «древностей» — от материальных остатков прошлого (монет, развалин, надписей) до законов, институтов и титулов, происхождения и истории народов, законов, институтов, обычаев, искусств, гербов и титулов), опора на значительное количество разнообразных источников, в т.ч. нетрадиционных для той эпохи, а также руководство здравым смыслом, логикой при исследовании избранных сюжетов. Всем этим критериям отвечает наследие А. Дюшена.

Однако среди опубликованных трудов Андре Дюшена особняком стоит произведение, на первый взгляд не связанное с его эрудитскими штудиями — «Мистические образы великолепного и драгоценного кабинета дам, где вживе изображены как красоты, уборы и богатства женского тела, так и духовные совершенства, украшения и одежды души» [4].

Изданная *in-duodecim* в Париже, в 1605 г. в типографии Туссена де Брэ тиражом предположительно в 900 экземпляров [5], эта книга содержит 264 листа и оглавление. Текст предваряет фронтиспис, украшенный изображениями трех дам и девизом «Эта красота от Господа, а украшения — это украшения добродетели». Экземпляр этой книги имеется в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге. В ходе сотрудничества Лионской библиотеки с корпорацией «Google» она была оцифрована и выложена в открытый доступ в сети Интернет и представляет собой фотокопию из-

дания (отсканированную версию), практически идентичную той, что хранится в СПб БАН. Оцифрованный экземпляр находится в городской библиотеке города Лиона, Франция. Ее отличает наличие на фронтисписе экслибриса «Joannis Viti à Wurtzburg».

Книга содержит посвящение Мартену Рюзе, сеньору Больё; Элегию известного в то время французского поэта Пьера де Деймье [6], в которой он восхваляет автора книги и само его произведение, а также одобрение книги теологами Парижского университета и традиционную выдержку из т. н. *privilège du roi*, то есть документа, дающего издателю право на публикацию произведения после его одобрения цензурой. В начале книги приводится содержание по книгам и главам, в конце — алфавитный указатель рассмотренных сюжетов (в более зрелых работах ученого эти элементы разовьются в полноценный научный аппарат).

«Мистические образы» — третья из первых опубликованных Дюшеном книг; она была издана в еще до того, как он занял официальные должности королевского географа и историографа, которые, хотя и не приносили чрезмерных доходов, несомненно, давали положение в парижском ученом сообществе.

Первые работы Дюшена, увидевшие свет, вероятнее всего, были связаны со стремлением молодого эрудита заявить о себе в парижских светских и интеллектуальных кругах, поскольку все они были посвящены популярной тематике. Это были, помимо «Мистических образов», сборник выдержек из латинских текстов для чтения, трактат о народных и церковных традициях праздновании Нового года и комментированный перевод сатир Ювенала [7-9].

Стремление привлечь внимание столичной читающей публики и особенно влиятельных персон королевства к молодому и еще малоизвестному, но, по всей видимости, весьма амбициозному автору определило подчеркнuto придворную или, по крайней мере, светскую направленность и «Мистических образов».

В официальном посвящении работы значится королевский секретарь Генриха IV, а затем и Людовика XIII Мартен Рюзе де Больё

(1526–1613). Текст посвящения позволяет сделать вывод о том, что к 1604 г., когда книга попала к докторам Сорбонны, Андре Дюшен уже состоял при особе королевского секретаря — возможно, даже официально находился у него на службе. В заключительных строках посвящения значится: «Смирнейше возлагаю ее [книгу] на алтарь Ваших милостей как первые плоды моей службы и в признание обязанностей, связывающих меня с Вашим величием». Далее Дюшен заявляет о своей готовности, в случае одобрения этой работы патроном, в будущем создать для него нечто «более серьезное и более достойное его (Рюзе) достоинств» [4, F. a iij verso].

По некоторым данным, эта работа была написана Дюшеном для его будущей супруги, Сюзанны Судан, с которой он сочетался браком в 1608 г., три года спустя после публикации «Мистических образов» [10, P. 15; 11, P. 380]. Такая информация приводится без ссылки на источник в «Исторической библиотеке» Ж. Лелонга с исправлениями и дополнениями Ф. де Фонтетта, опубликованной в 1771 г. [10], однако подтверждения этой точки зрения нет в доступных на настоящий момент источниках. Факт такого куртуазного посвящения никак не подтверждается и в тексте работы, что понятно, поскольку автор преследовал, по-видимому, вполне конкретные цели, связанные с будущей карьерой.

К сожалению, о биографии А. Дюшена сегодня известно неслаженно мало, и эта лакуна ждет своего заполнения. «Мистические образы» могут использоваться в числе прочего как косвенный источник, позволяющий дополнить наши знания о жизни этого выдающегося интеллектуала.

По тематике действительно отличаясь от остальных его трудов, с точки зрения метода «Мистические образы» органично вписываются в общий контекст наследия Дюшена, будучи фактически первым собственно эрудитским исследованием ученого. Хотя в названии работы и подчеркивается мистическая и духовная составляющие труда, в действительности это светская по духу книга. Большая ее часть посвящена различным аспектам телесной красоты

женщины, способам ее сохранения, а также всевозможным украшениям и аксессуарам. Эрудитский же подход Дюшена к раскрытию выбранного сюжета заключается в том, что все эти элементы рассматриваются не столько с точки зрения духовной коннотации, сколько в исторической перспективе: автор приводит примеры их упоминания в исторических памятниках и духовных книгах, а также историю их возникновения и употребления.

Такой жанр, как «кабинет дам», не был чем-то необычным в начале XVII в. Например, четырьмя годами ранее произведения А. Дюшена был опубликован «Кабинет дам, содержащий духовное украшение христианской жены, дочери и вдовы, а также Кабинет Девы, посвященной Господу обетом целомудрия. С историческим календарем святых и добродетельных дам. Посвященный придворным дамам светлейшей инфанты испанской и т.д.» [12], принадлежавший перу эрского каноника (Эр, Арденны) и пастора церкви Св. Марии Магдалины в Аррасе Гийома Газэ. Однако если последнее произведение было насквозь пронизано моралью, то работа А. Дюшена, по форме перекликаясь с трудом каноника, на деле коренным образом от него отличалась, будучи глубоко светским произведением.

«Мистические образы» состоят из трех частей, или книг. Первая посвящена женской телесной красоте, особенностям черт внешности и некоторым советам по уходу за собой. Она наиболее обширна и занимает более половины объема всего произведения (около 150 листов из 263). Вторая и третья книги — «Драгоценности и драгоценные камни добродетельных дам» и «Великолепные и драгоценные одежды добродетельных дам» посвящены женским украшениям и нарядам соответственно. Завершает книгу традиционный для работ А. Дюшена алфавитный указатель (Table) «Перечисление драгоценнейших сокровищ, заключенных в сем великолепном и драгоценном кабинете добродетельных дам».

Весь текст пронизан античными и библейскими аллюзиями и прямыми сравнениями. Различные аспекты телесной красоты жен-

щины, способы ее сохранения, всевозможные украшения и аксессуары рассматриваются с одной стороны в исторической перспективе, с другой — с точки зрения своего символизма. Кроме того, А. Дюшен приводит примеры их упоминания в исторических памятниках и духовных книгах, историю восприятия женской красоты в разные эпохи, а если речь идет об украшениях и нарядах — то и историю их возникновения и употребления.

В названии и структуре работы присутствуют духовная и дидактические составляющие. Так, автор всячески подчеркивает связь красоты духовной и телесной и необходимость поддержания в женщине всевозможных добродетелей, которые и составляют истинную ее красоту. Однако в действительности это гимн красоте и роскоши и весьма светская по духу книга, прекрасно вписывающаяся в русло возрожденческого восприятия человека и человеческого тела как непреложной ценности.

При этом надо помнить, что теологи Сорбонны не осудили эту работу. Однако характерно, что это единственный труд Дюшена, в котором присутствует указание на его изучение докторами Парижского университета, т. е. выбранная тематика требовала непременно одобрения нравственной и догматической цензуры.

Однако интересна не только содержательная, но и методическая сторона работы А. Дюшена. Как уже упоминалось выше, оформление текста повторяет, вернее — предвворяет оформление его серьезных исторических и генеалогических работ, которое характеризуется подробной рубрикацией, в том числе на полях, наличием системы перекрестных ссылок и указанием в тексте на источники приводимых сведений. Впоследствии Дюшен дополнит эту систему постраничными ссылками на полях на источники и литературу, которыми он пользовался — впрочем, аудитория, на которую рассчитывались «Мистические образы» и не предполагала такого глубокого проникновения в «кухню историка».

Наконец, представленная работа может служить очередным подтверждением слабой дифференцированности гуманитарного

знания в раннее Новое время, позволявшей возникать подобным смещениям истории, морали, поэзии и светских удовольствий в одном произведении.

По тематике значительно отличаясь от остальных его трудов, эта работа, однако, органично вписывается в общий контекст наследия Дюшена, будучи фактически первым самостоятельным исследованием и собственно эрудитской работой ученого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пронина Е. А.* История на службе у короля и кардинала: отец и сын Дюшены // Клио. №2 (53). 2011. С. 39-43.
2. *Пронина Е. А.* Пером о шпаге: генеалогии французского и фламандского дворянства Андре Дюшена // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 111–117.
3. *Терентьева Е. А., Паламарчук А. А.* Рождение национального историописания во Франции: труды и исторический метод Андре Дюшена // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2015. Вып. 2. С. 80-92.
4. *Duchesne A.* Figures Mystiques du Riche et precieux Cabinet des Dames ou sont representées au Vif, tant les Beautez Parures et Pompres du Corps Feminin: que les Perfections, Ornemens et Atours Spirituels de l'Ame. Paris : Chez Toussaintz Du Bray au Palais en la gallerie des Prisonniers, 1605. 264 p., Table.
5. *Du Chesne A.* Figures Mystiques du Riche et precieux Cabinet des Dames ou sont representées au Vif, tant les Beautez Parures et Pompres du Corps Feminin: que les Perfections, Ornemens et Atours Spirituels de l'Ame. Détails de la notice. Affichage long. Catalogue [Ressource électronique] / Bibliothèque municipale de Lyon : [Site]. URL : <http://catalogue.bm-lyon.fr/?fn=ViewNotice&Style=Portal3&q=1420728> (date de l'adresse: 04.02.2016).
6. *Colotte P.* Pierre de Deimier, poète et théoricien de la poésie (Avignon, vers 1580-?, après 1615); sa carrière à Paris et ses relations avec Malherbe. Aix-Marseille, Université d'Faculté des lettres, Aix: Gap, Editions Ophrys, 1953. 96 p.
7. *Querneus A.* Egregiarum seu electarum lectionum et antiquitatum liber unus. Paris: J. Le Bouc, 1602.

8. *Querneus A.* *Januariae Kalendae seu de solemnitate anni tam ethnica quam christiana brevis tractatus*, avec une poëme latin intitulé: *Gryphus de numero ternario*. P.: SL, 1602.
9. *Les Satyres de J. Juvénal d'Aquin* traduites en françois, avec sommaires, apostilles et annotations plus nécessaires, par A. du Chesne, tourangeau. Paris: J. Le Bouc, 1606.
10. *Lelong J.* *Bibliothèque historique de la France, contenant le Catalogue des Ouvrages, imprimés & à uscrits, qui traitent de l'Histoire de ce Royaume, ou qui y ont rapport ; avec des notes critique et historiques : par feu Jacques Lelong, prêtre de l'Oratoire, Bibliothécaire de la Maison de Paris. Nouvelle édition revue, corrigée & considérablement augmentée par M. Fevret de Fontette, Conseiller au Parlement de Dijon. T. 3-ème.* Paris: De l'Imprimerie de Jean-Thomas Herissant, Imprimeur ordinaire du Roi, Maison & Cabinet de Sa Majesté, 1771. 837 p. & *Mémoires historiques sur plusieurs historiens modernes de France*, CVII p.
11. *Jai A.* *Dictionnaire critique de biographie et d'histoire, errata et supplement pour tout les dictionnaires hisoriques d'après des documents authentiques inédits* par A. Jai. Paris: Henri Plon, imprimeur-directeur, rue Garancière, 10, 1867. 1326 p.
12. *Gazet G.* *Le Cabinet des dames : contenant l'ornement spirituel de la femme, fille, & Vefue Chrestienne. Plvs Le Cabinet de la Vierge consacree à Dieu par le voeu de Chasteté. Auec vn Calendrier Historial des Sainctes & vertueuses Dames. Dedié aux Dames d'honneur de la Serenissime Infante d'Espagne etc.* Par M. Gvill. *Gazet Chanoine d'Aire, & Pasteur de S. Marie Magdelaine à Arras.* Arras: Chez Gilles Bavdvyn, au coing du marché à la Fontaine, 1602. 192 p., Calendrier.

КОВРОВЫЕ СТРАНИЦЫ В ОСТРОВНОЙ КНИЖНОЙ МИНИАТЮРЕ: В ПОИСКАХ АНАЛОГИЙ

Ковровая страница — это декоративный элемент иллюминированной рукописи, представляющий собой близкий к размерам листа кодекс прямоугольник, заполненный орнаментом. Свое название он получили из-за сходства с узорчатыми восточными коврами. Такие страницы можно встретить как в христианских, так и в исламских и иудейских манускриптах. В западноевропейском искусстве книжной миниатюры ковровые страницы стали отличительной чертой создававшихся в Англии и Ирландии в VII–IX вв. рукописей Островного стиля.

Понять, почему именно в раннесредневековых Англии и Ирландии сложились благоприятные для развития данного феномена условия и почему он принял именно такие формы, может помочь обращение к другим областям художественной культуры этого региона.

Самым ранним примером ковровой страницы в Островном искусстве считается фронтиспис рукописи с текстом *Chronicon* Павла Орозиуса (нач. VII в., Милан, библиотека Амброзиана), созданной на севере Италии в аббатстве Боббио, основателем которого называют святого Колумбана [1, Р. 28]. На этом фронтисписе изображена крупная розетка в окружении четырех более мелких.

Наиболее полные «комплекты» ковровых страниц содержат Евангелие из Дарроу (ок. 650 г., Дублин, библиотека Тринити-колледжа) и Линдисфарнское Евангелие (нач. VIII в., Лондон, Британская библиотека), однако отдельные образцы можно также найти в Личфилдском Евангелии (VIII в., Личфилд, библиотека кафедраль-

ного собора), Келлской книге (ок. 800 г., Дублин, библиотека Тринити-колледжа) и некоторых других раннесредневековых островных манускриптах.

В Евангелии из Дарроу шесть ковровых страниц: по одной в начале и в конце кодекса, а также перед каждым из Евангелий. В системе декора Линдисфарнского Евангелия ковровых страниц пять: четыре из них также помещены перед Евангелиями, а пятая, которой открывается кодекс, предшествует вступительному посланию святого Иеронима папе римскому. В Личфилдском Евангелии сохранилась лишь одна ковровая страница перед началом Евангелия от Луки. Единственная ковровая страница в Келлской книге предваряет фрагмент, посвященный родословию Иисуса Христа.

Прослеживающиеся в размещении ковровых страниц закономерности позволяют сделать предположение, что они могли выполнять функции своеобразных фронтисписов, служащих для выделения определенных частей внутри книги или отмечающих особенно важные фрагменты текста. Учитывая эту функцию ковровых страниц, стоит обратиться к украшенным орнаментами средневековым переплетам кодексов, например, Евангелия святого Кутберта (нач. VIII в., Лондон, Британская библиотека), структуру декора которых могли повторять мастера при создании «внутренних переплетов» к отдельным частям книги. На переплете Кутбертова Евангелия прямоугольное поле выделено рамкой с плетеным узором. Внутри этого прямоугольника верхнее и нижнее поля также заполнены плетенкой, но более сложной, в центральной же части изображен некий сосуд, чаша, из которой поднимаются, переплетаясь, растительные побеги, завершающиеся листком (по центру) и четырьмя плодами (по углам). Похожим образом соотносятся элементы композиции одной из ковровых страниц Евангелия из Дарроу (f. 192v): также более тонкая рамка по бокам и более широкие участки орнамента в верхней и нижней частях, центральное поле обособлено пространственной цезурой. Не стоит, однако, забывать, что Евангелие святого Кутберта датируется началом VIII в., тогда

как создание Евангелия из Дарроу относится к середине — второй половине VII в., а также что при создании этих изображений мастерами были использованы два различных типа орнамента: ленточные и зооморфные плетения. Таким образом, говорить о прямом влиянии переплета на ковровую страницу нельзя, особенно учитывая небольшое количество дошедших до нас средневековых переплетов, но можно, на наш взгляд, увидеть общую схему.

Принципы структурирования и заполнения пространства ковровых страниц могли приходиться и из других областей художественной культуры. Так, прямоугольная часть застежки из захоронения Саттон-Ху (перв. пол. VII в., Лондон, Британский музей) близка сразу двум ковровым страницам Евангелия из Дарроу. С одной из них (f. 192v) ее роднят звериные мотивы в обрамлении; другая же (f. 85v) демонстрирует сходство с центральным полем изделия: то же количество элементов (круглых на ковровой странице и ромбовидных на пряжке), чередование цветов в шахматном порядке. На пряжке отдельные гнезда соединены перегородками в силу особенностей техники изготовления, элементы ковровой страницы связаны в единое целое посредством плетеного орнамента.

Позаимствовать идеи организации большого прямоугольного пространства мастера ковровых страниц могли также из британских напольных мозаик времен римского владычества. Одним из первых такое предположение высказал Дж. О. Вествуд еще в середине XIX в. [2, Р. vii]. Внимание на это обращал также Мейер Шапиро, отмечавший, что классический идеал планировки с ясно обозначенной структурой мастера английской раннесредневековой миниатюры заимствовали у римлян [3, Р. 148]. Так, например, заметно сходство ковровой страницы Линдисфарнского Евангелия (f. 210v), помещенной перед Евангелием от Иоанна, и романо-британской мозаики из виллы IV в. во Фрамптоне. Оба изображения симметричны относительно горизонтальной и вертикальной осей, в обоих четко выделяются четыре части, границы между которыми обозначаются равносторонними крестами и Т-образными эле-

ментами. В напольной мозаике центр явно обозначен медальоном с изображением божества, на ковровой странице это место занимает крест, не только обозначающий разделение плоскости на четыре части, но прежде всего представляющий здесь как главный символ христианства. Вместо восьмиугольных медальонов с аллегориями ветров, расположенных в мозаике по четырем сторонам от центра, в Линдисфарнском Евангелии можно увидеть прямоугольные элементы, заполненные меандром. Фоном фрагмента напольной мозаики является плетеный узор, заполняющий свободное пространство, как и орнитоморфный орнамент ковровой страницы Линдисфарнского Евангелия. Стоит также обратить внимание на то, что и в манускрипте, и в мозаике орнамент между различными элементами помещен ровно в одну линию, т. е. все разнообразные элементы равномерно распределены по площади и находятся друг от друга на примерно равном расстоянии.

В основе многих ковровых страниц Островных манускриптов лежит крест. Изображение креста на орнаментальном фоне несут и многочисленные средневековые резные каменные стелы: это и коптские надгробные памятники, и армянские хачкары, а также английские и ирландские плиты. Так, например, на Туллилиской плите (VIII в., графство Корк) можно видеть крест, относящийся к тому же типу, что и крест на одной из ковровых страниц Линдисфарнского Евангелия (f. 26v). Каменные плиты с крестом, окруженным панелями с орнаментом, не только ставили вертикально, но использовали также для покрытия амвонов и алтарей, чтобы отметить тем самым в церквях важные, связанные с литургией места. [4, Р. 319].

Таким образом, ковровые страницы в англо-ирландской книжной миниатюре не были оторваны от окружающей их художественной культуры. Разрабатывая новую для системы книжного декора орнаментальную форму, создававшие их мастера в вопросах организации пространства книжного листа опирались на опыт своих предшественников и современников, творивших в различных видах искусства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Alexander J. J. G.* A Survey of Manuscripts Illuminated in the British Isles: Insular Manuscripts 6th to the 9th century. London, 1978. 219 p.
2. *Westwood J. O.* Facsimiles of the Miniatures and Ornaments of Anglo-Saxon and Irish Manuscripts. London, 1868. xvi, 156 p.
3. *Schapiro M.* Language of Forms: Lectures on Insular Manuscript Art. New York, 2006. vii, 201 p.
4. *Brown M. P.* The Lindisfarne Gospels: Society, Spirituality and the Scribe. Cambridge, 2003. 480 p.

**АРХИТЕКТУРНАЯ ДЕКОРАЦИЯ БАЗИЛИКИ В ТРОЕ:
К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ РОМАНСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ
ЮЖНОЙ ИТАЛИИ**

Архитектурная декорация нижнего уровня романской базилики Санта Мария Ассунта в южноитальянском городе Троя представляет собою наложенную на поверхность храма глухую, незначительно отступающую от стеной плоскости аркаду с декоративными мраморными вставками — в промежутках между арочными завершениями, равно как и над ними. Эти декоративные мраморные панели, также наложенные на плоскость стены или западающие внутрь нее, расположены по всему периметру тела базилики — за исключением восточной части с выступающей апсидой и трансептных рукавов, пристроенных к основному объему в XVII столетии. Пробегая по южному, западному и северному фасадам, набранные из белого и зеленого мрамора эти панели решены в разнообразных геометрических формах — ромбовидных или шестиугольных между арками, и круглых или лишь немного отличающихся от правильного квадрата над ними [1, Р. 79]. Однако, не только в них. Если медальоны над арочными проемами на южном фасаде представляют собою едва ли не примитивные, сложенные из простых геометрических фигур вставки, то на противоположном ему северном фасаде дело обстоит несколько иначе. Рассматривая верхние декоративные медальоны северного фасада, мы начинаем замечать — не повторяющиеся от медальона к медальону — вставленные в них замысловатые орнаментальные многоугольники — будь то восьмиконечные звезды разного рисунка или обладающие еще более сложной геометрией формы. Подобного рода контрастное

разнообразие пластических мотивов в пределах наружного оформления всего лишь одной романской базилики XIII столетия невольно заставляет задуматься об их генетике.

Удивительно близкой в стилистическом плане аналогией подобному пластическому решению может являться архитектурная декорация других итальянских романских памятников — однако не южных, а северных. В первую очередь речь идет о Пизанском соборном комплексе — в частности, о декоративном оформлении фасадов кафедрального собора, строительство которого датируется 1063–1118 гг. и связано с именем архитектора Бускетто, вероятно, греческого происхождения. Случайно брошенный на фасадные плоскости взгляд моментально отмечает несколько иную по своему ритму — более размеренную и монотонную — но все же ту же, что и в базилике в Трое обнимающую их глухую аркаду. Утопленные в пространствах между разделительными пилястрами плоскости стен в верхней части — подобно тому как это сделано в Трое — декорированы орнаментальными вставками с геометрическими мотивами, чередующимися через один с оконными проемами. Только ромбовидные в нижнем ярусе — и ромбовидные и круглые в двух верхних; простые, состоящие из примитивных геометрических форм или декорированные прихотливо выложенными каменными кусочками, образующими сложные орнаментальные сплетения, элементы очевидно представляют собою невероятно близкую параллель скульптурному оформлению апулийской базилики.

Хронологически фасадные стены базилики в Трое имеют несколько более позднюю, чем пизанский собор датировку. По всей видимости, строительство новой базилики на месте старой церкви было начато в 1093 г. спустя несколько месяцев после проведения в городе папой Урбаном II синода по вопросам реорганизации церкви. В первую очередь была воздвигнута южная стена, вероятно, уже стоявшая на всю высоту около 1097 г. — в то время как остальные стены были завершены между 1108 и 1120 гг. Подобная разница — в тридцать лет: 1063 г. в Пизе и, соответственно, 1093 г. в Трое — дат

начала строительства дает возможность предположить вероятное, но не единственно возможное влияние пизанского памятника на пластическое оформление южноитальянского храма. Между тем, отсутствие каких бы то ни было непосредственных контактов североитальянского центра с апулийским городом, как кажется, заставляет задуматься не столько о прямом влиянии одного локального варианта итальянской романики на другой — северного на южный; а, скорее, о наличии одного и того же, общего — как для собора в Пизе, так и для базилики в Трое — изобразительного источника [2, Р. 230].

Местоположение Трои, равно как и Пизы, в непосредственной близости от морских границ — в период средневековья зачастую являвшихся более условными и легко преодолимыми, нежели границы материковые — дает возможность констатировать наличие постоянного и мощного потока мастеров и разнообразных предметов мелкой пластики в обоих центрах — будь они восточнохристианского, исламского или западного происхождения. Более того, период наиболее активного строительства базилики в Трое и кафедрального собора в Пизе хронологически совпадает с первым крестовым походом 1096–1099 гг., во время которого несколько из основных армий двигались непосредственно через северные и южные города Аппенинского полуострова на пути в Святую Землю — как то армия Гуго Великого и Роберта II Нормандского [3, Р. 64]. Подобного рода исторических сведений, однако, как кажется, все же недостаточно для выявления конкретного, единственно верного для обоих памятников изобразительного источника, чего нельзя сказать об очевидном наличии множества — разных как по времени, так и территориально — возможных прототипов. Так, перед нами возникает сложное уравнение со многими неизвестными, некоторые из которых мы попытаемся найти.

Наиболее очевидным в данном случае недостающим неизвестным может служить восточнохристианская, византийская, художественная традиция. Византия, под непосредственным контролем

которой находились южноитальянские земли вплоть до конца XI столетия — и которая была одним из основных посредников в морской торговле с Пизой, так, имела прямые многовековые контакты с северными и южными территориями Италии. Рассматриваемый нами орнаментальный мотив, состоящий из разнообразного сочетания геометрических форм, многократно встречается в пластической разработке декоративных мраморных панелей VI–IX столетий. Меняющиеся от панели к панели орнаментальные фигуры — примером чему может являться декорация мраморных плит из археологического музея малоазийского города Изник, бывшей Никеи — негласно, но невероятно настойчиво напоминают мотивы верхних медальонов северного фасада базилики в Трое. Простые ромбовидные формы с вписанными в них флоральными элементами; сложно — но математически точно и последовательно — переплетающиеся между собой остроугольные и круглящиеся четырехконечные фигуры; распустившиеся на мраморной поверхности многолепестковые геометрические цветы с вписанными в них квадратами, пересекающимися под прямым углом — все это можно заметить и в декоративной разработке некоторых медальонов апулийской базилики начала XII столетия.

Однако не только в декорации многочисленных мраморных фрагментов, но и в других предметах византийского искусства присутствует подобного рода художественный мотив. В первую очередь можно вспомнить многочисленные ткани восточнохристианского происхождения, большая коллекция которых ныне находится в музее Метрополитен в Нью-Йорке. Постепенно просматривая их, мы каждый раз сталкиваемся с несколько по-разному интерпретированным, но все же одним и тем же принципом комбинаторики примитивных или замысловато пересекающихся геометрических линий и фигур — вписанных в простые геометрические формы квадрата, круга или ромба — подобно тому как это сделано в архитектурной декорации фасадных стен в Трое [4, Р. 660]. В тканях — еще больше, нежели в камне — переплетающиеся под прямым углом

линии зачастую начинают замысловато виться, напоминая собою сплетения растительных и флоральных природных элементов. Одним из самых ранних и наиболее наглядных примеров прорастания подобного рода орнамента на тканой поверхности может служить текстильный фрагмент, по всей видимости, большого декоративного ковра V в., сделанного византийскими мастерами на египетских территориях. Так, прихотливо вьющиеся, завершающиеся на концах спиральными завитками, образующие сложные орнаментальные — на манер калейдоскопа — узоры тканей или же чуть более сухая и четкая геометрия мраморных панелей вместе представляют уже знакомую нам декоративную тему, возникающую в орнаментальной разработке фасадов южноитальянского романского памятника.

Углубляясь в генетику рассматриваемой нами формы дальше, можно обнаружить ее вероятные прототипы в еще более ранних — позднеантичных и даже античных — временах. Важно помнить, однако, что в данном случае речь идет не столько о возможных прямых заимствованиях того или иного мотива, сколько о невероятно прочной изобразительной памяти следующих за античной, более поздних художественных традиций [5, Р. 813]. Принцип декоративного оформления стенной поверхности мраморными плитами можно встретить в разработке внутренней поверхности одной из стен частично сохранившейся синагоги в расположенном на территории Малой Азии городе Сарды. По всей видимости, первое здание синагоги в Сардах могло существовать на этих территориях уже в I в. до н.э., однако, фрагментарно дошедшие до нас остатки здания церкви, вероятнее всего, могут быть датированы уже II–IV вв. н.э. В данном случае нас интересует отдаленно напоминающая архитектурную разработку апулийской базилики мраморная декорация из наложенных на каменную поверхность стены квадратных и прямоугольных элементов, внутри каждого из которых присутствует более мелкий, не повторяющийся от вставки вставку геометрический орнамент.

Конечно, говорить теперь о непосредственной стилистической близости орнаментальной разработки стены в Сардах и декоратив-

ных медальонов наружных фасадов базилики в Трое не приходится — чего нельзя сказать об общем принципе декоративного оформления стенной плоскости геометрическими мраморными плитами с неким орнаментальным заполнением внутри. В Трое, подобно тому как это можно наблюдать в оформлении синагоги первых веков нашей эры, мы видим наложенные на поверхность стены — квадратные и прямоугольные; шестиугольные и ромбовидные; с замысловатым сетчатым орнаментом внутри или без него — мраморные панели. Однако, не только их. Рассматривая не только фрагменты архитектурного тела раннехристианской синагоги, но и посмотрев вниз — на устилающие собою всю площадь памятника орнаментальные мозаические полы — можно заметить уже знакомый нам мотив. От панно к панно, от рамке к рамке — мы вновь сталкиваемся с множественным рядом разнообразных, по-разному сопоставленных между собой, сложных, вписанных друг в друга геометрических форм — в ряде отдельных случаев образующих овальные цветы, напоминающие подсолнухи, или вовсе дробящихся на ряд более мелких подформ — будь то замыкающиеся на себе плетенки, остроконечные звезды или переплетенные друг с другом овальные кольца, образующие четырехлистники.

Так, вовсе иначе нежели в романском памятнике XII столетия, но все же, невероятно схоже по самим формам декоративных элементов, напольные мозаики базилики в Сардах заставляют в очередной раз задуматься о колоссальном мире позднеантичной изобразительности, как кажется, породившим рассматриваемый нами мотив. Подобного рода орнаментальные напольные панно встречаются во множестве других позднеантичных памятников самых разных территорий — будь то напольные мозаики, так называемого, «Дома каменных ковров» V–VI вв. в Равенне; некоторых комнат Виллы дель Казале IV столетия, расположенной на Сицилии; общественных и частных сооружений с аналогичной датировкой в малоазийском Эфесе и многих других.

Наконец, если осторожно попытаться заглянуть еще глубже — в самое начало нашей эры, и вновь обратиться не к изобразитель-

ному искусству — а к монументальной пластике, декорирующей архитектурные поверхности, можно вспомнить скульптурный орнамент недавно разрушенного храма Баала в сирийской Пальмире, датируемого 32 г. н.э. Пластическая разработка свода одной из боковых ниш, предназначавшихся для статуй богов, представляет собою кессонированную шестиконечными фигурами поверхность, промежутки между которыми орнаментально заполнены множеством регулярно расположенных квадратных и треугольных элементов, также имеющих богатую скульптурную разработку. Подобного рода ковровое заполнение свода множеством упорядоченных геометрических форм со вписанными в них разнообразными цветочными мотивами неотвратно вызывает в памяти рассмотренные нами выше мозаические — позднеантичные и раннехристианские — полы.

Просмотрев множественный ряд разнообразных византийских, раннехристианских и античных памятников, нам, как кажется, удалось обнаружить некоторые неочевидные сперва аналогии — очевидно, являющиеся истоками самостоятельного варианта романского стиля, возникшего на итальянских территориях в конце XI–XII столетиях. Но не только фрагментарно рассмотренные памятники восточнохристианской и позднеантичной традиции, представляющие в данном случае первое неизвестное в решаемом нами сложном уравнении, дают ответ на поставленный выше вопрос о генетическом происхождении южноитальянской романики. Не менее важным и значимым; также оказавшим колоссальное влияние на сложение разработанного варианта романского искусства Южной Италии источником в данном случае может являться исламская художественная традиция [6, Р. 171].

Непосредственным современником базилики в Трое на исламских территориях является построенная около 1125 г. мечеть Аль-Акмар в Каире. Рассматривая архитектурную декорацию ее главного фасада, мы моментально замечаем уже знакомые нам, словно скопированные с северного фасада апулийского храма ромбовидные

и круглые элементы с исламскими орнаментами внутри. Так, перед нами предстает еще более очевидная — нежели в предыдущих, рассмотренных в рамках византийской художественной традиции памятниках — аналогия. Уже не только сами формы геометрических фигур и вплетенных в них орнаментов, но и сам принцип артикуляции стенной поверхности наложенными на нее; выступающими или, наоборот, западающими; исключительно декоративными по своей функции элементами рождает — поражающий своей похожестью с романским — способ организации пластической разработки фасадной стены. Подобного рода архитектурная декорация, являющаяся характерной для множества возникающих в период IX–XII столетий мечетей на территориях исламского мира — будь то оформление нижнего уровня главного фасада мечети Аль-Хаким в Каире, датируемой серединой X столетия, или стенных плоскостей внутреннего двора мечети Ибн-Тулуна IX в. там же — как кажется, представляют собою неожиданную, но вместе с тем удивительно очевидную орнаментальным медальонами базилики в Трое параллель.

Совершенно особый интерес в данном случае представляют еще более ранние памятники исламской художественной традиции, датируемые VIII столетием и относящиеся к наследию династии Омейядов. Речь идет об орнаментальном рельефном фризе, предназначенным для так и не построенной зимней резиденции халифов в иорданском городе Мшатта и ныне хранящимся в Пергамском музее в Берлине, а также о декорации въездных ворот замка Каср аль-Хейр аль-Гарби, фрагментарно сохранившейся и находящейся в экспозиции Национального музея в Дамаске. В пластическом оформлении одного из верхних ярусов башен, обрамляющих въездную арку замка Каср аль-Хейр аль-Гарби — симметрично с обеих сторон — присутствует декорация полукругов башенных выступов концентрическими квадратными и ромбовидными панелями, пространство между которыми заполняют разнообразные органические и геометрические мотивы. Рассматривая внимательно

эти панели, мы сталкиваемся, пожалуй, с наиболее близкой из рассмотренного нами выше ряда византийских, раннехристианских, позднеантичных и исламских памятников аналогией с мотивами, возникающим в архитектурном оформлении медальонов северного фасада базилики в Трое. Шестиконечные и восьмиконечные звезды, рождающиеся из пересечения двух равнобедренных треугольников или, соответственно, квадратов; многолепестковые цветы — в Трое переинтерпретированные на местный лад в более графичных, геометрических формах — но, все же, они же; множество более мелких цветочных мотивов, расположенных в ковровых орнаментальных панно, декорирующих внутреннюю сторону среднего яруса башен — и так далее.

Но разглядывая последние упомянутые нами разнообразные маленькие цветочки в декорации среднего яруса омейядских въездных ворот, мы сперва вспоминаем не пластическую разработку карниза романской южноитальянской базилики в Трое, не пытаемся проследить непосредственную преемственность скульптурных мотивов романского апулийского храма от сирийского памятника VIII в. — вовсе нет. В нашей памяти начинает проявляться уже виденная нами сегодня — не романская, а античная — скульптурная декорация одного из сводов пальмирского храма Баала, расположенного в 80 километрах от рассматриваемых нами ворот. Так, при совершении одного из последних арифметических действий в вычислении второго недостающего неизвестного — мы вновь получили в качестве окончательного промежуточного решения не исламскую, а все ту же, что и в первом случае — античную художественную традицию.

Итак, мы сделали предметом нашего рассмотрения некоторые орнаментальные мотивы скульптурной декорации романского храма в южноитальянском городе Троя. Просмотрев множественный ряд самых разнообразных памятников, нам, как кажется, удалось проследить длинный жизненный путь одного художественного мотива, впервые возникшего в изобразительном языке антично-

го искусства не позднее I в. н.э.; затем прошедшего длинный этап параллельного развития в восточнохристианском, равно как и в исламском искусстве; и, наконец, появившегося в архитектурном оформлении базилик романской Италии — как на севере, так и на юге. Постепенно просматривая памятники одиннадцатого, десятого, девятого, восьмого, пятого и четвертого, второго и первого веков нашей эры мы сталкивались с несколько по-разному интерпретированным, искаженным позднейшим временем, меняющимся под влиянием местных художественных традиций — но все же одним и тем же — декоративным геометрическим мотивом. Обращаясь вновь к исламской традиции, стоит отметить и тот факт, что непосредственным источником подобного рода формы на территориях Южной Италии могли служить многочисленные предметы мелкой пластики XI–XII столетий, происходящие непосредственно с южноитальянских территорий, как, например, бронзовый ларец из сокровищницы собора Сан-Марко в Венеции, передняя стенка которого украшена уже знакомыми нам орнаментальными медальонами. Нельзя в данном случае не упомянуть и бронзовые двери — как правило, византийского происхождения, но испытавшие мощное влияние исламской культуры — декорирующие входные порталы некоторых романских памятников Южной Италии, как то двери Мавзолея Бозмунда Антиохийского в Канозе, центрального портала церкви Святого Николая Пилигрима в Трани или же — бронзовые двери самой, рассматриваемой нами базилики в Трое [7, Р. 125]. Постепенная констатация множественных аналогий подобного рода, все же, как кажется, является недостаточной для определения конкретных изобразительных источников, оказавших непосредственное влияние на сложение романского искусства Южной Италии, превратившегося в развитый и самостоятельный стиль, что, в свою очередь, представляется интересным полем для дальнейших поисков – недостающих в этом сложном уравнении — многих неизвестных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Belli D'Elia P.* Patrimonio artistico italiano. Puglia romanica Milano: Jaca Book, 2003. P. 71-93.
2. *De Santis M.* La Civitas Troiana e la sua cattedrale. Foggia: Amministrazione provinciale di Capitanata, 1976. P. 230-231.
3. *Kingsley Porter A.* Romanesque sculpture of the pilgrimage roads. New York: Hacker Art Books, 1966. P. 59-71.
4. *Bertaux E.* L'art dans l'Italie méridionale. Paris: Albert Fontemoing, 1904. P. 437-481; 649-667.
5. *Toesca P.* Storia dell'arte italiana. Vol. II: Il Medioevo. Torino: Unione Tipografico-Editrice torinese, 1927. P. 742-914.
6. *Abbate F.* Storia dell'arte nell'Italia meridionale. Vol. I: Dai longobardi agli svevi. Roma: Donzelli, 1997. P. 167-181.
7. *Belli D'Elia P.* Il Romanico // La Puglia fra Bisanzio e l'Occidente. Milano: Electa Editrice, 1980. P. 117-153.

ТУМИНСКАЯ О. А.
Государственный Русский музей

ОБРАЗЫ НОВГОРОДСКИХ ЮРОДИВЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИСКУССТВА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА ЭПОХИ ПОЗДНЕГО РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Икона «Андрей Юродивый с житием» начала XVI в. — произведение художника, входившего в круг одного из ведущих мастеров иконописания позднего русского Средневековья, является оригинальным памятником художественной коллекции первого владельца Н. П. Лихачева и нынешнего владельца — отдела древнерусской живописи Русского музея непревзойденным по мастерству исполнения и по содержательному пафосу. Произведение выставлено в экспозиционном пространстве.

Следуя предположениям Н. В. Пивоваровой, данная икона относится не к московской школе живописи позднего Средневековья, а к новгородскому кругу изобразительного искусства Макарьевского периода [1, С. 391-393].

На Руси известность Андрею Юродивому принесли его житийные списки. Житие повествовало о Влахернском чуде, которое вошло в иконографию как праздник Покрова Пресвятыя Богородицы. Сергей, архиепископ Владимирский пишет, что «Праздник установлен не вследствие видения Андрею Юродивому, а вследствие слушания жития святого Андрея или того места из жития, в котором говорилось о явлении ему Богородицы» [2, С. 61]. В XIV в. изображение Андрея Юродивого возникает в иконографической композиции Покрова. Самый ранний пример — это суздальская икона (1360-е гг.). В милоти Андрей изображается на иконах конца XIV в. — икона «Покров» XIV в., 1399 г. [3, С. 127, кат. 8] и конца XV в. — икона «Покров» XV в. Новгород, северная провинция. ГРМ. Инв. № 1557 [4, С. 82-83, ил. 24].

Связь изображений с житием не вызывает сомнения, обращает внимание на распределение сюжетов. По зрительному направлению считывания сюжетов клейма подчинены логике житийного повествования, но акценты расставлены в определенных местах, необходимых для передачи основной мысли произведения: в левом верхнем углу (№1) — наставление на учебу; в правом верхнем углу (№5) — благословение Христа; третье сверху по левому полю (№8) — видение Андрею Юродивому Царствия Небесного и Спасителя на троне, поддержка в трудные минуты исполнения юродского подвига. Также введен и неизменный для жития и иконографии Андрея Цареградского праздник Покрова Пресвятой Богородицы в среднем клейме нижнего поля (№16). Видение чуда сделало Андрея одной из главных фигур изобразительного извода «Покров» [5, С. 62].

По стилю живописи она имеет точки соприкосновения с классическими московскими памятниками и, в первую очередь, с житийными иконами рубежа XV–XVI вв.: «Митрополит Петр», «Митрополит Алексий», «Димитрий Прилуцкий» [6]. И. А. Шалина указывает на работу над этой иконой двух и более мастеров на основании подписи над каждым цветом, видимые исследователями в процессе изучения иконы в свете технико-технологических исследований, проводимых в лаборатории ГРМ в 1987 г. О. В. Голубевой. Реставраторы выявили и зафиксировали все буквенные обозначения, а также исполнили заключение о сохранности памятника, что позволяет связывать икону «Андрей Юродивый в житии» с деятельностью новгородской Макарьевской мастерской 40-х гг. XVI в., а ее подготовительный рисунок с работой одного из миниатюристов лицевого «Жития Нифонта» [7, С. 12]. Определение атрибуции иконы именно по таким позициям автор данного текста считает недостаточно обоснованным. Одно действительно: в написании этой иконы принимало участие более одного мастера, скажем два (возможно и больше), но стилистически имеются доказательства почерка двух авторов. Увиденные в излучениях надписи названий цвета в конкретных участках иконы могут не только

свидетельствовать о наличии нескольких мастеров, но и говорить о традиции работы над иконой: таким же способом мог пользоваться и один мастер, сравнивая свое произведение с иконописным подлинником или иконописным оригиналом. Другое дело, что сама живопись и использование линейной окантовки фигур и тканей на фигурах, в частности — на главном персонаже, выдают работу двух мастеров. Так, в клеймах 1-5 (верхний ряд) Андрей предстает безбородым, славянского сложения лица, в розовато-молочного цвета ризе. Многочисленные складки прорисованы четко и витиевато. На этом основании выделяем руку Первого мастера. Во всех остальных клеймах и в среднике лик Андрея представлен в возрасте «средовека», с бородой и усами. Представленный с бородой, юродивый сразу становится бесноватым: глаза острые, волосы растрепаны, складки плаща развеваются.

Известно, что большая часть коллекции Н. П. Лихачева имела новгородское происхождение [8, С. 27]. И еще один аргумент в пользу новгородского, по преимуществу, почитания Андрея Юродивого. Среди рукописей, собранных в Олонецком крае В. И. Срезневским, внимание исследователей привлекла служба на русском языке Андрею Юродивому, датируемая первой половиной XVI в., принадлежащая Снетогорскому монастырю [9]. В древнерусское время Олонецкий край входил в Обонежскую пятину и принадлежал Великому Новгороду, а впоследствии становится пристанищем старообрядческих скитов. Видимо, почитание Андрея Юродивого в Великом Новгороде имело давние традиции, основанные на общем высоком интеллектуальном развитии новгородцев, их стремлении переосмыслить философские идеи Византии художественно-эстетическим языком русского православия, на понимании цели и святости подвига юродства.

Рассматривая красочное исполнение иконы, обратим внимание на графичность, линейность прописи фигуры и одеяний святого, что может быть трактовано как примета хронологической атрибуции. Известно, что в 40-е гг. XVI в. в Новгороде архиепископ Макарий обустроивал ризницы храмов и скриптории монастырей

по своему художественно-эстетическому вкусу, который, как указывают историки, был весьма высоким [10, С. 40-41]. Заметно отличается выбор изобразительных сюжетов от выборки житийного повествования. Имея возможность изучения некоторых рукописей Жития Андрея Юродивого XVII–XVIII вв., отметим, что в иконе собрания Н. П. Лихачева отсутствует легендарный мотив «О зимней беде», который неизменно присутствует в его же рукописном собрании житий этого святого, относящихся к XVII–XVIII вв. [11, л. 31. об.]. Почему иконописец не стал изображать сцену отказа юродивому в крове и изгнанию его собаками, неизвестно, но можем уверенно сказать, что присутствие такого тематического клейма заметно обогатило бы житийную изобразительную иконографию и засвидетельствовало присущий лишь юродивому мотив изгнания из сообщества людей и среды животных. Полное одиночество и глубина социального отшельничества в этом литературном сюжете дана предельно конкретно и эмоционально остро.

По приведенным характеристикам следует отнести икону «Андрей Юродивый с житием в 18 клеймах» к середине XVI в. и назвать местом ее вероятного исполнения — центральные мастерские Великого Новгорода.

Характерная для Великого Новгорода икона «Богоматерь Одигитрия Смоленская, с избранными святыми» (вторая половина XVI в.) представляет местный колорит. Также непривычен реестр святых, окружающих средник. Верхнее поле отдано архангелам и святым пророкам, нижнее — излюбленным святым помощникам новгородцев в их ежедневных чаяниях. Икона «Богоматерь Одигитрия Смоленская с избранными святыми» новгородского письма включает изображение местнотимых святых Николая Кочанова или (и) Феодора Блаженного. Образ одного из них зафиксирован на нижнем поле иконы. В Новгороде и Пскове, где жили воины и купцы — люди одинаково рискованных по тем временам занятий — получили распространение иконы с «палеосными» образами святых. В нашем случае — нижнее поле сравнимо с престолами приходских уличанских храмов, окружавшими иконописца в современное ему

время. Семья, артель или жители одной улицы (уличане) заказывали большой храмовый образ Христа, Богородицы, Николая Чудотворца, на полях которого помещались небольшие изображения святых, соименных заказчикам. Пускаясь в дальний путь, рядом с нательным крестом для защиты помещали и образок своего святого. Следуя такой местной традиции в пространство иконы могло быть введено изображение местночтимого юродивого.

Обратившись к памятнику из собрания Русского музея «Богоматерь Одигитрия Смоленская с избранными святыми» (1565 г.), автор статьи указывает на присутствие среди других святых образов изображение Феодора Новгородского — защитника Торговой стороны Великого Новгорода. По мнению Т. Б. Вилинбаховой и И. А. Шалиной в нижнем ряду этой иконы представлен образ Николая Кочанова. Надписи стерты, остается возможность атрибуции путем сравнительного сопоставления изобразительного ряда. Мнение о том, что на нижнем поле этой иконы представлен святой Николай Кочанов «между Стефаном и Никитой», высказал и В. Г. Пуцко [12, С. 112–134]. Проанализировав изображения и их описания по лицевым подлинникам, можно утверждать, что на данной иконе среди других святых может быть изображен Феодор Блаженный. Его иконография ближе представленному на иконе образу: «Блаженный Феодор Новгородский чудотворец, надсед, брада Николаина, в княжьей ризе» [13, С. 64, ч. 19]. В то время как описание Николая Кочанова по сводному списку Г. Д. Филимонова свидетельствует: «...лицо бледно, длинные волосы и брада с проседью» [14, С. 141]. Принимая во внимание возможность написания на данной иконе тех святых, которые новгородцам казались более близкими, автор приходит к выводу, что на нижнем поле иконы «Богоматерь Одигитрия Смоленская с избранными святыми» могут быть изображены местные покровители Феодор Блаженный или Николай Кочанов. Атрибуция автора статьи свидетельствует в пользу изображения на иконе местночтимого святого — юродивого Феодора Новгородского.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пивоварова Н. В. и другие.* Андрей Юродивый. Иконография // Православная энциклопедия: В 12 т. Т. 2. М.: РПЦ, 2009. 719 с.
2. *Сергий, архиепископ Владимирский.* Святой Андрей, Христа ради юродивый и Праздник Покров Пресвятыя Богородицы. СПб.: Тип. Лопухина, 1898. 134 с.
3. Русская икона XI–XIX веков в собрании Новгородского музея. М.: Северный паломник, 2004. 264 с. Кат. № 8.
4. *Смирнова Э. С.* Живопись Обонежья XIV–XVI веков. М.: Наука, 1967. 186 с.
5. *Сергий, архиепископ (Спасский).* Святой Андрей Юродивый и праздник Покрова Пресвятой Богородицы / Вступ. ст., пер. с греч. и комм. Е. В. Желтовой. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 320 с.
6. *Гусева Э. К.* Об иконе Андрея Юродивого в житии начала XVI века в собрании Русского музея // Дионисий и искусство Москвы XV–XVI вв.: Тез. докл. науч. конф. 22–25 ноября 1976. Б. м., б. г. Ркп.
7. *Шалина И. А.* Макарьевская школа живописи в Новгороде // Страницы истории отечественного искусства XVI–XXI века. Вып. XI. СПб.: ГРМ, 2005. С. 5–26.
8. *Сычев Н. П.* Древлехранилище памятников русской иконописи и церковной старины имени императора Николая II при Русском музее императора Александра III. Пг.: Старые годы, 1916. 35 с.
9. Служба Андрею Юродивому. Первая половина XVI в. // ОР БАН. Сев. 473.
10. *Волнянский Н.* Митрополит Макарий — светоч русской культуры XVI века // ЖМП. 1947. №6. июнь. С. 25–41.
11. Житие Андрея Юродивого. XVII–XVIII вв. // ОР РНБ. ОЛДП. Q. 58. Лл. 1–135.
12. *Пуцко В. Г.* Икона святого Николая Зарайского в Великом Устюге и «народная иконопись» новгородцев XV–XVI вв. // Краеведческий альманах. Вологда: «Русь», 2004. Вып. 3. 392 с.
13. Подлинник иконописный / под ред. А. И. Успенского. М.: Изд-е С. Т. Большакова, 1903. 189 с.
14. Сводный иконописный подлинник XVIII века / По списку Г. Д. Филимонова. М.: Унив. тип., 1874. 435 с.

IV

ПРАВО И ВЛАСТЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

**ОБЩИЕ МОДЕЛИ ОБРЯДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ НА РУСИ И
В СКАНДИНАВИИ: КЛЯТВА ЗЕМЛЕЙ И
ОБРЯД ПОБРАТИМСТВА**

Как кажется, нет нужды подробно останавливаться на многочисленных династических, политических и социальных факторах, свидетельствующих о близости Скандинавии и Руси [1; 2]. Наличие подобных сходств, в свою очередь, позволяет предполагать и наличие, возможно, не таких заметных, однако не менее репрезентативных культурных связей между этими двумя регионами. Теми примерами же, которые помогут нам понять, существовали ли такие связи, будут два обряда: клятва землей, распространенная на Руси по меньшей мере с XI по XIX в., и обряд побратимства, упоминания о котором мы находим в нескольких исландских родовых сагах. Основание сравнивать между собой именно эти практики нам дают как чисто формальные признаки, связь с землей, так и содержание этих обрядов.

I

Самое раннее известное упоминание клятвы землей на Руси содержится в датируемом XI в. древнеславянском переводе Слова Григория Богослова «Об избиении града» [3, С. 229]. Интересующий нас обряд упоминается в ряду некоторых других, из-за отправления которых, по словам Богослова, и «приходить гнв бжи»: «...овъ рк богын нарицае,и зврь живщ в нй ко ба нарица,треб творить,овъ кобен пътичь смотреть,овъ же дрънъ въскроуш на глав поклада, присгоу творить» [3, С. 243]. Этой вставке в оригинальном тексте Слова предшествовало перечисление поступков, недопустимых для христианина: «Овъ отъ насъ оутшити нища,и чсть отъ земли

его прить...овъ лихвами и прибытъкъмъ землю осквѣрни...овъ вдовиц и сира не помилова...овъ пожьре неводу своему имъ-шю мьного...» [Там же].

Примечательно, что Григорий использует примеры скорее нравственного характера, лишь однажды упоминая тему языческого обряда. Можно предположить, что в своем «Слове» он приводит наиболее распространенные примеры поступков, ведущих к нарушению христианской морали: присвоение себе чужого, стремление к обогащению (причем нечестным путем), жестокосердие, и лишь как об исключительном случае он говорит о жертвоприношении неводу. Богослов говорит о ситуациях, которые должны быть знакомы каждому читающему его послание, чтобы, указав на них, искоренить их практику. Той же логики, возможно, придерживался и автор вставки, только в этом случае он указывает на практику различных обрядов-пережитков язычества.

Переводчик не дает нам информации об обстоятельствах и форме проведения обряда, предполагая, вероятно, что его аудитория и так в достаточной степени с ними знакома, — но в некоторой степени восполнить эти пробелы может более поздний материал. Так, Н. П. Павлов-Сильванский указывает на пример из разъезжей грамоты сер. XV в.: «Микуда Парфеньев поимался за деревню, земли и новины, и дернъ рѣзалъ» [4, С. 344]; в XIX в. в Олонецкой губернии межевые споры могли решаться также с помощью возложения дерна на голову и обращения к «матери-сырой-земли» в качестве судьи: один из спорщиков «вырываетъ кусокъ дерна съ землею, полагаетъ его на голову и идетъ по тому мѣсту, гдѣ, по его мнѣнию, должна быть дѣйствительная граничная межа покосовъ» [5, С. 18] — при этом человек, обходящий межу, мог зайти на территорию соседа, но в этом случае тот не сопротивлялся, «приговаривая только, крестьясь: «Съ Богомъ! Бери, что обошелъ: такъ разсудила насъ мать сыра земля» [Там же]. Из этих случаев мы можем определить область применения клятвы землей — она могла использоваться для разрешения земельных конфликтов, будучи при этом достаточ-

но распространенной и влиятельной для того, чтобы ей могли пользоваться на протяжении восьмисот лет. На распространенность этого обряда и его связь с правом владения землей нам указывают и некоторые лингвистические данные. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» мы можем увидеть наречие «одерень», что значит «навсегда, в полную зависимость или собственность», прилагательные «одерноватый», обозначающее полную и бессрочную зависимость холопа [6, С. 270, 273], и «дерный» — «дерными», обычно, называли грамоты, подтверждающие передачу собственности в бессрочное и полное владение [7, С. 230].

Все вышесказанное вызывает закономерные вопросы: во-первых, почему именно земля используется в данном обряде? Так же, как следует из последней цитаты, между по спорной земле пролагали по следам человека с землей на голове — то есть, теоретически, он мог и умышленно захватить часть чужой территории. Тогда на чем основано столь сильное доверие этой процедуре? И наконец — могла ли клятва землей использоваться и для других целей? Постараемся ответить на эти вопросы.

Можно предположить, что совершающий клятву землей апеллировал одновременно к двум составляющим культа матери-земли, распространенного во многих индоевропейских мифологиях. Воплощением первой, которую можно условно назвать «мифологической», были Притхиви (*prithivi matar* — земля-мать) в Индии; Гея в Греции, аграрные функции которой перешли со временем к Деметре (букв. земля-мать); пара Фрейр-Фрейя, отождествляемая в Скандинавии с силами природы и плодородием земли; в славянской же мифологии культ земли представляет мать-сыра-земля. Однако, если в случае Деметры нам известны храмы и священнодействия в ее честь, подобных практик в древнерусских материалах найти не удастся [8, С. 57]. Скорее, можно говорить не об обожествлении, а о почитании пассивного женского начала матери-земли, оплодотворенной солнечным светом и струями дождя и готовой к производству потомства: растений, животных. В. Л. Комарович, к примеру,

предлагает рассматривать эпизод в ПВЛ под 6579 (1071) г. — когда во время неурожая волхвы вырезают хлеб из спин «лучших жен», объясняя это тем, что они возвращают плодородие земле [9, л. 65 под 6579 г.], — как своеобразный обряд возвращения плодородия земле от женщин, которыми оно было отнято, и обращает наше внимание на саму аллегория: «достать изобилие из женской спины» — собрать урожай [10, С. 100].

Земля считалась матерью не только потому, что она традиционно противопоставлялась небу-отцу и производила все необходимое для жизни человека, но и благодаря тому, что сам человек, как считалось, был рожден из земли. Об этом красноречиво свидетельствует, например, следующий памятник народной духовной поэзии — «Голубиная книга»:

«У нас ум-разум самого Христа,
Наши помыслы от облац небесных
Кости крепкия от камени;
Телеса наши от сырой земли;
Кровь-руда наша от черна моря» [11, С. 67].

Татьяна Топорова обратила внимание на другую часть этого же стиха:

«Который камень всем
камням мати?».

Мы видим, что слово «мать» здесь использовано по отношению к объекту мужского рода, где логичнее было бы употребить слово «отец». Из этого можно заключить, что слово «мать» в данном контексте «функционирует в качестве архилексемы со значением “начало”, “исток”, “первая”» [12, С. 109]. В связи с этим и отношение к земле было соответствующим: как и собственную мать, землю немислимо оскорбить, осквернить, причинить ей боль [13, С. 73; 14, С. 281].

Человек рожден из земли, и после смерти он возвращается обратно в ее лоно: про умирающего говорят, что «его земля къ себе

зовет»; если на теле у него выступают темные пятна, то это «земля у него выступает»; по народным поверьям, умереть было быстрее и легче всего на земле, поэтому существовал обычай класть человека на землю, земляной пол в избе или на солому, если агония продолжается слишком долго [14, С. 270]. Вместе с тем, человеку необходимо принять надлежащий вид перед воссоединением с землей: так, солдаты перед битвой надевают чистое белье, а мертвецов обмывают и переодевают перед похоронами. Еще один пример подобной заботливости о чистоте матери-земли мы можем увидеть в повести о боярыне Морозовой: сидя в темнице и чувствуя приближение смерти, она просит стража постирать ей сорочку, «ибо хочет Господь взять меня отъ сей жизни. Было бы непристойно этому тѣлу в нечистой одеждѣ возлечь в нѣдрахъ матери своей земли» [14, С. 271]. Возможно, эта традиция связана с представлением о том, что человеческое тело, истлевая, вновь начинает составлять с землей единое целое, поэтому, чтобы не осквернить ее, человек должен прийти к ней чистым.

Это подводит нас ко второй, «социально-политической» составляющей культа матери-земли, которая придает ей роль важнейшего связующего элемента общества, на ней живущего. Согласно представлениям того времени, «колдуны и вѣдьмы, опойцы, люди, предавшіеся злему духу, проклятые родителями, отлученные отъ церкви, не гніють въ землѣ, остаются вечными трупами: земля ихъ не принимаетъ» [Там же]. Это поверье можно трактовать с двух точек зрения: с одной стороны, с чисто практической — люди, относящиеся к вышеперечисленным категориям, оскверняют землю, приходя к ней со всеми своими грехами, поэтому и не принимаются ей; с другой стороны, неприятие землей подобных людей может свидетельствовать об исключении их из того общества, что объединяется одной матерью-землей — теряя связь с породившей их землей, они теряют и связь с людьми на ней живущими и в нее же возвращающимися после смерти.

В этом же направлении рассуждает и В. Л. Комарович, сближая почитание земли и культ предков (в его случае речь идет о княже-

ском роде). Он считает, что субъектом и объектом княжеского владительного права на Руси в XI–XII вв. были соответственно единый княжеский Род и вся русская Земля; причем подобная система, при которой право на владение землей принадлежит всему роду, опирается на связь всех членов рода со своими предками: «единого деда есмь внуцы, а толико тебе до него, толико и мне» [10, С. 87-90]. То, что в этой реплике фигурирует именно дед, неслучайно, так как именно дед играл важнейшую роль в одном из основных элементов культа рода — в имянаречении. Чтобы стать полноправным членом рода, ребенок князя «должен был получить имя, связывающее его с предками», причем от выбора имени зависели и династическая перспектива ребенка, и его положение в роду [15, С. 11]. Быть названным в честь умершего родича (которым чаще всего был именно дед), бывшего при жизни князем, «означало быть его законным преемником, наследником его полномочий» [Там же, С. 13]. В этом месте и пересекаются культы рода и земли: приблизительно до XIII в. существовал запрет на наречение в честь живого близкого родича. Это было связано с тем, что, получая имя предка, ребенок становится в каком-то роде его воплощением, — что, конечно же, неосуществимо при жизни этого предка. Умирая, он попадает в лоно матери-земли; когда его именем называют наследника — покидает землю и воплощается в ребенке. Поэтому когда у Рюрика Смоленского в г. Лучине на пути из Новгорода рождается сын, он присваивает ему имя умершего к тому времени деда и ставит на том месте, где случились роды, церковь [10, С. 103]. Примечательно, что церковь ставится именно на месте родов, а не каком-либо другом, возможно, более удобном месте: мы уже выяснили, что умирающему легче было отойти лежа на земле — так и в обратную сторону, душе покойного предка легче было выйти из земли на месте родов.

Теперь, когда мы выяснили, что было связано с землей в сознании древних славян, становится понятно, почему именно клятва землей использовалась для решения конфликтов, связанных с границами земельных участков. Когда уничтожались естественные границы участков или терялись записи в межевых книгах, притяза-

ющему на землю нужно было принести присягу, которую он бы не смог нарушить — такой присягой и была клятва землей. Возложение земли на голову имело двойственное значение: с одной стороны, это символизировало мгновенную гибель в случае принесения ложной клятвы; «если покось не принадлежить ему, тогда сама мать родная земля прикроет его на вѣки» — так клялся один крестьянин Рязанской губернии [5, С. 19]. С другой стороны, положив себе на голову кусок дерна, человек демонстрировал свою причастность как к земле, на которой он живет, так и к роду, который живет на этой земле — выводя из этих двух обстоятельств свое право собственности. Можно думать, оба этих аспекта — мифологический и социально-политический — в равных пропорциях присутствовали в обряде, что позволяло использовать его как полноценный элемент судебного процесса, нарушить ход которого не позволял страх перед матерью-землей.

II

Древнерусский материал предоставляет исследователю множество примеров почитания земли, однако не дает примеров ее обожествления. В «Младшей Эдде» все наоборот: земля называется божеством, но ее почитание не описывается. Более того, земля здесь предстает в двух обликах — Ёрд (др.исл. jǫrð, земля) и Фригг, — черты которых в XIII в., очевидно, подверглись контаминации. Ёрд в «Младшей Эдде» называется женой Одина и матерью Тора [16, С. 19] (бога-громовника, имеющего самое непосредственное отношение к плодородию): иными словами, перед нами вновь традиционный мотив сакрального брака высшего небесного божества и земли. Ёрд «причисляется к богиням» [Там же, С. 35], однако на протяжении всего повествования она выступает в роли абстрактного и пассивного начала — в отличие от второй «ипостаси» земли и жены Одина, Фригг. Ее образ, не боясь ошибиться, можно назвать эвгемеристическим: Фригг присущи человеческие черты, она выступает активной участницей происходящих событий (ср. Кн. I «Истории лангобардов» Павла Диакона[17]).

Еще одним подтверждением божественной природы Ёрд может служить древнеанглийское «Заклинение плодородной земли» (XI в.) [12, С. 102]. Строка, гласящая: «земле я молюсь и верхнему небу», прямо указывает на дарующую плодородие сакральную связь мужского и женского начал. Кроме того, следует обратить внимание на следующие строки «Заклинания»: «Эрке, Эрке, Эрке, мать земли» и «Будь благословенна, земля, мать людей! Процветай в объятиях Господа, наполняйся пищей на благо людей!». Т. В. Топорова утверждает, что имя Эрке (Erce) восходит к «общегерманскому наименованию земли — *er(d)- [ср. др.-исл. jörð], дополненному уменьшительным суффиксом -k» [Там же, С. 105].

Интересно также сравнение отрывков из «Голубиной книги» и «Речей Гримнира» из «Старшей Эдды» [11, С. 67; 18]:

«У нас мир-народ от Адамия,	«Имира плоть стала землей,
Кости крепкие от камня,	кровь его — морем,
Телеса наши от сырой земли,	кости — горами,
Кровь-руда наша от черна моря»	череп стал небом,
	а волосы — лесом».

Заметно, что оба стиха имеют одну цель — в рамках легендарной традиции поведать об акте творения — и используют одни и те же понятия (в обоих случаях речь идет о первопредке; упоминаются части тела в связи с природными образованиями). Кроме того, в обоих стихах мы видим явную связку — причем мы можем воспроизвести ее в обе стороны — «земля — происхождение — человек», которая указывает на сакральный характер земли, потому что в первом случае она дает жизнь человеку, а во втором — потому что она создается из тела первопредка.

Перейдем наконец к обряду побратимства. Его описание встречается в «Саге о названных братьях» и «Саге о Гисли», однако в последней оно более подробное: «Вот идут они на самую стрелку косы и вырезают длинный пласт дерна, так, что оба края его соединяются с землей, ставят под него копыта с тайными знаками такой длины, что стоя как раз можно достать рукою до того места, где наконечник

крепится к древку. Им, Торгриму, Гисли, Торкелю и Вестейну, надо было, всем четверым, пройти под дерном. Потом они пускают себе кровь, так что она течет, смешиваясь, в землю, выкопанную из-под дерна, и перемешивают все это, кровь и землю. А потом опускаются все на колени и клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов» [19].

Не связанные до начала обряда кровными узами люди, пройдя под положенными на копыта и касающимися земли полосами дерна, произнеся клятву и смешав в земле под этой полосой капли своей крови, становятся как будто кровными братьями. Предполагая родство с древнерусским обрядом, можно представить, какой механизм лежал в основе побратимства. Заходя в пространство между поднятой полосой дерна и землей, участник обряда оказывался в лоне земли, переживал временную смерть. Когда все участники заходили под полосу, каждому следовало пролить кровь на землю и перемешать ее с землей и кровью остальных — таким образом они все оказывались связаны с одной матерью — землей — и затем, выходя из под полосы, они заново появлялись на свет, но уже считаясь полноправными братьями. Если же они нарушат обязательство, то окажутся погребенными под землей. Или же — находясь под полосой дерна и смешивая свою кровь в одной земле, люди подтверждали свою принадлежность этой земле и становились членами одного рода со всеми вытекающими отсюда последствиями (Более того, «Сага о людях из Лососьей Долины» дает пример проведения аналогичного испытания дерном при имущественном споре [20]).

Таким образом, мы можем предположить наличие между двумя обрядами, заключающими в себе сложное сочетание правовых, мифологических и социальных воззрений, генетического родства, что позволяет продолжать поиск и других точек соприкосновения культур Скандинавии и Руси.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь: историко-филологические очерки / Рос. Академия наук. Ин-т славяноведения. М.: Языки славянской культуры, 2002. 456 с.
2. Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования) / Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М.: Наука, 1978. 240 с.
3. Будилович А. С. XIII Слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Публичной Библиотеки. СПб.: Издание Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1875. 285 с.
4. Павлов-Сильванский Н. П. Символизм в древнем русском праве // Журнал Министерства Народного просвещения. 1905. Ч. CCCLIX (июнь). С. 339–366.
5. Соколов. Г. Судья-земля; Матвеев П. А. Заметка по поводу предыдущей статьи // Сборник народных юридических обычаев. Т. 1. / Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. С-Пб., 1878. Т. 8., Отд. III., С. 17–19.
6. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т русского языка. Вып. 12. М.: Наука, 1987. 383 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т русского языка. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 404 с.
8. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: в 2 т. Том 1. Х.: Епархиальная типография, 1916. 376 с.
9. Ипатьевская летопись // ПСРЛ, Т. II, изд-е 2-е / Под. ред. А. А. Шахматова. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 573 с.
10. Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. / Труды Отдела древнерусской литературы. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. XVI. С. 84–104.
11. Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Гнозис, 1991. 192 с.
12. Топорова Т. В. Др.-англ. *Erse, eor`an modor* — русск. мать сыра земля / Заговорный текст. Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. 520 с.

13. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1995. 804 с.
14. *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1914. 570 с.
15. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М.: Индрик, 2006. 904 с.
16. Младшая Эдда / Отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. М.: Литературные памятники, 2006. 144 с.
17. *Павел Диакон.* История лангобардов. Кн. I // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Diakon_P/frametext1.htm, свободный.
18. *Снорри Стурлусон.* Речи Гримнира // Снорри Стурлусон. Старшая Эдда // Северная слава. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://norse.ulver.com/edda/grimnis.html>, свободный.
19. Сага о Гисли // Северная слава. Электронный ресурс. Режим доступа: http://norse.ulver.com/src/isl/gisli/ru.html#_ftnref3, свободный.
20. Сага о людях из Лососьей Долины // Северная слава. Электронный ресурс. Режим доступа: http://norse.ulver.com/src/isl/laxdaela/ru.html#_ednref8, свободный.

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРАВА Г. БРЕТЕЙЛЬ
В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ГОРОДСКОГО ПРАВА
ВАЛЛИЙСКОЙ МАРКИ В XI–XIII ВВ.**

Валлийская Марка была образована как особая военно-административная область на западной границе Английского Королевства после завоевания Англии в 1066 г. Для укрепления своей власти на приграничных с Уэльсом территориях и защиты земель от валлийских нападений Вильгельм Завоеватель пожаловал земли на границе с Уэльсом трем баронам: Уильям Фицосберн стал графом Херефорда, Роджер Монтгомери — графом Шрусбери, а Гуго д'Авранш — графом Честера. Лорды Марки и их вассалы были наделены значительными привилегиями, в том числе связанными с самостоятельным ведением военных действий на пограничных землях и строительством замков на захваченных территориях. Особенности развития Валлийской Марки отразились на процессе колонизации захваченных англо-нормандскими лордами земель. После участия Роберта Монтгомери, третьего графа Шрусбери, в восстании против короля Генриха I под руководством Роберта Куртгеа в 1102 г. его титул и владения в Центральной Марке были отчуждены в пользу короны [1, Р. 14], а титул восстановлен лишь в 1442 г. [1, Р. 210]. Ранее, в 1075 г. старший сын У. Фицосберна Роджер, второй граф Херефорда, был приговорен к конфискации всех владений, лишению титулов и пожизненному тюремному заключению за участие в восстании против Вильгельма Завоевателя. Графство Херефорд было разделено между вассалами Фицосберна, которые активно участвовали в подавлении восстания, в частности, Ральфом Мортимером, владельцем замка Уигмор, и Уолтером де Ласи из Уэб-ли [2, Р. 10-11]. Титул графа Херефорда был восстановлен только в

1199 г. Сыновья Роджера, второго графа Херефорда, Рено и Роджер служили Генриху I, старший сын Рено после женитьбы на Эмелине, наследнице лорда Абергавенни, стал лордом Абергавенни и получил владения в Уилтшире. В результате, Южная Марка, в отличие от Центральной, была сохранена, несмотря на изменение расстановки сил в землях бывшего графства Херефорд. Наиболее сильные позиции лорды Марки впоследствии стали занимать именно в ее южной части, что способствовало завоеванию южных земель Уэльса и последующей их городской колонизации.

Валлийская Марка стала областью, которая после завоевания Англии в 1066 г. подверглась наиболее заметной норманизации по сравнению с другими регионами [3, Р. 87]. На начальном этапе формирования Валлийской Марки замки и маноры англо-нормандских лордов на данной территории располагались более компактно, по сравнению с владениями нормандцев в Английском Королевстве, что связано с необходимостью обороны захваченных земель и дальнейшего завоевания валлийских территорий. Однако замок на территории Валлийской Марки следует рассматривать не только в качестве военного плацдарма, но и как административный центр для управления поселениями и манорами [4, Р. 310-311], а также как эффективный инструмент колонизации. Замок, служивший лордам Марки для выполнения военных, административных и судебных функций, становился впоследствии основой формирования триады замка, монастыря и городского поселения [5, Р. 209], которая была характерна для нормандского земледельческого типа хозяйствования. Строительство городов стало вторым шагом освоения новых земель и послужило экономическому подчинению населения, которое изначально было враждебно настроено по отношению к нормандцам [6, Р. 175].

Немаловажную роль в процессе колонизации Валлийской Марки сыграло городское право: жалование лордом Марки свобод и привилегий жителям небольших городских поселений привлекало множество новых колонистов, в том числе с континента [2, Р. 36]. При этом на территории Валлийской Марки действовало особое

право, отличающееся от английских и валлийских норм — Обычай Марки, — представлявшее собой своеобразный синтез нормандских, валлийских и английских правовых норм. На формирование нормандского элемента Обычая Марки оказала влияние рецепция права нормандского г. Бретейль в XI–XIII вв.

Рецепция права Бретейля городами Валлийской Марки в настоящее время остается дискуссионным вопросом. По мнению английского исследователя Дж. Тэйта нормандское право не знало некоторых правовых институтов, распространенных в праве английских городских общин — к примеру, завещания владений в городе (*devise by will*) [7, Р. 111]. Сравнение норм английского и нормандского городского права XI–XIII вв. позволяет поставить под сомнение необходимость заимствования менее развитого права г. Бретейль.

Компромиссная точка зрения представлена в работах А. Балларда, который также придерживается мнения о более высоком уровне развития городского права Британских островов, нежели континентального, однако, это различие не препятствовало заимствованию отдельных нормативных положений из хартий нормандских городов [8, Р. 656].

Следует заметить, что в Англии и пограничных марках одни города нередко перенимали обычаи и правовые установления других: к примеру, Бристоль и Дублин имели «дочерние» города. К тому же, если исходить из содержания прав и свобод городов, заимствовавших право Бретейля, то представляется логичным вывод о неравнозначности смыслового наполнения сочетания «*leges Britolii*» в каждом отдельно взятом случае. Лорд, даровавший городу привилегии, и население города по-своему могли понимать содержание права Бретейля, то есть в различных городах эти установления не являлись тождественными, несмотря на одинаковую отсылку к одному и тому же первоисточнику [9, Р. 167]. Подобный партикуляризм в целом являлся характерным для Обычая Марки, представлявшего собой не единую правовую систему, а совокупность правовых норм, обычаев и прецедентов графств Валлийской Марки.

Право Бретейля и его использование в качестве образца для создания права новых городов Валлийской Марки по значимости может быть сопоставимо со знаменитым Магдебургским правом [10, Р. 146]. Право Бретейля сыграло для Британских островов такую же роль, как хартия г. Бомон-ан-Аргон для Франции и право г. Фрайбург-им-Брайсгау для Германии [11, Р. 74].

Письменных источников права города Бретейль до наших дней не сохранилось: о его существовании и содержании некоторых положений данного права можно говорить лишь исходя из нормандских и английских источников. Все сведения о праве Бретейля условно подразделяются на три группы: 1) нормы, известные из положений Книги Страшного Суда, 2) обычаи городских общин, заимствованные из права г. Бретейль с указанием на источник рецепции, 3) установления городов, которые по содержанию предположительно могут быть отнесены к праву Бретейля. Сложность в восстановлении положений права Бретейля представляют особенности создания городских хартий XI–XIII вв. в Английском Королевстве и Валлийской Марке: в хартии вновь созданного города могли содержаться установления, заимствованные из хартий нескольких различных городов [8, Р. 648]. Кроме того, долгое время в английских исследованиях существовала гипотеза, согласно которой первоначальным источником городского права английских городов и городов Валлийской Марки считалось право г. Бристоль [12, Р. 88]. Подобное смешение произошло, в частности, из-за неверного толкования «Britolium» как названия г. Бристоль, географически расположенного ближе, нежели нормандский Бретейль.

В Средние века Бретейль представлял собой небольшой нормандский город, первое упоминание о котором относится к 1054 г. [13, Р. 156]. В 1060 г. Вильгельм, герцог Нормандии, построил в Бретейле замок и передал его под управление своего родственника и сенешаля У. Фицосберна [14, Р. 266].

После завоевания Англии У. Фицосберн, «лучший военачальник в армии Вильгельма Завоевателя», стал графом Херефорда. Впервые заимствование права Бретейля было сделано именно

У. Фицосберном в г. Херефорд [15, Р. 173; 16, Р. 97]. Впоследствии это право было заимствовано и другими городами не только Валлийской, но и Ирландской Марки, а также некоторыми городами Английского Королевства. При этом не последнюю роль в распространении права Бретейля сыграл личный авторитет Фицосберна, его приближенное к королю положение и родственные связи. Следует отметить, что в дальнейшем континентальные владения Фицосберна и его поместья на территории Валлийской Марки не находились под управлением одного лорда. После смерти Фицосберна в 1071 г. его владения были разделены между сыновьями: старший сын, Уильям, получил нормандские земли, в том числе и Бретейль, в то время как в английских владениях и Херефорде стал править младший сын, Роджер. При этом в титулах обоих сыновей появилась приставка «Бретейльский» (of Breteuil) [11, Р. 77].

Об использовании в Херефорде права французских колонистов, отличного от английских правовых норм, свидетельствует запись в Книге Страшного Суда:

Rex vero habebat in suo dominio tres forisfacturas, hoc est pacem suam infractam, et heinfaram, et forestellum. <...> Modo habet rex civitatem Hereford in dominio, et Anglici Burgenses ibi manentes habent suas priores consuetudines. Francigene vero burgenses habent quietas per xii denarius omnes forisfacturas suas preter tres supradictas [17, Р. 1].

На то, что правило об установлении размера денежного штрафа в 12 пенсов за все правонарушения (forisfactum), кроме особо тяжких, является именно рецепцией права Бретейля, указывает другое нормативное установление, закрепленное в Книге Страшного Суда, но относящееся уже к г. Хритлан, также заимствовавшему право Бретейля:

Ipsis Burgensibus annuerunt leges et consuetudines quae sunt in Hereford et in breteuil, scilicet quod per totum annum de aliqua forisfactura non dabunt nisi xii denarius, preter homicidium et furtum et Heinfar precognitam [18, Р. 14].

Установление максимального штрафа за правонарушения в размере 12 пенсов, что равняется 1 шиллингу, безусловно, привле-

кало жителей в новые города Валлийской Марки. Для сравнения и прояснения причины подобного заимствования права Бретейля можно привести примеры денежных штрафов в других городах за пределами Валлийской Марки: в Лондоне максимальная сумма составляла 100 шиллингов, в Бристоле и Дублине — 40 шиллингов, в Айншеме (Eynsham) — 10 шиллингов [19. P. 153-158].

Еще один вывод, основанный на анализе положений Книги Страшного Суда, связан с субъектами, на которых распространялось заимствованное право Бретейля. Херефорд не являлся городом, созданным лордом Марки, первые упоминания о нем относятся к VII в., поэтому на его территории после завоевания Англии в 1066 г. стали сосуществовать французские переселенцы и англосаксонское население. Согласно Книге Страшного Суда, право Бретейля было распространено среди нормандских колонистов, в то время как английская часть населения по-прежнему использовало свои обычаи и правовые установления. Разделение городского населения на английскую и французскую части было характерно для городов Марки: около замка уже существовавшего до завоевания Англии в 1066 г. города формировался так называемый Frankville, где проживали французские горожане, которых привлекали в города Марки более выгодные, по сравнению с английскими, права и свободы, пожалованные нормандским лордом.

По такому же принципу было организовано городское поселение в Шрусбери — городе, также существовавшем до завоевания Англии 1066 г. В хартии 1205 г., жалованной Шрусбери королем Иоанном, отмечается, что в городе действовали право Бретейля (*legem Bretoll*), право баронов (*legem Baronye*) и английское право (*legem Anglescherie*) [20, P. 2]. Примечательно, что указание на право Бретейля содержится в хартии, жалованной не лордом Марки, а королем Англии — как отмечалось ранее, после восстания лорда Марки Роберта Монтгомери в 1102 г. большая часть земель графства Шрусбери перешла английской короне.

На существование английской части городского поселения в г. Шрусбери, которое продолжало платить налоги, установленные в

правление Эдуарда Исповедника, и французской колонии, использовавшей собственные обычаи и свободы, указывают и положения Книги Страшного Суда:

Dicunt Angligenae burgenses de Sciropesberie multum grave sibi esse, quod ipsi reddunt totum geldum sicuti reddebatur tempore regis Edwardi, quamvis castellum comitis occupaverit li masuras, et aliae l masurae sint vastae, et xliiii Francigenae burgenses teneant masuras geldantes tempore regis Edwardi... [21, P. 10].

Свидетельство такого разделения города можно найти и в современных топонимах Шрусбери: до настоящего времени на берегу р. Северн сохранился квартал Франквэлл (Frankwell), название которого раньше имело форму Франквилле (Frankville) и указывало на проживающих в данной части города французских переселенцев [22, P. 125].

Право Бретейля в качестве первоисточника было указано в хартиях таких городов Марки, как Ладлоу и Элесмер, а также в установлениях городов Ирландской Марки (Дрогхеда, Ратмор, Дунгарван в Уотерфорде) и английских городов (Байдфорд, Чиппинг Содбери, Личфилд). При этом обозначение права Бретейля приобретало различные вариации, что зачастую приводило к смешению отсылок на нормы права Бретейля и права Бристоля: «lege Bretoyll» в Личфилде, «leges de Britoil» в Чиппинг Содбери, «legem Bretullie» в Элесмере и т. д. [23, P. 302-318]. Основная часть городов Марки, заимствовавших право Бретейля, находилась в Центральной Марке, на территории бывшего графства Шрусбери, и в Южной Марке, где активно велись завоевания земель Южного Уэльса. Установление прав и свобод г. Бретейль хронологически не ограничивалось начальным этапом формирования Валлийской Марки, а в качестве субъекта пожалования выступали не только лорды Марки. Предполагается, обычаи и свободы Бретейля жителям Элесмера пожаловала Джоан, дочь короля Иоанна Безземельного, которая в 1205 г. стала женой Лливелина Великого, получив Элесмер в качестве приданого.

Второй вариант рецепции права Бретейля в городах Марки представляет собой заимствование установлений с указанием в ка-

честве первоисточника как права Бретеяля, так и норм «дочернего» города. В таких городах, как Хритлан, Берфорд и Уэлшпул жителям были пожалованы права и свободы Херефорда и Бретеяля, а в хартии Райтона, созданной Эдмундом, графом Арундела, присутствовало указание на право Бретеяля, Херефорда и Шрусбери [24, Р. 284]. Заимствование права Бретеяля в Уэлшпуле представляется дискуссионным: в хартии, созданной Грифитом ап Гвенвинвином, который после завоевания Уэльса Эдуардом I в 1282–1283 гг. стал лордом Марки [25, Р. 103], речь идет о пожаловании «*legem britanniam*», что нельзя рассматривать в качестве безусловного эквивалента «*leges Britolii*», однако, в дальнейшем в тексте хартии присутствует указание на то, что такие же права и свободы имели городские жители Херефорда [26, Р. 26].

Предполагается, что третьим способом распространения права Бретеяля в городах Марки стало заимствование норм его «дочерних» городов. Так, к городам, в хартиях которых присутствовала рецепция права Хритлана, воспринявшего обычаи Бретеяля сразу после нормандского завоевания, предположительно относились Флинт, Овертон, Каэрвис и Хоуп, а права и свободы г. Шрусбери были пожалованы г. Озвестри [27, Р. 522–523]. Согласно хартиям Денби, Билта, Брекона, Кардифа, Хаверфордвеста, Кармартена, Монтгомери, Ньютауна и замка Дрослан их жителям были пожалованы права и свободы Херефорда. Следует отметить, что указанные заимствования были сделаны уже в XIII в. В это время в Херефорде, находившемся под властью Английской короны до 1189 г., когда Ричард I передал его под управление горожан за 40 марок серебром и ежегодный налог в размере 40 фунтов [28, Р. 240], действовала Хартия Генриха II, более известная как Книга обычаев Херефорда (*Custom Book of Hereford*) [29, Р. 8–10]. Данный нормативный акт представлял собой запись обычаев Херефорда, сформировавшихся после нормандского завоевания Англии в 1066 г., и дополнялся впоследствии новыми правовыми нормами: часть из них была записана в правление Эдуарда I бейлифом Джоном Ле Гонте, когда возникла необходимость сделать копию Книги обычаев Херефорда для Кар-

мартена. Влияние прав и свобод Бретейля отразилось на содержании Обычаев Херефорда: так, среди записанных Джоном Ле Гонте правовых норм присутствовало характерное для права Бретейля ограничение суммы штрафа в размере 12 пенсов за совершенное горожанином преступление, однако, появилось уточнение — потерпевшим должен быть человек, на которого свободы Херефорда не распространялись («out of our franchise») [29, P. 33].

Таким образом, право нормандского г. Бретейль было полностью или частично заимствовано более чем 30 городами в землях не только Валлийской Марки, но и в иных областях Английского Королевства. При этом распространение права Бретейля, которое стало частью нормандского элемента Обычая Марки, началось на территории Валлийской Марки, а именно в графстве Херефорд в правление У. Фицосберна, создавшего сеньорию Бретейль в Нормандии. Некоторые положения права Бретейля были использованы англо-нормандскими лордами в процессе городской колонизации данных областей для привлечения городского населения, и, как следствие, для развития торговли и экономики, а также усиления собственной власти и укрепления личного авторитета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Owen H.* A History of Shrewsbury. Vol. 1. L., 1825.
2. *Holden B. W.* Lords of the Central Marches: English Aristocracy and Frontier Society, 1087–1265. N. Y., 2008.
3. *Morgan J. F.* England under the Norman Occupation. Edinburgh, 1858.
4. *Le Patourel J.* The Norman Empire. Oxford, 1976.
5. *Holden B. W.* The Making of the Middle March of Wales // *Welsh History Review*. 2000. Vol. 20. 2, P. 207-226.
6. *Pounds N. J. G.* The Medieval City. Westport, 2005.
7. *Tait J.* The Medieval English Borough: Studies on Its Origins and Constitutional History. Manchester, 1999.
8. *Ballard A.* The Law of Breteuil // *The English Historical Review*. 1915. Vol. 30. 120, P. 646-658.
9. *Hemmeon M. de W.* Burgage Tenure in Mediaeval England. Cambridge, 1914.

10. Lilley K. D. *City and Cosmos: The Medieval World in Urban Form*. L., 2009.
11. Bateson M. *The Laws of Breteuil* // *English Historical Review*. 1900. Vol. 15. 57, P. 73-78.
12. Petit-Dutaillis C., Lefebvre G. *Studies and Notes Supplementary to Stubbs' Constitutional History*. Manchester, 1930.
13. Lemoine-Descourtieux A. *La Frontière normande de l'Avre: De la Fondation de la Normandie à sa Réunion au Domaine Royale (911-1204)*. Rouen, 2011.
14. Ordericus Vitalis. *The Ecclesiastical History of England and Normandy*. Vol. 2 / T. Forester (trans.). L., 1854.
15. Bartlett R. *The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change 950-1350*. L., 2003.
16. Davies R. R. *The Age of Conquest: Wales, 1063-1415*. Oxford, 1987.
17. *Domesday Book: Herefordshire* / J. Palmer and G. Slater (eds.). URL: <https://archive.org/details/DomesdayBookHerefordshire> (дата обращения: 20.01.2016).
18. *Domesday Book: Cheshire* / J. Palmer and G. Slater (eds.). URL: <https://archive.org/details/DomesdayBookCheshire> (дата обращения: 20.01.2016).
19. Ballard A. *British Borough Charters, 1042-1216*. Cambridge, 1913.
20. *The Manuscripts of Shrewsbury and Coventry Corporations, the Earl of Radnor, Sir Walter Corbet, Bart., and others* / W. D. Macray, J. H. Round, J. C. Jeaffreson. (eds.). L., 1899.
21. *Domesday Book for Shropshire* / T. Wright (ed.). London-Shrewsbury, 1865.
22. Auden T. *Shrewsbury, a Historical and Topographical Account of the Town*. L., 1905.
23. Bateson M. *The Laws of Breteuil: Part II* // *The English Historical Review*. 1900. Vol. 15. 58, 302-318.
24. *Shropshire Parish Documents* / E. C. Peele, R. S. Clease (eds.). Shrewsbury, 1902.
25. Watkin T. G. *The Legal History of Wales*. Cardiff, 2007.
26. *British Borough Charters 1216-1307* / A. Ballard, J. Tait (eds.). Cambridge, 2010.
27. Bateson M. *The Laws of Breteuil: Part II (Continued)* // *The English Historical Review*. 1900. Vol. 15. 59, 496-523.
28. *Calendar of the Charter Rolls Preserved in the Public Record Office*. Vol. III / H. C. Maxwell Lyte, C. G. Crump, R. D. Trimmer, A. E. Stamp, W. R. Cunningham (eds.). L., 1908.
29. *The Ancient Customs of the City of Hereford* / R. Johnson (ed.). L., 1882.

**ПОИСКИ ОПТИМАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ФОРМЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА:
ЧЕШСКАЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ МОДЕЛЬ —
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

История международных организаций — это история поиска оптимальных организационных форм международного сотрудничества, и в то же время, неотъемлемая часть общегражданской истории, как и истории политико-правовых идей. С древнейших времен политики и философы пытались решить проблему войны и мира, найти альтернативную ей форму решения международных политических проблем. Различные идеальные варианты политико-правового устройства разрабатывались и как теоретические модели, и как идеологические конструкции. На протяжении Средних веков и Нового времени было предпринято несколько попыток если не реализовать, то, по крайней мере, разработать конкретно-практические варианты международных союзов.

Известный специалист по истории международного права О. В. Буткевич, указывая на необходимость исследований по вопросам, связанным с историей поиска оптимальной организационной формы международного сотрудничества, поднимает проблему причин, вызвавших появление той или иной организационной формы международного сотрудничества, о фазах жизни, последовательно пройденные ими к нашему времени [1, С. 113] и дает достаточно убедительные ответы на них с позиций международно-правовой науки. Отталкиваясь от идей О. В. Буткевич, автор настоящей статьи делает попытку представить историю концепций международных союзов не только как историю правовых проектов, но также и

как социокультурный феномен, развивая тем самым направление в изучении международных организаций с позиций социологии права [2, С. 62-71; С. 72-79; С. 24-38].

Методологическим ориентиром данной работы явилось положение М. М. Ковалевского, о необходимости сочетания социологического интереса к различным аспектам общественной жизни при параллельном изучении правовых систем и их идеальных моделей. Согласно Ковалевскому, история политических учений и история учреждений, создаваемых в обществе в ходе реализации идейно-теоретических конструкций, тесно связаны друг с другом и не могут быть поняты одна без другой [3, С. III]. Классик доказывает «тесную зависимость политической мысли от политической жизни» [3, С. III] и, наоборот, влияние политической жизни на идейно-теоретические конструкции. Следуя линии, намеченной М. М. Ковалевским, в данной работе автор рассмотрит две чешские концепции международных организаций и две французские.

Чешские разработаны политиком — королем Иржи Подебрадом (в отечественной научной традиции его имя также переводится как Юрий или Георгий). Именно с нее начинается история поиска оптимальных форм международного сотрудничества, другая — создана мыслителем и педагогом Яном Коменским.

В Чехии, маленьком королевстве в центральной Европе, пережившем междоусобные религиозные (гуситские) войны зависимом от германских, а позднее от австрийских императоров, находящимся в сложных отношениях с папской курией, вынужденном отстаивать свое право на независимость от Моравии, Польши и Венгрии, ведущем борьбу за создание централизованного государства, разработаны проекты — «Христианская лига», под руководством короля Иржи Подебрада (1420–1471) и «Всеобщий совет об исправлении человеческих дел» — плод размышлений Яна Амоса Коменского (1592–1670).

Король Иржи под христианской Европой он подразумевал союз государств Франции, Богемии, Польши, Венгрии, Иберийско-

го королевства, дожа Венеции, Папскую курию, государей и князей германских. Согласно проекту необходимо было учредить «общий Совет или Консисторию». Совет, в свою очередь, должен был состоять из собрания государей — участников и третейского суда. «Христианская лига» предполагала создание общих вооруженных сил. В проекте предусматривалось и решение финансовых вопросов и иных проблем в экономической сфере. «Лига» в интерпретации короля Иржи должна была стать открытой организацией — предполагалось принятие новых членов [4, С. 118-124]. Автор разделяет точку зрения В. Оутраты, согласно которой «король и его советники не были пионерами, за которыми шли их последователи, а скорее предшественниками, мысль которых настолько опережала возможность эпохи, что даже не нашлось прямых последователей» [5, С. 148].

Спустя почти двести лет соотечественник короля Иржи, мыслитель и выдающийся педагог Ян Амос Коменский (1592–1670) предложил свою концепцию международной организации в трактате «Всеобщий совет об исправлении человеческих дел» (1643–1670). Он написал именно трактат, а не проект юридического документа, как у Иржи Подебрада. Основная идея философско-публицистического произведения, имеющего черты религиозного и юридического произведения — исправление человеческой природы, а затем и человеческого мира «чтобы, по возможности не осталось и следа испорченности» [6, С. 66]. Для поддержания status quo необходимо создать определенную международную структуру (организацию). По мнению Я. Коменского, это — «Совет просвещенных мужей, которые посвятят себя сохранению установившегося мира и всеобщего покоя во всех сферах жизни» [6, С. 75]. «Совет» — организация, не знающая границ, не подчиняющаяся какому-либо правительству, то есть международная, толерантная структура. Основная компетенция «Совета» — поддержание мира и благоденствия на земле. Важнейшим условием существования нового мирового порядка, по мнению мыслителя, является добровольное исполнение

всеми членами сообщества своих обязанностей. Другим условием является наличие равных прав на просвещение, вероисповедание, на определенный уклад жизни. При этом, автор допускает наличие споров между участниками общественной жизни.

Для разрешения споров, предлагается создать «Трехглавый третейский собор». Компетенция «Собора» — разбирательство всех споров, которые могут возникнуть между просветителями, священнослужителями, светскими владыками. Само существование такого «Собора» должно стать гарантией недопущения разлада и распри между сторонами — участниками проекта, он гарант мира и согласия. Мыслитель допускает возможность, что в реальной жизни могут использоваться и другие варианты названия. «Собор» делится на три трибунала. Споры в сфере просвещения должны находиться в компетенции «Трибунала просветителей» или «Собор света», в политической сфере — «Трибунала политиков» или «Судебной палаты», в религиозной сфере — «Церковного трибунала» или «Консistorии». Образование и учеба наравне с верой трактуются как гарантия мира, а пропаганда — проповедь войны как преступление. Преступлением, по мнению мыслителя, является как подготовка к войне, так и факт наличия оружия. Последнее должно быть перекорено в серпы и орала [6, С. 76]. Я. А. Коменский, пожалуй, первым среди мыслителей ставит вопрос о мировой этике.

Членами «Собора» Коменский видит лучших представителей мирового сообщества, ведь предлагаемая им модель политической организации не знает границ, она открыта для всех государств и народов. Определенной концепции общества закономерно должна соответствовать определенная концепция правителей — это самые мудрые, самые религиозные, самые достойные, самые могущественные. Причем мудрость, помноженная на веру, должна преобладать над силой. В этой части мыслитель выступает продолжателем идей Сенеки — «наставники человечества это — свет, соль и щит земли» [6, С. 76]. Их основные достоинства — согласие, единомыслие, устремленное к благу человечества. Они единое сердце, душа, воля,

таланты, которые должны быть положены на алтарь человечества, ради достижения главной цели, спасение мира и как следствие, спасение самого человечества [6, С. 76]. Количественный состав «Соборов» может быть различным, главное избрать достойнейших кандидатов от всех регионов. Каждый «Собор» выбирает «главу» из числа участников, а все вместе они — «Сенат мира», гаранты веры, мира, мудрости [6, С. 76]. По Коменскому, не так важно территориальное расположение «Собора» и его структурных подразделений. Важнее их духовное единство и единение, которое достигается посредством обмена мнениями. Ежегодно «Собор» должен публиковать доклады «об умножении царства Христового» [6, С. 76], а каждые десять лет — главы Соборов должны собираться для обмена мнениями и опытом, а также «борьбы с анархией или новым пророком». Далее мыслитель высказывает идею о необходимости консервации, достигнутых результатов, так как «новые мысли и идеи могут быть опасны» [6, С. 76]. В этой части Я. Коменский отказывается от поступательного движения общества, генератором которого и являются новые идеи.

Мир, по Коменскому, это — поход за разумом и правосудием, когда все споры решаются только в суде. Мыслитель называет суд универсальной формой решения споров, способной беспристрастно, без гнева и без оружия решить любой вопрос. Иное противно природе человеческой и скорее соответствует природе зверя. Сохранить мир, рассуждает он далее, возможно без тюрем, копий, виселиц, смертной казни — все это оскверняет царство Божие. И, наконец, оружие необходимо перелить в колокола или музыкальные инструменты. Государи и правители не должны терпеть тунеядцев. Каждый должен иметь возможность честным трудом прокормить себя и свою и «служить обществу хлебопашеством, ремеслом, торговлей, просвещением» [6, С. 80].

В новой модели общественного необходимым элементом является наблюдение за жизнью и поведением каждого человека и каждого сословия, с тем, чтобы человеческое общество не поступилось

законами мудрости [6, С. 78]. Безусловно, здесь речь идет об охранительной функции, которая, необходима для любой международной структуры. Для поддержания такого правопорядка необходим орган — «директория держав мира», «ареопаг», «сенат», в который входили бы правители различных государств. Они-то и выполняли функцию верховных судей мира. Коменский полагает, что судьи должны быть неподкупны и справедливы, гуманны и единоклюны в своем стремлении поддержать мир повсюду. Они объект всеобщего уважения и любви. Их основная компетенция наблюдение за тем, чтобы все выполняли свои обязанности в деле упрочения мира, а именно препятствовали не только возникновению новых войн, бурь и кровопролитию, но и даже поводов к войне. Само понятие войны, по мнению мыслителя, должно быть предано вечному забвению. Для этого «правителям мира» нужно заботиться не только о собственном народе и его судьбе, но и обо всем человечестве — едином народе.

В чешской модели сформулированы основные принципы строительства оптимальных организационных форм международного сотрудничества: стороны-участники — равноправные, независимые экономически и политически, а также имеют определенные ресурсы (например, общая казна) для ведения активных военных действий и с целью оказания помощи пострадавшей стороне. Открытость такого союза для новых членов необходимо заранее оговорить в учредительном документе. И, наконец, союз может формироваться только на добровольной основе.

Теперь давайте обратимся к французским моделям и проанализируем проекты короля Генриха IV и его первого министра М. Сюлли, а также проект Анжи Гудара.

Согласно «Запискам Максимилиана де Бетюна герцога Сюлли первого министра короля Генриха IV», монарх длительное время вынашивал идею объединенной Европы или «Великой республики», подчиняющейся единому христианскому закону. Цель республики — объединение раздробленных европейских держав на принципах равенства [7, С. 26-27].

Согласно «Проекту» новая политическая система предполагала разделение «старой» Европы на отдельные части, установление новых границ, признание новых границ всеми участниками проекта, формирование новой системы управления (для каждой части в отдельности и для «Великой республики» в целом). По мнению Генриха «в Европе есть владения, которые постоянно подвергаются опасности из-за чрезмерного могущества Испании» [7, С. 343]. Некоторые (не названные автором) королевства стали обращаться к Франции за защитой. По мнению Сюлли, к таким странам относятся, прежде всего, Нидерланды. В этой части проект Генриха IV отличается от аналогичных трудов — на протяжении веков главным агрессором являлась Турция. Так, Пьер Дюбуа в 1306 г., король Иржи Подебрат в 1463 г., предлагали христианской Европе объединить свои силы перед лицом военной угрозы со стороны Османской империи. Как известно, король Франции Франциск I заключил с империей военный и торговый союз против Габсбургов.

Единый союз предполагает прекращение междоусобиц, создание единого экономического пространства, единых торговых и таможенных пошлин, строительство дорог, решение пограничных вопросов и некоторых других вопросов. Участие в объединении возможно только на добровольной основе. Однако объединение не означает, что государи потеряют власть над своими землями. Каждый из участников останется сувереном в своих владениях. У каждого будет своя казна [7, С. 356]. Иными словами, Генрих IV был сторонником сохранения государственного суверенитета.

«Проекте» идет речь о создании оптимальной формы международного сотрудничества или международной организации, а не нового европейского государства с федеративным устройством. Объединение в союз — это способ решения военных проблем. Наличие единой или союзной армии решает две задачи. Первая — установление спокойствия в Европе, прекращение кровопролитных войн и вторая — сокращение военных расходов на содержание собственной армии. Так возникает союз равноправных, братских Европейских государств. Встречи монархов — это встречи добрых соседей,

без пышных церемониалов, специальных процедур. Это так же позволит, пользуясь современной терминологией, сократить расходы и направить средства для решения внутренних проблем [7, С. 356].

В 1789 г. в разгар второй Русско-Турецкой войны (1788–1791) в Санкт-Петербурге вышел свет трактат Анжи Гудара (17?–1791) «Мир Европы не может иначе восстановиться, как по продолжительном перемирии или Проект всеобщего замирения сопряженно купно с отложением на двадцать лет между всеми политическими державами» [8]. Перевод трактата готовился непосредственно в зоне боевых действий — под Очаковым. На языке оригинала «Мир Европы...» впервые увидел свет в Амстердаме в 1754 или 1757 г. Гудар был автором таких публицистических произведений как «Неаполь или Что можно сделать ради процветания королевства», «Мемуары для истории Петра III» (1763), «Похвальное слово Екатерине II» (1771), «Рассуждения о причинах былой слабости Российской империи и ее новой мощи» (1772), книг «Китайская шкатулка», «Политического завещания Луи Мандрена». Долгие годы А. Гудар путешествовал по Европе, перед смертью вернулся во Францию.

«Проект» Гудара условно можно разделить на две части. Первая часть — это философское обоснование необходимости установления всеобщего мира [8, С. 5-175]. Вторая — конкретные формы международного сотрудничества в деле установления мира в Европе. Мы остановимся на анализе только второй части «Проекта» [8, С. 176-185]. По мнению автора, для обеспечения мира необходимо созвать «общий Конгресс», членами — учредителями которого должны стать все без исключения европейские державы. Каждое государство будет представлено министрами, выбранными государями. Так рождается «Всеобщая республика», целью которой является установление и поддержание мира. В этой части Гудар продолжает традицию, начатую Генрихом IV и его первым министром М. Сюлли.

Основной компетенцией Конгресса, по мнению Гудара, является выработка правил и подготовка мероприятий к прекращению

военных действий или к «общему отложению оружия». Государи же являются гарантами соблюдения всех условий установления «продолжительного перемирия, а затем и всеобщего мира».

«Конгресс» учреждается только с одной целью — решение проблемы войны и мира. Установлению всеобщего мира должно предшествовать «отложение оружия на 20 лет». В учредительных документах «Конгресса» должно быть оговорено положение о недопустимости военных действий между договаривающимися сторонами. Все конфликты и споры должны решаться мирным — переговорным путем на Конгрессе.

В случае же возникновения вооруженного конфликта между странами — участниками, члены Конгресса должны объединиться и принять все меры к его прекращению. Анжи Гудар предлагает ввести штрафные санкции для государств, не соблюдающих условия установления мира. Под санкциями, автор подразумевает, денежные компенсации, странами, которые приняли активное участие, как в процессе устранения вооруженного конфликта, так и восстановления *status quo*. В случае повторного нарушения, предлагается установить штраф в размере сорока миллионов ливров. Эта сумма, очевидно, будет находиться в общей казне «Конгресса». Также предусматривается возмещение и военных расходов, пропорционально затратам каждой из сторон.

Преступлением, по мнению Гудара, является оправдание войны со стороны правителей. Такой государь должен быть лишен всех властных полномочий и выслан из Европы «на заточение» на период действия договора о прекращение вооруженных конфликтов — «отложения оружия». При этом само государство должно оставаться независимым и суверенным. Оно не может быть присоединено к соседним государствам. Пользуясь современной терминологией — такое государство остается субъектом международных отношений, оно право- и дееспособно.

Итак, война и решение споров (притязаний) между государства, по мнению Гудара, должно и можно решать мирным путем.

Автор искренне верит, что бедствия народов и опустошение многих великих государств можно предотвратить, если создать «Всеобщую Республику». Однако правители должны осознать необходимость такого учреждения. А «Проект», по мысли его создателя, есть один из самых легчайших путей в деле установления мира в Европе. Достижение этой цели требует определенных усилий от государей. Гудар напоминает правителям, что от их решений зависит благо целых народов [8, С. 176-185]. Французская модель, по аналогии с чешской, также содержит основные принципы строительства оптимальных организационных форм международного сотрудничества.

Средневековая Европа, раздираемая бесчисленными войнами, дала толчок к развитию новой формы политических трактатов — проектов оптимальных организационных форм международного сотрудничества. Предложенная вашему вниманию работа — надводная часть огромного айсберга проектов политико-организационных форм международного сотрудничества. Изученная нами литература, позволяет сделать вывод, что в истории политической мысли нет такого философа или политика, который вольно или не вольно не обращался бы к проблеме поиска оптимальной организационной формы международного сотрудничества. И, как справедливо заметил М. М. Ковалевский еще в начале XX в., процесс творчества политических форм не закончился созданием современной системы парламентаризма и ... нас ожидает в будущем не столько гибель, сколько трансформация современного государства [3, С. VI].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Буткевич О. В.* У истоков международного права. СПб: Юридический центр Пресс, 2008. С. 113.
2. *Дмитриев Ю. А., Мионов В. О.* Межгосударственные объединения: понятие, формы и классификация // Государство и право, 2013. № 3. С. 62-71; *Кутейников А. Е.* Международные межправительственные организации как класс международных структур и как юридический феномен // Государство и право, 2013. № 3. С. 72-79; *Кутейников А. Е.* Правовые нормы международного регулирования: волны унификации // Международные процессы. 2003. № 1. С. 24-38.

3. Ковалевский М. М. От прямого народовправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. М.: Типография товарищество И. Д. Сытина, 1906. Т. 1. С. III, VI.
4. Долгополова Т. А. Идея объединения христианской Европы в XV веке. Иржи из Подебрад // Волкова С. В., Глухарева Л. И., Долгополова Т. А., Дорская А. А., Малышева Н. И., Орлова И. А., Полякова Т. М., Чеснов И. И. Идея международного права в истории политических и правовых учений. СПб.: Астерион, 2011. С. 118-124.
5. Оутрат В. Проект системы коллективной безопасности XV века. Трактат о мире чешского короля Юрия 1464 г. // Бюллетень Чехословацкого права. 1963. № 3. С. 148.
6. Трактаты о вечном мире. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 66, 75, 76, 80, 78.
7. Сюлли М. Записки Максимильена де Бетюна герцога Сюлли первого министра короля Генриха IV, приведенные в порядок и примечаниями снабженные. 10 Т. М: Типография императорского университет, 1770-1776. Т. 1. С. 26-27, 343, 356.
8. Гудар А. Мир Европы не может иначе восстановиться, как по продолжительном перемирии или Проект всеобщего замирения сопряженного купно с отложением на двадцать лет между всеми политическими державами. СПб.: Типография Вильковского, 1789. С. 5-175, 176-185.

ШОТЛАНДСКАЯ КОРОНА И ПАРЛАМЕНТ В 1424–1426 ГГ.: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫХ ПРИВИЛЕГИЙ

XV век во многом стал переломным в истории шотландского парламента. На период правления Якова I приходится один из пиков его законотворческой деятельности. Реформируя само Собрание сословий, Яков закладывает основы для его трансформации и будущего регулярного созыва. Шотландский парламента, отныне активно вовлеченный в процесс управления королевством, регламентирует самые разнообразные стороны жизни страны, вместе с тем, претворяя в жизнь намерения самого короля. В данной статье была предпринята попытка рассмотреть практику восстановления финансовых привилегий короны на первоначальном этапе правления Якова, соотнеся ее с главными задачами политического курса шотландского короля.

В 1424 г. Яков I возвращается из английского плена, в котором провел восемнадцать лет своей жизни. Будучи в Англии, шотландский король смог достаточно близко познакомиться с английской судебной и административной системой, работой парламента, а также с принципами управления королевством, имея перед собой пример английских королей — Генриха IV и Генриха V [1, Р. 26].

По возвращении на родину перед молодым шотландским королем встали следующие задачи: необходимо было собрать деньги для уплаты выкупа (шотландская знать заплатила первый взнос, оставшаяся сумма была разделена на несколько лет вперед) и пополнения королевской казны и подавить сепаратистские стремления крупных магнатов северо-западных окраин, возникшие в период отсутствия короля. Также была очевидна необходимость укрепить положение короны, заметно расшатанное в предшествующие правлению Якова десятилетия.

Начало царствования Якова отмечены тремя весьма плодотворными собраниями парламента. Собрание сословий от 26 мая 1424 г. стало первым полным парламентским заседанием с 1406 г. [2, Р. 10], а по количеству принятых статутов — одним из самых плодотворных в столетии. Поскольку более насущной проблемой для короны была пустая казна, шотландский парламент, это особенно заметно по материалам первых трех заседаний, ищет новые способы и использует старые для восстановления благосостояния короны.

Некоторые статуты первых парламентов, принятые в качестве экономических мер, нельзя рассматривать отдельно от других публично-правовых актов. В период правления Роберта III и регентства герцога Олбани многие экономические привилегии перешли от короля в руки его прямых вассалов и баронов [1, Р. 54]. Возвращение этих привилегий обратно короне входило как в необходимость собрать средства для выплат королевского выкупа и пополнения казны, так и в борьбу с сепаратизмом отдельных областей, и, особенно, в процесс восстановления тех привилегий и прав короля, которые, по мнению Якова I, говорили о подлинном величии монарха.

Первым актом ревокации стало постановление о том, что «все пошлины, доходы с мельниц и городских почт должны остаться у короля» [3]. Текст статута гласит, что «с согласия всего парламента, все таможенные сборы королевства, большие и малые, с мельниц и городских почт, с рыбной ловли и со всего, к ним относящегося, отныне отходят королю до конца его жизни. Если кто-либо предъявит свое право на часть налогов, пусть предоставит доказательства королю и его совету».

До возвращения Якова Стюарта в Шотландию те или иные таможенные сборы использовались и присваивались в основном герцогом Олбани, графами Дуглас и Мар, Джеймсом Дугласом из Балвены и Уильямом Бортвиком [2, Р. 25]. Такой источник дохода способствовал значительному обогащению тех, кто его контролировал, и король нанес ощутимый ущерб благосостоянию самых могущественных магнатов королевства.

Анализ свитков казначейства показал, что этот акт стал одним из самых успешных: за период с момента издания статута до мая

1425 г. доход со сбора таможенных пошлин возрос с 2779 фунтов 8 шиллингов и 2 пенсов до 4400 фунтов 4 шиллингов и 9 пенсов [4, Р. 126].

Статут 1424 г. был частично повторен два года спустя. Парламентским решением от 30 сентября 1426 г. все пошлины с продажи, покупки и вывоза из бургов королевства лосося и остальной рыбы отныне поступали к королю [5]. Эти пошлины должны собираться как с жителей королевства, так и с иностранцев в любом бурге королевства.

Вслед за возвращением прав на сбор таможенных доходов, парламент поднял вопрос о земельных владениях. Согласно акту, шериф должен проверить и найти в своем округе «лучшие, худшие и старейшие» земли или годовые ренты, принадлежащие королю или принадлежавшие предкам «нашего суверенного короля», начиная с Давида II, и выяснить, в чьей они собственности сейчас (на момент проверки) [6]. Если король пожелает, он может заставить всех держателей собраться в установленный день в назначенном месте и предъявить свои хартии, свидетельства и права. И король определит достоверность таких хартий.

Данный статут показывает намерение короля вернуть себе не только источники доходов крупных лордов, но и их земли, которые, исходя их текста статута, король считает по праву своими. Многие представители трех сословий пострадали от оформленной в виде парламентского законодательства ревокации земель, особенно Стюарты Олбани [1, Р. 48]. Политика конфискаций, осуществленных, в том числе, в результате принятия вышеуказанного статута, приносила очевидные плоды. К 1430 г. из пятнадцати имеющихся в Шотландии графств семь наиболее значимых вошли в состав королевского домена, та же участь постигла оба герцогства. Известно, что при Олбани королю принадлежало лишь два графства и одно герцогство (доходами от них распоряжался сам регент). Увеличение королевского домена упрочило финансовое положение короля, доход от домена которого к 1433 вырос с 800 до 2000 фунтов [1, Р. 135].

Помимо актов возвращения прежних привилегий Яков иници-

ирует принятие статутов, нацеленных на прямое и косвенное пополнение казны. Так, в 1424 г. вводится новый налог — «налог на доход». Примерно четверть всех статутов первого парламента (1424 г.) посвящена порядку и срокам его сбора.

Постановление гласит, что «для финансирования и оплат, которые сделаны в Англии для нашего господина, королевского выкупа и освобождения его заложников в Англии, налог на доход должен быть поднят на столько, на сколько это необходимо, по всему королевству» [7]. Сумма, на которую повышают налог, должна быть одинаковой как в регальных владениях, как в других землях. «Поскольку было бы тяжело для населения поднять все налоги сразу», гласит статут, «налог на урожай будет поднят на двенадцать пенни с каждого фунта и на земли, почты, ренты и имущество лордов в их собственных владениях, с зерна и крупного рогатого скота» [7].

Выкуп, который Шотландия должна была заплатить за возвращение короля, составлял 40 000 фунтов стерлингов. Это была большая сумма, ставшая настоящим бременем для населения королевства, по крайней мере, на первые несколько последующих лет (Яков прекратил выплаты англичанам в 1429 г.). Вышеуказанный статут прямо заявляет, что цель большинства налоговых постановлений парламента — собрать необходимую сумму.

В этих же целях парламент принимает несколько постановлений, которые пусть и не оказали столь взрывное воздействие, как акты ревокации и «налог на доход», все же в достаточной степени сократили доходы лордов и городов. Актом 1424 г. Якову удалось официально забрать себе все золотые и серебряные месторождения, «как заведено в других королевствах» [8]. Более того, парламент назначает множество штрафов за тот или иной вид деятельности, включая таможенные сборы на торговлю «за морем».

В тематике и формулировках парламентских статутов отразились все намерения короля и его нежелание идти на какие-либо уступки. Такая политика не могла не вызвать сопротивления. Расправляясь с непокорными вассалами и родственниками из династии Стюартов (в 1425 г. король арестовал и казнил Мердока Стю-

арта, второго герцога Олбани и его семью, владения которых были конфискованы в пользу короля), король вносит в заседания трех сословий акты, запрещающие поднятие мятежа в королевстве, запрещающие поддержку мятежников и способствование им, и запрещающие образовывать какие-либо лиги и объединения, направленные против короля. Во многих таких статутах подчеркивается ценность «внутреннего мира» в королевстве и необходимость его сохранения.

Примером сопротивления новой налоговой политике является динамика развития «налога на доход», введенного в 1424 г. Любопытно, что во втором парламенте от 1425 г. акты о новом налоге не появляются, а на заседании 1426 г., третьем по счету, возникают вновь, и налог объявляется ежегодным. Сам факт появления «налога на доход» в третьем парламенте отчетливо показывает, насколько сместился баланс сил в парламенте в сторону «партии короля» [2, Р. 21]. Этот эпизод дает понять, насколько непопулярной была политика короля среди большинства населения.

Во время правления Якова I (1424–1437) шотландский парламент вступил в новый для себя этап развития. Изменилась сама его роль как основного правового института верховной власти. Вместе с тем, король инициирует принятие отдельных статутов в своих интересах, шаг за шагом устраняя своих политических противников и непокорных вассалов. Практика экономических ревокаций была полностью вовлечена в план Якова по уменьшению влияния и могущества крупных магнатов, а рассмотренная в совокупности с остальными статутами, она способна представить картину состояния шотландского общества на начало XV в.

Более того, по-видимому, для самого Якова и для его ассамблеи те меры, которые можно охарактеризовать как экономические или, скорее, финансовые, были органичной частью его концепции построения патримониальной монархии, основанной на сильной персональной власти.

Первые три парламента отразили не только желание короны вернуть себе утраченные финансовые привилегии, но и противо-

стояние Якова с крупными магнатами королевства, динамика которого хорошо прослеживается на материале актов. Появление этой группы статутов обусловлено, отчасти, финансовой политикой, описанной в предыдущем параграфе, а также той политической ситуацией в королевстве, которая сложилась на момент прибытия Якова из Англии. Король шаг за шагом пытается ликвидировать могущество влиятельного Мердока Стюарта, второго герцога Олбани, ведя с ним борьбу, как в стенах парламента, так и вне их.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Brown M.* James I. East Linton, 2000.
2. *Tanner R. J.* The Late Medieval Scottish Parliament: Politics and the Three Estates, 1424–1488. East Linton, 2001.
3. James I. Statute 1424/8 (At all custumis, firmys of myllis and borow malis sall remane with the king) // Records of the Parliament of Scotland [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rps.ac.uk/trans/1424/8> (последнее обращение: 17.02.2016).
4. *Игнатъев С. В.* Шотландия и Англия в первой половине XV в.: высокая политика и региональные амбиции. СПб.: Алетейя, 2011.
5. James I. Statute 1426/34 // Records of the Parliament of Scotland [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rps.ac.uk/trans/1426/36> (последнее обращение 17.02.2016).
6. James I. Statute 1424/9 // Records of the Parliament of Scotland [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rps.ac.uk/trans/1424/9> (последнее обращение 17.02.2016).
7. James I. Statute 1424/24 // Records of the Parliament of Scotland [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rps.ac.uk/trans/1424/24> (последнее обращение 17.02.2016).
8. James I. Statute 1424/15 // Records of the Parliament of Scotland [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rps.ac.uk/trans/1424/15> (последнее обращение 17.02.2016).

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЖАНА БОДЕНА И ЯКОВА I СТЮАРТА

В зарубежной и отечественной историографии неоднократно поднимался вопрос об идейных разногласиях между королем и парламентом, которые имели место быть в Англии в начале XVII в. Аргументы политические лидеры чаще всего черпали в традиционных правовых принципах, в так называемой «старинной конституции» Англии, однако вследствие определенного «кризиса общего права» были вынуждены адаптировать их к новым политическим условиям.

Не последнюю роль на процесс формирования новых представлений у английских правоведов оказали идеи континентального мыслителя Жана Бодена и, в первую очередь, разработанная им теория суверенитета. Известно, что трактат «Шесть книг о государстве», вышедший в свет во Франции в 1576 г., уже к 1580 г. был известен в высших кругах Англии [1, С. 19]. Важно отметить, что признаки суверенитета, выделенные Боденом, были приняты в качестве авторитетных как сторонниками, так и противниками абсолютизма, хотя и воспринимались под разными ракурсами.

Неоднократно исследователями отмечалось, что идеи Бодена повлияли на формирование мысли Якова I Стюарта [2, Р. 83; 3, Р. 27-28], который имел в своей библиотеке «Шесть книг о государстве» [4, Р. xlii]. Какие политические категории, выделенные французским мыслителем, могли обратить на себя внимание монарха? Представляется, что прежде всего это были тезисы об идеальной форме правления, неограниченности и неделимости суверенитета, вопрос о тирании и возможности сопротивления. Рассмотрим подробнее эти категории.

Еще до вступления на английский престол, будучи шотландским королем, Яков Стюарт опубликовал «Истинный закон свободных монархий» и «Базиликон Дорон» — два трактата, излагавших его политические взгляды. Одно из положений «Истинного закона» — тезис о совершенстве монархии: «...форма правления, являющаяся подобно божественной, ближе всего приближается к совершенству, с чем изначально согласились все ученые и мудрецы...» [5, Р. 53]. Отсюда выводится и определение государя как заместителя Бога на земле, который «восседает на троне Бога и своим правлением повторяет на земле Бога и Христа» [5, Р. 307].

Боден утверждает, что королевская власть «ближе всего к природе и утверждена Богом», более того, она была «единодушно одобрена всеми наиболее известными в славе своей народами» [6, С. 252]. Неудивительно, что и Боден называет государя представителем Бога на земле: «Видя, что на земле нет ничего выше и ближе к Господу, чем величие королей и суверенных князей, ибо они в некотором смысле созданы быть заместителями во имя благополучия других людей, следует усердно поразмыслить об их величии и могуществе, а также о том, из какого они теста; тем самым мы можем в полной покорности уважать и почитать их величие, и не думать и не говорить о них иначе, как о заместителях всемогущего и бессмертного Господа: ибо тот, кто плохо говорит о своем государе, которому посвящает все свои обязанности, причиняет вред и величие Господа, чей образ тот воплощает на земле» [7, Р. 157].

Можно выделить еще одну идеологическую концепцию, которая у обоих авторов играет на легитимацию суверенного статуса короля — патриархальную концепцию, уподобляющую власть короля власти патриарха — главы семьи. Яков I в выступлении на Конференции обеих палат английского парламента 21 марта 1609 г. говорил следующее: «Король есть подлинный Отец отечества, политический отец своего народа» [5, Р. 307]. Боден обращался к проблеме отцовской власти в первых главах «Шести книг о государстве». Согласно его мнению, глава домохозяйства осуществляет суверенную

власть внутри семьи подобно тому, как глава государства осуществляет ее внутри Республики [8, С. 63].

Таким образом, оба автора подчеркивают, что монархия стала прямым установлением Божьим, соединив политическую теорию абсолютизма с божественным правом королей, гласившим, что короли получают свою власть непосредственно от Бога, а не в силу договора с подданными и, соответственно, отдают отчет в своих действиях только Всевышнему. В этом мы можем наблюдать стремление мыслителей поставить суверена над законом, неудивительно, что их политические теории традиционно интерпретируются как теории неограниченной монаршей власти.

Безусловно концепция божественной природы королевской власти была выгодна сторонникам абсолютизма тем, что зывала к безусловному повиновению всех подданных. С другой стороны, данная доктрина идеологически обосновывала независимость короля от власти римского папы. В этом значении божественная прерогатива королевской власти была выгодна и поборникам ограничений королевской прерогативы, а потому признавалась в частности и английскими парламентариями.

С уверенностью можно заявить, что абсолютный монарх как у Якова I, так и у Бодена не являлся тираном, не связанным никакими рамками. Более того, божественное право короля свидетельствовало не столько о прерогативах, сколько об обязанностях монарха править в соответствии с божественными и естественными законами. В самом существе божественной прерогативы были заложены ограничения произвола королевской власти. Об этом свидетельствует и полное название самого раннего сочинения Якова I — «Истинный закон свободных монархий, или Обоюдный и взаимный долг между свободным королем и его подлинными подданными». Позднее Яков I, раскрывая перед парламентариями свое понимание королевской власти, заявлял, что «... власть предписана Богом для созидания, не для разрушения. Хотя Бог имеет власть как разрушения, так и созидания, согласно разуму, Бог не будет применять свою власть для разрушения природы» [5, Р. 308]. «Закон Бога и природы»

на тех же основаниях ограничивает и «абсолютного» государя у Бодена [7, Р. 188]. Таким образом, понятия «свобода» и «абсолютный» можно трактовать как характеристики экстраординарной прерогативы, т.е. независимости, в первую очередь, от каких-либо иностранных государей или римского папы.

Если обратиться ко всему разнообразию политических трактатов, в контексте которых оформились взгляды Бодена, а затем и Якова, то станет очевидно, что их теории являются ответом на тираноборческие учения, распространившиеся еще в XVI в. как во Франции, так и в Англии. Сторонники учения об «общественном договоре» считали, что королевская власть установлена не Богом, а людьми. Ради своего блага народ учреждает в стране высшую власть, которую вручает королю. Однако права короны не становятся при этом безусловными, наоборот, корона с самого начала ограничена договором. Только до тех пор, пока король придерживается этого договора, его власть нерушима. Когда же он забывает, для какой цели учреждена его власть и, нарушая договор, начинает править во вред интересам народа как «тиран», подданные имеют право расторгнуть договор и отобрать у короля полномочия, ранее ему переданные. Некоторые наиболее радикальные последователи этого учения заявляли, что подданные не только могут, но и обязаны восстать против короля, превратившегося в тирана, низложить и даже убить его. Наиболее видными представителями этих тираноборческих теорий были во Франции — Филипп Дюплесси-Морне, Франсуа Отман, Этьен де ла Боэси, в Англии — Джон Понет и Эдмунд Спенсер, в Шотландии — Джордж Бьюкенен.

Яков I, с детства приученный к полемике с последователями договорной теории происхождения королевской власти (воспитателем Якова был монархомах Д. Бьюкенен), отказывает народу в праве на сопротивление, даже если власть приобретает тиранические формы. Для обоснования этого тезиса ему необходимо было расширить полномочия короны до права принимать любое решение, не считаясь ни с положениями права, ни с мнением парламента [9, С. 53]. В случае противоречивости формулировок общего

права, теория Жана Бодена могла обеспечить Якова I и английских роялистов дополнительным арсеналом доводов в защиту своей теории. В «Шести книгах» Бодена можно найти опровержения всем традиционным средневековым ограничениям королевской власти: функции парламента могут быть сведены к рекомендательным, обязательства, данные в присяге, поняты как условные и временные. По Бодену, обещание, данное королем, прекращает действовать, согласно закону природы, когда соображения, причины, в связи с которыми были даны эти обещания, перестают существовать [7, P. 216].

Эти рассуждения могли аргументировать вывод Якова о том, что добрый король, «... будучи выше Закона, подчинит свои действия его рамкам для примера своим подданным и по своей собственной свободной воле» [5, P. 54].

Таким образом, противоборствующие политические группировки, ведя борьбу между собой, не пренебрегали возможностями решить свои проблемы правовыми средствами. Каждая из конфликтующих сторон искала в сфере права опору своим притязаниям. На основе сравнительного анализа политических воззрений представителей двух правовых традиций — английской и континентальной — мы можем сделать вывод о том, что как сторонник абсолютной власти государя Яков I обращался к идеям Жана Бодена в поисках дополнительных основ легитимности королевской власти. Стремление монарха ориентироваться на варианты континентальных монархий, в частности на Францию, во многом обусловлено тем, что там парламент не играл значительной роли в политической жизни страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агабеков Г. Б.* Жан Боден — основоположник концепции государственного суверенитета: научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1990. 44 с.
2. *Bourdin B.* The theological-political origins of the modern state: the controversy between James I of England and Cardinal Bellarmine. Washington, D. C.: Catholic University of America Press, 2010. 282 p.

3. *Patterson W. B.* King James VI and I and the reunion of Christendom. N. Y.: Cambridge University Press, 2000. 409 p.
4. *Warner G. F.* The Library of James VI, 1573–1583. Edinburgh: University Press by T. and A. Constable, 1893. lxxxviii p.
5. The political Works of James I, reprinted from the edition of 1616 / ed. by C. H. McIlwain. Cambridge: Harvard University Press, 1918. 354 p.
6. *Боден Ж.* Метод легкого познания истории / Под ред. М. С. Бобковой. М.: Наука, 2000. 412 с.
7. *Bodin J.* Les six livres de la République. L. I. P.: Fayard, 1986. 344 p.
8. *Баязитова Г. И., Митюрева Д. С.* Идея патриархальной власти во французской и английской политико-правовой мысли раннего нового времени // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. №2. С. 61-66.
9. *Кондратьев С. В.* Юристы в предреволюционной Англии (Политические и правовые воззрения). Шадринск: Издательство ПО «Исеть», 1993. 128 с.

V

ИСТОРИК И ТЕКСТ

**ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА КРУГОВОГО
ПУТЕШЕСТВИЯ ИРЛАНДСКОГО СЯТОГО
НА ПРИМЕРЕ «VITA SANCTI ALBEI»**

Жития святых Ирландии являются одним из самых обширных классов источников, которые могут объяснить политическую ситуацию в раннесредневековой Ирландии, описать экономические претензии монастырей, миссионерскую деятельность представителей христианской церкви.

Предмет исследования — феномен кругового путешествия святого по Ирландии, мотив, характерный для ирландских агиографии и эпоса.

Цель работы — описать характерные черты этого явления на примере входящего в «*Vitae Sanctorum Hiberniae*» жития святого Айлбе [1, Р. 46-64].

Итинерарий перемещений святого по Ирландии и Западной Европе отражает известное агиографу географическое деление мира, систему отношений, статусов и функциональных ролей географических объектов. Маршрут кругового путешествия обычно трактуется как система территориальных притязаний обители, покровителем которой был святой.

Следует учитывать то, что между событиями и их описанием прошло много времени: годы жизни «исторического» Айлбе связывают с первой половиной VI в., а житие Айлбе впервые появляется в составе легендария, составленного, по оценкам Р. Шарпа, после 800–850 гг. [2, Р. 384].

Гибернийский агиограф, составивший житие, создал определенную карту путешествия, которая, возможно, не совпадает ни с

географией мира, в котором он жил, ни с картой того мира, в котором когда-то жил сам Айлбе. Автор рисует мир жития, в котором Айлбе «apostolico more euangelium Christi illis predicaret» [1, P. 52], т.е. несет обычаи Евангелия Христова, при этом текст изобилует описаниями чудес, которые, как отмечает Ч. Пламмер «взвалены» агиографом на святого [1, P. xcii]. Можно предположить, что автором жития являлся человек, которому было выгодно описывать путешествие именно с таких позиций. Ч. Пламмер подчеркивает, что сведения о нем подверглись искажению благодаря «местному патриотизму и борьбе за церковную независимость» [1, P. xxxi].

Данная тема развивалась другими учеными, в частности, Фр. Бирном, который в работе «Короли и верховные правители Ирландии» упоминал «королевские объезды» от крайней северной до крайней западной точки, перемещением за солнцем (deiseal — благоприятное направление), с помощью которых правители устанавливали символический контроль над своими землями [3, С. 119-120]: примером таких объездов является проезд верховного короля Ирландии Диармайда по подконтрольным территориям. Он выехал из Тары, и, поехав в правую сторону, проехал через Лейнстер и Мунстер, Коннахт и Ольстер, желая вернуться в Тару к празднику начала зимы [4].

Идея кругового путешествия как индикатора районов влияния монаха и политической обстановки между династиями и землями рассматривается в работе Т. Чарльза-Эдвардса «Раннехристианская Ирландия». В данной работе исследуется деятельность святого Патрика, область распространения его влияния в Ирландии, а также история его взаимодействия с Династией О'Нейллов [5, P. 10].

Далее мы переходим к описанию путешествия, пункты которого расставлены в хронологическом порядке. Данное исследование помогает выявить феномен «кругового путешествия». В главах XXII-XL Айлбе совершает круговой объезд обитателей, отправляясь из Casel, посещая поочередно Arann, Ath Dara, Cluain Daim, Ymlech, Connacht, Osargi, а затем возвращаясь в начальный пункт.

Кроме того, можно выделить два типа путешествия святого:

— Внутриирландское путешествие (малое круговое путешествие).

— «Инициационное» движение Айлбе в Рим (большое круговое путешествие).

Здесь стоит рассмотреть различия тех задач, которые ставил перед собой святой, отправляясь в «большое» и «малое» путешествия. Для начала рассмотрим задачи святого в той формулировке, которую дал нам агиограф. Задачей «Инициационного» движения Айлбе в Рим является паломничество (*peregrinatio*) для изучения Божественного Писания, или, как описывает сам автор — «*voluit beatus Albeus Romam peregere, ubi diuinam scripturam disceret*» [1, P. 47]. Описывая цели внутриирландского путешествия, агиограф пишет, что святой покинул Рим, ибо был послан к язычникам для проповедования обычаев Евангелия Христова (*missus est ad gentes, ut apostolico more euangelium Christi illis predicaret*) [1, P. 52].

Для того чтобы пояснить картину, изображенную агиографом, необходимо уделить внимание термину «*peregrinatio*», а также рассмотреть адаптацию значения термина в Ирландии, связанную с особенностями социальной среды.

До конца XII в. «*peregrinatio*» не связывается с религией как таковой, и может относиться к любому жителю, который покинул родную землю; при этом не являются важными ни мотивация, ни причины, заставившие человека отправиться в путешествие. Агиографы того времени не выделяют этот термин как атрибут святости, а используют для связи «физического путешествия» с библейским пониманием «*peregrinatio*» как отдаление от небесной родины. В это время появляется термин «миссионерство», который не противопоставляется «паломничеству», а может быть его составляющей (например, проповедование язычникам во время «*peregrinatio*»). Кроме того, довольно популярным становится пенитенциальная практика, т. е. паломничество с целью покаяния, в котором паломник (иногда преступник) меняется во время путешествия и стано-

вится почитаемым в христианской среде. При этом термин не воспринимается отрицательно, как наказание, а описывается как путь спасения.

В конце VIII–IX вв. появляется расслоение термина «peregrinatio»: начинают разделяться образы «физического странствия» и пенитенциальной практики (искупительного путешествия), которая начинает привязываться к образу святости.

В это время характерна связь с Римом, который начинает играть определенную роль. Святой отправляется в Рим, имея свою определенную цель, будь то образование или разрешение на миссионерскую деятельность. При этом акцентируется внимание на том, что мотивы святого не относятся к самому «peregrinatio», а главной идеей при этом остается оставление родной земли, а не мотивы и направления путешествия. Наконец, в конце VIII в. термин тесно связывается с паломничеством в Рим, получая дополнительное определение «pro Deo», а путешествие, традиционное для Ирландии начинают называть «exilium».

Теперь вернемся к Айлбе, и поясним, что значит его путешествие в Рим с целью изучения Божественного писания, и дальнейшей миссионерской деятельности. Святой отправился в Рим для «инициации», и в житии этой части его жизни отведено достаточно много глав, в которых описаны чудеса Айлбе в Риме. Таким образом он прошел «обряд инициации», получил епископский сан и был отправлен в Ирландию для христианизации населения. Такая мотивация святого определила последующие недостоверные чудеса, которые возводят Айлбе к числу первостепенных лиц, участвовавших в крещении Ирландии.

Выделив регионы, связанные с наиболее предпочтительными направлениями перемещений Айлбе, можно предположить местонахождение «ядра культа» (территории Casel и Ymlech), а также увидеть зону притязаний — северо-запад Мунстера.

«Большая география» путешествия — путь Айлбе в Рим через Галлию, и возвращение через город Dol Moir, является типичным,

традиционным маршрутом «peregrini» на континенте [6, Р. 22], и объясняется несколькими факторами:

— Сеть дорог в Галлии, особенности течений и ветров «английского пролива» (путь от Уэльса к ирландским пристаням через пролив святого Георга).

— Англо-саксонские вторжения.

— Идеи монашества о поиске «пустыни» для аскетического служения [6, Р. 57-63].

И здесь следует более подробно рассмотреть христианское происхождение «peregrinatio» как удаления «в пустыню». Уже во II в. некоторые люди начали уходить в пустоши для аскетических целей или, зачастую, из-за гонений на христиан. Но основателем индивидуального отшельнического монашества общепризнанно считается Антоний Великий. Выходец из богатой христианской семьи, в 20 лет лишился родителей, и ушел в уединение под руководством некоего старца. Вскоре он покинул старца и стал жить в Фивидской пустыне, где прожил 20 лет. Образ жизни отшельника сделал его известным, и к нему стали примыкать разные египетские отшельники, для духовно-созерцательной жизни. При такой форме монашества несколько отшельников, находясь под руководством аввы — наставника, жили отдельно друг от друга в хижинах или пещерах (скитах) и предавались молитвам. Объединенные под властью аввы скиты назывались лаврами.

Но, еще при его жизни, появился и другой вид монашества — монастырское монашество. Основатель — Пахомий Великий, родился в семье язычников, и получил хорошее светское образование. В возрасте 20 лет был призван в войско Константина, и там впервые познакомился с христианами. После окончания службы Пахомий принял крещение, и, почувствовав необходимость в духовном наставнике, был принят фиваидским пустынноиком Паламоном. Спустя 10 лет пустынной жизни обрел идею построить иноческое жилище, и, по преданиям, получил от Ангела Божьего устав монашеской жизни. Вскоре к нему стали собираться ученики, и вокруг

него образовалась община, которая подчинялась установленной им дисциплине и режиму дня, при котором равномерно чередовались труд и молитвы. Общины подобного толка стали называть кинови-ями, или же монастырями.

Данные идеи из восточных стран были привнесены на Запад Иоанном Кассианом. Он родился в богатой семье, и уже в юности принял монашество в Вифлееме. Он предпринял путешествия по самым именитым восточным монастырям, включая Скитскую пустыню и Фиваиду, где познакомился с образцами подвижничества. Позже он принимает сан пресвитера и организует два монастыря близ Марселя по образу и подобию восточных. Тем самым он оказал огромное влияние на становление монашества на Западе.

Итак, мы рассмотрели феномен «кругового путешествия» на примере жития святого Айлбе. Благодаря исследованию нами были:

— Рассмотрены цели составления жития.

— Проанализированы особенности путешествия и факторы влияния на них.

— Обнаружены: «ядро культа» и области притязаний.

Мы считаем, что эти предварительные наблюдения необходимо проверить на материале всех остальных житий из «*Vitae Sanctorum Hiberniae*», дабы рассмотреть картину феномена полнее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Plummer C. Vitae Sanctorum Hiberniae. Oxonii, 1910. Vol. 1.*
2. *Sharpe R. Medieval Irish Saints' Lives: An Introduction to Vitae Sanctorum Hiberniae. Oxford, 1991.*
3. *Бирн Ф. Короли и верховные правители Ирландии / Пер. С. В. Иванова. Санкт-Петербург, 2006.*
4. *Celtic literature collective: The Death of Dermot son of Fergus Cerrbeoil // Режим доступа: <http://www.maryjones.us/ctexts/dermot.html>*
5. *Charles-Edwards T. M. Early Christian Ireland. Cambridge, 2000.*
6. *Bowen E. G. Saints, seaways and settlements in the Celtic lands. Cardiff, 1977.*

ПОСЛАНИЕ, НАПИСАННОЕ КОРОЛЕВОЙ КАСТИЛИИ НА ИСХОДЕ РЕКОНКИСТЫ

В последние недели декабря 1491 г. «Католические государи» Изабелла и Фердинанд стояли с армией в нескольких километрах от столицы доживавшего свои дни Гранадского эмирата в небольшом лагере Санта-Фе. Несмотря на присутствие значительного числа солдат, Изабелла и Фердинанд не имели намерения использовать их для взятия Гранады: они собирались войти в город без боя. Еще 25 ноября короли Кастилии и Арагона заключили договор с Боабдилем, эмиром Гранады, о сдаче города, в котором были перечислены в нескольких десятках пунктов права местного мусульманского населения. Фердинанд и Изабелла пошли на заключение данного договора из-за желания как можно скорее закончить конфликт, при этом уменьшая возможные потери [1, С. 388; 2, С. 488].

Гранадская война началась в 1481 г. с небольших стычек на границе эмирата и Кастилии; за десятилетие, которое она продолжалась, Кастилия и Арагон потеряли значительное число солдат во множестве сражений в горах южной Испании. Армии королевств приходилось осаждать практически каждый город (без специальных осадных орудий дело не обошлось) [1, С. 387]. К 1491 г. истощенные войной королевства были не в силах продолжать войну, что проявилось в провале взятия Гранады с помощью войск в начале года. Однако Изабелла и Фердинанд еще после первых побед в войне поставили своей главной целью взятие последнего города эмирата, потому им и пришлось вступить в переговоры с эмиром. Согласно их договоренности, «Католические государи» должны были овладеть Гранадой еще до конца 1491 г., однако этому помеша-

ла внутренняя смута в Гранаде и сопротивление местных жителей, которых Боабдиль не мог долгое время усмирить [1, С. 389]. Из-за этого день взятия города несколько раз переносился. В итоге датой окончания и Гранадской войны, и Реконкисты, многовекового периода «отвоевания» жителей Пиренейского полуострова территорий, захваченных мусульманами еще в восьмом веке, стало 2 января 1492 г., когда Изабелла и Фердинанд овладели городом и обосновались в Альгамбре, известной резиденции гранадских эмиров [1, С. 389; 2, С. 489; 3, Р. 210].

Весть о взятии Гранады довольно быстро разнеслась сначала по полуострову, а затем и по всей Европе, и она была воспринята с восторгом. Известно, например, что уже через месяц в Неаполе и Риме проходили торжества по случаю победы «Католических государей», а Римский папа Иннокентий VIII отслужил благодарственную мессу [4, С. 42]. В то же время Изабелла и Фердинанд достигли своей цели, в результате чего они оба укрепили свои позиции. Для них победа в Гранадской войне была триумфом; ведь впоследствии число недовольных Изабеллой, которая фактически не имела прав на престол и которой пришлось до этого силой захватить власть, и Фердинандом, имевшим мало влияния в Каталонии и некоторых других своих владениях, значительно снизилось [4, С. 39; 5, Р. 19].

В контексте кратко описанных событий последнего периода войны стоит рассмотреть обнаруженный в Российской национальной библиотеке в коллекции П. П. Дубровского документ, а именно письмо Изабеллы Кастильской французскому государю Карлу VIII. Данное послание оставалось не затронутым исследователями, возможно, по причине своей внешней невзрачности. В документе не сообщается напрямую о каких-либо важных или интересных событиях, документ достаточно краток. Однако ниже мы напишем, чем он полезен в понимании последних дней Гранадской войны в частности и в правлении «Католических государей» вообще. Ниже будет приведен полный текст письма в нашем переводе:

«Великий и сильнейший государь дон Карлос милостью Божией король Франции, наш дорогой и любезнейший кузен; мы, донья

Изабелла, той же милостью королева Кастилии, Леона, Арагона, Сицилии и прочих стран, приветствуем Вас. К Вашему сведению сообщаем, что мы получили Ваше письмо от Шарля Дансезюна, Вашего хлебодара и настоящего курьера, и что мы поняли все, что Ваша сторона желала нам сообщить, и что мы ответили на все, имеющее к этому отношение. Молитесь, чтобы обрести всю полноту веры и Божиих даров. Да будет, великий и сильнейший государь, наш дорогой и любезнейший кузен, Святая Троица непрестанно на Вашей защите. Написано в королевском лагере. Вега де Гранада 21 декабря года 1491». Далее следует подпись королевы. На обратной стороне имеется архивная помета XVII в. рукой Дени Годефруа: «21 декабря 1491. Письмо Изабеллы, королевы Испании, жены Фердинанда, королю Карлу VIII, в ответ на то, что было им написано [и доставлено] посредством Дансезюна, его хлебодара. Из Гранады» [6].

Какова же ценность находки, приведенного письма, в контексте выше описанных событий? Настоящий документ, отметим сразу, является одним из первых свидетельств о завершении Гранадской войны (и Реконкисты) и уже поэтому является очень ценным. Указанное письмо позволяет делать выводы и о намерениях «Католических государей», а именно об их стремлении «приблизить» победное окончание войны (поскольку окончание войны, как уже было отмечено, было для их правления важным). Здесь стоит обратить внимание на указанную в письме дату — 21 декабря 1491 г. — и место — королевский лагерь, Вега де Гранада (буквально переводится как «долина», «окрестности» Гранады). Нам известно, что в это время Изабелла и Фердинанд находились в лагере Санта-Фе. Вероятно, посланник Карла VIII, его хлебодар Шарль Дансезюн, некоторое время находился при королевском лагере после доставления послания своего государя. О содержании послания Карла VIII можно лишь догадываться, поскольку этого документа в нашем распоряжении не имеется. Предполагаем (лишь предполагаем), что король Франции сообщает в своем послании о свадьбе на Анне Бретонской, что фактически означало обретение контроля над Бретанью. Безусловно, в условиях прямого противостояния Арагона и

Франции (борьба за область Руссильон) и косвенного — Кастилии и Франции (т. к. Изабелла была супругой Фердинанда и действовала с ним заодно) необходим был соответствующий «ответ». Изабелла не случайно диктует послание французскому королю еще до взятия Гранады и не случайно указывает именно «Vega de Granada». Послание должно было дойти до короля примерно через месяц после отправления. К тому времени новость о взятии Гранады уже распространилась бы среди народа, и как раз по достижении слухов к французскому королю должно было прийти и письмо кастильской королевы. Оно послужило бы официальным «свидетельством» падения последнего оплота мусульман на юге Пиренейского полуострова (хотя в письме и не говорится об этом) и триумфа Кастилии и Арагона, что должно было быть своеобразным противовесом получения контроля Карлом VIII над Бретанью. Даже если наша догадка о содержании письма французского короля неверна и его письмо содержало иные сведения, сам факт противостояния Кастилии, Арагона и Франции неоспорим, поэтому в таком случае сама цель написания послания Изабеллы как свидетельства о взятии Гранады, о триумфе над мусульманами на юге Пиренейского полуострова остается неизменной. Именно в результате победы над мусульманами на юге Иберийского полуострова Изабелла и Фердинанд получили впоследствии титул «Католических государей» от Римского папы Александра VI, использованный нами для обозначения их несколько раз выше [4, С. 8].

Итак, приведенное нами послание кастильской королевы должно было послужить своеобразным ответом на некое (неизвестное нам) письмо французского короля, при этом целью послания королевы было донесение «подтверждения» взятии Гранады после дошедших до короля слухов; этот документ — один из (первых) свидетельств указанного события и потому может считаться весьма ценным в исследованиях, связанных с испанской Реконкистой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Варьяш И. И., Ведюшкин В. А., Попова Г. А., Черных А. П., Юрчик Е. Э., и др.* История Испании. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века. Москва: Индрик, 2012. 694 с.
2. *Альтамира-и-Кревеа Р.* История средневековой Испании / Пер. с исп. Е. А. Вадковской и О. М. Гарсен. Санкт-Петербург: Евразия, 2003. 608 с.
3. *O'Callaghan J. F.* Reconquest and crusade in medieval Spain. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003. 322 p.
4. *Перес Ж.* Изабелла Католичка. Образец для христианского мира? / Пер. с франц. И. А. Эгипти. Санкт-Петербург: Евразия, 2012. 192 с.
5. *Quesada Ángel Ladero M.* 1492. El horizonte histórico español de cara al nuevo mundo // *Medievalismo*. №1. Madrid, 1991. P. 13-33.
6. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей, Коллекция П. П. Дубровского. Ф. 971. Авт. 16, №1.

ВЕРШИНИН И. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕЛАНХОЛИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РОБЕРТА БЕРТОНА

Трактат «Анатомия Меланхолии» был написан и отдан в печать Робертом Бертоном (1577–1640) в 1621 г. Несмотря на обучение в колледже Брейнзнуэ, выпускавшем благочестивых проповедников, автор был увлечен астрологией, мистикой, философией и еще не существовавшей тогда психологией личности. Его пылкий ум жаждал понять человека, охватившую мир «меланхолию» и найти лечение от этой болезни, а трактат «Анатомия Меланхолии» стал проводником идей этого неутомимого исследователя.

«Мир начала XVII в. до странности гостеприимен по отношению к безумию. Оно всегда в самой гуще вещей и людей — знак иронии, путающей все метки, по которым можно отличить истину от химеры, и едва хранящей слабую память о былых великих трагических угрозах; оно — знак жизни скорее безалаберной, чем тревожной, знак ничтожного, смешного брожения в обществе, знак ненадежности, неустойчивости разума» [1, С. 61].

Начало XVII в., как переходный период, отразило так же смещение центра тяжести в анализе действий и поступков человека с внешних сил (положение), на внутренний мир. Данное смещение мы можем наблюдать так же в литературе, драматургии, искусстве. Достаточно проследить за становление современной драмы от Шекспира (классицизм), Гёте (попытка совмещения) к Бернарду Шоу (новая драма как таковая) [2, Р. 15-87].

Свое мнение о человеке Роберт Бертон выражается словами: «Человек — самое совершенное существо — низко пал, утратил свое былое положение и стал жалким человеком» [3, С. 250]. Дан-

ное определение вполне соответствует общему духу произведения, отражающего моральный упадок и болезненное состояние всего общества в целом, что выразилось, по мнению автора, именно в меланхолии.

Во-первых, стоит отметить мистические причины возникновения меланхолии у современников Бертона. Как отмечает Ингер А. Г. в предисловии к русскому переводу *Анатомии Меланхолии*, «распространение веры в мистическое... — следствие кризиса целой общественной системы, мировоззрения» [3, С. 32]. Нельзя не согласиться с данными словами, так как именно после Реформации и Контрреформации можно отметить появление организаций и личностей, ставивших в центре своей деятельности мистику и мистические образы. Примером может послужить реформирование католического женского монашеского ордена кармелиток и появления так называемых «босых кармелитов», породивших целое мистическое направление, начиная с Терезы Авильской [4, Р. 15-32].

Перечисление таких мистических причин меланхолии как Господь, ангелы, бесы, колдуны и маги определенно говорит в пользу вышесказанного. Сам Бертон пишет о том, что не все поддерживают идею влияния данных сил на жизнь человека, в том числе и его соотечественники. Однако, стоит отметить, те люди, кто обладают престижными профессиями и, что из этого следует, более образованы (юристы, врачи, богословы), разделяют мнение автора Меланхолии [3, С. 351].

По мнению Бертона, даже самые заурядные из бесов, ведьм и колдунов способны вызвать меланхолию, и они же, в свою очередь, являются слугами дьявола.

Несмотря на то, что Господь карает меланхолией в качестве справедливого наказания, а дьяволы (у Роберта Бертона мы видим не одного конкретного антагониста, а несколько видов существ) и их слуги в своих корыстных целях, факт приравнивания двух противоположенных сторон в качестве причины меланхолии остается, несомненно, важным [3, С. 355].

Одной из наиболее интересных причин меланхолии являются звезды. Здесь Бертон отмечает, что английские астрологи его времени считают небеса, планеты и звезды причинами, прародителями меланхолии [3, С. 356]. Однако сам автор *Анатомии* пишет следующее: «если же ты спросишь, что я на сей счет думаю, то я должен ответить, что тоже знаком с этими научными заблуждениями; на самом же деле они нас только к чему-то склоняют, но отнюдь не принуждают, ... если мы будем руководствоваться разумом, тогда у них не будет никакой власти над нами». Как отмечает Август Гулэнд, многие авторы данного периода разделяли эту точку зрения [5, Р. 66].

Следующая причина — наследственность. По мнению Бертона, темперамент и внешние характеристики человека передаются по наследству. Данная тема относится к такой науке как генетика, которая в начале XVII в. имела лишь отдаленные, смешанные с мистической представления о генетическом коде и наследственности. Однако для моей работы этот вопрос интересен, прежде всего, с позиции личностного отношения к нему самого автора. Мастерски, в своем стиле, использую совмещение взглядов античности, в лице Гиппократов, и взглядов современников, представленных Роджер Бэконом, Роберт Бертон высказывает весьма интересные и значимые идеи [3, С. 364]. Во-первых, им выделяется биологическая сторона вопроса: передача наследственных заболеваний, генетика. Во-вторых, идея психической наследственности, или, как ее называют в наше время, психогенетика.

Особенно важной представляется идея о чистоте генетического кода (в современной интерпретации), о существовании и полном одобрении которой сам Бертон высказывается вполне открыто: «каким было бы для человеческого рода счастьем, если бы вступать в брак разрешалось только тем родителям, которые здоровы и телом и разумом». Шотландские обычаи зарывать прокаженную женщину вместе с потомством заживо в землю с целью уберечь нацию от порчи и заражения, Роберту Бертому кажется весьма достойным

существования. Об этом он пишет: «суровый приговор, скажите вы, применять который не в обычае у христиан, а все же стоит присмотреть к нему более внимательно, нежели это принято» [3, С. 370-371]. И дальше идет доказательство справедливости данного обычая.

Данная идея, высказанная клириком и интеллектуально развитым человеком своего времени, без сомнений, свидетельствует об упадке морали и исконно христианских ценностей в так называемый переходный период — в конце XVI – начале XVII в. На мой взгляд, это вызвано тем, что тема смерти перестала играть ту роль страшной судьбы, которую она играла на протяжении практически всех Средних веков. Это стало возможным после буйства Черной чумы, которая унесла жизни огромного количества людей и изменила сознание европейского общества. Как отмечает Мишель Фуко: «небытие в смерти отныне — ничто, потому что смерть уже всюду» [1, С. 35], «безумие и глупости — это присутствие смерти здесь и теперь» [1, С. 35-36].

Выделив таким образом «вторичные, внутренние» причины меланхолии, Бертон переходит к «внешним и приобретенным».

Первая из этих причин — еда и питье. Как отмечает Мелита Вайс Адамсон, издавшая прекрасную работу «Food in Medieval Times» [6], на протяжении практически всего Средневековья не было официально признанной системы питания. Помимо известных еще с античности завтрака и ужина, жители Англии, в частности рабочие, перекусывали в течение дня, что носило название «puncheons» (обед). У нобилей во второй половине дня был так называемый «drynkyngs» (освежающие напитки). Более того, даже после ужина многие знатные люди имели еще один прием пищи — «geresoper». Он представлял собой посиделки в приватной, дружеской обстановке. Моралисты, а так же главы церквей и домохозяйств это осуждали, считая «geresoper» излишним. Все это, естественно, сопровождалось большим количеством алкоголя [6, Р. 85-102].

Рассуждая об алкогольных напитках, автор Анатомии, несомненно, выделяет пиво как «самый полезный и самый приятный

напиток». Здесь важно отметить, что Бертон отступает от своей обычной манеры нейтрального перечисления чужих взглядов и мнений. Он пишет про тех, кто называет пиво «гнусным пойлом»: «пусть говорят себе, что угодно». Это не удивительно, если учитывать тот факт, что эль, по утверждению Марты Карлин и Мелитты Адамсон, был включен в ежедневный рацион, а управляющие хозяйствами закупали его каждый день на рынках [7, P. 53].

Бертон представляет свое время как развращенное тратами и пьянством: «то, что некогда считалось пороком, теперь в высшей степени нравственно... в наши времена это стало модой, делом чести», «тот, кто не желает напиваться, никакой не джентльмен, а просто баба, шут гороховый, который не достоин находиться в приличном обществе». Как отмечает Мартин Линн в своей книге «Alcohol, Sex, and Gender in Late Medieval and Early Modern Europe» [8], алкоголь использовался не только для празднования, но и для заключения сделок, соглашений, торговых договоров, при дворцовых, церковных событиях, в медицине [8, P. 1-12]. Он так же слегка видоизменяет слова Карла Маркса, который сам любил неплохо выпить: «Религия не была опиумом для народа, алкоголь был» [8, P. 3]. Можно утверждать, что выпивание было скорее социальной, чем антисоциальной активностью.

Вообще тема алкоголизма в переходный период представляется весьма обширной. Сам Бертон отмечает, что у «них (алкоголиков) есть академии пьянства», «они издают законы против всяких попыток смошенничать во время питья» [3, С. 391]. Прекрасные свидетельства этой проблемы собраны в уже упоминавшейся книге Мартина Линна. Так он приводит выписку из полицейских сводок 1581 г.: «ремесленники и рабочие люди городов и предместий проводят огромную часть рабочего дня в тавернах, играя в азартные игры и выпивая» [8, P. 63-64]. Именно в начале конце XVI – начале XVII в. разворачивается настоящая борьба за питейные заведения. Церковь называла их «домами дьявола» [8, P. 61-67]. Исследователи отмечают, что основными посетителями были мужчины от 20 до

40 лет, половина из которых была нежената, кроме того, питейные заведения посещали и женщины, однако их легко могли счесть за женщин легкого поведения. Как правило, их причинами посещения пивных являлись помимо стандартного желания развлечься, так же поиск мужа или патрона [8, Р. 66].

Нужно отметить, что алкоголь воспринимали как лечашее средства не только для души, но и против импотенции. Многие врачи советовали мужчинам и женщинам выпивать перед зачатием ребенка. Кроме того, существовали советы пить и во время беременности, чтобы предотвратить выкидыши. В это время ученые еще не продвинулись в изучении влияния алкоголя на беременность, поэтому существовавшие запреты на алкоголь чаще всего относились к мужчине беременной женщины, а не к ней самой [8, Р. 61-67]. Данное мнение выражает и Бертон: «если пьяный мужчина станет отцом, его ребенок, скорее всего, не будет умным» [3, С. 381-388].

Особую опасность алкоголь представлял в связи с увеличивающимся количеством домашнего насилия, физической расправы и изнасилований, однако мы не обладаем большим количеством свидетельств последнего. Это вызвано тем, как утверждает Мартин Линн, что алкогольное опьянение считалось смягчающим обстоятельством при изнасилованиях. Подобные дела не фиксировались, если мужчина мог доказать «сексуальную неразборчивость женщины» или оправдать собственное поведение опьянением. Чаще всего алкоголь трактовался в таких случаях как средство совращения, что выводило выпившую женщину из позиции «изнасилованной» в позицию «женщины легкого поведения» [8, Р. 87].

Если же оставить в стороне вопросы нравственности, то пивные стали конкурировать с церковью как центры общественной жизни. После утверждения пуританской идеологии, эль и танцы были запрещены в церкви. Это привело к тому, что центры коммунальной солидарности и коммуникаций в таверны и пивные, которые теперь служили в качестве мест для празднования религиозных ритуалов, таких как крестины, брак, похороны после завершения

церковных служб. Кит Райтсон утверждал, что борьба вокруг пивных в ранней новой Англии стала одной из самых значимых социальных драм [8, Р. 60-68].

Заключительным аккордом о еде автор Анатолии выделяет привычки, аппетит и потребность. По его мнению, как уже было сказано выше про потребление эля в Англии, привычка может «изменить саму природу» [3, С. 392]. Так еда, которой один человек питается всю жизнь и благодаря которой чувствует себя отлично, может быть смертельна для другого [3, С. 392-394].

Так же стоит уделить особое внимание вопросу каннибализма, также поднимаемому Робертом Бертоном. Он пишет о том, что Монтесума питался «сырым и жареным человеческим мясом» [3, С. 393]. Однако, опять же, никаких подтверждений этому у самого автора нет. Скорее всего, Бертон, который брал за пример для написания своей книги «Опыты» Монтеня, хотел тоже упомянуть о каннибализме, как и его предшественник. Сам Монтень в главе «О каннибализме» отмечает, что поедание тел своих противников, как это происходило среди племен Нового Света, происходило исключительно с целью запугать своих противников. Особо интересен отрывок песни, который упоминает автор «Опытов»: «Эти мышцы, — говорит он, — это мясо и жилы — ваши, жалкие вы глупцы! Вы не хотите признать, что в них еще сохраняется та же плоть, из которой состояли тела ваших предков? Так распробуйте же их хорошенько, и вы ощутите в них вкус своего собственного мяса» [9, С. 158]. Но Монтень, как за ним и Бертон, не осуждает каннибализм, отмечая, что это часть их культуры, и неизвестно, «либо они дикари, либо — мы» [9, С. 176]. С ними согласен известный исследователь каннибализма Вильям Аренс, опубликовавший книгу «The Man-Eating Myth» [10]. Он называет предмет своих исследований социально приемлемым, а каннибалов сравнивает с бедными, «которые всегда среди нас» [10, Р. 160].

Марта Карлин выделяет случаи каннибализма, происходившие в Средние века при осадах и голоде [7, Р. 47]. Адамсон так же

в некотором смысле согласна со словами Монтеня, так как пишет: «каннибализм для выживания, хотя по-прежнему вызывает определенную моральную ответственность, всегда был более приемлем обществом Запада, чем ритуальный каннибализм неизвестных племен из далеких земель». В подтверждение этого, она приводит слова немецкого врача XVI в., который так же спокойно относится к случаям каннибализма во время осад, отмечая, что «они говорят, что свинина похожа на человеческую плоть» [6, Р. 173].

Сам Бертон следует этой идее и заявляет, что каннибализм вполне приемлем, если человека привела к нему «необходимость, нужда, голод, бедность... Такие вещи и в самом деле смягчают меланхолию или даже полностью избавляют от последствий употребления меланхолической еды» [3, С. 396].

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что Бертон выделяет алкоголизм и расточительство как еще один порок современного ему общества. Кроме того через Англию, ставшую к этому времени колониальной империей, проходило огромное количество информации со всего света, что служило не только для развлечения населения интересными фактами, но и открывало возможности для анализа и сопоставления культур, в том числе и культуры питания, различных стран. Это, в свою очередь, хоть я и не могу сказать подобного про труд Роберта Бертона, позволяло ученым и исследователям глубже проникать в вопросы медицины, тесно связанные с качеством и видом потребляемых продуктов.

Следующая причина — праздность. По сути, ее можно ставить в один ряд с расточительством, алкоголизмом, перееданием, так как праздность, в представлении Бертона, тоже является «неизменным приложением к знатности». Здесь автор меланхолии подразумевает так называемый сплин, о котором писал М. Ю. Лермонтов в своем нетленном произведении «Герой нашего времени». Карин Юханнссон определяет сплин как «активную скуку» [11, С. 62]. Патриция Мейер Спекс, слова которой она процитировала, согласна с Бертоном, что «традиционно скука считалась привилегией элиты, спо-

собом выражения социального недовольства или пассивной агрессии» [11, С. 62].

Не менее опасным, по мнению автора *Анатомии*, является «двоюродный брат скуки» [3, С. 414] — чрезмерное одиночество. Он наблюдал его у студентов, монахов и анахоретов, которые вынуждены сталкиваться с ним в связи со своим родом деятельности. Особенно интересной мыслью Бертона является связь одиночества с алкоголизмом и распутством: «чтобы избежать одиночества, они проводят время в тавернах и пивных в обществе разгульных собутыльников и поэтому предаются незаконным забавам и распутству» [3, С. 415].

Что же послужило причиной такого распространения чувства одиночества в начале XVII в.? Как отмечает Макс Вебер, «ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества отдельного индивида» [12, С. 142] порождается трудовой пуританской этикой. Такой взгляд не удивителен. Джереми Смит выделяет общую протестантскую идею о том, что Бог оставил людей одних [13, Р. 62]. Связь чувства одиночества с Богом выделяют и в XIX в. Так Кьеркегор отмечает, что одиночество — это замкнутый мир, разорвать границы которого способен лишь Бог, к которому человек всю жизнь стремится прорваться [14, С. 65-160].

Так же Роберт Бертон отмечает распространение мизантропии в его время, которая порождается одиночеством: «эти несчастные и в самом деле теряют человеческий облик и из существ общественных превращаются в животных...; они сами себе отвратительны, а общество других людей им ненавистно». Сам автор *Анатомии* не употребляет этого термина, но прекрасным подтверждением моего взгляда служит созданная знаменитый комедиографом XVII в. Жаном-Батистом Покленом, более известным под псевдонимом Мольер, в 1666 г. пьеса «Мизантроп» [15].

Заканчивает вторую главу Бертон подразделом о сне и пробуждении. Благодаря этой информации, можно с уверенностью опровергнуть предположения и суждения некоторых исследователей,

в том числе и Юханнисон, утверждающих, что «с исторической точки зрения нормой является раздельный сон» [11, С. 74]. Так автор *Анатомии* пишет о том, что «нет ничего вреднее, если ... прибегать к нему (ко сну) несвоевременно». Так же такие слова, как «приобрели привычку спать посреди белого дня», а так же «обыкновенно бродить ночью во время сна», помогают нам понять, что уже в XVII в. нормой считался именно сон по ночам, а все остальное не советовалось, так как вело к усилению меланхолии и кошмаров.

Исключительно занимательным является поднимаемый Робертом Бертоном вопрос «силы воображения» [3, С. 426]. По его мнению «воображение приводит к реальным последствиям». Данный подраздел отсылает нас одновременно и к суевериям, и к силе внушения/самовнушения.

Здесь Бертон отчасти раскрывает истоки сил «колдуний и стариков, зачаровывающих и околдовывающих детей» [3, С. 431]. Именно воображение по мнению автора служит источников их сил: «мощное воображение одного человека воздействует на жизненные силы другого и изменяет их» [3, С. 431]. Эван Камерон определяет суеверия как «попытку различить неизвестное через предсказание, контролировать или защититься от него» [16, Р. 18].

Так же он склоняется к мнению, что обычные люди предпочитают быть прагматичными, а не следовать этике, будут искать помощи через своеобразные ритуалы, и не важно, попадает ли это под действие религии или же нет [16, Р. 75-79]. На мой взгляд, Эван прав, но все же, на основании исследования *Анатомии Меланхолии*, я считаю, что следует отметить вовлечение в данный процесс поиска ответов через суеверия не только «обычных людей», но и все общества в целом, включая высшее сословие. Роберт Бертон определенно не является одним из них («обычных людей»), но все же он не воспринимает демонов и ведьм как часть реального мира.

На мой взгляд, работа Бертона ставит своей целью аккумулировать идеи прошлого и приспособить их к современным событиям. Так мы можем наблюдать абсолютно противоречивое сочетание

новых научных достижений с суеверными взглядами и оккультизмом. Но именно это отражало сущность английского общества начала XVII в.: поиск нового мировоззрения на основании соединения опыта прошлого с современными реалиями.

Роберт Бертон же так выделяет сопутствующие данным процессам проблемы: формирование мизантропии, атеизма, повсеместное распространение алкоголизма, проституция, этическое восприятие каннибализма и другие.

В заключении, хотелось бы отметить, что главная цель Роберта Бертон заключалась в попытке заставить человека задаться вопросом об обустройстве его собственного внутреннего мира, о причинах его поступков и способах противодействия распространяющейся в обществе Меланхолии. Это был, своего рода, революционный мотив. Именно поэтому большинство вопросов, которыми задается автор *Анатомии*, актуальны и по сей день. Таким образом, данная книга позволяет нам увидеть корни ряда обсуждаемых в современной психологии проблем, а так же понять, как они воспринимались тогда, когда психологии как таковой еще не существовало.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. Стаф под ред. В. Гайдамака. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
2. John Halliday. *The Theory and Analysis of Drama*. Cambridge University Press, 1988. 360 p.
3. *Анатомия Меланхолии* / Пер. с англ., вступ. статья и коммент. А. Г. Ингера. М.: Прогресс–Традиция, 2005. 832 с.
4. Jean Abiven. *15 Days of Prayer with Saint Teresa of Avila*. London, 2011. 152 p.
5. Gowland A. *The worlds of Renaissance melancholy: Robert Burton in context*. Cambridge, 2006. 358 p.
6. Melitta Weiss Adamson. *Food In Medieval Times*. London, 2004. 330 p.
7. Martha Carlin and Joel T. Rosenthal. *Food and Eating in Medieval Europe*. London, 1998. 188 p.
8. Lynn A. Martin. *Alcohol, Sex and Gender in Late Medieval and Early Modern Europe*. N.Y., 2001. 200 p.

9. Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том I. М., 1992. 416 с.
10. William Arens. The Man-eating Myth. Oxford, 1979. 206 p.
11. Карин Юханнисон. История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь / Пер. со швед. И. Матыциной. М., 2011. 320 с.
12. Макс Вебер. Избранные сочинения / Под ред. Н. Л. Шестернина. М., 1990. 808 с.
13. Jeremy Schmidt. Melancholy and the care of the soul: religion, moral, philosophy and madness in England 1580–1750. Baltimore, 2004. 232 p.
14. Философские крохи, или Крупицы мудрости / Пер. Д. А. Лунгиной. М., 2009. 192 с.
15. «Мизантроп, или Нелюдим». Комедия в пяти действиях. Сочинения г-на Мольера // Перевод с франц. И. П. Елагина. М, 1788.
16. Euan Cameron. Enchanted Europe. Superstition, Reason, and Religion, 1250–1750. Oxford, 2010. 473 p.

ВАЛЛЕНШТЕЙН В ИСТОРИОГРАФИИ XVIII В.

Альбрехт фон Валленштейн (1583–1634) — великий имперский полководец эпохи Тридцатилетней войны. За создание в короткий срок армии и победы над датчанами он получил титул князя, но затем, под давлением курфюрстов, император отстранил его от командования во время Регенбургского съезда. Но затем, после вторжения в Империю шведского короля Густава-Адольфа, Фердинанду II вновь понадобились таланты Валленштейна: в 1632 г. он был вновь призван на службу, получив обширнейшие полномочия. Но в Вене росли слухи о возможном предательстве Валленштейна. В конце января 1634 г. Фердинанд II вновь отправил в отставку Валленштейна, а в феврале издал тайный указ об аресте опального полководца. Все попытки Валленштейна спасти свое положение провалились: 25 февраля 1634 г. он был убит в Эгере в ходе заговора своих же офицеров.

Столь необычная судьба имперского полководца не могла не отразиться в немецкой историографии. Валленштейн, безусловно, был интересен историкам как талантливейший полководец, в кратчайшие сроки создавший имперскую армию и одержавший множество великих побед; но все же именно загадка его сокрушительного падения, помешавшего осуществлению его столь таинственных планов, заставляла ученых вновь и вновь обращаться к его фигуре. За последние четыре столетия, минувшие после кровавой ночи 25 февраля 1634 г., было написано огромное количество биографий Валленштейна, от научных монографий до художественной литературы. Цель данной статьи — проанализировать, как отразилась гибель Валленштейна в немецкой историографии XVIII в.

Одна из выдающихся заслуг эпохи Просвещения — это подготовка почвы для появления в следующем столетии исторической науки. В это время небывалыми темпами начинают развиваться естественные науки. Более того, к концу века в Великобритании научные достижения активно применяют на практике, рационализируя производство: теперь они имеют колоссальное значение для всего общества, коренным образом меняя жизнь всего социума. Столь бурное развитие техники породило оптимизм, свойственный эпохе Просвещения: в Век Разума человечество достигло вершины своего развития, когда Европой управляют просвещенные монархи, а дикие нравы и господство мракобесия уходят в прошлое. Соответственно, вся предшествующая история человечества виделась долгим и трудным путем к неизбежному торжеству Разума. На волне всеобщего интереса к знаниям, в том числе и к прошлому человечества, пишутся работы, посвященные отдельным историческим сюжетам: своей задачей они в первую очередь считают познание прошлого, история становится объектом познания. Она постепенно обретает черты науки, появляются предтечи профессиональных историков, которые, в отличие от придворных историографов, являются частью другой социальной среды, не связанные ограничениями, которые накладывает близость к верховной власти. Эти историки нового типа создают из исторического материала совершенно иные конструкты с совершенно иными целями. На этом фоне и развивалась историография Валленштейна в XVIII в.

К. Кампманн подчеркивает преемственность дошиллеровской историографии Валленштейна XVIII в. с образом Валленштейна, созданным барочной историографией: он имеет ввиду в первую очередь использование в ней образа полководца в качестве «контрастной фигуры», которая своими пороками подчеркивала добродетели монарха, восхваляемого в панегирике. Теперь же этот образ обрел самостоятельную жизнь в трудах историков XVIII в., опиравшихся на Хемница или Лотихия, в отрыве от риторических структур, для которых был собственно создан. Изменился социальный

состав авторов — если придворный историограф, даже не будучи дворянином, как гуманист Лотихий, все же принадлежали к элите общества и ориентировались читателей из числа знати, то теперь Валленштейн превратился в дидактическую фигуру — наглядный пример того, что безмерная жажда власти и тщеславие неизбежно приведут человека к гибели [1, S. 48-50].

Всеобщая тяга к знаниям, о которой говорилось выше, охватившая в XVIII в. все сколько-нибудь образованное общество, способствовала изданию энциклопедий, стремившихся охватить все достижения науки того времени. Наиболее известной стала Энциклопедия, издаваемая во Франции группой материалистически настроенных мыслителей во главе с Д. Дидро. Но подобного рода проекта существовали и в других странах. Так, именно в Германии была создана самая полная энциклопедическая серия за весь XVIII в. — «Большой всеобъемлющий словарь всех наук и искусств», который Иоганном Цедлером начал издавать с 1732 г., почти на двадцать лет раньше французской Энциклопедии. Из тысяч его статей нас интересует лишь одна — «Вальдштайн или Валленштейн или Валлерштейнер» в пятьдесят втором томе [2, S. 771-792]. Она была написана анонимным автором с явно прогабсбургских позиций. Повествование ведется по большей части привидением известных анекдотов, связанных с жизнью Валленштейна (смена конфессии после падения из окна, приход в тюрьму с пуделем, встреча со старым учителем и т. д.). Предательство полководца не вызывает у автора никаких сомнений, а его убийство он называет «заслугой перед императором» [2, S. 788].

Кристиан Готлиб Будер (1693–1763) был типичным представителем интеллектуалов нового типа: выходец из бюргерских слоев, свою карьеру он сделал в стенах Йенского университета [3]. В 1738 г. он получил профессию государственного и ленного права, а также истории. В 1748 г. вышла в свет «История Тридцатилетней войны и Вестфальского мира». Опирающийся в изложении событий на Кевенхюллера [4, S. 109] и разделяющий габсбургскую версию собы-

тий, он все же совершенно иначе излагает исторический материал и использует совершенно иную аргументацию. Для Будера важно не изложить происходившие события изящным и вычурным языком, используя исторический материал для собственных интеллектуальных построений, как это было в XVII в. Для него, ученого XVIII в., важно рационально аргументировать свою позицию, доказать ее истинность. Он склоняется к версии предательства Валленштейна, причем задуманного еще во время первого генералата, поскольку своими действиями, а особенно бездействием, он во многом способствовал успехам врагов: небрежности при осаде Штральзунда, позволившие шведам доставлять в крепость провизию, что сделало осаду бесполезной, его медлительность, позволившая саксонскому генералу Арниму захватить Прагу и поражение под Лютценом от армии, лишившейся своего полководца, бросив при этом на произвол судьбы артиллерию и боеприпасы [4, S. 109].

Готтлиб Бенедикт фон Ширах (1743–1804) родился в семье теолога, изучал в Лейпцигском университете историю и филологию. По своему социальному происхождению он также был выходцем из бюргерской среды. В 1764 г. стал приват-доцентом в университете в Галле, в 1769 г. — профессором философии в университете Хельмштедта. Ширах был знаменитым историком, за свою биографию Карла VI он был в 1776 г. возведен императрицей Марией Терезией в дворянское сословие. Интересующая нас его работа вышла в свет за три года до этого — пятый том «Биографий немцев», в число которых входит и жизнеописание Валленштейна. В сущности, он вновь воспроизводит стандартный образ мрачного генерала, которого погубило непомерное властолюбие и тщеславие. Достигнув вершины могущества, он не сумел на ней удержаться, не имея преданных сторонников: «Его грубая гордость и могущество, вызывающее зависть, почти каждого сделало его врагом» [5]. Важно отметить, что в конце биографии Ширах дает список источников с комментариями: поскольку в качестве источников в то время использовались труды историографов XVII в., то это был первый анализ истори-

ографии Валленштейна, а также и критика источников [5, S. 210-211]. Так, самым правдивым сообщением он считает «Итенерарий» Томаса Карве, духовника капитана Диверу, который верно изложил факты, хоть и трактует их в интересах партии своего господина. Он также сомневается в некоторых источниках, которые, возможно, исказили истинный облик Валленштейна: «Еще до сегодняшнего момента остается собственно туманным и двусмысленным вид предательства. Где доказательства того, что Валленштейн погиб в ходе попытке получить чешский престол? Они содержатся в известиях, которые рекомендует имперский двор» [5, S. 210-211].

Эрдманн Фридрих Букуа (1750–1821) в своей работе «Жизнь и деятельность генерала Валленштейна, составленные по лучшим источникам» [6] изображает полководца человеком талантливым, но гордым, жестоким и коварным. Его замысел состоял в том, чтобы перейти на сторону шведов и саксонцев, удержав при этом за собой армию посредством ее личной преданности генералиссимусу [6, S. 134]. Но все его планы оказались химерами, Валленштейн был окружен имперскими войсками в Богемии, а шведские войска, с которыми он некогда вел кровавую войну, теперь стали для него единственным спасением. Но к счастью для Империи, он был убит преданными короне офицерами: Э. Ф. Букуа подчеркивает, что в следствии приказа императора привести Валленштейна в Вену живым или мертвым, это не может считаться простым убийством и тем более преступлением [6, S. 156]. «Это был конец человека, который поднял так много всеобщего возбуждения, который был свергнут своей гордыней и мстительностью. Разве не должен был человек столь гордый и мстительный неизбежно пасть в могилу, которую он рыл для других?» [6, S. 159].

Из наследия Иоганна Кристофа Херхенхана (1754–1795), талантливого юриста, дипломата и историка, нас интересует трехтомная работа «История Альбрехта фон Валленштейна Фридландского». В ней крайне мало общих выводов и рассуждений, идет сплошное перечисление событий без каких-либо отступлений.

Даже после описания убийства Валленштейна автор не делает общего обзора его деяния, не дает описания его характера и внешности, как обычно делали другие историографы. Тем не менее, позиция автора по отношению к Валленштейну выражена предельно ясно: он предатель, который хотел организовать масштабный мятеж армии и генералов, но почти никем не был, потерпел крах и заслуженное возмездие [7].

Образ Валленштейна в историографии предшественников Шиллера встроен в новую форму подачи исторического материала, определенную развитием исторического знания в эпоху Просвещения, становлением исторической науки, но пока еще была наполнена содержанием, оставшимся от предыдущей эпохи. Как и в барочной историографии, Валленштейн здесь не имеет ни определенных политических целей, ни программы по реформированию Империи. Он здесь все еще полководец, хотя и предавший императора, а не политик. Отметим также абсолютное торжество обвиняющей тенденции в этот период. В целом же, это были скорее вторичные конструкции: оторванные от социального контекста сложных риторических структур, создаваемых историографами эпохи Барокко, эти образы Валленштейна оказались мертворожденными. Заимствовав у своих предшественников осуждение полководца, им все же были недоступны тонкие интеллектуальные построения придворных историографов, в рамках которых его образ приобретал особый смысл. Тем не менее, важное значение историографии эпохи Просвещения состояло в первых попытках сколько-нибудь научного подхода к фигуре полководца, а также появлении устойчивого к ней интереса. Нового же Валленштейна, ставшего ключевой фигурой как для эпохи Просвещения, клонившейся к кровавому закату Революции, так и для исторической науки XIX в., суждено было создать поэту, а не профессиональному историку.

В 1791–1795 гг. великий немецкий поэт и драматург Фридрих Шиллер публикует «Историю Тридцатилетней войны» в «Историческом календаре для дам». Как и в предыдущей работе, Шиллер

начинает с глобального исторического обзора в духе своих идей: Тридцатилетняя война, несмотря на все свои ужасы, также внесла свой вклад в развитие человечества. Благодаря ей европейские страны сблизились друг с другом, была нарушена всякая изоляция, а также был остановлен деспотизм Габсбургов, претендовавших на универсальную монархию. Также Шиллер пишет о влиянии религиозного воодушевления подданных, без которого князьям было много труднее привлечь их к военной службе [8, С. 9-27].

Но затем автор сталкивается с конкретным историческим материалом, с многочисленными событиями и личностями, которых почти невозможно вписать в абстрактную схему, обрисованную Шиллером в начале работы. И чтобы придать череде событий осмысленный сюжет, он вводит двух главных героев-антагонистов, на которых сосредотачивается все внимание автора: это Валленштейн и Густав Адольф. Как и в барочной историографии, они наделяются прямо противоположными чертами. Густав Адольф — набожный человек, милосердный к своим подданным, которые отвечают ему преданностью и любовью. В его войсках царит строгая дисциплина, строго следят за нравственностью и хорошим отношением к местному населению [8, С. 192-194]. Валленштейн же равнодушен к религии, терпеть не может клириков, а молитвам предпочитает астрологию. Он жесток по отношению к своим солдатам и ему ничего не стоит повесить невинного человека. Его мрачный ум направлен только на увеличение своей власти. Сама его стратегия состоит в разорении земель, по которым проходит созданная им армия [8, С. 134]. Остальные деятели отходят на второй план: Тридцатилетняя война изображается Шиллером как поединок двух великих личностей — Валленштейна и Густава Адольфа.

После первой отставки все мысли Валленштейна направлены на месть: «В этой напускной безвестности тихо, но не бездеятельно дожидался Валленштейн решительного часа и близкого момента мести. Благодаря победоносному продвижению Густава-Адольфа он вскоре начал предвкушать ее. Он не отказался ни от одного из

своих заносчивых планов; неблагодарность императора освободила его честолюбие от всяких стеснительных обязательств» [8, С. 140]. Все действия Валленштейна во время второго генералата трактуются Шиллером в духе его тайных намерений предать императора: «Но как только Валленштейн почувствовал, что благодаря своим войскам он всемогущ, он сбросил с себя узы покорности императору» [8, С. 123]. Цель его — перейти на сторону врага и захватить богемскую корону.

Но затем Шиллер решительно меняет свое отношение как к Валленштейну, так и к Густаву Адольфу. После гибели шведского короля в битве при Люцене автор, после восхваления храбрости и добродетелей короля-воина, резко меняет к нему свое отношение, причем в довольно жесткой форме: король умер как раз вовремя, чтобы не превратиться из освободителя Германии в ее завоевателя. «Рожденный в чужой земле, воспитанный в идеях неограниченного самовластия, фанатик и отъявленный ненавистник папистов, он не был создан для роли хранителя неприкосновенности германских законов и не мог питать достаточного уважения к свободе чинов. Подозрительный характер присяги, которую, не говоря уже о многих других городах, вынужден был принести шведской короне имперский город Аугсбург, явно характеризует его не столько как защитника империи, сколько как завоевателя» [8, С. 288].

Но особенно радикально Шиллер переосмыслил личность Валленштейна после его убийства. Вплоть до этого момента все действия генералиссимуса однозначно трактуются как подготовка к предательству: «Озабоченный не столько интересами своего повелителя, сколько осуществлением своих собственных планов...» [8, С. 254], «Если он, Валленштейн, получит чешскую корону...» [8, С. 313] и т. д. Но тем более поразителен вывод, которым Шиллер завершает обзор жизни генералиссимуса: «Но ни один из его поступков не дает нам права считать его избалованным в измене. И даже если, наконец, тяжелое положение и отчаяние влекут его к таким поступкам, которыми он действительно мог заслужить приговор, вынесен-

ный невинному, то это не может служить оправданием самому приговору. Валленштейн пал не потому, что был мятежником: он стал мятежником потому, что пал. Несчастьем для живого было то, что он восстановил против себя победоносную партию; несчастьем для мертвого — что этот враг пережил его и написал его историю» [8, С. 239]. Тем самым автор перечеркивает все предшествующее повествование, основанное на борьбе благородного Густава Адольфа с коварным предателем Валленштейном.

Г. Маннигель в этой связи указывает на большое влияние Хемница, который, также сомневался в предательстве Валленштейна и считал его переговоры стратегическим ходом с целью посеять распри в стане врага [9]. Но в таком случае Шиллер мог с самого начала говорить о возможной двойной трактовке переговоров Валленштейна.

Вероятнее всего, Шиллер, много размышлявший о возможности изложения исторического материала в нарративной форме, пришел к выводу о колоссальной его сопротивляемости всякой переработке: стоит только поменять угол зрения, как любая концепция рассыпается как картонный домик. Фактически объявляя ложной всю структуру, на которой основывалась его концепция Тридцатилетней войны, Шиллер показывает иллюзорность исторического знания. Потому неудивительно, что пятую книгу он закончил с большим трудом — с гибелью Валленштейна и Густава Адольфа автор потерял всякий интерес к работе.

Отметим наличие некоторой преемственности Валленштейна Шиллера с предшествующей историографией: здесь он также является скорее тщеславным полководцем, чем настоящим политиком; его план сводится только к захвату богемской короны, но Шиллер ничего не пишет о его намерениях изменить устройство Империи.

Но особенно большое влияние на восприятие Валленштейна во всей последующей немецкой историографии оказала драматическая трилогия «Валленштейн» [10]. Полководец в ней представлен в качестве трагического героя, который, имея огромную власть,

на протяжении пьесы теряет преданность всех своих сторонников. Образ романтического героя, имеющего гениальные замыслы, но не понятого своим окружением, определил как огромную популярность фигуры Валленштейна, так и злободневную политическую окраску споров о нем, которые велись в XIX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kampmann C.* Die Fridländer als Kontratfigur. Zur Sonderstellung Wallensteins in der protestantischer Historiographie des Alten Reich // Wallenstein-Bilder. Eine historische Symbolfigur in Geschichtsschreibung und Literatur vom 17. bis zum 20. Jahrhunderts. Köln, Weimer, Wien, 2011.
2. Waldstein oder Wallenstein oder Wallensteiner // Grosses vollständiges Universal-Lexicon Aller Wissenschaften und Künste. Bd. 52. Leipzig, 1747.
3. *Fischeri J. Chr.* Memoria divis manibus Chr. G. Buderici dicata. Jena, 1788.
4. *Buder C. G.* Geschichte des Dreißigjährigen Krieges und Westphälischen Friedens. Francfurt u. Leipzig, 1750.
5. *Schirach G. B.* Biographie der Deutschen. Halle, 1773.
6. *Bucquoi E. F.* Leben und Thaten des General Wallenstein aus den besten Quellen zusammengezogen. Bunzlau; Breslau, 1783.
7. *Herchenhan I. C.* Geschichte Albrechts von Wallenstein des Friedländers. Ein Bruchstück vom dreißigjährigen Krieg. Bd. 3. Altenburg, 1791. S. 170-290.
8. *Шиллер Ф.* Тридцатилетняя война / Пер. А. Горнфельд // Шиллер Ф. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 5. М., 1956.
9. *K. Mannigel.* Entstehung und Wandel des Wallensteinbilds Schillers in «Geschichte des Dreißigjährigen Kriegs» // Wallenstein-Bilder. Eine historische Symbolfigur in Geschichtsschreibung und Literatur vom 17. bis zum 20. Jahrhunderts. Köln; Weimer; Wien, 2011. S. 125-126.
10. *Шиллер Ф.* Валленштейн / Пер. А. Горнфельд // Шиллер Ф. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 6. М., 1956.

**РАЗВИТИЕ ИСТОРИОГРАФИИ РЕНЕССАНСА
В США В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ
УЧЕНОЙ ЭМИГРАЦИИ 1930-Х ГГ.**

По известному выражению Марка Блока, такие сложные, но общепотребительные теперь понятия как «феодализм», являются своего рода этикетками на ящиках, содержимое которых предстоит определить, и историк может пользоваться ими без малейших угрызений совести [1, С. 6]. Понятие «Ренессанс», возникнув однажды в историографии, точно так же получило широчайшее распространение и оформило собой историческое знание о соответствующей эпохе в истории Европы.

Концепция Ж. Мишле, по словам американского историка У. Фергюсона, явилась первой попыткой охарактеризовать Возрождение как отдельный исторический период в общей истории Европы [2, Р. 173]. Ренессанс рассматривается с тех пор не просто как пришествие нового искусства или взлет фантазии, и не только как возобновившееся изучение античности — это историческое понятие, это целая новая стадия человеческой истории Запада. Если грубо обобщить последующие варианты интерпретаций, то можно сказать, что концепции Ренессанса формировались сообразно двум основным «линиям»: первую можно отождествить с именем Я. Буркхардта (условно оптимистическая, светская, модернистская), вторую — с именами Г. Тоде или К. Бурдаха (условно пессимистическая, клерикальная, традиционалистская).

Данная работа затрагивает некоторые аспекты изучения истории и культуры европейского Возрождения в историографии США, которая развивается в особых условиях. С одной стороны, геогра-

фически и ментально США, так же, как и Россия, отстоят достаточно далеко от Европы, пережившей классический Ренессанс. С другой же, ученая среда в США в значительной степени эмигрантская: носители определенной практики, включаясь в академическую среду, непосредственно приносили в нее европейский научный опыт.

Медиевистика в США в качестве особой отрасли исторического знания формировалась достаточно поздно, первым «специалистом-медиевистом», по выражению Е. В. Гутновой, стал историк-эрудит Г. Ч. Ли, не получивший систематического университетского образования [3, С. 376]. И Г. Ч. Ли, и другие историки, такие как Ч. Гросс, создают классические работы по разным проблемам истории средневековой Европы. Так, в 1887–1888 гг. выходит знаменитый труд Г. Ч. Ли «История инквизиции в Средние века». Кроме социально-политической и экономической истории Средневековья, определенное развитие в американской медиевистике получает и историко-культурное направление. Здесь, в отличие от социальной истории и истории права, основным формирующим фактором оказывается европейский неоромантизм, идеология, сформулированная Дж. Рескиным и выраженная в творчестве представителей движения прерафаэлитов. Это работы Э. Нортон, Ч. Г. Мура, Г. Адамса. Последний, в частности, приходит к своеобразной идеализации Средневековья как эпохи с цельной, гармоничной, упорядоченной культурой [4, Р. 8]. В свою очередь Дж. Уолш представляет средневековую культуру в виде гармоничного сочетания веры, классической учености и светского просвещения; поколения Ренессанса были чрезмерно самоуверенны, а его подлинным отцом стал св. Франциск, «бедный маленький божий человек» [5, Р. 195]. В данном случае мы видим яркий пример «реабилитации» средневековой культуры и, одновременно, медиевизации Ренессанса. Исследователем, внесшим огромный вклад в развитие медиевистики США, стал Ч. Хаскинс. Ему, в частности, принадлежит известная работа «Ренессанс XII века» (1927), после выхода которой, по оценке Н. Кантора, в американской науке набирает силу принципиальная дискуссия на тему соотношения Средних веков и Возрождения [6, Р. 245].

Подобная тенденция на рубеже XIX–XX вв. параллельно возникает и в Европе, став своеобразной реакцией на упомянутую концепцию Я. Буркхардта. Эту тенденцию в историографии первой трети XX в. принято называть «бунтом медиевистов» [2, Р. 329]. В Европе его яркими представителями стали Э. Жильсон, в некоторой степени Э. Маль, Й. Хейзинга и другие. В США же ключевые позиции в изучении Средневековья и раннего Нового времени заняли Ч. Хаскинс и его ученики, весьма критически настроенные по отношению к «буркхардтовскому» варианту интерпретации Ренессанса и рассмотрению его в качестве самостоятельной историко-культурной эпохи.

В 1930–40-е гг. в США из охваченной войной Европы эмигрируют многие значительные ученые, в т. ч. исследователи Ренессанса. Это, например, П. О. Кристеллер, Г. Барон и Э. Панофский. Они продолжают плодотворную работу, оказавшись в новых условиях, в иной интеллектуальной среде. Европейские исследователи в силу своей специализации дали импульс к развитию сразу нескольких направлений. Э. Кассирер многое сделал для исследования философской мысли эпохи Возрождения, Э. Панофский оказал огромное влияние на развитие истории средневекового и ренессансного искусства.

Ученик П. О. Кристеллера П. Грендлер в этой связи даже утверждает, что европейские ученые, приехавшие в США в 1930-е гг., не оживили изучение Ренессанса в США, а фактически создали его, поскольку возродить было нечего [7, Р. 28]. Можно сказать, что для медиевистов, воспитанных в семинарах Ч. Хаскина, за самим понятием «Ренессанс» не скрывалось никакого позитивного и самостоятельного содержания, оно обозначало некую фикцию. Хотя П. Грендлер отчасти иронизирует, почему бы не выстроить схему, по которой именно европейские ученые фактически создали в США науку о Ренессансе, через новые научные общества, новые журналы и семинары в университетах, как бы привнесли Ренессанс в готовом виде?

В действительности, конечно, непосредственно проблемы истории Возрождения возникают в американской историографии задолго до ученой эмиграции 1930-х гг. Отдельные работы носят даже обобщающий характер, например, небольшая книжечка Ф. Скаффа (1891). Ф. Скафф, наиболее известный трудами по истории церкви, целиком посвящает одну из своих работ проблеме Возрождения. Автор осуществляет экскурс в историю Возрождения, затрагивая при этом основные полемические проблемы. Так, Ф. Скафф склонен считать гуманизм движением не сколько «продуктивным», сколько «репродуктивным» [8, Р. 11], и в целом раскрывает религиозную подоплеку ренессансной мысли и искусства. Проблема Возрождения, так или иначе, занимает американских исследователей; не являясь в основном самостоятельным предметом анализа, она постоянно находится в контексте истории религии, чаще культурной истории вообще.

Далее, обращение к Ренессансу происходит в интеллектуальной истории и истории науки, начиная с работы Дж.В. Дрепера (1862). Эта интеллектуальная история формируется под мощным влиянием идей позитивизма и прагматизма, предполагающего «позитивно-либеральный» подход к теме прогресса и человеческого разума. Значительный вклад в развитие интеллектуальной истории Средневековья и Возрождения внесли, например, Дж. Сартон, Л. Торндайк, и Дж. Рэндалл.

Дж. Рэндалл, историк науки, профессор Колумбийского университета, в 1926 г. публикует замечательную работу по развитию современного разума, продолжая традиционную для американской историографии проблематику. Сочинение охватывает развитие философии науки и научного мировоззрения от Средних веков, что само по себе характерно, до современного автору состояния. Началом, или самой предысторией современного мировоззрения, по Дж. Рэндаллу, оказывается пресловутый XII в., и одна из частей книги — «Возрождение в XII столетии» — посвящена восстановлению эллинской любви к мудрости на Западе. Автор рассуждает

о средневековой идеологии на примере «упорядоченных миров Фомы Аквинского и Данте» [9, Р. 31]. Можно отметить, что понятие «Ренессанс XII столетия» Дж. Рэндаллом используется раньше, хотя и в более узком смысле, нежели Ч. Хаскинсом, которому принадлежит уже упоминавшаяся эпохальная работа. Данный труд в советской историографии подвергся особенно сильной критике. Однако концепция Ч. Хаскинса не порывает с классическим итальянским Возрождением, она направлена против гипертрофированного «буркхардтовского» варианта интерпретации [10, Р. VI]. Ренессанс Ч. Хаскинса — это специфический средневековый ренессанс, возрождение античных элементов в рамках расцветающей культуры Высокого Средневековья, мало схожей с собственно Возрождением. Апология и «реабилитация» несомненна, но в оценке соотношения Средневековья и Возрождения, культурного перехода, Ч. Хаскинс, по оценке У. Фергюсона, был «рассудителен и благоразумен» [2, Р. 332].

Э. Моды, историк науки и логики (его работы посвящены Бурридану, Оккаму), и историк науки и алхимии Л. Торндайк, при некотором различии своих подходов, отразили общую тенденцию в изучении соотношения культурных эпох, выстраивание некоторой «равновесной» системы. Л. Торндайк уже в раннем труде по истории науки (1905) стремится противопоставить «конфликтному тезису» альтернативную точку зрения [11, Р. 22]. Исходный пункт в изучении средневековой науки для него — схоластика, и он проводит линию от Платона через Отцов церкви к поздним схоластам. Эта же схема повторяется и у Дж. Сартона, вдохновленного в своей работе фигурой Леонардо да Винчи, и у российских историков науки, таких как В. В. Лункевич или В. П. Гайденок. Религиозное сознание не есть исходный пункт в исследовании для Л. Торндайка, но без него не получится достоверное объяснение; при этом он стремится показать, что та же схоластика составляла далеко не всю интеллектуальную активность средневековых мыслителей.

Исследуется также и социально-экономическая история ренессансной эпохи. Такие авторы, как Э. П. Чейни или Ф. Шевилл, зна-

чительное внимание уделяют расширению торговли и последовательно изображают культуру Возрождения как продукт городского экономического и социального развития. В целом, это направление развивает, хотя и с несколько иных позиций, ряд «буркхардтовских» тезисов относительно сущности Ренессанса как переломной эпохи. Нельзя в этой связи не упомянуть и о небольшой, но важной работе У. Фергюсона о Ренессансе, выполненной во вполне «буркхардтовском» ключе [14].

Таким образом, в американской историографии второй половины XIX – первой трети XX вв., затрагивающей проблемы и средневековой истории, и собственно истории Возрождения, представлены различные тенденции и течения. Изначально это позитивизм и неоромантизм, который переходит в апологию средневековой культуры в духе «бунта медиевистов». Затем, в т. ч. под влиянием европейской эмиграции, формируются предпосылки для «взрыва» 1950–60-х гг.

Действительно, европейская эмиграция военной поры способствовала формированию *Renaissance studies* как отдельного научного и учебного направления со своими научными обществами (крупнейшее — Renaissance Society of America, с 1954 г.), программами, семинарами, конференциями и периодическими изданиями. Наука о Возрождении заняла достойное место в академической традиции американских университетов. Другое дело, что европейские «семена» упали в прекрасно подготовленную «почву».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок М. Феодалное общество / пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
2. Ferguson W. K. The Renaissance in historical Thought: Five Centuries of interpretation. Boston: Houghton Mifflin Co., 1948. 445 p.
3. Гутнова Е. В. Историография истории Средних веков: Учеб. для студентов, обучающихся по специальности «История». 2-изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1985. 479 с.

4. *Adams H.* Mont-Saint-Michel and Shartres. Boston, N. Y.: Houghton Mifflin Co., 1913. 402 p.
5. *Walsh J.* The Thirteenth: Greatest of Centuries. N. Y.: Fordham Univ. Press, 1907. 390 p.
6. *Cantor N.* Inventing the Middle Ages. N. Y.: Harper Perennial, 1991. 477 p.
7. *Grendler P.* The European Renaissance in American Life. Westport, Connecticut, London: Praeger Publishers, 2006. 341 p.
8. *Schaff Ph.* The Renaissance. The Revival of Learning and Art in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. N. Y.: G. P. Putnam, 1891. 144 p.
9. *Randall J.* The Making of the Modern Mind: A Survey of the Intellectual Background of the Present Age. N. Y.: Columbia Univ. press, 1976. 696 p.
10. *Haskins C. H.* The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1927. 437 p.
11. *Thorndike L.* The Place of Magic in the Intellectual History of Europe. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1905. 114 p.
12. *Ferguson W. K.* The Renaissance. N. Y.: Henry Holt and Company, 1940. 148 p.

МЕТОД НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ К. ЛЕФОРА: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ

Карл Маркс был великим мыслителем своего времени. На протяжении всего XIX в. идеи, источником которых была теория Маркса, непременно, оказывали влияние на развитие общественной мысли. С наступлением XX в. тенденция не изменилась: вокруг публикаций, исследований, открытий, произведенных в философских течениях марксистского толка, дискуссии разгорались одна за другой.

Ни один мыслитель, ни до, ни после него не был удостоен такой чести. В чем причина бесконечного возвращения к трудам Маркса? По нашему мнению, главной мыслью философа является мысль о том, что наш мир можно изменить, усовершенствовать. Именно надежда на лучшее будущее заставляет обращаться к наследию Маркса, ища пути для практической реализации мечты.

Однако современная западная традиция уже давно не стесняется обвинять Карла Маркса во всевозможных философских «грехах». Отчасти такое отношение можно объяснить тем, что марксизм — это последняя «из живых» метаисторий, которая все еще не теряет собственной актуальности.

Так французский политический философ Клод Лефор в одной из своих работ развенчал претензии Маркса на уникальность идеи об экономической собственности, как о главной силе, инициирующей развитие мира. По его мнению, первым мыслителем, рассуждающим в такой логике, был великий флорентинец Никколо Макиавелли. Сам Макиавелли, согласно устоявшейся традиции, считается поборником идеи обособленности политики, как сферы

самостоятельно регулирующей человеческие отношения. Для него государство, как локация политики, есть единственно верная форма сосуществования людей. Политика является автономным элементом, выключенным из системы этнических, культурных и экономических взаимосвязей. Опровержению последнего тезиса Клод Лефор посвящает очерк «Макиавелли: экономическое измерение политики» [1, С. 87]. Французский исследователь настаивает на более глубоком прочтении текстов флорентинца, исходя из которого, становится понятно, что «его труд несет в себе зародыш современной концепции экономики, так как он связывает образование классов и Власти с борьбой за присвоение благ» [2, С. 135]. Лефор считал главным достижением Макиавелли открытие внутренних, ни к чему не редуцируемых различий между социальными классами, группами, между управляющими и управляемыми. По идее флорентийского мыслителя, само понятие народ таит в себе внутренние противоречия: одной его частью является действительно «народ» — люди, далекие от власти, а другой — те, кто ей преисполнен [3, С. 62]. В основе такого противоречия — борьба за политическое господство, инициированная борьбой за собственность. Таким образом, получается замкнутый круг конфликта: общество никогда не будет примирено с самими собой, но именно это и высвобождает его политическую динамику. Лефор считает, что традиционное восприятие конфронтации, как разрушающей общество силы, в корне неверно. Он считает, что противоположность интересов неуничтожима, а «класс существует только благодаря конституирующей его недостаточности по отношению к другому классу... неизбежные поиски связей происходят через освоение опыта пустоты, которую неспособна восполнить никакая политика, через осмысление невозможности сведения государства к единству общества» [4, Р. 382], то есть, по мысли философа, существование классов вне этого конфликта невозможно. Более того, классовый антагонизм не может быть разрешен и в будущем, так как это привело бы к критическому уменьшению степени неоднородности социального пространства и отмиранию государства [3, С. 64].

Макиавелли первым обратил внимание на экономическую подоплеку политических событий, а значит, логичным будет назвать его предтечей Маркса. Но Клод Лефор использует другую формулу: Маркс как «анти-двойник Макиавелли» [4, Р. 384], что так же вполне оправдано. Мысль Маркса развивается как двойная последовательность: он верен своей диалектической методе и неукоснительно следует закону «отрицания отрицания». Развитие этой проблемы носит поступательно-повторительный характер: сначала Маркс, опираясь на либеральное экономическое представление об обществе, критикует политику как бесполезный элемент. Такое представление — точно отражает реальность буржуазного общества. А затем он философски критикует само буржуазное общество, а не представление о нем, разоблачая отчуждение, порождаемое посредничеством экономического интереса.

Таким образом, если рыночное общество оказывается преодолением общества политики, теоретиком которого является Макиавелли, то коммунистическое общество Маркса выступает уже как преодоление рыночного общества, основанного на буржуазном понятии интереса. И именно пролетариат должен обеспечить конечную гомогенность общества, тем самым положив ему конец, по мысли Лефора [1, С. 91].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лукоянов В. В.* «Политика и реальность»: Макиавелли в интерпретации Клода Лефора / Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли. Материалы XVII чтений памяти члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского. 7-8 апреля 2011 г. / Отв. Ред. А. В. Хазина. Н. Новгород: НГПУ, 2011. 284 с.
2. *Лефорт К.* Формы истории. Очерки политической антропологии / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2007.
3. *Федорова М. М.* «Обретение демократии» и онтологизация политического (К. Лефор) / Политико-философский ежегодник. Вып. I М.: ИФРАН, 2008. 199 с.
4. *Lefort C.* Le Travail à l'œuvre. Machiavel.

**ФЕНОМЕН СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА ЗАПАДНОГО
СРЕДНЕВЕКОВОГО КАПИТАЛИЗМА В КОНЦЕПЦИЯХ
К. МАРКСА, М. ВЕБЕРА И Ф. БРОДЕЛЯ**

На сегодняшний день историческая наука не испытывает недостатка в исследованиях, посвященных проблеме возникновения и распространения капитализма в Западной Европе. В России интерес к данной проблеме появился несколько позже — лишь во второй половине XX в., когда стали полностью доступны труды «классиков» капитализма: К. Маркса, В. Зомбарта, М. Вебера, Ф. Броделя, а также И. Валлерстайна, К. Поланьи и недавно ушедшего из жизни Д. Норта. Но проблема в том, что взгляды этих исследователей во многом не совпадают. Поэтому на примере трех, как нам кажется, наиболее выдающихся ученых в данной области, К. Маркса, М. Вебера и Ф. Броделя, чьи идеи сегодня наиболее популярны, мы предприняли попытку еще раз переосмыслить феномен капитализма и показать свое видение данной проблемы сквозь призму современности.

Говоря о марксистской интерпретации генезиса капитализма, неизбежно приходят на ум такие клише, как обмен, со временем ставший регулярным общественным процессом, прибавочная стоимость, превращающаяся в капитал при ее рациональном использовании, частный собственник и, как следствие, рабочий, но обязательно свободный. Идея Маркса здесь состоит в том, что две стороны — капиталист и пролетарий (рабочий) — должны встретиться на рынке, где пролетарий предлагает капиталисту свою рабочую силу в обмен на заработную плату. Очень важным условием при этом выступает мануфактурное, а затем и общественное разде-

ление труда, о котором веком ранее говорил выдающийся шотландский экономист А. Смит. Маркс особо подчеркивает, что, поскольку само по себе разделение труда было характерно для любого типа общественно-экономической формации, то именно мануфактурное разделение труда легло в основу создания капиталистического способа производства. Такое разделение труда, принципиально новый характер отношений между частным собственником и рабочим, стремление человека к накоплению богатств порождают так называемое первоначальное накопление капитала, которое Маркс обозначил, как исторический процесс отделения производителя от средств производства [1, С. 727]. Так, Маркс, находясь под влиянием идей Г. Гегеля и Л. Фейербаха, судя по всему, склонен видеть в капитализме естественно-исторические корни. Но значит ли все вышесказанное то, что Маркс отказывается выходить за рамки историко-экономического понимания проблемы возникновения и распространения капитализма? Отнюдь, нет. Скорее, наоборот. Маркс с точки зрения морали приписывает капитализму явно негативный характер. Главное обвинение, которое он предъявляет новому экономическому строю, заключается в том, что в основе последнего лежит экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя. Совершенно очевидно, что в разных странах это не может представлять собой единый процесс, поэтому в классической форме экспроприация совершается только в Англии как центре мировых торговых путей. В связи с этим Маркс выявляет сущность капитализма, как совершенно несправедливого общественного строя, способствующего пауперизации народных масс («кровавые законодательства» Тюдоров и Стюартов в Англии и подобные законы против бродяжничества во Франции). Поскольку проблеме капитализма, в особенности ее марксистской интерпретации, посвящено достаточно большое количество работ, то все выше перечисленное может показаться трюизмом. Поэтому нам бы хотелось увидеть в Марксе не столько экономиста (мы вовсе не склонны принижать его экономическую теорию), сколько историка. Выдаю-

щийся философ, В. М. Межуев, изучая труды К. Маркса, пришел к выводу, что главное в теории немецкого мыслителя — не процесс производства капитала, а конкретный способ производства людьми своего общественного бытия [2, С. 59]. Поэтому Маркс, по логике Межуева, выдвигает на первый план практику как основу человеческой деятельности. Отсюда возникает понятие практического материализма, что и отличает учение Маркса от гегелевского. Маркс вообще очень много думал о проблеме человеческого сознания и главное его открытие, которое способен заметить и выделить не каждый исследователь, по мнению Межуева, заключается в том, что люди изменяются по мере того, как изменяются их отношения друг с другом и друг к другу. Таким образом, нам кажется, что идеи немецкого исследователя не стоит вгонять в рамки экономического понимания проблемы генезиса капитализма. Для Маркса было свойственно уделять внимание деятельности отдельно взятого человека, который являлся частью общественных отношений и помогал эти отношения выстраивать, тем самым формируя прежде всего самого себя. На наш взгляд, В. М. Межуев справедливо отмечал, что история в понимании Маркса, даже находясь вне рамок капиталистического общества, это, прежде всего, история людей, культуры. И в этом отношении так ли уж важно, о какой формации идет речь? Между тем Маркс действительно считал, что капитализм с его антинародной сущностью не вечен, и на его место неизбежно придет коммунизм, но коммунизм не как высшая ступень общества, а как такой же общественно-экономический строй со своими достоинствами и изъянами. Но здесь мы уже сталкиваемся с другой проблемой — проблемой неправильного, подчас интерпретированного советской литературой, понимания учения Маркса. Однако, это уже другая тема, которой В. М. Межуев посвятил свою работу, дав ей незамысловатое, но очень говорящее название — «Маркс против марксизма».

Макс Вебер, выдающийся социолог XX в., будучи последователем идей неокантианцев баденской школы (Г. Риккерта, в первую

очередь), рассуждает о проблеме генезиса капитализма несколько с иных позиций, нежели К. Маркс. И. Кант привлек Вебера своей добросовестностью и честностью в научных исследованиях, а такие мыслители, как Н. Макиавелли, Т. Гоббс и Ф. Ницше дали толчок веберовскому политическому реализму [3, С. 28-29]. Пожалуй, именно этим можно объяснить ту раздвоенность мировоззрения М. Вебера, о которой часто говорят исследователи, изучая труды немецкого социолога. Сегодня многие полагают, что Вебер выдвинул свою теорию в начале XX в. намеренно против Маркса, но это не совсем так. На наш взгляд, такая формулировка требует дополнительных разъяснений. Никто иной, как К. Маркс, открывший горизонт социально-политической мысли XX в., повлиял на М. Вебера и вызвал у него интерес к проблеме возникновения и распространения капитализма [3, С. 32]. То, что Вебер впоследствии не соглашался с материалистическим подходом к проблеме капитализма, отнюдь не означает, что он был антагонистически настроен в отношении самого Маркса (своего предшественника Вебер даже сравнивал с Ф. Ницше). Однако, назвать Вебера последователем Маркса мы, конечно, не можем. Необходимо отметить, что Вебер, в отличие от Маркса, в своих работах уже имел дело с самим понятием «капитализма», которое было введено в широкое распространение в 1902 г. В. Зомбартом в работе «*Der Moderne Kapitalismus*». Для Вебера было характерно рассматривать развитие капитализма с точки зрения эволюции западной цивилизации, причем еще с античных времен. И здесь немецкий социолог принципиально не соглашался с материалистическим и формационным подходами Маркса, поскольку, как считал сам Вебер, по такой марксовской логике капитализм западного толка мог возникнуть и на Востоке, чего не произошло, зато там сложились свои капиталистические черты, отличные от европейских. Между тем Вебер выдвигает свою экономическую теорию, введя понятие рационального ведения хозяйства или, как бы мы сейчас сказали, экономической рентабельности. Так, Вебер полагал, что как таковой капитализм существовал всегда, даже в древ-

ние века, но капитализм в нашем современном понимании — явление позднего Средневековья. Целый ряд факторов — появление механизированной техники, вольного рынка, твердо установленное законодательство, свободный труд, коммерческая организация хозяйства, проводимая государством политика меркантилизма, городское гражданство и др. — способствовал генезису современного капитализма в Западной Европе. Такое рациональное ведение хозяйства обусловило выработку соответствующей хозяйственной этики. Именно в культурном начале Вебер увидел корни зарождения и распространения капитализма, именно Реформация дала мощный толчок новому общественно-экономическому строю, и именно протестантизм способен был разорвать прежние связи Западной Европы с феодализмом. Главным недостатком католицизма, как считал Вебер, был традиционализм, выраженный в мирском аскетизме. Новое вероисповедание, напротив, было направлено на конкретного человека, для которого труд являлся не препятствием к праведной жизни, а неотъемлемым атрибутом и символом его веры в Бога. Так, Вебер в своей «Протестантской этике» развивает лютеровскую концепцию призвания (*Beruf*), согласно которой каждый человек должен оставаться в том призвании, которое было дано ему Богом и направлять свою мирскую деятельность таким образом, чтобы всегда соответствовать своему предназначению. Догматы кальвинизма, отличающиеся от лютеранства своей верой в предопределение, тоже были направлены на осуществление профессиональной деятельности. Как и учение Ричарда Бакстера, известного пуританского богослова, считавшего самым страшным грехом бесполезную трату времени и для которого труд, как писал Вебер, являлся аскетическим средством. Однако, следует оговориться, что для Вебера важен не труд сам по себе, а рациональная деятельность в рамках своей профессии. Не последнюю роль играет и разделение труда, но если Маркс больше ссылался в этом вопросе на Адама Смита, то Вебер, скорее, на Фому Аквинского, считавшего деление общества по профессии следствием божественного плана мирского

устройства. Между тем Вебер не мог не понимать, что капитализм не может быть следствием Реформации хотя бы потому, что процесс генезиса капитализма в Западной Европе начал протекать значительно раньше. И он это признавал. Трудно сказать наверняка, какое из этих двух явлений в большей степени оказало влияние на другое. Скорее всего, именно развитие капитализма универсализировало протестантскую жизненную установку и, прежде всего, ее рационализм [3, С. 116]. Тем не менее, нам кажется интересным тот факт, что католические Испания и Португалия, будучи первыми странами, проводившими европейскую колониальную экспансию с конца XV в., несмотря на имеющийся потенциал, после Реформации оказались вытесненными более сильными Великобританией и Нидерландами. На этом примере наглядно видна теория М. Вебера, считавшего католицизм религией, неприемлемой для установления и успешного развития капитализма, в отличие от протестантизма, наоборот, этому способствующему. Хотя, некоторые посчитают правильным отнести это, скорее, к случайности, чем к закономерности.

Ф. Бродель, французский историк XX в., представитель школы «Анналов» и последователь идей своих соотечественников — М. Блока и Л. Февра — рассматривал возникновение капитализма как результат социально-экономических изменений. Так, Бродель подходит к данной проблеме не с позиции социолога религий, коим являлся М. Вебер, не с точки зрения философии, что было характерно для Маркса, а как историк, для которого важно как можно более полно воссоздать ход мировых событий. Он, как и Вебер, видел корни капитализма еще в античности, но подчеркивал, что сами по себе деньги и товары, существовавшие задолго до становления современного капитализма, не могут являться капиталом. В Марксе, кстати, Бродель видел мыслителя с острым историческим чутьем, однако, работая над своим главным трехтомным трудом «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» спустя век после выхода марксовского «Капитала», он считал теорию своего предше-

ственника уже устаревшей. Прежде всего, Бродель различает два, на первый взгляд, идентичных понятия: рыночная экономика и капитализм. Поскольку рыночная экономика подразделяется на два уровня — повседневный рыночный обмен, или обмен на небольшие расстояния, и обмен неэквивалентный (т. е. стремящийся к господству), то сфера капитализма относится только к последнему типу, как усложненному механизму взаимоотношений между производителем и потребителем продукции. Помимо всего прочего, Бродель вводит такое понятие, как мир-экономика (*Weltwirtschaft*), но это не экономика мира в целом (ее мы называем мировой экономикой), а конкретная экономическая столица, которая становится вершиной развития всего мирового капитализма и, как следствие, его центром, а все остальное — периферии. По логике Броделя в основе нормального функционирования такой сложной системы лежит постоянная зависимость центра и периферии друг от друга, поэтому вполне естественным и закономерным процессом является частая смена центров, вызванная общими кризисами экономики. Так, с конца XIV в. во всем мире начинает господствовать Венеция, затем в середине XVI в. центр перемещается в Антверпен, оттуда в Геную, а с XVII в. в Амстердам, Англию и т. д. [4, С. 90]. Таким образом, Бродель, в отличие от своих немецких предшественников, видит в качестве предпосылок капитализма не разграничение внешних и внутренних факторов, а их совокупность, неразрывность. По этому поводу французский историк писал, что «капитализм — это вечерний час, который приходит, когда все уже готово» [4, С. 80].

Таким образом, проблема генезиса капитализма в интерпретации ведущих западных исследователей предстает перед нами одновременно с разных позиций. К. Маркс, как первый исследователь капитализма, своей политической экономией дал мощнейший толчок к изучению капиталистического устройства и способствовал развитию собственного видения данной проблемы у своих более поздних оппонентов. Капитализм представлялся Марксу как необходимый этап развития всего общества. Ему было свойственно

рассматривать капитализм сквозь призму онтологии, где человек, преобразовывая природу, одновременно преобразовывает и свое существование. Но как тогда быть с таким противоречием Маркса, как фактически отказ немецкого исследователя новому общественно-экономическому строю в вечной, или, по крайней мере, долгой жизни? Скорее всего, Маркс признавал необходимость капитализма, но только как переходного этапа, который, с победой пролетариата, непременно должен себя изжить. М. Вебер, напротив, ни разу не высказался за уничтожение капиталистической системы хозяйства, поскольку ни в самом капитализме, ни в тяготении человека к наживе не видел ничего плохого. В феодальной средневековой Европе Вебер видел пример иррационального ведения хозяйства, и главным виновником этого был не столько человек, не желавший улучшить свое положение, сколько постоянно сковывающий его католицизм. Поэтому Реформация в XVI в. породила новую этику, способную взглянуть на жизнь с качественно иных позиций — с позиций современного мира, нуждающегося в переустройстве. Так, протестантизм способствовал экономическому развитию Западной Европе и, прежде всего, рационализму. Теория «духа капитализма» Вебера в свое время совершила колоссальный переворот в сознании человечества, поскольку явилась первой работой, принципиально отличающейся от марксистского подхода. Но полностью низвергнуть теорию Маркса Вебер, конечно, не смог. Как не смог и никто другой. Вебер сам был протестантом, и этот факт, безусловно, сыграл решающую роль в написании «Протестантской этики». Однако главной проблемой нам видится то, что при этом он не смог выйти за рамки своего «протестантского» мышления. Наверное, именно поэтому на сегодняшний день очень распространена точка зрения о том, что Вебер со своей теорией так и остался в XX в. Чего не скажешь о Ф. Броделе, который небезуспешно попытался учесть будущие перспективы. Перед ним вообще стояла достаточная непростая задача: с одной стороны, он писал свою работу значительно позже своих предшественников, поэтому мог в чем-то на них опе-

реться. С другой стороны, Броделю нужно было выдвинуть нечто качественно новое, то, что смогло бы дать почву для переосмысления хода всей мировой истории. И ему во многом это удалось. Во всяком случае, теория Броделя и сегодня выглядит вполне современной. Хотя, это и логично. Бродель попытался рассмотреть всю историю мировой экономики, выделяя ее основные этапы: повседневность, рыночная экономика (обмен) и капитализм. Несмотря на то, что веберовскую теорию о ведущей роли протестантизма в развитии капитализма Бродель называл ошибочной, он все же признавал, что «подлинная судьба капитализма в действительности была разыграна в сфере социальных иерархий» [4, С. 71]. Таким образом, Бродель полагал, что именно давно зреющая буржуазия сломила старый феодальный строй и привела к возникновению нового - капиталистического.

Безусловно, все три исследователя, рассматривая проблему возникновения и распространения капитализма, предоставили почву для размышления будущим исследователям. Несмотря на столь различные взгляды на проблему генезиса капитализма, К. Маркс, М. Вебер и Ф. Бродель единогласно признают, что, во-первых, современный капитализм — явление исключительно западное, во-вторых, капитализм является вершиной человеческого развития и, в-третьих, в основе капиталистического строя лежат, может быть, не столько экономические, сколько социальные корни. Однако, мы не нашли у трех «классиков» ответа на главный вопрос, к которому ближе всех оказался, тем не менее, Маркс: генезис капитализма это все же неизбежная закономерность или эволюция социума? И здесь еще есть над чем подумать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Процесс производства капитала. Т. 1. Кн. 1. М.: Политиздат, 1988. 891 с.
2. *Межуев В. М.* Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему М.: Культурная революция, 2007. 176 с.

3. *Гайденко П. П.* История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. М.: Политиздат, 1991. 367 с.
4. *Бродель Ф.* Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. 124 с.
5. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. М., 1986-1991.
6. *Вебер М.* История хозяйства. Город / под ред. И. Гревса. М.: Канон-пресс-Ц., 2011. 576 с.
7. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 347 с.
8. *Schefold B.* Marx, Sombart, Weber and the debate about the genesis of modern capitalism // Journal of instit. studies. 2014. Т. 6, №2. P. 10-26.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИЗДАНИЯ «HISTORICAL COLLECTIONS» ДЖОНА РАШУОТА

Исследования в области политической истории Английской революции, а в данном случае, обстоятельств фиксации и изданий парламентских дебатов, чрезвычайно актуальны для современной отечественной науки. В первую очередь по той причине, что изучению документов, содержащих материалы заседаний английских предреволюционных сессий, не посвящено специального комплексного исследования, имеются лишь фрагментарные публикации, содержащие анализ ракурсов, лишь опосредованно связанных с избранной тематикой. Отсутствуют именно комплексные исследования обстоятельств издания определенных источников, тогда как чрезвычайно важно отследить данный аспект. Необходимо указать, что публикации англоязычные по близкой тематик существуют. Ключевым автором, опубликовавшим ряд работ о Джоне Вильдмане, можно назвать Мориса Эшли (Maurice Ashley) [1]. Автор анализировал события в Англии середины XVII в. и их политическую составляющую. Также значительный вклад внес Рональд Ригсби (Ronald Rigsby) [2], исследователь, защитивший диссертацию в Калифорнии по теме: «Джон Вильдман и левеллеры 1647–1650 гг.». Значительный вклад в разработку проблемы авторства описываемых коллекций внес Даниель Жермен (Daniel German) [3, Р. 112–113]. В его трудах можно найти как анализ событий середины века, так и биографические нюансы относительно героев данной статьи. Тем не менее, следует отметить тот факт, что Даниель Жермен абсолютно не обращает внимания на образный ряд гравюры первого издания «Исторических коллекций» и не обращается к текстам

авторских предисловий, делая выводы преимущественно из биографических данных мистера Рашуота и Джона Вильдмана. Говоря об отечественной историографии, необходимо отметить существующую лагуну в данном вопросе.

Целью данного исследования является определение круга изданий и обстоятельств, оказавших влияние на отбор материалов для печати. Объектом стоит считать документы мистера Рашуота, предметом — обстоятельства издания, проблему авторства. Хронологические границы обусловлены годами изданий — 1659–1721 гг.

Автор упоминаемых «документов» или «коллекций» — Джон Рашуот. Клерк, затем член Палаты Общин, личный секретарь Оливера Кромвеля, депутат при Ричарде Кромвеле, юрисконсульт казначейства при Карле II и вновь член парламента уже в преклонные годы. Учитывая то обстоятельство, что мистер Рашуот принимал личное участие в сражениях гражданской войны, уместно говорить о высоком уровне значимости данных документов. Точная дата рождения Джона Рашуота неизвестна, предположительно это 1612 г., скончался же автор описываемых коллекций в 1690 г., до публикации половины его объемных трудов. Необходимо отметить общность взглядов Джона Рашуота и Оливера Кромвеля, главным образом пересекавшихся в отношении необходимости полной реформации Церкви. Убеденный сторонник парламентской оппозиции своими трудами мистер Рашуот снискал одобрение даже Томаса Джефферсона, который часто цитировал «Historical collections» и хранил один из экземпляров данного труда на почетном месте в личной библиотеке. В конце 1650-х гг. мистер Рашуот передал свою коллекцию в новую библиотеку в Оксфорде, подарив этот огромный труд нации.

Однако лишь первые два издания были осуществлены при жизни автора. Так лишь говоря об описании дебатов с 1617 по 1638 гг. можно говорить об авторской трактовке и подаче в стиле мистера Рашуота. Последующие издания, освещавшие подробно дебаты «Долгого Парламента» и заканчивающиеся 1660-м г. гото-

вились уже без участия автора. Здесь необходимо отметить, что Суд Королевской Скамьи (Kings Bench) приговорил к заключению автора рассматриваемого нами издания. Факт легко объяснимый, после реставрации монархии и прихода к власти Карла II Стюарта все, кто имел отношение к смерти его отца, подвергались тем или иным репрессиям. Так мистер Рашуот провел последние годы своей жизни без возможности влияния на процесс отбора и публикации доброй половины собранных им материалов.

Именно в тот момент редакцией издания «Исторических коллекций» занялся республиканец, произведенный в рыцари новым королем и человек, которому одинаково были не симпатичны все, кто пытался установить суверенную в той или иной мере власть над Англией (как Карл I, так и Оливер Кромвель и другие лидеры). Не сложно догадаться о причинах столь явного отличия в подаче материала в первых двух изданиях и двух последующих, в целом составляющих около 7 томов. Редактор, Джон Вильдман (John Wildman), мог смело заняться отбором источников из предоставленного ему материала, т. к. во время подготовки к изданию третьей части автор уже был в тюрьме, к моменту же издания третьей и подготовки четвертой частей автора коллекций уже не было в живых. Кем же был Джон Вильдман? О нем говорится и как о заговорщике (plotter) и как о начальнике почтовой службы (postmaster) [1], и как о единомышленнике Джона Лильберна [4]. Упоминается определенная связь мистера Вильдмана с левеллерами [2]. Исследователь же Даниэль Жермен подтверждает его службу на почте и конкретизирует — с 12 апреля 1689 по февраль 1691 г. Вильдман служил Генеральным почтмейстером Англии. И как раз с конца 1691 г. вплоть до своей смерти 2 июня 1693 г. Джону Вильдману были доступны «Исторические коллекции». В тот момент он стал их редактором. Даниэль Жермен отмечает, что именно благодаря беспрецедентному таланту заговорщика упоминаемый мистер Вильдман был вовлечен по многие интриги времен гражданской войны, периода междоусарствия (когда Англия не была руководима монархом).

Убежденный республиканец, он выступал против Карла I, Кромвеля, как Карла II, так и Якова II, по той причине, что каждый из них пытался утвердить единоличную власть в Англии. Опытный писатель, он стал отличной заменой мистеру Раушуту. Известно, что в 1692 г. Вильдман стал заместителем лейтенанта в графстве Мидлсекс (Middlesex). Возможно, он занялся подготовкой к печати материалов Раушута еще и с той целью, чтобы восстановить утерянное к нему доверие после увольнения в 1691 г. Джон Вильдман внес свое видение Революции 1688 г. Третья часть выглядит нарочито нейтрально, тогда как общий дух «Исторических коллекций» выражает предубеждение против самодержавия Стюартов [3, Р. 112-113]. Сама нейтральность документов третьего тома может быть следствием отбора материалов. Так Вильдман мог изменить не только документы, созданные для короля, но и те тексты, которые составлялись с учетом мнений парламентской оппозиции.

Итак, Даниель Жермен (Daniel German) [3, Р. 109-114] отмечает в своей статье, посвященной проблемам источниковедения в отношении рассматриваемой коллекции, что на сегодняшний день следует принимать во внимание влияние редактора республиканца на подачу материалов, предоставленных парламентарием. Тем не менее, для первого издания, в рамках которого освещались предреволюционные сессии, еще можно видеть позицию самого автора. Первая часть документов увидела свет в 1659 г., отредактированная Томасом Ньюкомбом (Thomas Newcomb) для Георга Томасона (George Thomason) и перепечатана в другом издании в 1682 г. для Роберта Бултера (Robert Boulter). Вторая часть была отпечатана впервые в 1680 г. для Джона Райта (John Wright) и Ричарда Чисвелла (Richard Chiswell). Через два года после смерти автора, соответственно, в 1692 г., вышла в свет третья часть, отпечатанная для Ричарда Чисвелла и Томаса Кокерилла (Richard Chiswell and Thomas Cockerill), и только в 1701 г. была издана четвертая часть, также для Ричарда Чисвелла и Томаса Кокерилла. Общее переиздание коллекции датируется 1703–1708, а иногда даже 1721 годами (видимо, име-

ются в виду разные типографии). На сегодняшний день доступно издание начала XVIII в., отдельные тома которого имеют датировку от 1703 до 1721 гг. [5]. Действительно, в первом томе можно видеть авторское предисловие, гравюру, в которой явно просматривается пропарламентская символика, тогда как ничего подобного нет в последующих томах. Рассматривая образный ряд гравюры можно обратить внимание на целый ряд любопытных сочетаний. В центре изображения располагается женская фигура, с приспущенной тогой, при этом обнажается часть груди. В руке у нее — древко, на вершине которого не что иное, как фригийский колпак. Весьма интересно сходство известной картины Делакруа «Свобода, ведущая народ» с данной гравюрой времен гражданской войны и Революции. Фигуру защищают три мужских фигуры в форме античных воинов и одновременно покушаются на нее две. В фигурах, выражающих агрессию, легко распознать противников «свободы», традиционных «привилегий» «вольностей» англичан. Именно над челом одного из «агрессоров» располагается изображение антропоморфного дракона — андрогина, схожее с изображениями средневековых «антипап». А в авторском предисловии к первому тому звучит критика взаимоотношений короля Якова I и Папы Римского [6, P. iv]. Так можно прийти к выводу, что агрессия в отношении свободы исходила со стороны правящей шотландской династии и Папы Римского.

Очевидно для публикаций второй части коллекции влияние редактора, Джона Вильдмана, как соавтора описываемых коллекций. Здесь мы уже не найдем столь тенденциозных предисловий и гравюр. Таким образом, можно заключить, что реконструкция описываемых событий, нашедших отражение в документах мистера Рапуота, представляет собой процесс достаточно сложный. Необходимо учитывать все обстоятельства выхода в свет имеющихся источников для реконструкции картины, которая сможет нам отобразить наиболее точно и детально происходившее в тот беспокойный XVII в. Здесь важны как данные визуальные, так и скупые, но достаточно информативные пассажи предисловий, и, разумеется, внешние обстоятельства, сопутствовавшие печатным изданиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ashley M.* John Wildman, Plotter and Postmaster: A Study of the English Republican Movement in the Seventeenth Century: A Study Of The English Republican Movement In The Seventeenth Century (Large Print Edition) / M. Ashley; Kessinger Legacy Reprints. 2011. 328 p.
2. *Rigsby R.* John Wildman and the Levellers, 1647–1650. California State University, 1994. 203 p.
3. *German D.* John Wildman and Rushworth's Historical Collections: An Editor Identified? *Fontanus*, 3. 1990. P. 109-114. URL: <http://fontanus.mcgill.ca/article/viewFile/35/36> (последнее обращение: 30.12.2015).
4. *Masterson G.* The triumph stain'd. Being an answer to Truths triumph, i.e. a pamphlet so called, and lately set forth by Mr. John Wildman, a pretended gentleman of the life-guard to his Excellency Sir Tho: Fairfax. With a full and perfect account of an information of dangerous and bloody consequence, given in to the House of Lords (at their bar) January the 18. 1647. against Lieut. Col. Iohn Lilburn and John Wildman. London: printed by John Field, 1647–1648.
5. *Historical Collections* / Ed. by Rushworth. fol. I-VII, 1703–1721. [Electronic resource] / Rushworth — Access mode: <http://books.google.ru/> (последнее обращение: 30.12.2015).
6. *Historical Collections. Abridg'd and Improv'd* / Ed. by Rushworth. fol. I, 1703. [Electronic resource] / Rushworth — Access mode: <https://books.google.ru/> (последнее обращение: 30.12.2015).

ИЗУЧЕНИЕ «ИСТОРИИ МУЖЧИН» В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ

Сформировавшаяся в рамках междисциплинарных гендерных исследований гендерная история на рубеже 1990–2000-х гг. пережила бум своего развития; и даже на настоящий момент, на фоне некоторого спада популярности, эта дисциплина остается одной из заметных областей исторического знания. Внимание последователей гендерного направления сконцентрировано в первую очередь на изучении женщин; однако сама теоретическая основа, предполагающая анализ взаимоотношений полов, способствовала появлению «Men's Studies» и, в частности, «истории мужчин» или «мужской истории». В «истории мужчин» в основном преобладают работы по XIX–XX вв.; однако имеются свои достижения и в области изучения западноевропейского Средневековья и начального этапа раннего Нового времени (XVI – первая половина XVII вв.).

Серьезное влияние на исторические «мужские» исследования оказали значительно их опережающие в своем развитии соответствующие области гендерной социологии и психологии; причем лидирующую роль в данной области играют англоязычные авторы. Многие историки опираются на теоретические положения Д. Гилмора, Р. Коннел, М. Киммела, некоторых других. Собственно исторические исследования также наиболее успешно развиваются в англоязычных странах, и в первую очередь, в Северной Америке; к созданным здесь наработкам в качестве научного ориентира обращаются ученые других регионов. В полной мере это относится и к изучению европейских Средних веков.

В то же время рассматриваемая исследовательская область успешно развивается и в рамках других национальных истори-

ографических школ. В частности, в Германии на протяжении 1990–2000-х гг. вышел целый ряд коллективных сборников, статей и монографий отдельных ученых по Средневековью и раннему Новому времени; доклады по данному периоду были представлены на конференциях, проводимых междисциплинарной Рабочей группой мужских и гендерных исследований (г. Штутгарт-Хоенхайм). Цель статьи — охарактеризовать исследования «мужской истории» в немецкой медиевистике, обозначив круг теоретических подходов и конкретно-исторических сюжетов и тем. В отечественной науке рефлексия относительно ситуации в рассматриваемой научной области была предпринята только частично и преимущественно на материале англоязычной литературы (см., напр.: [1, С. 28–31, 40]).

В 1992 г. в сборнике «Женская и гендерная история» (совместное издание Франкфурт-на-Майне/Нью-Йорк) была опубликована статья К. Опитц «Материнство и отцовство в XIV–XV вв.» [2], затронувшая одну из самых популярных тем «мужской истории». Рассматривая институт отцовства в бюргерской среде позднего Средневековья, Опитц выявляет его специфику по отношению к материнству, а также особенности в сравнении с периодом XVIII–XIX вв. Как показывает исследовательница, в XIV–XV вв. отцовская функция обсуждалась в ученых дискуссиях — в теологии, праве, дидактической литературе. В рамках брака и семьи мужчина рассматривался в качестве хозяина и господина (над женщинами и детьми); отцовство выступало источником его авторитета, играя большую роль для гендерной идентичности мужчины в целом.

В круг обязанностей отца входила защита своего потомства (зачастую понимаемая специфически: например, в ситуации тяжелой болезни ребенка он мог отправиться в религиозное паломничество). Растущее значение получали образование и профессиональная подготовка детей, прежде всего сыновей — в ремесле и в торговле. Акцентировалась идея «кровного союза» и возникающих на его основе особенных отношений между отцами и их потомками; в частности, такие представления были связаны с передачей земельного наследства («патримониума»). Другим примером являлась

нередко встречавшаяся забота мужчин о своих внебрачных детях (хотя позднесредневековое общество и осуждало рожденных вне брака, значительно ущемляя их в правах).

В 1996 г. во Франкфурте-на-Майне вышла в свет коллективная монография «Что есть женщины? Что есть мужчины? Гендерное конструирование в историческом изменении», в которой была опубликована статья Х. Вундер «Каково было быть мужчиной? Результаты исследований начального периода Нового времени (XV–XVII вв.)» [3]. Исследовательница поместила в центр внимания вопрос об источниках, которые, по ее мнению, могут предоставить информацию по «истории мужчин» указанного периода. Одна из выделенных ею групп — мужские автобиографии или тексты биографического плана, принадлежащие кому-то из окружения — отцу, матери, брату, сестре. Другая группа — нормативные тексты, которые обозначали желательное и реагировали на нежелательное поведение мужчины: уставы гимназий, коллегий и университетов, цехов и питейных компаний; а также полицейские «порядки», уголовные документы, медицинская литература.

Х. Вундер пишет о необходимости не только расширения круга источников, но и новых способов их прочтения. В частности, она характеризует особенности отношения к мужественности, вырисовывающиеся на основании описания предметов одежды. Так, по ее мнению, социальные возможности и власть представителей «сильного пола» в рассматриваемую эпоху символизировали мужские штаны. На базе автобиографического материала исследовательница выявляет, что переодевание молодого человека из рубашки в брюки считалось признаком обретения статуса, своего рода «инициацией»; а их ношение являлось чрезвычайно важным для мужского бытия в целом.

В 1998 г. в Геттингене был опубликован сборник под редакцией М. Дингеса «Домохозяева, священники, кастраты: конструкция мужественности в позднее Средневековье и раннее Новое время», куда вошла постановочная статья этого ученого «Гендерная исто-

рия — с мужчинами!» [4]. Автор пишет о необходимости эмансипации «истории мужчин» в качестве направления, специализирующегося на реконструкции исторических форм мужественности. Историк полагает, что нужно отказаться от представлений о существовании неизменной модели мужественности, стремясь к учету при анализе различных форм мужского поведения исторического контекста и целого ряда социальных параметров (сословие, экономическое положение, возраст).

М. Дингес отмечает большое значение для жизненного пути мужчины в обозначенную в заглавии сборника эпоху религиозных практик; двойственное влияние на «сильный пол» системы патриархата (не только служившей легитимизации мужского господства, но и способствовавшей дифференцированию мужских ролей и социальных позиций); обращает внимание на специфику отношения к алкоголю и «ритуалов оскорбления», выделяет характерные для Средневековья формы жизни мужчин — отцы семейств, священники и пр.

В опубликованной в этой же коллективной монографии статье Х. Талькенбергер «Конструкция мужских ролей в вюртембергских похоронных проповедях XVI–XVIII вв.» [5] на основе отдельного вида источников автор рассматривает мужские ценности и восприятие мужественности аристократией, выявляя их особенности в сравнении как в социальном (бюргерство), так и в гендерном (женщины) плане; анализирует противоречивый характер предписываемых качеств — сочетание традиционных ценностей военного сословия с религиозностью и благочестием, целомудрием и послушанием; показывает динамику положения мужчин из среды элиты на протяжении трех веков раннего Нового времени.

В 2000-м г. в сборнике «Гендерные различия: тексты, теории, позиции» (Вюрцбург) вышла статья Х. Вундер «Размышления о конструировании мужественности и мужского. Идентичность в автобиографиях раннего Нового времени: Ганс фон Швайнихен (1552–1616) в его “Мемуаре”». [6] Опираясь на идеализированную

модель мужской идентичности, представленную в знаменитом «Трактате о придворном» Б. Кастильоне, исследовательница проанализировала автобиографическое жизнеописание одного из представителей немецкого низшего дворянства, сравнив популярное в XVI в. дидактическое сочинение и текст, принадлежащий к разряду эгодокументов.

Х. Вундер подробно изучила описываемые автором «Мемуара» жизненные фазы — начиная с детских лет, отношений с родителями, образования и первых этапов придворной карьеры, и заканчивая зрелыми годами, связанными с ролями мужа и домохозяина. Осветив и дав оценку взаимоотношениям с отцом и господином, службе при дворе и интеграции в местное дворянское общество, отношениям с женщинами и женитьбе; знакомству и отказу от традиционных мужских пороков (пьянства и разгула), ряду других сюжетов, исследовательница пришла к выводу, что ее герой не был в чистом виде тем «придворным», которого изобразил Б. Кастильоне.

В 2002 г. в совместном англо-немецком сборнике «Гендер в истории Германии раннего Нового времени» (Кембридж) была опубликована статья Х. Вундер «Что делает мужчину мужчиной? Шестнадцатое и семнадцатое столетие» [7], в которой автор снова обратилась к материалу биографического и автобиографического плана, воссоздав на его основе процесс социализации мужчины в детские и зрелые годы, обозначив роль отца и ровесников, а также основополагающее значение брака и освоения функций домохозяина.

В этом же сборнике помещена статья немецкой исследовательницы Е. Лабуви «Мужчины в испытаниях колдовства: к социальной антропологии “мужских” соглашений волшебства и колдовства» [8], автор которой рассматривает особенности участия мужчин в характерных для народной культуры магических практиках, проводит анализ его форм и социальных оснований.

На примере деревенского сообщества конца XVI – первой трети XVII в. ученая показала гендерную специфику «ведовских» процессов. Участие в них мужчин было двойственным. С одной

стороны, окружение обязывало их выполнять магические ритуалы, с другой — преследовать и наказывать; именно представители мужского пола реализовали деятельность машины правосудия. Исследовательница пришла к выводу, что жертвами преследований становились мужчины, так или иначе нарушавшие предписываемые им гендерные роли и образцы поведения. В социальном плане, в отличие от женщин, в число жертв нередко попадали весьма богатые и влиятельные люди. Своя специфика вырисовывается и в представлениях о содержании женского и мужского колдовства¹.

Наконец, в изданной в 2003 г. монографии В. Шмале «История мужественности в Европе в 1450–2000 гг.» (Вена) вводный раздел называется «Новый Адам — возрождающийся мужчина — новый мужчина» [10]. Опираясь на теоретические положения гендерной социологии, историк пишет о присущих разным эпохам идеальных типах мужественности, ее гегемонной и альтернативных формах. Он ставит вопрос о влиянии на мужскую гендерную идентичность социальных трансформаций; о модификации, «вековых» ритмах ее развития.

В рамках Средних веков и начала раннего Нового времени Шмале выделяет отдельные субкультуры и присущие им концепты мужественности, обращаясь, например, к итальянскому и средне-европейскому Возрождению, французскому и английскому придворным обществам. Историк указывает на необходимость изучать «христианскую антропологию» полов, формы мужской социальности (такие например, как супружество или дружба), гендерную

---

¹ Имеющие давнюю традицию исследования ведовских процессов далеко не всегда изучаются в русле подходов гендерной и уж тем более «мужской» истории. Так, в вышедшей в 2008 г. монографии А. Гудра «Ведьма, колдун и мужские фантазии. Библейские мотивы в учении о ведовстве с акцентом на пол и сексуальность» (Саарбрюккен), несмотря на наличие в названии соответствующих терминов и на пункт о гендерной специфике («Гендерноспецифический аспект»), речь идет не о «мужской», но скорее о «женской» или даже традиционной истории. Через союз «и» фигурируют мужчины и женщины, ведьмы и колдуны; подробно описываются представления об их деятельности (пакты с чертом и дьяволом, полеты, шабаши, танцы, образы представителей «потустороннего мира» и прочее). См.: [9].

специфику отношения к чести. Он пишет об особенностях представлений о мужественности отдельных социальных групп (двор, село, город, ремесленный цех) и общих для всех сословий и сообществ принципах ее конституирования [11].

Перечисленные публикации и рассматриваемые в их рамках темы далеко не исчерпывают наработанное в рамках «мужской истории» Средневековья и начального периода раннего Нового времени. Можно сослаться, например, на реконструкцию маскулинности клириков или представлений о гендерном поведении правителя в воспитательных трактатах (Б. Лундт, [12-13]), анализ конструктов мужественности в среде иезуитов (Р. М. А. Мюллер [14]) или произведениях пластического искусства эпохи Ренессанса (В. Кригер [15]). В целом на основании представленных материалов можно сделать вывод, что в качестве теоретической основы исторических «мужских исследований» в немецкой медиевистике выступает понятие мужественности, рассматриваемое в исторической динамике и социально-культурной опосредованности. В числе изучаемых тем — институт отцовства и мужские сообщества, положение «сильного пола» в патриархальных структурах и мужская религиозность, особенности внешней репрезентации мужчин и их отношения к алкоголю и ругани, ряд других. Наконец, в качестве источников используются различные письменные тексты (теологические трактаты, автобиографии, похоронные проповеди, нормативные документы) и визуальные материалы, рассматриваемые сквозь призму проблем «мужской истории».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Репина Л. П.* Женщины и мужчины в истории: новая картина исторического прошлого. Очерки. Хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2002. 352 с.
2. *Opitz Cl.* Mutterschaft und Vaterschaft im 14. und 15. Jahrhundert // *Frauengeschichte — Geschlechtergeschichte* / Hrsg. K. Hausen; H. Wunder. F/a/M.; N. Y.: Campus Verlag, 1992. S. 137-153.

3. Wunder H. Wie wird man ein Mann? Befunde am Beginn der Neuzeit (15.-17. Jahrhundert) // Was sind Frauen? Was sind Männer? Geschlechtskonstruktionen im historischen Wandel / Hrsg. Ch. Eifert. F/a/M.: Suhrkamp, 1996. S. 122-155.
4. Dinges M. Einleitung: Geschlechtergeschichte — mit Männern! // Hausväter, Priester, Kastraten: zur Konstruktion von Männlichkeit in Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg. M. Dinges. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1998. S. 7-28.
5. Talkenberger H. Konstruktion von Männerrollen in württembergischen Leichenpredigten des 16.-18. Jahrhunderts // Hausväter, Priester, Kastraten: zur Konstruktion von Männlichkeit in Spätmittelalter und Früher Neuzeit ... S. 29-74.
6. Wunder H. Überlegungen zur Konstruktion von Männlichkeit und männlicher Identität in Selbstzeugnissen der Frühen Neuzeit: Hans von Schweinichen (1552–1616) in seinem «Memorial» // Geschlechterdifferenz. Texte, Theorien, Positionen. Kolloquium des Interdisziplinären Zentrums für Frauen- und Geschlechterstudien an der Ernst-Moritz-Arndt Universität Greifswald / Hrsg. D. Ruhe. Würzburg: Königshausen / Neumann, 2000. S. 151–171.
7. Wunder H. What made a man a man? Sixteenth-and seventeenth-century findings // Gender in Early Modern German History / Ed. U. Rublack. Cambridge University Press, 2002. P. 21-42.
8. Labouvie E. Men in witchcraft trials: towards a social anthropology of 'male' understandings of magic and witchcraft // Gender in Early Modern German History ... P. 49-68.
9. Gudra A. Hexen, Hexer und männliche Phantasien. Biblische Motive in der Hexenlehre unter besonderer Berücksichtigung des Geschlechtsspezifischen und Sexuellen. Saarbrücken: VDM, Dr. Müller, 2008. 301 S.
10. Schmale W. Neuer Adam — Regenerierter Mann — Neuer Mann // Schmale W. Geschichte der Männlichkeit in Europa (1450–2000). Wien [u.a.]: Böhlau, 2003. S. 9-14.
11. Schmale W. Magier: Männlichkeit in der kosmologisch und ständischen Gesellschaftsordnung des 16. Jahrhunderts // Schmale W. Geschichte der Männlichkeit in Europa (1450–2000). Wien [u.a.]: Böhlau, 2003. S. 41-107.

12. *Lundt B.* Herrschaft. Weisheit. Männlichkeit. Über die Konstruktion des Herrschers von morgen in der Erzähltradition «Die sieben Weisen Meister» (15. Jahrhundert) // *Geschichtsbilder: Festschrift für M. Salewski zum 65. Geburtstag / Hrsg. Th. Stamm-Kuhlmann.* Stuttgart: Steiner, 2003. S. 511-524.
13. *Lundt B.* Konzepte und Modelle männlicher Sozialisation im Spiegel klerikaler Erzähltradition vom 13. bis 15. Jahrhundert (am Beispiel des Erzählstoffes von den «Sieben Weisen Meistern») // *Encomia-Deutsch.* Sonderheft der Deutschen Sektion der ICLS. Tübingen, 2002. S. 123-142.
14. Männer und Gefühle — Männlichkeit und Emotionen. Historische, literatur- und sozialwissenschaftliche Perspektiven. 7. Tagung des Arbeitskreis für interdisziplinäre Männer- und Geschlechterforschung (AIM Gender). 9.-11. Dezember 2010. [Электронный ресурс] URL: [http://www.akademie-rs.de/doku_downloads_einzel.html?no_cache=1&tx_crieventmodule_pi1\[showUid\]=16169](http://www.akademie-rs.de/doku_downloads_einzel.html?no_cache=1&tx_crieventmodule_pi1[showUid]=16169)
15. *Krieger V.* Adam als Liebespartner. Zur Konstruktion eines neuen Männlichkeitsideals in Sündenfalldarstellungen des frühen 16. Jahrhunderts // *Bilder der Liebe: Liebe, Begehren und Geschlechterverhältnisse in der Kunst der Frühen Neuzeit / Hrsg. D. Guth, E. Priedl.* Bielefeld: Transcript, 2012. S. 29-67.

VI

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ
В СРЕДНИЕ ВЕКА
И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

**БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН О ЕПИСКОПСКОМ
СЛУЖЕНИИ: ПРОПОВЕДИ 339 И 340А**

В «Исповеди» VI, 3, написанной в первые годы епископства Августина, он рассказывает о своем общении с епископом Медиолана Амвросием, ставшим для него воплощением образцового служителя Церкви. Беседы с ним не оправдали ожиданий Августина, надеявшегося получить духовные наставления и подробные ответы на свои многочисленные вопросы; виной тому была большая занятость Амвросия. Широко известна сцена, как Августин не осмелился прервать его, когда он читал про себя душеспасительные книги в короткое время своего досуга. Поэтому единственное, что оставалось Августину, — каждое воскресенье «слушать его в народе, верно преподающего слово истины (2 Тим. 2:15)».

Августин воссоздавал образ Амвросия уже с ясным представлением об «оглушительном гаме чужих дел», изо дня в день сопровождавшем епископа, поэтому можно говорить о том, что во многом он писал и о себе самом [6, Р. 322]. Размышлениям о епископском сане и обязанностях, с ним связанным, посвящены две подлинные проповеди блаженного Августина — 339 и 340А — и проповедь 340 из Августиновского корпуса, которая в наше время включается в издания текстов Цезария Арелатского.

В них Августин просит свою паству облегчить его бремя (*sarcina episcopatus*) — быть для них одновременно и советчиком во всех повседневных делах, и транслятором божественной истины. При этом многократно подчеркивается, что епископ — прежде всего подчиненный Бога и паствы, который будет давать отчет (*rationem reddere*) о вверенных ему людях, нести за них ответственность на Страшном Суде.

Первый комплекс образов здесь — образ часового или разведчика. В проповеди 339, произнесенной перед гиппонской паствой в годовщину рукоположения Августина, он называет себя часовым (*speculator*), который, подобно стражу из Иез. 33:2-7 должен напоминать народу о мече, идущем с небес. Этот пример из Ветхого Завета Августин считал в высшей степени действенным, о чем свидетельствует эпизод из опыта Августина, только начинавшего свой путь знаменитого проповедника [1, С. 202-203; 4, Р. 116-119; 8, 451-454]. К 395 г. он, являясь преемником епископа Валерия, имел в Гиппоне уже столь значительное влияние, что ему удалось положить конец обряду под названием *laetitia*, который проводился в день св. Леонтия и заключался в обильном пиршестве на кладбище. Тогда все разрешилось благополучно; в случае же наихудшего исхода он намеревался прочесть проповедь на стих из пророка Иезекииля (об этом он пишет в письме 29 своему другу Алипию): «Если же ты остерегал беззаконника от пути его, чтобы он обратился от него, но он от пути своего не обратился, — то он умирает за грех свой, а ты спас душу твою». Если бы люди снова отказались его слушать, он, «отряси одежды свои», оставил бы их с их грехом.

Другой блок сравнений в рассматриваемых проповедях — уподобление епископа слуге (*servus, minister*). Как часовому преступно умолчать о грозящей людям опасности, так и епископу преступно молчать, потому что он *dispensator* [7, Р. 504-505] — раздатчик, распорядитель, распространитель – христианского учения, который будет отчитываться перед Богом за свою раздачу. В проповеди 339 Августин иллюстрирует это притчей о нерадивом рабе из Лк. 19:21-23, который сохранил то, что поручил ему пустить в оборот хозяин, и подвергся за это наказанию. Повторяется описанная у пророка Иезекииля ситуация служения, в которой тот, на кого были возложены некоторые обязательства, держит ответ за их выполнение; в том случае, если он не справляется с ними, он должен быть наказан. «Кто не откажется от такой работы? Но устрашает Евангелие».

О смиренном служении Августин, уже опытный епископ, говорит в проповеди 340А только что рукоположенному епископу

Фуссалы (или Бизерты, как полагают некоторые исследователи [5, S. 66-68]): «Итак, говоря вкратце, мы ваши слуги: не только ваши слуги (*servi*), но и слуги вместе с вами (*conservi*); мы ваши слуги, но все мы имеем одного Господа; мы ваши слуги, но во Христе, как говорит апостол: Мы рабы ваши для Иисуса (2 Кор. 4:5)».

Спасение паствы — главная задача епископского служения, за выполнение или невыполнение которой он отвечает собственным спасением. Неоднократно в проповеди 339 Августин говорит о том, что должен будет отчитываться на Страшном Суде перед Богом и за себя, и за паству: «И насколько годы прибывают, а точнее убывают, и все более приближают нас к последнему дню, который так или иначе когда-нибудь, без сомнения, настанет, настолько тяжелее и мучительнее для меня становится размышление о том, какой отчет о вас я смогу дать нашему Господу Богу. Ибо то отличает каждого из вас от нас, что вы едва ли о себе самих собираетесь давать отчет; мы же и о себе, и обо всех вас»¹.

Замечателен также в проповеди 339 образ епископа-слуги, выносящего кушанья — наставления в вере — из кладовой Бога: «У меня недостаточно средств, чтобы накормить всех хлебом осязаемым и видимым; оттуда кормлю, откуда сам кормлюсь; я слуга, а не глава дома; оттуда подаю вам на стол, откуда и сам получаю средства к жизни, от сокровища господского, от кушаний того главы дома, который, будучи богат, обнищал ради нас, дабы мы обогатились Его нищетою (2 Кор. 8:9)». Хлеб земной противопоставляется хлебу слова, который епископ выносит из кладовой Бога своей пастве. Особенность его в том, что он не уменьшается при делении, в отличие от земной пищи [3, С. 39].

И, наконец, в той же проповеди епископ выступает как поверенный (*procurator*) хозяина имения (*paterfamilias*). Августин говорит, что епископ, будучи «поверенным» Бога, не может обезопасить просящего, если это будет противоречить воле Бога; силу имеет только слово Бога: «Обещание дал тебе поверенный: никакой силы

¹ Цитаты из проповедей даны в переводе автора статьи.

не имеет то обещание. О если бы Господь тебе ее дал, и я бы смог заставить тебя беспокоиться о себе! Безопасность, которая идет от Бога, имеет силу, даже если бы я этого не хотел; та, что могу дать вам я, не будет никакой силы, если Он этого не захочет».

Значит ли это, что справедливы слова А.-И. Марру о епископстве Августина как о «жертве, принесенной этой возвышенной душой, созерцателем и мыслителем, которому все виды практической деятельности, за исключением писательской, представлялись невыносимыми» [2, С. 45]? Как видится, то, ради чего пастырь принимает этот путь, полный опасностей, — любовь к Богу, которая «изгоняет страх». Бремя епископства, взятое с ясным осознанием всех трудностей, и является наивысшим проявлением этой любви. В подтверждение этой мысли Августин в проповеди 340А вспоминает апостола Петра и соединяет эпизоды с его троекратным отречением из страха, описанным во всех четырех Евангелиях, (Мф. 26:69-75; Мк. 14:66-72; Лк. 22:55-62; Ин. 18:15-18, 18:25-27) и его троекратным согласием пасти овец Христовых из любви к Богу (Ин. 21:15-19).

Итак, епископ для Августина — «слуга многих» и прежде всего слуга Христа, пастырь, несущих на своих плечах его овец. Вместе с тем он является и главой общины, это Августин никак не подвергает сомнению, — но главой, обремененной ответственностью, тяжесть которой порой превосходит его силы. Парадоксальность этого образа состоит в том, что бремя это не препятствие, но подспорье на пути к Богу, к которому ведет свою паству Августин — епископ, чье иго было благо, а бремя легко.

Пассаж из проповеди 340 in писе передает размышления Августина о епископском служении: «Бесчинных должно вразумлять, малодушных утешать, слабых поддерживать, противоречащих опровергать, коварных остерегаться, несведущих обучать, ленивых подбадривать, спорящих усмирять, гордецов сдерживать, отчаявшихся ободрять, судящихся примирять, немощным помогать, угнетенных освобождать, праведных одобрять, неправедных сносить, всех любить».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Герье В. И.* Блаженный Августин. М., 2003 (Первое издание: *Герье В.* Блаженный Августин. М., 1910).
2. *Марру А.-И.* Святой Августин и августирианство. В пер. О. В. Головой. Долгопрудный, 1999 (Первое издание: *Marrou H.-I.* Saint Augustin et l'augustinisme. Paris, 1955).
3. *Степанцов С. А.* Добрый корень: любовь в образном языке проповедей блаженного Августина (по «Рассуждениям на Послание Иоанна к Парфянам»). М., 2006.
4. *Bonner G.* St Augustine of Hippo. Life and Controversies. London, 1963.
5. *Drobner H.* «Für Euch bin ich Bischof»: Die Predigten Augustins über das Bischofsamt (Sermons 335 K, 339, 340, 340 A, 383 und 396). Würzburg, 1993.
6. *Kuhn E.-M.* Listening to the Bishop. A Note on the Construction of Judicial Authority in Confessions VI 3-5 // Vol. 18: St Augustine and his Opponents. Ed. Markus Vinzent // Studia Patristica. Vol. LXX. Leuven — Paris — Walpole, 2013. P. 317-330.
7. *Lamirande É.* The Priesthood at the Service of the People of God According to Saint Augustine // The Furrow. 1964. Vol. 15, No. 8. P. 501-507.
8. *Lane Fox R.* Augustine: Conversions and Confessions. London, 2015.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГРИГОРИЯ ВЕЛИКОГО И КОРОЛЯ РЕККАРЕДА В КОНТЕКСТЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАПСКОЙ ВЛАСТИ НА ЗАПАДЕ

В период поздней Античности и раннего Средневековья большую роль в политической жизни начинает играть христианская Церковь, которая в ходе распада Римской империи и упадка муниципальных институтов стала «оплотом порядка в беспорядке» [1, С. 99]. Одним из церковных деятелей, чьими руками формировались новые культура и порядок, был римский папа Григорий Великий, занимавший апостольский престол с 590 по 604 гг. [2; 3].

Работ, посвященных Григорию Великому, очень много [4], однако исследователи не уделяли достаточного внимания его личным взаимоотношениям с церковными и политическими деятелями, отраженным, в первую очередь, в письмах [5]. Их информационный потенциал огромен: они содержат наставления морального, религиозного характера; обсуждение важных общественно-политических, церковных событий; распоряжения и советы по поводу канонов и догматики; обмен новостями личного характера. При этом письма незаслуженно редко становились объектом исторического исследования или переводились на европейские языки. Исключения составляют переводы писем, касающиеся применения римского права в церковной практике, выполненные В. Б. Прозоровым [6, С. 205]. Также известен сборник писем Григория, переведенный зарубежными исследователями [7, 8].

Среди писем Григория выделяется переписка с вестготским королем Реккаредом (годы правления: 586–601), три сохранившихся письма из которой датируются 591–599 гг. Как известно, король

Реккаред совершил переход в ортодоксальное христианство, чем подготовил почву для установления контакта с римской Церковью, а после исторического III Толедского собора, состоявшегося в 589 г. и оформившего отказ вестготов от арианства, начал выстраивать отношения с папой [9].

Обращение вестготского населения станет ключевой темой в переписке папы и короля. Однако тон письмам задает явно выраженное стремление Григория подчеркнуть свое превосходство и обосновать примат своей власти, а также указать Реккареду на его основную обязанность — исполнение долга перед Церковью. Чтобы обосновать свои теократические притязания, Григорию необходимо было оформить должным образом отношения с вестготским королем.

Таким образом, целью исследования является анализ взаимоотношений папы Римского Григория Великого с королем вестготов, Реккаредом, на материале их переписки.

Около 596 г. Реккаред отправляет Григорию первое письмо, в котором официально сообщает благую весть о крещении — своем и своего народа. Король заканчивает письмо выражением надежды на сближение с папой путем единой веры Христовой, которая соединяет тех, кого разделяют земные или морские пространства [10, S. 221]. Ответ Григория Реккареду датируется 599 г. Папа с большим ликованием воспринимает весть о крещении, он восхищен славными делами короля, к которому обращается не иначе как к сыну [11, S. 220], подчеркивая иерархичность взаимоотношений; Реккаред, в свою очередь, обращается к нему как к святому господину [12, S. 220-221], почтеннейшему предстоятелю [13]. В качестве духовного отца относительно недавно обращенного короля в своих письмах он уделяет внимание качествам, нраву и поступкам истинного христианского правителя — всему тому, чем необходимо обладать Реккареду.

Во-первых, главное в деятельности короля, по мнению Григория — постоянный труд во имя стяжания Царствия небесного, сле-

дование заповедям, распространение христианской веры. Далее, королю должно воздерживаться от золота, хранить телесную чистоту, обуздывать свой гнев, проявлять к подданным заботу и, управляя королевством, хранить власть рассудка, не уступающего жажде славы. Также, пусть и прославленный благими делами во имя Господа, Реккаред должен помнить о душевном смирении и воздерживаться от гордости, ибо «всякий, кто возвеличивает себя, унижен будет» [14, S. 223].

Интересны высказывания Григория о своей причастности к обращению народа вестготов в ортодоксальную веру. Признавая, что не участвовал в этом деле лично, Григорий не раз обращает внимание короля на то, что молится за него, воздаёт о нем хвалы Богу, а также искренне любит и ценит совершенные им благие дела. Таким образом, пишет Григорий, «мы становимся соучастниками в вашем труде», и «деяния, которые являются твоими посредством проделанного труда, становятся моими посредством моей любви» [15, S. 222]. В такой причудливой форме папа показывает Реккареду, что он не менее причастен к свершенному делу, и потому должен разделить вместе с королем дары Господа.

В анализе образа короля ключевым аспектом, на мой взгляд, является следующая мысль Григория: король — в первую очередь христианин; человек, верующий в Бога, совершающий благие дела во славу и имя Его, но подвластный все же козням и ухищрениям злого духа. По метафоре Григория, он — путник на дороге, несущий с собой множество даров, но способный сбиться с пути или оказаться ограбленным разбойниками [16, S. 223]. Это, в свою очередь, означает, что король, как каждый верующий, как любой мирянин, нуждается в наставнике, пастыре, советнике, роль которого со всей охотой готов взять на себя Григорий — глава всех христиан Запада. Таким образом, папа подводит короля к мысли о необходимости союза с Церковью и с римской кафедрой.

Интересен вопрос о причинах складывания личных взаимоотношений папы Григория и короля Реккареда и их значении в контексте папской, вестготской и византийской дипломатии.

Реккаред старался привлечь Григория к участию в своих отношениях с Византийским императором, осложненных территориальными притязаниями последнего. Так, король просил папу написать императору Маврикию с просьбой о предоставлении из архива договоров, заключенных еще при Юстиниане, и узнать из этих договоров обязательства, данные Юстинианом по отношению к королевству вестготов [17, S. 225].

Известно, что в правление Юстиниана, около 552 г., византийское войско заняло юго-восток Пиренейского полуострова и области от Картахены до Малаги. В правление отца Реккареда, короля Леовигильда, некоторые территории были возвращены [18]. Реккаред находился в крайне напряженных отношениях с Византией из-за территориальных притязаний Маврикия и, вероятно, хотел пересмотреть старые договоры с Юстинианом, надеясь, что найдет там благоприятные для вестготского королевства условия. Однако Григорий отказывает Реккареду в его просьбе и говорит, что эти документы не должны быть обнародованы, поскольку они составлены не в пользу Толедского королевства; также он просит короля усердно содействовать миру [19, S. 225].

Данное письмо крайне интересно. Из письма следует, что Григорий не желает разглашения неприятных для Толедского королевства договоров, которые, будучи обнаруженными, могут повлечь за собой очередную волну территориальной экспансии Византии на вестготские земли. На мой взгляд, следует связать данный факт с теократическими притязаниями Григория, вспомнив о его желании повсеместно распространить свою власть и объединить под эгидой католической Церкви весь христианский мир. Кроме того, необходимо не забывать о соперничестве Григория с патриархом Византии, а также о разрыве отношений Григория и императора Маврикия, произошедшего в 595 г. [20]. Обнаружение подобных договоров и последующее распространение власти Византии на земли Пиренейского полуострова означает для Григория потерю большого количества территорий, верных католической Церкви. Очевидно, что для папы Римского подобная ситуация крайне нежелательна. Данное

письмо показывает, насколько важен Григорию, во-первых, союз с Толедским королевством, а, во-вторых, мир Толедского королевства с Византией для сохранения собственной власти над территориями, население которых относится к Римской Церкви. Толедское королевство, таким образом, как бы помогает Григорию поддерживать власть на территории Пиренейского полуострова.

Проведенный анализ писем Григория и Реккареда показывает важность для папы Римского союза с Толедским королевством.

Путем переписки Григорий доводит до короля мысль о том, что вся его деятельность должна быть направлена на исполнение долга перед Церковью; только тогда он будет достоин как королевской власти, так и Царствия Небесного. Григорий обосновывает свою причастность к III Толедскому собору и к обращению вестготов, о котором он узнал постфактум, тем самым давая понять королю, что посредничество папы ему необходимо. Более того, являясь советчиком в делах внешней политики, Григорий умело направлял мысль Реккареда в удобное для себя русло. Он старался способствовать сохранению мира между вестготским королевством и Византией, дабы не допустить очередной волны экспансии Византии на вестготские земли, что привело бы к потере верных Римской Церкви территорий и шло вразрез с идеями Григория о сплочении христианского мира под эгидой Западной Церкви.

Таким образом, содействие вестготского короля представлялось Григорию одной из главных опор власти папы на территории Пиренейского полуострова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аулов О. В. О римских истоках идеала короля-законодателя в Вестготской Испании середины VII в. // Кентавр. Centaurus. Studia classica et mediaevalia. 4. 2008. С. 99.
2. Dudden F. H. His Place in History and Thought. London: Longmans, 1905.
3. Markus R. A. Gregory the Great and his World. 1997.
4. См. перечень основных работ в книгах: *Godding R. Bibliografia di Gregorio Magno, 1890-1989, (1990). Rome, 1990; D'Imperio F. S. Gregorio Magno: bibliografia per gli anni 1980-2003. Firenze, 2005.*

5. Gregorii I papae Registrum epistolarum / ed. Societas aperiendis fontibus rerum Germanicarum Medii Aevi. MGH: Epp. (In Quart). T. 1–2. Berolini, 1891–1899.
6. См. перевод Ep. XIII.49, выполненный В. Б. Прозоровым: Григорий I Великий // Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. 2. Европа V–XVII вв. М., 1999. С. 205.
7. *Barmby J.* From Nicene and Post-Nicene Fathers, Second Series, Vol. 12. Электронный ресурс: <http://www.newadvent.org/cathen/06780a.htm>
8. *The Letters of Gregory the Great* / trans. by John R. C. Martin. Toronto, Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2004.
9. *Thompson E. A.* The Goths in Spain. Oxford University Press, 1969.
10. Ep.IX.227: Nonnunquam solet, ut quos spatia terrarum sive maria dividunt, Christi gratia ceu visibiliter glutinare. Nam qui te minime praesentialiter cernunt, bonum tuum illis fama patescit. // Gregorii I papae Registrum epistolarum / T. 2. L. S. 221.
11. Ep.IX.228: ...excellentissime fili...
12. Ep. IX.227: Domino Sancto ac Beatissimo Papae...
13. Ibidem: ...reverentissimum virum, qui prae ceteros polles antestites...
14. Ep. IX.228: Omnis qui se exultat humiliabitur et qui se humiliat exaltabitur.
15. Ibidem: ...cumque de tuis actibus magna exultatione gaudeo, ea quae per laborem tua sunt mea per caritatem fiunt.
16. Ep.IX.227: Sed inter haec vigilantia sunt studio antiquae hostis insidiae cavendae;<...>Neque enim latrunculi in via capere viatores vacuos expetunt, sed eos qui auri vasculum vel argenti fierunt.
17. Ep. IX 229: <...> Neapolitano quodam iuvene veniente mandare curaverat, ut piissimo imperatori scriberem, quatenus pacta in cartofilacio requireret, quae dudum inter patris memoriae Iustinianum principem et iura regni vestry fuerant emissa, ut ex his colligeret, quid vobis servare debuisset.
18. *D. Morossi.* The governors of Byzantine Spain // *Bizantinistica.* № 15(2). 2013.
19. Ep.IX.228: ...ea contra te sunt, apud te ipsum debes documenta requirere atque haec pro me in medium proferre.
20. *Шкаренков П. П.* Империя и королевская власть в концепции христианского миропорядка Григория Великого // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. С. 385-387.

ПАТРИАРХ ФОТИЙ И ПРОБЛЕМА ЦЕРКОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ НАД БОЛГАРИЕЙ

Принятие христианства в Болгарии произошло в правление святого князя Бориса. Оно было обусловлено ходом внутреннего развития страны. Внешним толчком послужили военные неудачи Болгарии, окруженной сильными христианскими державами. Первоначально Борис и поддерживавшая его группировка знати склонялись к принятию христианства от Западной Церкви. В начале 60-х гг. IX в. Людовик Немецкий, король Восточнофранкского государства, сообщил папе Римскому об обращении в христианство многих болгар и о том, что сам их князь намерен принять крещение. Однако в 864 г. под военным нажимом Византии князь Борис был вынужден заключить с ней мир, обязавшись, в частности, принять христианство из Константинополя. Болгарские послы, прибывшие в Константинополь для заключения мирного договора, были крещены и вернулись в столицу Болгарского государства Плиску в сопровождении епископа, множества священников и монахов. Князь Борис крестился вместе со всем семейством и приближенными, приняв христианское имя Михаил, в честь правящего византийского императора Михаила III.

Крещение Болгарии произошло в 865 г. Это событие усложнило и без того напряженные отношения между Римом и Константинополем. Борис в свою очередь стремился добиться независимости Болгарской Церкви и от византийской, и от папской администрации. Борис был глубоко потрясен литургией своего крещения, церемонию которую выполнил сам Патриарх, и он хотел бы украсить свой двор такими же литургическими церемониями. То, что впечат-

лило его больше всего, был сам Патриарх. Он не захотел признать, что когда-либо будет подлинным христианским князем, если у него не будет собственного Патриарха. В 865 г. ходатайство об этом было отклонено византийцами как нечто само собой разумеющееся, Фотий послал ему вместо этого длинное и прекрасное письмо «Славнейшему и знаменитейшему, возлюбленному во Господе духовному сыну Михаилу, от Бога архонту Болгарии», объясняющее как христианский князь должен вести себя в личной и публичной жизни, фактически отказав болгарам в праве на церковную автокефалию [1, С. 227]. Конечно, Фотий и слышать не хотел о болгарском Патриархе, но это желание очень характеризует Бориса, хотя было бы трудно сказать, насколько оно было связано с явной наивностью, а насколько с инстинктом государственного деятеля. Во всяком случае, это было в лучших интересах молодого Болгарского государства оставаться независимыми от Византии, даже в религиозном плане, так долго, как только можно.

Тогда-то Каган вспомнил, что франкские священники обещали ему, когда они проповедовали на его территории, их проповеди, конечно, не остались незамеченными. Была, кроме того, партия поддержки франков при дворе Кагана, она содействовала тесным связям с франками, и эта партия работала против греческих миссионеров. Она стала преобладать в конце концов, и Каган решил снова попытать счастья у франков, обращаясь не только к Людовику Германскому, но и у Николаю I.

В 866 г. к королю Людовику Немецкому в Регенсбург было отправлено болгарское посольство с просьбой, прислать епископов и священников. В то же время другое болгарское посольство отправилось в Рим, куда прибыло 29 августа 866 г. Послы передали 115 вопросов князя Бориса папе Николаю I. Текст вопросов не сохранился; об их содержании можно судить по дошедшим до нас 106 ответам папы, составленным по его личному указанию Анастасием Библиотекарем.

Вопросы Бориса в основном касались не веры, а поведения. Например, он спрашивал папу, правы ли были византийцы, запре-

щая болгарам принимать баню по средам и пятницам, причащаться, сняв свои ремни, и есть мясо животных, убитых евнухами? Действительно ли было их запрещение мирянам проводить общественные моления о дожде, осенять крестным знаменем стол перед трапезой и требование, чтобы народ стоял в храмах с руками, скрещенными на груди? Папа — как, по всей видимости, и ожидал Борис, которому мало понравился строгий ритуализм византийцев, — ответил на все эти вопросы отрицательно, показав, что латиняне, увлекавшиеся ритуализмом не менее византийцев, все же готовы были прояснить в этих вопросах определенную гибкость.

Папа находился в в приподнятом настроении от таких хороших новостей, от такого неожиданного поворота, от которого он уже отказался, как от безнадежного. Рим говорил о чуде, и каждый мог понять чувства Папы, вспоминая, насколько сильно Николай был заинтересован в возвращении Иллирии.

Николай решил выжать все возможное из этого события. Новая Болгарская Церковь должна быть основана Римом и находиться непосредственно под Римской юрисдикцией, без посредничества Франкской Церкви.

Болгары хотели получить не только ученых наставников, богослужебные и вероучительные книги, христианский закон и тому подобное. Они также интересовались также устройством самостоятельной Церкви: позволительно ли им поставить себе Патриарха, кто должен рукополагать Патриарха, сколько истинных Патриархов, кто из них является вторым после римского, откуда и как получают миро и тому подобное. Ответы были торжественно вручены 13 ноября 866 г. Николаем I болгарским послам. Известно, что ссылки на эти ответы была сильно распространена среди средневековых канонистов, которые любили цитировать их под заголовком «*Nikilai responsa ad consulta Vulgarorum*» (лат. «Ответы Николая болгарам»). Это письмо и в самом деле шедевр пастырской мудрости и один из лучших документов в истории Папства. В нем не только тщательно проанализировано все то, о чем спрашивал Борис, но также можно

найти некоторые детали, показывающие, что Папа Римский взял на себя заботу о нивелировании греческого влияния на новую церковь.

Он, например, настаивает на том, что первое место в Церкви принадлежит Римскому Престолу, отодвигая Константинополь на четвертое после Рима, Александрии и Антиохии, Папа прямо заявил, что Патриарх Константинополя в действительности не имеет права называть себя Патриархом, поскольку его епархия не апостольского происхождения [2, С. 56].

Папа призывал князя Бориса не торопиться с поставлением Патриарха и трудиться над созданием прочной церковной иерархии и общины. В Болгарию были отправлены епископы Формоз Портуанский и Павел Популонский. В конце ноября папские посланцы прибыли в Болгарию, где развернули энергичную деятельность. Князь Борис изгнал из своей страны греческих священнослужителей; крещение, совершенное византийцами, было объявлено недействительным без «утверждения» его латинскими епископами.

Подводя итог, можно сказать следующее: в 866 г. Борис, уйдя из-под византийской юрисдикции и признав над собой власть Рима, рассчитывал решить две главные проблемы, вставшие перед его страной после принятия ею христианства: первая была в упрочении единства народа и его военной мощи, а вторая — в сохранении политической и культурной независимости страны от Византии. Оба эти пожелания были выражены в просьбах, обращенных к папе.

В начале 867 г. в Болгарию прибыло большое германское посольство, состоявшее из пресвитеров и диаконов во главе с епископом Германарихом Пассауским, но вскоре оно вернулось назад, удивившись в успехах посланцев Рима.

Несомненно, что по меньшей мере весь следующий год Борис оставался при убеждении, что он выторговал у Папы куда более приемлемые условия, чем те, которые он получил бы в Византии. Он принес клятву верности престолу св. Петра. Византии лишь оставалось наблюдать, как ее славянский сосед открывает двери римскому (а следовательно, и франкскому) влиянию почти в самом сердце Империи.

Однако византийские власти скоро оправились от этого удара. Их реакция была весьма жесткой. Следующей весной патриарх Фотий направил главам остальных восточных церквей окружное послание, в основном посвященное последним событиям в Болгарии. Рассказав об обращении страны, когда этот варварский народ «отрелся от своих первобытных демонов и оргий», св. Фотий поведал об их почти немедленном отступничестве. Он называет работающих в стране латинских миссионеров «нечестивыми и гнусными» людьми, восставшими из тьмы Запада, и сравнивает их с громом и молнией, с безжалостным градом и с диким вепрем, в ярости вытаптывающим виноградник Господень. Затем св. Фотий перечисляет постыдные обычаи и лжеучения, навязываемые злокозненными латинянами несчастным болгарам: пост по субботам и сокращение Великого поста на неделю, осуждение женатых священников и убеждение в том, что только епископ может совершать таинство миропомазания, а миропомазание, совершенное священником, действительно (на этом основании франки перемиропомазывали крещеных болгар). Св. Фотий напоминает патриархам, что «даже малейшее отступление от преданий приводит к полному презрению к догматам».

Именно так конфликт между Римом и Константинополем достиг своей высшей точки. Выступив против Рима, св. Фотий стал защитником не только независимости Византийской Церкви, но и самых жизненных интересов Византийской Империи. Имперское правительство полностью поддерживало патриарха. В свою очередь, император Михаил послал папе очень жесткое письмо с требованием покаяния. В нем он в ультимативной форме потребовал, чтобы папа отозвал решение своего собора 863 г., низложившего Фотия и отлучившего его от Церкви, и очень резко отверг римскую претензию на исключительность.

Сразу после прибытия римского духовенства в Болгарию в Константинополь направилось болгарское посольство, к которому присоединились римские послы — епископ Донат Остийский, пресвитер Лев и диакон Марин. Однако посланцы папы были задержа-

ны на византийской границе во Фракии и после 40 дней ожидания вернулись в Рим. В то же время болгарские послы были приняты в Константинополе императором Михаилом III, который вручил им письмо князю Борису с осуждением перемены болгарской церковной и политической ориентации и обвинениями в адрес Римской Церкви. Соперничество за церковное влияние в Болгарии усугубило обострение отношений между Римской и Константинопольской кафедрами. Еще в 863 г. папа Николай I отказался признать законность поставления Фотия на Патриарший престол и объявил его низложенным. В свою очередь Фотий подверг резкому осуждению насаждавшиеся в Болгарии догматические и обрядовые традиции Западной Церкви, в первую очередь учение о *Filioque*. Летом 867 г. в Константинополе был созван Собор, на котором были анафематствованы «новшества» Западной Церкви, а папа Николай был объявлен низложенным.

Тем временем епископ Формоз Портуанский, получивший от князя Бориса неограниченные полномочия в церковных делах, ввел в Болгарии латинский обряд богослужения. Чтобы получить папское благословение на поставление Формоза предстоятелем Болгарской Церкви, во 2-й половине 867 г. в Рим вновь были отправлены болгарские послы. Однако Николай I предложил Борису выбрать будущим архиепископом одного из 3 епископов посланных к нему: Доминика Тривентского и Гримуальда Полимартийского или Павла Популонского. Посольство папы прибыло в Плиску в начале 868 г. уже при новом папе Адриане II. Князь Борис, узнав, что его просьба не удовлетворена и Формозу приказано вернуться в Рим, отправил назад присланных папой кандидатов и Павла Популонского и просил в письме возвести в сан архиепископа и прислать в Болгарию знакомого ему диакона Марина или какого-нибудь кардинала, достойного возглавить Болгарскую Церковь. Папа отказался рукоположить диакона Марина, решив поставить во главе Болгарской Церкви своего приближенного — иподиакона Сильвестра. В сопровождении епископа Леопарда Анконского тот прибыл в Плиску,

однако был выслан назад в Рим с требованием Бориса — прислать Формоза или Марина. Адриан II направил письмо Борису, призывая его назвать любую кандидатуру, кроме Формоза и Марина. Однако к этому времени, в конце 868 г., князь Борис уже решил вновь переориентироваться на Византию.

Византийский император Василий I Македонянин, пришедший к власти в 867 г., сместил с Патриаршего престола Фотия. Князь Борис повел переговоры с восстановленным Патриархом св. Игнатием, и болгарам дали понять, что пойдут на любые уступки, если Болгарская Церковь вернется под покровительство Византии. На Константинопольском Соборе 869–870 гг. болгарский церковный вопрос не рассматривался, однако 4 марта 870 г. — вскоре после последнего заседания Собора (28 февраля) — иерархи в присутствии императора Василия I выслушали послов Бориса, задавших вопрос, кому должна подчиняться Болгарская Церковь. Состоялась дискуссия между папскими легатами и греческими иерархами, в результате которой болгарским послам было передано решение о том, что территория Болгарии находится в церковной юрисдикции Константинополя, как бывшее владение Византийской империи. Латинское духовенство во главе с Гримуальдом было вынуждено покинуть Болгарию и вернуться в Рим.

Папа Иоанн VIII (872–882) дипломатическими мерами пытался вернуть под власть Рима болгарский диоцез. Однако князь Борис, не разрывая отношений с Римской курией, не согласился принять предложения папы и по-прежнему придерживался положений, принятых в 870 г. На Константинопольском Соборе (конец 879 – начало 880) папские легаты вновь подняли вопрос о церковной юрисдикции над Болгарией. В итоге было принято решение, имевшее важное значение для истории БПЦ; с этого момента Болгарская архиепископия не должна была фигурировать в списках епархий Константинопольской Патриархата. По существу решения этого Поместного Собора были выгодны Константинополю и Болгарии, архиепископ которой фактически получал права автономии по от-

ношению к Константинопольской Церкви. Одновременно это означало окончательную неудачу политики Рима в болгарском вопросе. Папа не сразу осознал это, поначалу истолковав соборное постановление как уход византийского духовенства из Болгарии и выход Болгарской архиепископии из юрисдикции Константинополя. В 880 г. Рим попытался активизировать контакты с Болгарией при посредстве хорватского епископа Феодосия Нинского, но его миссия не увенчалась успехом. Посланное папой в 882 г. письмо Борису также осталось без ответа.

Несмотря на наметившийся раскол между Западной и Восточной Церквями из-за спора о церковной юрисдикции Болгарии, единство между Востоком и Западом было достигнуто на Великом Свято-Софийском Соборе на православных началах: Собор отменил определения Константинопольского Собора (869–870) («Малого Софийского»), осудил добавление «филиокве» к Символу веры и реабилитировал Фотия. Если бы Запад всегда оставался верным постановлениям Великого Свято-Софийского Собора (879–880), то разделение Церквей не произошло бы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Письма Князю Михаилу Болгарскому об его обязанностях князя. М., 1779.
2. Письма Католикосу Армении Захарию // Православный Палестинский Сборник. Вып. 31. СПб., 1892. С. 227-245.
3. «Ответы Папы Николая болгарам» / пер. К. Касаткин (неопубликованное). С. 1-100.

СВЯТЫЕ КАК ОППОНЕНТЫ СВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: ТОРЛАК СЫН ТОРХАЛЛЯ, ЕПИСКОП СКАЛАХОЛЬТСКИЙ И СТАНИСЛАВ ЩЕПАНОВСКИЙ, ЕПИСКОП КРАКОВСКИЙ

Проведение аналогий между Центральной, Юго-Восточной Европой и Скандинавией — относительно новое явление, которое связывают с именами Андрекре Вушеза (сравнение культа святых и их канонизации)[1], Сверре Багге [2] и др.

Одной из линий, по которым эти аналогии проводились, являются средневековые центры учености и пути, по которым священнослужители получали необходимое для служения церкви образование.

В XII–XIII вв. начинают укрепляться связи Скандинавии с европейскими церковными центрами образования, особенно с теми, что находились в Париже: вплоть до второй половины XIII в. выходцы из Северной Европы обучались исключительно там. Влияние Франции на церковную и интеллектуальную жизнь в Исландии стало наиболее заметным после 1153 г. [3, S.115], когда вслед за созданием архидиоцеза в Нидаросе в Скандинавию последовательно стали проникать цистерцианцы и августинцы, ставшие проводниками новых доктрин и учений. Подобные связи позволили скандинавам познакомиться с европейским культурным наследием Античности и раннего европейского Средневековья, усвоить достижения научной, правовой и общественной мысли.

При норвежском архиепископе Эйстейне, сыне Эрленда (1157–1188) были установлены прочные связи с французскими аббатствами Сен-Виктор и Сен-Женевьев — центрами августинского движения в Европе. Туда отправлялись на обучение представители

норвежского и исландского клира [4, С. 44]. Также архиепископы Лунда, Абсалон и Эскиль, имели тесные связи с аббатством Сен-Виктор [5, Р. 191-192]. Такой интерес к августинизму, возможно, был обусловлен тем, что скандинавские клирики полагали, их идеи наиболее подходящими для воплощения их в Северной Европе.

В 1178 г. епископа Кленга, сына Торстейна (1152–1176) [6, S. 1] в диоцезе на Палатном Холме сменил Торлак, сын Торхалля. 2 июля 1178 г. [7, Р. 605] Торлак был рукоположен. В числе присутствующих был и Эйстейн сын Эрленда. Поскольку архиепископ Эйстейн также был августинцем, было высказано предположение, что он мог познакомиться с Торлаком во время их обучения в Париже [8, Bls. 19]. Эти факты свидетельствуют о том, что к концу XII в. связи внутри норвежского и исландского епископата достаточно укрепились, чтобы проводить совместную церковную политику. Так и случилось, когда Торлак и Эйстейн попытались вести политику в духе григорианских реформ и освободить церковь в Исландии из-под влияния хёвдингов.

В диоцезах на Пригорках и на Палатном Холме епископами становились представители наиболее могущественных и влиятельных родов в Исландии. Наиболее часто избирали представителей рода Людей из Ястребиной Долины и Междуречного Мыса [9, С. 490]. Важно отметить наличие тесных родственных связей между епископами — большинство епископов Исландии в XI–XII вв. состояли в родстве между собой.

Помимо усиления отдельных родов в Исландии, на протяжении XI–XII столетий укреплялись связи острова с европейскими церковными центрами. Исландцы путешествовали по Европе с целью углубить свои познания — европейцы приезжали на остров в качестве преподавателей. Идеи августинцев, бенедиктинцев, клюнийцев и цистерцианцев оказывали сильное влияние на исландских путешественников; по возвращении на родину они пытались претворить в жизнь те практики, которые наблюдали во время поездок. Особенно близко восприняли европейское влияние епископы Йон,

сын Эгмунда, и Торлак, сын Торхалля, — за свое ревностное усердие в проведении церковных реформ они с 1200 г. [10, S. 22] в Исландии считаются святыми.

В Исландии церковь изначально была тесно связана со светской властью. Постепенно в стране выделились роды, которые приобрели наибольшее влияние благодаря, во многом, и использованию возможностей церкви; также это было обусловлено усилением той или иной семьи. Со временем группировки начали конкурировать между собой, что привело к ослаблению государства и норвежской интервенции.

В XII–XIII вв. спор о контроле над церковной собственностью встал наиболее остро и получил название «спор о стадире» (staðamál) [11, P. 14]. Процесс борьбы за контроль над церковным имуществом проходил в два этапа: первый начался в 1179 г. и был связан с деятельностью епископа Торлака Святого; второй охватил время предстоятельства на кафедре на Палатном Холме Арни, сына Торлака (1269–1298), начавшись в 1275 г. [6, S.1].

В исландской историографии «спор о стадире» рассматривается как событие, которое впоследствии привело к потере богатых светскими собственниками имущества, перешедшего в пользу церкви, а затем — и в руки короля Дании [11, P. 18]. Тем не менее, после завершения «спора о стадире», изменения не коснулись ни диоцезов, ни монастырей [11, P. 14]. Власть над церковными дворами (staðir) осталась у церкви, над *boendakirkjur* — у бондов-собственников. Последними могли распоряжаться наследники того бонда, который предоставил землю для храма [12, S. 251].

На основании материалов источников можно сделать вывод, что владельцам земель был предложен компромисс, согласно которому здания храмов, а также их угодья, формально переходили в собственность церкви; фактически же оказывалось, что бонды по-прежнему распоряжались ими. Срок, на который предоставлялось держание, не оговаривался, поэтому можно предположить, что договор составлялся таким образом, чтобы его было возможно

пересмотреть в зависимости от обстоятельств, которые могли возникнуть в будущем. Тем самым, письмо архиепископа и действия Торлака способствовали установлению лишь номинальной власти церкви, а положение хёвдингов по-прежнему оставалось устойчивым.

Епископ рассчитывал на поддержку архиепископа Эйстейна, но тот в 1180 г. был вынужден покинуть Норвегию, вступив в конфликт с королем Сверриром. Вероятно, поэтому отступил и Торлак, так как после бегства нидаросского архиепископа он потерял союзника в борьбе с исландскими хёвдингами [13, Bls. 81].

Итак, суть так называемого «спора о стадире» была в осуществлении фактического контроля над землей, номинально принадлежавшей церкви. Владельцы храмов имели значительную свободу в управлении их имуществом и доходами, поэтому священнослужители стремились ограничить возможности накопления богатств мирянами, а также перераспределять их в свою пользу. После своего рукоположения, епископ Торлак выдвинул требования, согласно которым церковь могла законно претендовать на владения бондов, но ему пришлось отступить по причине отсутствия широкой поддержки.

Наряду со спором о стадире, наиболее значительным конфликтом между церковью и светской властью в Исландии в XI–XII вв. была борьба за инвеституру.

Компромисс, принятый исландским обществом в начале XI в. был, пожалуй, самым необычным для европейской светской и духовной знати. В историографии принято считать, что, спустя полвека после принятия страной христианства, местные жители добились не только права выбирать священниками и епископами своих земляков; вся духовная и светская власть фактически объединялась в руках одного лица — хёвдинга. Взамен исландцы признавали себя подчиненными римской церкви и были обязаны соблюдать христианские законы.

Процедура избрания епископа исландцами на Альтинге была обычной на острове, на континенте же это считалось вмешатель-

ством мирян в дела церкви, и в 1139 г. II Латеранский собор запретил подобную практику.

Судя по дальнейшей деятельности Торлака сына Торхалля на епископском престоле, он был под большим впечатлением от деятельности тех теологов, которые отстаивали примат духовного над светским и, как следствие, церкви над государством. Спор о власти сначала проявился сперва в Норвегии между королем Сверриром и архиепископом Эйстейном, когда первый попытался ввести закон, переводящий церковь на самообеспечение; в свою очередь, Эйстейн поддерживал августинскую политику королевской бедности [14, S. 296] — затем аналогично развивалась ситуация в Исландии, когда Торлак, основываясь на *Canones Nidarosienses* и предписаниях архиепископа Тронхейма, попытался реформировать исландскую церковь, и перевести собственность хёвдингов под власть духовенства. Вероятно, таково было влияние Англии [13, Bls. 81] — подобные теоретические взгляды привели к раздору между великим английским прелатом Фомой Кентерберийским и королем Генрихом II Плантагенетом (1133–1189, король с 1154) в период с 1162–1170 гг. В 1170 г. Фома Кентерберийский (1118–1170, архиепископ с 1162) трагически скончался после восьмилетнего противостояния королю, стремясь отстоять право духовных властей на иммунитет от вмешательства в свои дела властей светских. Эйстейн находился в дружеских отношениях с Фомой (возможно, они познакомились в Париже — из этого следует, что с архиепископом Кентерберийским во Франции мог познакомиться и Торлак). Во время своего обучения в Англии Торлак сын Торхалля, а также его племянник Паль, будущие епископы Палатного Холма, не могли не слышать о Фоме и его политике [15, P. X]. Томас Беккет стал весьма популярен в Исландии, и около 1200 г. даже была написана сага о нем [16, P. 324]. Его судьба сильно повлияла на епископа Гудмунда (1160–1237, епископ с 1203) [6, S. 4] сына Ари; вдохновленный примером борьбы и смертью мученика, он с безрассудным упрямством отстаивал те же самые принципы в Исландии [16, P. 324]. Но это привело к тому,

что исландская церковь, и прежде не имевшая реальной силы на острове, будучи подчиненной светской властью, стала стремительно терять свои позиции. В связи с этим, впоследствии архиепископ Нидароса заявил о праве норвежской церкви на вмешательство во внутренние дела Исландии [16, Р. 324], оправдывая это тем, что местная церковь была не в состоянии самостоятельно отстаивать позиции и идеи католической церкви.

Таким образом очевидно, что в Исландии церковь и светская власть в течение довольно долгого времени были неделимыми понятиями, существующими в тесной связи друг с другом. Лишь в XII в. исландская церковь начала предпринимать активные попытки освободиться от влияния хёвдингов — это, вероятно, было обусловлено контекстом времени — в Европе протекали схожие процессы. К тому же, ввиду довольно неустойчивого экономического положения острова не мог не встать вопрос о собственности на землю. Обострение этой проблемы также относится к XII в., поскольку с попыткой отделения церкви от государства было связано перераспределение сфер влияния, и, следовательно, собственности.

Краковский епископ Станислав Щепановский также учился в Париже и был сторонником церковной реформы, проводившейся в то время Папой Григорием VII (1073–1085), заботившимся о возрождении Церкви. В конце XI в. между Станиславом и королем Болеславом Смелым возник острый конфликт, приведший к смерти епископа.

Галл Аноним — польский летописец, составивший историю Польши по приказу короля Болеслава Кривоустого, пишет об этом конфликте следующее: «Каким образом король Болеслав был изгнан из Польши, рассказывать долго, но нужно сказать одно: не должен помазанник по отношению к помазаннику ни за какое прегрешение применять телесное наказание. Именно: ему очень повредило то, что он к одному прегрешению прибавил другое прегрешение, когда из-за измены приказал четвертовать епископа. Не будем оправдывать изменника епископа, но не похвалим также и

короля, который отомстил так постыдно, и не будем об этом больше говорить» [17, Сар. 27; С. 57-58]. Галл Аноним подчеркнул, что в те времена епископ, назначаемый на кафедру, перед тем, как принять на себя управление ею, должен был принести присягу верности монарху. Но поскольку епископ краковский выступил против короля и предал его анафеме, тем самым лишив его королевской власти, то некоторые могли бы и самого святого принять за бунтовщика.

В свою очередь, в своей хронике Вицентий Кадлубк [18, Р. 193-453], указывает, что причина кроется в том, что король Болеслав вел бесконечные войны и потому часто отсутствовал в стране. История Польши называет эти войны «королевскими». В 1058 г. король напал на Чехию, но проиграл сражение. Затем, в 1060 и 1062 гг., он дважды собирал войско для похода против германского императора, поддерживая венгерского короля Белу I. В 1069 г. король пошел на Киев, чтобы поддержать родственника, князя Изяслава, одного из претендентов на киевский престол. В 1070–1072 гг. король вновь воевал в Чехии. После смерти короля Белы I Болеслав возвел на венгерский трон его сына, Владислава. Затем, в 1077 г. — вновь пошел на Киев. Непрерывающиеся войны и привели к противостоянию короля и епископа.

Вицентий пишет, что в отсутствие короля, в стране повсеместно распространились разбой и грабежи, неверные жены нарушали супружескую клятву. Рыцари просили короля возвратиться в страну, он же не хотел об этом и слышать. Поэтому некоторые из рыцарей стали самовольно оставлять монарха, заботясь о судьбе своих домов и семей. Когда король возвратился из Польшу, он начал преследовать тех, кто покинул его. Станислав выступил в защиту тех, кому мстил Болеслав. Он увещевал короля, призывая явить христианское милосердие по отношению к виновным и не карать их столь жестоко. Когда же монарх не внял его увещеваниям, епископ отлучил его от Церкви, тем самым лишив королевской власти. Ради собственной безопасности епископ оставил Вавельский замок и избрал своим местопребыванием церковь св. Михаила на Скалке. Король,

узнав об отлучении, в порыве гнева ворвался с дружиной в храм во время Св. Мессы и поразил святого мечом в голову. Затем он приказал своим воинам разорвать тело святого на куски.

Великопольская хроника конца XIII в. [19, S. 63-71] так описывает мученическую смерть епископа: «Святой Станислав, краковский епископ, видя, что Болеслав, как бешеный зверь, бросается на овец, что от меча тирана льется кровь невинных, что права супружеского ложа попираются, поскольку страх перед богом исчез, что сам Болеслав, забыв о королевском достоинстве, пренебрегает справедливостью, спешит к нему с отеческими увещаниями и затем отказывает ему в праве посещать церковь. А тот, забыв об отеческих наставлениях и прибавляя к своим грехам еще большие, жестокой рукой своим мечом убивает святого мужа, совершающего мессу в капелле св. Михаила на Скальце, а затем, вытащив его из капеллы, четвертует» [20, Гл. 14].

Таким образом, можно заключить следующее: несомненно, в отношениях светской и духовной властей в Скандинавии и Восточной Европе были определенные сходства и различия. Политика, начатая Григорием VII нашла свой отклик даже в самых отдаленных христианских странах, и спустя более чем полвека его пример вдохновлял священнослужителей. Борьба за инвеституру проходила не менее ожесточенно, чем борьба за собственность и даже приводила к смерти оппонентов. В данном случае, скандинавские деятели церкви находились в более безопасном положении (особенно это касается Исландии), поскольку там епископ был не только священнослужителем, но и влиятельным светским господином, которого почти всегда поддерживала многочисленная богатая родня, и конфликт подобного рода мог вылиться в гражданскую войну (что и произошло в XIII в. и привело к сильнейшему ослаблению Исландии и подчинение ее Норвегией).

Что касается Польши, наиболее острым конфликтом явилась борьба за примат власти между светскими и церковными деятелями. Смерть епископа от руки короля решила вопрос в пользу вто-

рого, но Болеслав был впоследствии изгнан из стран своим народом по этой причине.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vauchez A.* La spiritualité du Moyen Âge occidental VIII–XIII. Paris, 1975; *Idem.* La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Âge (1198–1431). Rome, 1981; *Idem.* Saints, prophètes et visionnaires: le pouvoir du surnaturel au Moyen Âge. Paris, 1999.
2. *Bagge S.* Europa tar form, År 300 til 1350. Oslo, 1986; *Idem.* On the Far Edge of Dry Land: Scandinavian and European culture in the Middle ages // Scandinavia and Europe 800–1350. Contact, Conflict, and Coexistence. Turnhout, 2004.
3. *Annales Regii / Islandske annaler indtil 1578 / Utg. Gustav Storm.* Christiania, 1888. S. 40–115.
4. *Агишев С. Ю.* Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013. С. 44–205.
5. *McDougall I.* Foreigners and Foreign Languages in Medieval Iceland. P. 191–192.
6. *Biskupa tal á Íslandi / Safn til sögu Íslands og íslenzkra bókmenta að fornu og nýju.* Kaupmannahöfn, 1856. B. I. S. 1–4.
7. *Fahn S. M., Jenson G.* The Forgotten Poem: A Latin Panegyric for Saint Þorlákr in AM 382 4to // Gripla. Reykjavík, 2010. Vol. XXI. Bls. 19.
8. *Biographica Minora / Origines islandicae; a collection of the more important sagas and other native writings relating to the settlement and early history of Iceland / Ed. by Guðbrandur Vigfússon, Frederick York Powell.* Oxford, 1905. Vol. I. P. 605.
9. *Байок Дж.* Исландия эпохи викингов. С. 454–490.
10. *Annales Reseniani / Islandske annaler indtil 1578 / Utg. Gustav Storm.* Christiania, 1888. S. 22.
11. *Sigríður Júlíusdóttir.* The Major Churches in Iceland and Norway. Høst, 2006. P. 14–18.
12. *Magnus Stefánsson.* Islandsk egenkirkevesen // Møtet mellom hedendum og kristendum i Norge / Utg. H. E. Linden. Oslo, 1995. S. 251.
13. *Torfi K. Stefánsson* Hjaltalín. Íslensk Kirkjusaga. Reykjavík, 2012. Bls. 81.
14. *Holmsen A.* Erkebiskop Eystein og Tronfølgeloven av 1163 // Samfunnsmaktene Brytes. Oslo, 1969. B. II. S. 296.

15. *Thómas saga erkibyskups* / Ed. by Eiríkr Magnússon. London, 1875. P. X.
16. *Eiríkr Magnússon*. The Last of the Icelandic Cummonwelth // *Saga-Book of the Viking Club: or Orkney, Shetland and Nothern Society*. London, 1906–1907. Vol. V. P. 324–325.
17. Martini Galli *Chronicon ad fidem codicum — qui servantur in Pulaviensi tabulario celsissimi Adami principis Czartoryscii, palatini regni Poloniarum*. Varsaviae, 1824, Vol. I; *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисловие, перевод и примечания Л. М. Поповой. М., 1961. С. 57–58.
18. *Chronica seu originale regum et principum Poloniae / Monumenta Poloniae historica*. Pomniki dziejowe Polski. Lwów, 1872. Vol. II. P. 193–453; *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, пер., коммент. М., 1990.
19. *Kronika Wielkopolska. Chronica Poloniae Maioris*. Warszawa, 1970. S. 63–71.
20. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / под ред. В. Л. Янина. М., 1987. Гл. 14.

СВЯТОЙ КЕНТИГЕРН И БОРЬБА ШОТЛАНДСКОЙ ЦЕРКВИ С АРХИЕПИСКОПСТВОМ ЙОРКА В XII ВЕКЕ

Стремясь отодвинуть свои границы дальше на север, англо-саксонские королевства, а затем и нормандцы, помимо военных операций предпринимали и более мирные акции. Одновременно с набегами на территории бывших бриттских королевств Берникии и Стратклайда, они стремились распространить на местные христианские общины свое влияние, добиться их подчинения «своему» церковному иерарху. Главным претендентом на власть в приграничной полосе традиционно было архиепископство Йорка. В свою очередь, стремление растущего королевства Шотландии, так же претендующего на эти земли, отстоять свою независимость от Англии проявлялось во всех сферах жизни общества. Не была исключением и сфера религиозная, где соперниками англичан традиционно были ирландские христианские общины, тесно связанные с шотландскими со времен христианизации Британских островов. Первый христианский епископ Шотландии, св. Ниниан, пройдя обучение в Риме, вернулся на родину и около 397 г. основал в Уитхорне монастырь с прилегающей к нему церковной школой, из которой вышли многие впоследствии канонизированные ирландские миссионеры.

Конфликт Севера с Йорком, вторым по важности английским диоцезом после Кентербери, берет начало еще в VII в., во времена епископства Уилфрида. Неопределенность границ его владений породила споры о подчиненности (согласно Стефану Рипонскому, автору «*Vita Sancti Wilfrithi*», в диоцез входила вся Северная Британия) [1, С. 125]. Однако распространенность на этих территориях влияния религиозного центра на о. Айона, во многом опирающего-

ся на авторитет основателя монастыря — св. Колумбы, ставила под сомнение власть епископа Йоркского.

Следующим шагом английской церкви на пути на Север стало создание епископской кафедры в Берникии в конце VII в. В ответ на это в приграничной полосе стало усиливаться и влияние Айонского аббатства: на рубеже VIII в. в некоторых источниках речь идет уже не об аббатах, а о «епископах Айоны» [1, С. 127].

Не смотря на то, что в середине IX в. аббатство было сожжено викингами, а монахи вынуждены были бежать в Келлс, на острове остались реликвии, значимые для христианского мира Британии (например, могила одного из аббатов — св. Колумбы), которые часто становились объектом паломничества. Таким образом, в начале X в. влияние Айоны было вполне ощутимо.

К XII в., когда эта сила ослабла, а конфликт с Йорком, наоборот обострился, шотландской Церкви понадобился символ независимости, никак не связанный с Англией и Римом, но в то же время, способный привлечь новых союзников. Им стал св. Кентигерн, «апостол Стратклайда», бритт по происхождению. Святой, по преданию живший в V–VI вв. на территории бриттского Древнего Севера, впервые появляется в источниках VII в: это имя упоминается в знаменитых *Анналах Камбрии*. Однако дошедшие до нас два жития относятся уже к XII в. Несмотря на то, что одновременно с его культом происходило возрождение культа св. Ниниана, символом независимой церкви первый епископ Шотландии не стал, вероятно, по причине своего обучения в Риме.

Возвращение к образу святого Кентигерна в XII в. выглядит необычно, если не учитывать современную политическую ситуацию в Шотландии. Вечно разделенная борьбой находящихся у власти враждующих группировок, страна смогла объединиться только во времена правления Давида I (1124–1153). Приведя в относительный порядок дела внутри страны, он оказался втянут в борьбу за власть, разгоревшуюся в Англии после смерти Генриха I. Сам имея права на английский престол, Давид все же поддержал притязания доче-

ри Генриха, «императрицы» Матильды. Одной из причин его поддержки было также желание отодвинуть границу собственного государства на юг, к Форту и Клайду, и таким образом присоединить спорные территории. Это ему в итоге удалось, правда, не милостью Матильды, а в результате договора с победившей стороной — Стефаном Блуасским.

После окончательно поражения Матильды и ее бегства из Англии, Давид смог заняться внутренними делами своей страны, и в первую очередь, церковью. Реформы в этой сфере были начаты еще его братом, Александром I. Благодаря его поддержке была восстановлена церковная дисциплина, проведены реформы подобные тем, что проводились на континенте. Давид реорганизовывал старые монастыри, пригласил бенедиктинцев и цистерцианцев.

Давид организовал духовенство, еще в 1115 г. восстановив епископскую кафедру в Глазго и посадив на это место своего сторонника Иоанна. Однако тот практически сразу оказался втянут в конфликт с архиепископом Йорка, считавшим, что этот диоцез входит в его сферу юрисдикции, с чем епископ Глазго упорно не соглашался. Своими силами решить проблему не удалось, и в 1122 г. Иоанн обратился за решением напрямую к папе. Неизвестно, что содержалось в ответном послании папы, но уже в 1126 г. в Роксборо состоялся Собор шотландской Церкви. Давид I, стремясь создать автономную церковь, потребовал создания архиепископства в Сент-Эндрюсе. В ответ на это резкий протест высказал Йорк, и папа Иннокентий II принял его сторону. Тогда шотландские клирики поддержали его противника, анти-папу Анаклета. Конфликт разрешился только в 1138 г., на Соборе в Карлайле. Но и после этого шотландская церковь проявляла сильную склонность к сепаратизму. Позиции Давида усилились настолько, что даже после смерти епископа Иоанна в 1147 г. он смог назначить на его место еще одного своего сторонника — Герберта, аббата Келлса, который, продолжая дело своего предшественника, снова отказал в подчинении Йорку.

При преемниках Давида, процессы консолидации, как считает Агнесс Маккензи, замедлились [2, С. 102]. Зато в церковной сфере

политика оставалась прежней: было основано множество монастырей, как и раньше, оказывалась поддержка религиозным орденам.

Все процессы, протекавшие в Шотландии, намного острее ощущались в приграничных зонах — территориях исторических Берникии и Стратклайда. Восстановление диоцеза в Глазго и борьба шотландской церкви за независимость от Йорка потребовали некоего символа, который придаст бы им легитимности. И лучше всего на эту роль подходил апостол Стратклайда, святой покровитель Глазго, никак не связанный с английской церковью. Этим и знаменуется возвращение на историческую сцену святого Кентигерна.

Как и было сказано ранее, оба дошедших до нас жития святого относятся к XII в. Первое, написанное анонимным автором по просьбе Герберта, епископа Глазго в 1147–1164 гг., хранилось в соборе. Эта версия жития св. Кентигерна сохранилась лишь фрагментарно: на сегодняшний день существует лишь пролог и первые восемь глав. Таким образом, описаны только зачатие и рождение святого, а далее рассказ обрывается. Собрать воедино многочисленные истории из жизни святого оказалось делом непростым, ведь до этого момента цельных описаний его жизни такого масштаба, видимо, не существовало. Поэтому в качестве источников для своего труда неизвестный автор первого жития использовал «материал, найденный в небольшой книге его <Кентигерна> добродетелей и рассказы верующих» [3, Р. 124]. Житие хранилось в Глазго около тридцати лет, прежде чем было заменено новым.

Написание новой версии жития было поручено Джоселину, монаху цистерцианской обители Фернесс, тоже Джоселином, занимавшим в 1174–1179 гг. епископскую кафедру в Глазго. Житие было создано в беспокойной пограничной полосе. Аббатство Фернесс располагалось на территории исторического Стратклайда и первоначально принадлежало французскому ордену Савиньи. Позднее, то ли благодаря Давиду I, то ли Стефану Блуасскому, так же поддерживающему цистерцианцев, аббатство было передано этому ордену. В ходе гражданской войны в Англии симпатии монахов были на стороне Давида и Матильды, в конфликте с Йорком они так же под-

держали своего короля. Видимо, с самого начала задачей Джоселина было показать исторический суверенитет шотландской церкви от английской. В своей работе он использовал предыдущую версию и «другую маленькую книгу, написанную на шотландском диалекте, переполненную с начала до конца ошибками, но содержащую более подробно жизнь и деяния святого епископа» [3, Р. 30]. Неизвестно, о какой книге шла речь. Компилируя материал из этих двух источников, Джоселин вместе с тем исправлял ошибки текста, уничтожая или редактируя то, что считал противоречащим учению церкви.

Версия Джоселина, написанная на латыни, содержится в нескольких манускриптах, в том числе знаменитом Абердинском бревиарии, Спроустоновском бревиарии нач. XIV в., частично — в Красной книге С.-Асафа в Северном Уэльсе.

В нелегком деле борьбы с Англией святому Кентигерну, символу независимой шотландской церкви, нужна была поддержка. Обращение к культуре Уэльса, напоминание об общем прошлом, как о мирной его стороне (монастырь св. Ниниана в Уитхорне имел дочернюю обитель в Северном Уэльсе), так и о боевой, полной борьбы с захватчиками-англосаксами, стало лучшим и вполне естественным решением. Возвращаясь к былому единству Уэльса и Древнего Севера, частью которого был и Стратклайд, Джоселин, или даже его предшественник, включил в свой труд немалую долю валлийской культурной традиции. В результате помимо того, что почти половина книги посвящена путешествию св. Кентигерна в Уэльс, а сам святой оказался связан узами дружбы с Давидом Валлийским, святым покровителем этой части Британии, элементы бриттской традиции, позднее получившей распространение на юге, встречаются в житии практически повсеместно. Из нее пришли все упоминаемые в тексте правители, кроме того, некоторые эпизоды, такие как встреча св. Кентигерна с Маэлгуном и легенда о Мирддине, известны из валлийских источников.

Возвращение святого покровителя Стратклайда усилило позиции шотландской Церкви в приграничье. К концу XII в. Глазго стал важнейшим религиозным центром региона, а в 1192 г. буллой папы

Целестина III «Cum universi» вся Ecclesia Scoticana была объявлена независимой от Англии, получив статус «особой дочери римского престола» [4, Р. 29].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федоров С. Е., Паламарчук А. А. Средневековая Шотландия. СПб, 2014.
2. Мак-Кензи Агнес. Рождение Шотландии / Перевод, научная ред., вступит. статья С. В. Иванова. СПб, 2003.
3. Lives of S. Ninian and S. Kentigern. Edinburgh, 1874.
4. P. J. Bawcutt and J. H. Williams. A Companion to Medieval Scottish Poetry. Woodbridge, 2006.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕРРАРО-ФЛОРЕНТИЙСКОГО СОБОРА В ВОСПОМИНАНИЯХ СИЛЬВЕСТРА СИРОПУЛА

За долгие века своего существования Византия переживала множество расцветов и падений, но она всегда оставалась незыблемым оплотом православия. Середина XV в. ознаменовалась для Православной Церкви двумя трагедиями — Флорентийской унией с католиками и падением Константинополя.

Проблема законности Ферраро-Флорентийской Унии, ее политические составляющие и ключевая роль в падении Константинополя привлекают внимание исследователей со всего мира. Приверженцы католицизма считают заключенную Унию легитимной, а православные христиане ее отрицают. Кроме того, существуют различные точки зрения целях, которые преследовал византийский император Иоанн VIII, соглашаясь на переговоры с латинянами. Также необходимо выяснить позицию Руси по отношению к Унии.

Источниковой основой данной статьи служит выдающийся памятник Ферраро-Флорентийского собора, написанный его участником Сильвестром Сиропулом, под названием «Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439)». Будучи участником византийской делегации на Ферраро-Флорентийский Собор в должности среднего чиновника, Сиропул составил подробное его описание.

Среди ученых, обращающихся к истории Ферраро-Флорентийского собора немало российских историков. Общими чертами трудов отечественных исследователей являются повышенный интерес к судьбе византийской делегации в Италии и приведение доказательств незаконности Флорентийской унии. Западных же истори-

ков отличает критическая оценка поведения византийской делегации в Италии и рассмотрение сути унии с позиций католицизма.

К середине XV в. Византия находилась в затруднительном положении. Некогда крупная и могущественная держава оставила за собой лишь часть территорий на юге Греции, несколько островов и Константинополь с окрестностями [1, С. 6]. Остальные территории были под властью латинян или Османской империи. Возрастала угроза османского вторжения. Оказавшиеся в безвыходном положении правящие круги Византии, были вынуждены «искать союза и объединения с Западом против общего врага христианства — турок» [1, С. 6]. Ситуация вынуждала задуматься и о проведении Вселенского Собора, эти мысли высказывал и император Иоанн VIII. Сильвестр Сиропул выражает свое отношение к стремлениям императора: «Я восхищаюсь всеми делами императора, но я считаю недостойным подвергать рабству Церковь Христову и передавать ее потомкам, находящуюся в таком состоянии» [2, С. 24]. Отмечая про рабство Православной Церкви, Сиропул понимал выигрышное положение католиков. Уния необходима Византии для получения союзной помощи от Запада, поэтому Иоанну придется согласиться на те условия, которые диктовал папа.

В обсуждении вопроса о союзе с Западом императорское окружение разделилось на две партии [2, С. 25-26]. Партию сторонников унии возглавлял сам император Иоанн, его поддерживали некоторые видные церковные и политические деятели, преимущественно участники посольств на Запад. Другая партия состояла из «зилотов, опасавшихся, что соединение с Западом приведет к утрате греческого наследия и поставит Византию на задний план» [1, С. 7]. Как видно, не только император, но и его приближенные рассматривали Унию больше в политическом и экономическом аспектах, нежели в религиозном. Ломизе отмечает, что присутствовали и протурецкие настроения, ведь по сравнению с угнетением православного духовенства в Генуе и Венеции, османская религиозная политика могла казаться «меньшим злом», однако «туркофильство» не доходило

до измены интересам империи [3, С. 93-96]. Можно сказать, что если основной целью византийской дипломатии было сохранение целостности оставшихся под властью Иоанна VIII частей Империи, то союз с католиками считался наиболее оптимальным, нежели с мусульманами.

В Католической церкви также назрели разногласия. В 1431 г. папой Мартином V был созван Базельский Собор, одной из основных целей которого являлось разрешение религиозного конфликта в Богемии. Но впоследствии собор превратился в оппозицию, не признававшую выбранного в Риме папу Евгения IV, и «еще более подорвал престиж Ватикана» [1, С. 8]. Так, у греков было два варианта заключения Унии: с участниками Базельского собора или с папой Евгением IV, которому объединение с Восточной церковью было необходимо, прежде всего, для восстановления своего авторитета, и в особенности в политических кругах. Грамоты же участников Базельского Собора гласили: «Собор в Василее имеет больше власти и силы, поскольку могучие короли находятся на стороне Собора — в первую очередь германский император Сигизмунд» [2, С. 38]. Тем не менее, нельзя не принять во внимание тот факт, что папа Евгений VI находился в союзе с Венецией, которая на тот момент была одним из богатейших государств Европы, ведя торговлю практически со всеми соседними государствами. Можно предположить, что Евгений VI и венецианцы могли обеспечить Византии более значимую финансовую поддержку, чем на тот момент мог позволить себе Базельский собор.

Как и следовало предполагать, Иоанн направил послов и в Базель, и к папе. Согласно сведениям Сиропула, император поначалу собрался работать вместе с базельскими отцами [2, С. 45]. От греков требовалось согласиться с декретом, составленным в Базеле, во вступлении к которому присутствовала фраза: «Собор исправил ересь богемцев и греков» [2, С. 53]. Логично предположить, что греков оскорбило употребление на одном уровне православной веры с гуситами, что привело к ожесточенной полемике базельских отцов с византийцами.

Мнения историков относительно поворота императора Иоанна в сторону папы Евгения IV расходятся. Архимандрит Амвросий видит причину поворота Иоанна VIII к папе Евгению IV именно из-за этой «тактической ошибки» участников Собора в Базеле [1, С. 8]. Иоанн Мейендорф предполагает, что основой греческих условий было «проведение собора «неподалеку от моря», чтобы восточные послы находились поблизости от своих готовых к отплытию кораблей» [4, С. 10]. Территориальное пожелание греков, по всей вероятности, было также обосновано угрозой нападения Османской империи на Константинополь. В случае прохождения собора на итальянском побережье, греки смогли бы в кратчайшие сроки отплыть к Городу. Пашкин же полагает, что папа был главным католическим авторитетом для греков [5, С. 194]. Если следовать этим доводам, Собор был бы попросту недействителен без санкции понтифика. Пападакис приводит иную точку зрения, делая акцент на составе Базельского собора: участники собора были разделены по четырем основным комиссиям — депутациям, и православную делегацию распределили бы по такому же принципу, а это противоречило их еkkлезиологической концепции, ощущению себя представителями восточного христианства» [6, С. 564-565]. Так, решение византийского императора складывалось на основе комплекса вопросов, в которых ключевую роль играло сопротивление обвинениям в еретических учениях Православной Церкви.

Отдельного внимания заслуживает реакция патриарха Иосифа относительно созыва и ведения Вселенского собора. По мнению Джилля, «во всех делах унии Иосиф занимал второе место. Между главой государства и главой церкви не было равного сотрудничества» [7, Р. 21-22]. Ломизе полагает, что Иосифу II казались сомнительными полномочия Базельского собора, поэтому он требовал присутствия на предстоящем соборе Евгения IV, то есть, «императора волновали лишь политические аспекты подготовки собора, патриарха — его содержательная сторона» [8, С. 109]. Напротив, Сиропул на протяжении всего повествования акцентировал на со-

противлении патриарха готовящемуся Собору и всей поездке в целом. О доминантной личности императора свидетельствуют даже те факты, что при употреблении его имени рядом с именем патриарха, Сиропул всегда первым упоминал Иоанна VIII. Тем не менее, патриарх Иосиф II дал согласие на поездку, уступив давлению со стороны Иоанна VIII и его партии.

Таким образом, греки приняли приглашение папы Евгения, и 24 ноября 1437 г. греческая делегация отбыла в Италию, направляясь сначала в Венецию, а затем в Феррару. Дож Венеции, предполагая неодобрительную реакцию турецкого султана, не желал, чтобы византийцы задерживались здесь надолго, но убеждал греков, будто между папой и западными государями нет конфликтов и, более того, они находятся в согласии с ним [5, С. 159-160]. Можно понять, что венецианцы стремились ускорить принятие решения Иоанном VIII о выборе союзника в пользу папы Евгения IV.

По прибытии в Италию именно император первым отправился к папе, что разочаровало патриарха [2, С. 101]. Затем Иосиф II узнал о необходимости «поклониться до земли и затем облобызать ногу папе» [2, С. 103] и счел данный обычай унижительным. Противостояние между патриархом и папой также можно рассмотреть в политическом аспекте: если бы папа настоял на обычае «лобызания стопы», унизившем патриарха, то Иосиф II, грозившийся удалиться из Феррары, попросту сорвал бы переговоры. Следовательно, Евгений IV отчетливо осознавал риск потери важного союзника, и во избежание конфликтов, отказался от некоторых требований.

Еще одной важной проблемой накануне начала Собора была посадка его участников. Организаторы Собора предполагали, что папа должен сидеть в центре на троне «как первый и соединяющий всех» [2, С. 110]. Однако византийские делегаты выразили несогласие. Так как переговоры опять были под угрозой срыва, католикам пришлось согласиться. Но «со строгими дополнениями»: рядом с папским тронном, «к великой досаде Иоанна VIII», был поставлен трон германского императора [2, С. 111]. Стоит также заметить, что

германский император Сигизмунд I Люксембург умер в 1437 г., поэтому не мог присутствовать на Соборе в Ферраре [9, Р. 47]. Но даже при жизни Сигизмунд поддерживал Базельский Собор, особенно в вопросе борьбы с гуситским движением. Так, патриарх все же оказался в приниженном положении, ему предоставили более отдаленное место, чем Иоанну VIII, и «император убеждал патриарха смириться с этим» [2, С. 112]. Очевидно, он понимал, что без формального присутствия Иосифа на Соборе все принятые на нем договоренности нельзя будет считать действительными. Тем не менее, учитывая расположение патриаршего места на соборе, все основные вопросы надлежало решать именно Иоанну VIII и Евгению IV.

Стоит также отметить о проблеме выплаты папой обещанного содержания греков. Как отмечает Горский, «папа всегда находил в этом лучшее средство преклонять Греков к покорности» [10, С. 49-50]. Об этом свидетельствует и сам Сиропул, повествуя о том, что латиняне «забыли» о выплатах, пока не последуют их мнениям относительно кафедр и провозглашения Собора [2, С. 113-114].

О предстоящей унии были осведомлены правители иных западных государств. Так, великий князь литовский Свидригайло в 1430-х гг. вел переговоры и с Римом, и с Константинополем, а польский король Владислав Ягеллончик получил приглашение от византийского императора Иоанна VIII участвовать в Соборе [11, С. 323-324]. Но только один западный правитель через своих послов принял активное участие в Соборе в Италии — герцог Бургундии Филипп Добрый, подписавший унию значительно позже [9, Р. 46-47]. Документы не подтверждают присутствие каких-либо правителей европейских государств или, по крайней мере, их представителей. Основные католические участники собора — итальянцы и венецианцы. Этот вывод можно сделать на основании изучения списка подписавших унию лиц, где не значится ни один западный монарх, ни один представитель епископата какой-либо западной страны [12, Р. 463-467]. Следовательно, интерес к Ферраро-Флорентийскому собору был не всесторонним, и есть основания не считать его вселенским.

Собор был открыт в соборном храме Феррары 9 апреля 1438 г., с задержкой в 4 месяца [1, С. 19]. Сиропул подробно описывает делегатов, присутствующих на заседаниях. Высокие чины — пятеро первых архонтов Великой Церкви, — никогда не отделялись от патриарха, остальные «садились, где случится, намного дальше, поэтому поневоле не могли возражать или же соглашаться» [2, С. 116]. То есть, что решения на Соборе обсуждались не всей делегацией, а лишь приближенными патриарха. Но, как мы выяснили, патриарх играл гораздо меньшую роль в обсуждении проблемных вопросов Собора в Ферраре, по сравнению с императором. Так как при обсуждении спорных аспектов, внимание акцентировалось в большей степени на политике, нежели на религии, то без согласия императора вердикт вынести было нельзя в любом случае.

Тем временем до Венеции долетели слухи, что эмир готовится к походу против Города [2, С. 131]. Сильвестр Сиропул заостряет внимание на декрете между папой и императором: если во время их пребывания в Италии возникнет нужда в военной помощи, папа пошлет корабли к Константинополю. Однако при просьбе императора о помощи, в ответ было дано: «Постарайтесь сначала, чтобы совершилось единство, и тогда мы направим многочисленные корабли в великую помощь Константинополю» [2, С. 132]. То есть, уже на этом этапе греко-католических переговоров католикам была важнее сама Уния, нежели выполнение обещаний перед союзником. Следовательно, восстановление сильной Византии уже было не выгодно ни одному из ее соседей.

Еще один спорный аспект данного собора — перенесение его из Феррары во Флоренцию. Сиропул не сообщает нам о причинах переноса. Вероятно, низших чинов делегации не посвящали в подобного рода вопросы, тем более что их мнение императора интересовало мало. Опираясь на другие источники Ферраро-Флорентийского Собора, историки более подробно рассматривают причины смены места переговоров. По мнению Горского, в Ферраре опасались снова появления моровой язвы [10, С. 100]. Архимандрит Амвросий полагает, что флорентийцы предложили папе большие сред-

ства, если он переведет Собор во Флоренцию [1, С. 90]. Аристидис Пападакис выражает мнение, что именно неоплаченные векселя и пустая казна (а не угроза чумы) заставили папу перенести собор на юг, во Флоренцию [6, С. 565]. Джилль также говорит о Флоренции как о «главном кредиторе» папы, которая к тому же «находилась на безопасном расстоянии от деятельности Миланского кондотьера» [7, Р. 39], врага Венеции. Так, большинство современных историков видит в переносе собора экономические причины.

Во Флоренции позиция католиков ужесточилась, они перестали идти на компромисс. Папе был задан прямой вопрос: «Что греки получают, если Уния будет заключена?» — Амвросий Погодин полагает, что этим вопросом Иоанн VIII предложил папе «купить» Православную церковь [1, С. 120]. Можно предположить, что император сделал попытку еще раз убедиться в политическом могуществе папы и в реальности той помощи, которую он обещал оказать. Но папа «сразу понял деловую сторону вопроса», и грекам были обещаны оплата их возвращения в Константинополь и 20 военных кораблей [1, С. 121]. Видимо, Иоанна VIII эти положения убедили, потому что под его нажимом греки приняли большинство требований католиков. И «6 июля второго индикта 6947 г. народ собрался в городской великой церкви (Соборе Santa Maria del Fiore)» [2, С. 285].

Православные делегаты открыто признали латинское учение о Святом Духе [12, Р. 461-462], и это явилось, на мой взгляд, одним из самых крупных поражений Православной Церкви во Флоренции. Вопрос о том, законно ли причастие квасным хлебом, как утверждали греки, или опресноками, как утверждали католики, — так и не был решен [12, Р. 463]. Также византийцы все же признали право на существование учения о Чистилище [12, Р. 463], но формулировки этого признания, приведенные в тексте ороса, звучат достаточно расплывчато. Нельзя обойти стороной факт, упомянутый Сиропулом: большая часть делегатов не видела, что конкретно написано в документе, и подписала его лишь после многочисленных угроз императора Иоанна VIII, а патриарх Иосиф скончался раньше объяв-

ления унии [2, С. 300]. Также одним из ключевых спорных аспектов являлся выбор главы новой, объединенной церкви, и, разумеется, он пал на Папу [12, Р. 464]. Заключение Унии принесло папе Евгению желаемый ему результат: победу над Базельским собором и сохранение «традиционного строя Церкви» [13, Р. 411-412].

Интересна реакция Руси на Ферраро-Флорентийскую Унию. Собор описывался русскими монахами, которые также принимали участие в делегации. Как сообщает В. М. Кириллин, большинство памятников датированы началом 40-х гг. XV в. [14, С. 86-87]. То есть, большинство работ опубликовано практически сразу после возвращения на Родину, что говорит о повышенном интересе к Ферраро-Флорентийскому собору. По мнению Н. В. Сеницыной, в трудах русских монахов доминирует мысль о принятии Русью «православной греческой веры» и о московском великом князе как ее защитнике [15, С. 83]. Вероятно, именно заключение этой унизы для православных Унии могло подтолкнуть Василия II к осознанию уникальности русской религии. Кириллин отмечает, что весьма четко заметно разделение участников собора на «своих» — православных и «чужих» — католиков [14, С. 89]. Подобное восприятие участников Собора позволяет понять, что полного религиозного единства греков и латинян не получилось.

Таким образом, заключение Ферраро-Флорентийской Унии действительно имело четкий политический подтекст: император Иоанн VIII рассчитывал на помощь Запада в борьбе с Османской империей, поэтому всячески содействовал подписанию ороса греческой стороной, прибегая даже к угрозам. В этой ситуации патриарх Иосиф II не имел надлежащей власти, к тому же, он скончался, не дожив до дня заключения Унии. Согласно свидетельствам Сильвестра Сиропула и мнениям многих выдающихся историков-византистов, все обещания политического союза, военной помощи и покровительства, данные Евгением, остались лишь на бумаге даже после подписания унии, и всего на десятилетие отсрочили падение Константинополя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архимандрит Амвросий (Погодин)*. Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния. Holy Trinity Monastery, Jordanville; N. Y., 1963 [репр.: Владимир: Посад, 1994]. 242 с.
2. *Сильвестр Сиропул*. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438-1439): В 12 частях / Пер. с греч., вступ. ст., коммент. и указатели диакона А. Занемонца. СПб.: «Издательство Олега Абышко»; «Университетская книга — СПб», 2010. 352 с.
3. *Ломизе Е. М.* Константинопольский патриархат и османская религиозная политика в конце XIV – первой половине XV в. / Ломизе Е. М. // Византийский Временник. 1992 г. Т. 53. С. 89-96.
4. *Мейендорф И. Ф.* Произошла ли во Флоренции встреча между Востоком и Западом? // Вестник РСХД. 1992. №165. С. 5-30.
5. *Пашкин Н. Г.* Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402–1438). Екатеринбург. Изд-во Урал, ун-та, 2007. 238 с.
6. *Пападакис А., Мейендорф И., прот.* Христианский Восток и возвышение папства: Церковь в 1071–1453 гг. / Пападакис А., прот. И. Мейендорф. Пер. с англ. Левитского А. В., Рахновской У. С., Чеха А. А. Православ. Св.-Тихонов. гуманитар. ун-т, 2010. 630 с.
7. *Gill J.* Personalities of the Council of Florence. Oxford: «Basil Blackwell», 1964. 306 p.
8. *Ломизе Е. М.* Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438–1499) // Византийский Временник. 1995 г. Т. 55. С. 104–110.
9. *Halecki O.* From Florence to Brest (1439–1596). Rome: «Sacrum Poloniae Millennium», 1958. 433 p.
10. *Горский А. В.* История Флорентийского Собора: [Магист. дис., переработанная проф. А. В. Горским]. М.: Тип. Семена, 1847. 214 с.
11. *Флоря Б. Н.* Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье: Сборник / Б. Н. Флоря. М.: ЦНЦ ПЭ, 2007. 436 с.
12. *Res Florentiae Gestae / Actorum Graecorum Concilii Florentini // Pontificii instituti orientalium studiorum. Concilium Florentium. Documenta et scriptores. Vol. V.* Roma: «Orientalia Christiana» 1953. P. 457-472.
13. *Gill J.* Council of Florence. Cambridge University Press, 1959. 478 p.

14. Кириллин В. М. «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро-Флорентийском соборе // Древняя Русь, 2001. №1. С. 86-94.
15. Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XIV вв.) М.: Издательство «Индрик», 1998. 416 с.

АННОТАЦИИ

АЛЕКСАНДРОВА М. А. Буллионизм в действии: проблема королевских займов и транспортировки денежных средств в Англию в середине XVI в.

В статье рассматривается практика транспортировки денежных средств английских королевских займов с континента в Англию в середине XVI в. Особое внимание уделено тому, с какими трудностями приходилось сталкиваться английскому королевскому агенту в Нидерландах Т. Грэшему при перевозке заемных денег и как он их преодолевал. На основе официальной корреспонденции Т. Грэшема показано, как финансовые практики английских монархов подстраивались под ограничения, вытекающие из буллионистских представлений эпохи.

Ключевые слова: буллионизм; королевские займы; Томас Грэшем; транспортировка денежных средств в Средние века и раннее Новое время; Англия XVI в.; антверпенская биржа.

АЛЕКСЕЕВА М. С. Антихрист или ирландский король? «Видение Тнугдала» и его скульптурная иллюстрация.

Статья посвящена вопросу иконографии скульптуры на Северном портале монастырской церкви Святого Иакова в Регенсбурге. В качестве источника предлагается взять текст «Видения Тнугдала», созданный в стенах этого монастыря. Автор предлагает новую интерпретацию некоторых образов, оспаривая или дополняя сложившуюся трактовку. В данной статье внимание уделяется фигуре, которую автор атрибутирует как изображение ирландского короля Кормака.

Ключевые слова: иконография; видения; романская скульптура; миссионерство; портал; скульптурная программа.

АНУФРИЕВА А. С. Первое посольство Лиутпранда Кремонского в Константинополь: дипломатическая миссия или образовательная поездка?

В статье анализируются подготовка первого посольства в Константинополь выдающегося оттоновского историографа Лиутпранда Кремонского. Миссия во главе с Лиутпрандом, отправленная в 949 г. от итальянского государя Беренгара II к византийскому императору Константину VII Багрянородному, рассмотрена и в широком контексте политической ситуации сер. X в., и в связи с ее значением в биографии самого посла.

Ключевые слова: Лиутпранд Кремонский; Беренгар II; Константин VII Багрянородный; посольство в Константинополь.

БЕСПАЛЬЧИКОВА Я. Е. Мавзолей Теодориха Великого как финал репрезентации его власти.

В статье рассматривается мавзолей Теодориха Великого в качестве последнего этапа репрезентации власти этого государя. Анализируются особенности funerальной практики поздней Античности — раннего Средневековья: традиции императорских погребений от Константина Великого и захоронений наиболее значимых варварских лидеров IV–V вв. (могила Хильдерика в Турне и захоронение в Концештах), на которые мог ориентироваться Теодорих и его окружение.

Ключевые слова: Теодорих Великий; funerальная традиция; репрезентация власти; Константин Великий; могила Хильдерика в Турне погребение в Концештах.

БИРУЛЯ М. А. Святые как оппоненты светской власти: Торлак сын Торхалля, епископ Скалахольтский и Станислав Щепановский, епископ Краковский.

Характерной чертой для наиболее рьяных деятелей церкви XI–XII вв. является то, что большинство из них прежде, чем начать пытаться проводить реформы в своих епархиях, много путешествовали по основным европейским центрам учености, распо-

женным в Англии, Германии и Франции. Согласно данным источников, Станислав Щепановский (1036–1079) обучался в Париже (возможно, в аббатстве Сен-Виктор). Там же проходил обучение и Торлак сын Торхалля (1178–1193). Сен-Виктор было аббатством каноников-августинцев и являлось международным центром ортодоксально-католической философии.

Ключевые слова: Исландия; Польша; Святой Станислав; Святой Торлак; церковь в Средние века.

ВЕРШИН И. Н. Меланхолия личности в представлении Роберта Бертона.

Труд Роберта Бертона «Анатомия Меланхолии» был плодом всей его жизни и отразил сложный переходный период в истории Британских островов и всей Европы. Это делает его трактат одним из лучших историко-психологических источников для данного направления исследований. Однако углубленное изучение психологического состояния средневекового человека и общества, на данный момент, только набирает обороты. В статье представлен анализ основных выделяемых Робертом Бертоном проблем, терзающих английское общество конца XVI – начала XVII в.

Ключевые слова: Роберт Бертон; «Анатомия Меланхолии»; Англия.

ВЛАСОВА А. А. Феномен социокультурного анализа западного средневекового капитализма в концепциях К. Маркса, М. Вебера и Ф. Броделя.

Статья посвящена проблеме генезиса современного капитализма в странах Западной Европы в трудах К. Маркса, М. Вебера и Ф. Броделя. Автор, анализируя взгляды ведущих западных исследователей, приходит к заключению, что в основе становления капиталистического общества лежат не столько экономические, сколько социальные корни.

Ключевые слова: современный капитализм; К. Маркс; М. Вебер; Ф. Бродель.

ГОЛОВАНЕНКО Д. А. Общие модели обрядового поведения на Руси и в Скандинавии: клятва землей и обряд побратимства.

Статья посвящена сопоставлению двух обрядов: клятвы землей и обряда побратимства. В рамках данной работы проанализированы функции и механизм указанных практик, а также роль земли в каждом из них. На основании этого сопоставления сделано предположение о наличии общих мифологических и культурных основ у данных обрядов.

Ключевые слова: обряд; клятва землей; побратимство; Скандинавия; Русь.

ГУСАКОВА А. В. Св. Кентигерн и борьба шотландской церкви с архиепископством Йорка в XII в.

Статья посвящена проблеме обретения шотландской Церковью независимости от английской Церкви, представленной в данном вопросе архиепископством Йорка. Конфликт церковных иерархов, вызванный спорами о подчиненности приграничных земель, тянулся в течение пяти веков и завершился победой шотландцев. Не последнюю роль в этой борьбе сыграло восстановление диоцеза в Глазго и возвращение на историческую сцену святого Кентигерна как символа новой независимой шотландской Церкви.

Ключевые слова: шотландская Церковь; архиепископство Йорка; аббатство Айоны; Стратклайд; Джоселин; святой Кентигерн; Давид I.

ДИНГЕС М. А. Валленштейн в историографии XVIII в.

Статья посвящена рассмотрению гибели Валленштейна в историографии XVIII в. — в «Истории Тридцатилетней войны» Шиллера, а также в трудах его предшественников. Особое внимание уделено тому, что было унаследовано от барочной историографии и отличает биографии Валленштейна эпохи Просвещения от биографий XIX в. При анализе учитывались изменившиеся в сравнении с предшествующей эпохой социальное положение и задачи авторов биографий.

Ключевые слова: Альбрехт фон Валленштейн; Фридрих Шиллер; Тридцатилетняя война; эпоха Просвещения; немецкая историография.

ДОЛКОВА Е. А. К вопросу об использовании права г. Брейтель в качестве источника городского права Валлийской Марки в XI–XIII вв.

В статье анализируется рецепция правовых установлений нормандского г. Брейтель при создании хартий городов Валлийской Марки в XI–XIII вв. Право Брейтеля впервые было заимствовано в г. Херефорд, который находился под управлением Уильяма Фицосберна, владельца сеньории Брейтель в Нормандии. Впоследствии обычаи Брейтеля, которые по значению сравниваются с Магдебургским правом, стали образцами городского права для таких городов Марки как Хритлан, Шрусбери, Монтгомери, Ладлоу, Хаверфордвест, Кардиф и др.

Ключевые слова: Валлийская Марка; Обычай Марки; Брейтель; городское право; нормандское завоевание Англии; лорды Марки.

ДРЕМОВА В. С. Цветы в испанской живописи XV в.

Цветочные мотивы встречаются в картинах на протяжении всей истории живописи Европы и, в частности, Испании. В XV в. растительные образы еще не выделяются в самостоятельный жанр, но их изучение с периода позднего Средневековья — раннего Возрождения поможет глубже понять истоки испанского натюрморта Золотого века.

Ключевые слова: изображения цветов; интернациональная готика; цветочный натюрморт; испанская живопись.

ЖИГАЛОВА Н. Э. Фессалоника под властью венецианцев (1423–1430): антилатинские настроения горожан в условиях турецкой осады.

Статья посвящена теме усиления антилатинских настроений в Фессалонике накануне ее захвата турками в 1430 г. Автор затрагивает проблему недовольства греческого населения венециан-

ской властью в Фессалонике в период венецианского владычества 1423–1430 гг. По материалам сочинения византийского писателя Иоанна Анагноста характеризуются взаимоотношения греков и латинян в Фессалонике и выявляется отношение горожан к венецианскому правительству. Внимание также уделено авторской характеристике венецианцев.

Ключевые слова: Фессалоника; Византия; турки-османы; Венеция; Иоанн Анагност.

ЗАЙЦЕВ А. А. Развитие историографии Ренессанса в США в контексте европейской ученой эмиграции 1930-х гг.

Статья посвящена некоторым аспектам становления ренессансоведения в США. Затрагивается вопрос соотношения ренессансоведческих штудий и медиевистики, Средних веков и Ренессанса, проблема сочетания европейских и американских научных традиций. Делается вывод о решающем значении эмиграции 1930-х гг. для становления *Renaissance studies* в США как отдельного научного направления.

Ключевые слова: Ренессанс; историография; история науки; интеллектуальная история; «бунт медиевистов».

ЗАЙЦЕВА А. В. Дьявол и демон на небесном суде в трактате Бартоло да Сассоферрато «Процесс сатаны против человеческого рода».

Трактат «Processus satanae contra genus humanum», авторство которого приписывается средневековому юристу Бартоло да Сассоферрато (1313/14–1357), посвящён судебному процессу, на котором дьявол борется за возвращение ему права обладать всем человеческим родом. Его представителем в суде является специально избранный демон, которому противостоит защитница человечества Дева Мария и Иисус Христос Судия. В статье рассматривается связь между дьяволом и демоном, каждый из которых хоть и обладает своей индивидуальностью, все же сливаются в едином образе. Дьявол не покидает пределов Ада и вступает в суд под ма-

ской демона, который находится в присутствии и обладает физическим обликом. Дьявол является некоей совокупностью пороков, которой причастны и все демоны, и именно поэтому свойства каждого отдельного демона переносятся на сатану, и наоборот. Также фигура демона-представителя помогает построить образ земного мира в трактате, так как именно на земле представитель дьявола подписывает свой документ о поручительстве. С помощью даты и примерного места составления и подписания документа становится возможным встроить события трактата в современные для его автора реалии.

Ключевые слова: Satanprozesse; образ дьявола; образ демона; Бартоло да Сассоферрато; небесный суд; всеприсутствие демона; симметрия Ада и Рая.

ЗАЙЦЕВА Т. И. Изучение «истории мужчин» в современной немецкой медиевистике.

В статье рассматривается состояние гендерных исследований «мужской истории» средних веков и начала раннего Нового времени в современной немецкой историографии. Охарактеризован круг проведенных в данной научной области исследований, обозначены используемые понятия и термины, рассматриваемые сюжеты и темы, источниковая база. Ключевые слова: «мужская история», современная немецкая медиевистика, средние века и начало раннего Нового времени.

Ключевые слова: гендерная история; история мужчин; немецкая историография.

ЗВЯГИНА Е. Д. Взаимоотношения Григория Великого и короля Реккареда в контексте распространения папской власти на Западе.

Статья посвящена анализу взаимоотношений папы Григория и короля вестготов Реккареда на материале их переписки. Анализ показывает потребность папы в союзе с королем в контексте противостояния экспансии Византии на юге Испании и политики по сплочению христианского мира под эгидой Западной Церкви.

Ключевые слова: Григорий; Реккаред; Толедское королевство; королевская власть, Церковь.

КОВРИЖЕНКО Е. В. Триумф короля Альфонса I Арагонского по «Изречениям и деяниям короля Альфонса» Антонио Беккаделли.

В статье рассматривается описание в произведении Антонио Беккаделли «Изречения и деяния короля Альфонса» триумфального въезда короля Альфонса I Великодушного (1442–1458) в Неаполь. Триумф состоялся в 1443 г., после окончательной победы короля Альфонса над анжуйскими претендентами на неаполитанский трон. Автор работы приходит к выводу о важной роли этого описания в произведении гуманиста для решения двоякой задачи: создания образа Альфонса I как монарха нового гуманистического типа и обоснования прав Арагонской династии на Неаполитанский престол.

Ключевые слова: Неаполитанское королевство; Альфонс I Великодушный; въезд правителя в город; Антонио Беккаделли.

КРИВОЩЕКОВА В. Н. Святость в политическом измерении: пророчество святого Колумбана.

В статье рассматривается сюжет пророчества из «Жития св. Колумбана», в котором святой предсказал трем меровингским королям объединение франкского королевства при Хлотаре II. Анализ различных смысловых уровней пророчества позволяет взглянуть на него как на отражение политической конъюнктуры в Галлии середины VII в. и как на инструмент легитимации произошедших событий через авторитет святости.

Ключевые слова: св. Колумбан; пророчество; Меровинги.

ЛАПУНОВ А. А. Патриарх Фотий и проблема церковной юрисдикции над Болгарией.

Патриарх Фотий понимал важность крещения Болгарии, поэтому на конфликт с Папой Римским, отстаивая церковную юрисдикцию Константинополя над этой страной. Однако дей-

ствия Фотия не предполагали нападок на Римскую кафедру, как потом были интерпретированы его действия, а только на политику Папы Николая I в отношении Болгарии.

Ключевые слова: Папа Римский Николай I; Патриарх Фотий; Христианство; Болгария; раскол.

ЛЕВИНСКАЯ Я. В. Византийский император Михаил VIII Палеолог в оценках современников.

Император в Византии всегда наделялся определенным набором добродетелей и доблестей. Статья посвящена проблеме восприятия императорской власти Михаила VIII Палеолога в трудах поздневизантийских историков: Георгия Акрополита, Георгия Пахимера, Никифоры Григоры. Определен набор традиционных свойств василевса в трех ипостасях: император-воин, император-филантроп, император-философ. Особое внимание уделено критике политической деятельности первого Палеолога.

Ключевые слова: Византия; Михаил VIII Палеолог; императорская власть; Георгий Акрополит; Георгий Пахимер; Никифор Григора.

МИГУНОВА А. В. Как жить в изгнании? Резиденции князей-эмигрантов в Тридцатилетнюю войну.

Ранее Новое время ознаменовалось мощнейшими социальными коллизиями в истории Европы. Тридцатилетняя война бесспорна стала одной из них. Протестанские князья, сражавшиеся на стороне противников короны, подвергшиеся опале, вынуждены были искать прибежище и «новый дом» для себя, своей семьи и двора за пределами империи. В центре внимания статьи поиски этого самого «нового дома». Особая роль отводится резиденциям трех протестанских семей: пфальцских Виттельсбахов, герцога Вюртембергского и маркграфа Баден-Дурлахского.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война; миграция; дворянство.

МИТЮРЕВА Д. С. Королевская власть в представлении Жана Бодена и Якова I Стюарта.

В статье предпринимается попытка проследить рецепцию политических идей Жана Бодена в ранних трудах Якова I Стюарта. Анализ глубины взаимосвязи политических традиций Франции и Англии может помочь нам пролить свет на представления европейских мыслителей раннего Нового времени об идеальном государственном устройстве, которые появлялись в процессе этих негласных дискуссий.

Ключевые слова: Боден; Яков I; абсолютизм; суверенитет; божественный закон.

ПИКИН А. В. Церковные лидеры перед королями варваров в середине V в.: посольства Льва Великого и Северина Норикского.

Статья посвящена трем эпизодам из истории посольств V в. Автор рассматривает эти миссии и сравнивает с типичной практикой посольств. Вывод автора состоит в том, что эти посольства, несмотря на кажущиеся отличия в некоторых моментах совершенства, находятся в одном ряду с прочими.

Ключевые слова: посольства; Лев Великий; Северин Норикский; церковные лидеры.

ПРОХОРОВА М. Ю. Поиски оптимальной организационной формы международного сотрудничества: чешская и французская модель — сравнительный анализ.

В статье история международных организаций интерпретируется как история поиска оптимальных организационных форм международного сотрудничества. В первой части статьи, мы проанализировали чешскую модель международной организации: проекты короля Иржи Подебрада (1420–1471) и трактата Ян Амоса Коменского (1592–1670). «Христианская Лига» короля Иржи — это проект юридического документа, договора об утверждении международной организации для установления мира на евро-

пейском континенте. «Всеобщий совет об исправлении человеческих дел» Я. А. Коменского — это проект универсальной формы международного сотрудничества для исправления человеческой природы и установлению всеобщего мира. Во второй части статьи, мы анализируем французские модели — короля Генриха IV (1553–1610) — М. Сюлли (1560–1641) и А. Гудара (17??–1791). Проект Генриха IV — «Великая республика» и проект Гудара — «Мир Европы не может иначе восстановиться, как по продолжительном перемирии или Проект всеобщего замирения сопряженного купно с отложением на двадцать лет между всеми политическими державами», по нашему мнению, это модели юридической организации общества и одновременно социально-политические трактаты. В статье автор делает попытку представить историю концепций международных союзов не только как историю правовых проектов, но и как социокультурный феномен, развивая тем самым направление в изучении международных организаций с позиций социологии права.

Ключевые слова: международная организация; история поиска оптимальных организационных форм международного сотрудничества; «Христианская Лига»; «Всеобщий совет об исправлении человеческих дел»; «Великая республика»; «Мир Европы».

РЕВА К. С. Шотландская корона и парламент в 1424–1426 гг.: восстановление финансовых привилегий.

Статья посвящена рассмотрению отношений короля Якова I и его вассалов в первые годы его самостоятельного правления, отразившихся в записи статута шотландского парламента. Автором была предпринята попытка проследить динамику развёртывающихся в эти годы событий, а также направления королевской политики на основе материалов парламентских актов.

Ключевые слова: Средневековая Шотландия; шотландский парламент; династия Стюартов; Яков I Шотландский.

СЕМЕНОВА П. Н. Блаженный Августин о епископском служении: проповеди 339 и 340А.

Статья посвящена проповедям 339 и 340А блаженного Августина, произнесенным в дни годовщины его рукоположения и хиротонии нового епископа. Основная их тема — епископское служение, сан, которому Августин посвятил большую часть своей жизни. В докладе рассматривается, как конструируется и развивается образ епископа у Августина-проповедника. В центре внимания автора — метафора *sarcina episcopatus* и библейские цитаты, на которые опирался Августин в своих рассуждениях.

Ключевые слова: блаженный Августин; епископское служение; проповеди.

СИМОНЖЕНКОВА Е. М. Особенности восприятия России начала XVII в. испанскими литераторами.

Данная работа посвящена проблеме восприятия России начала XVII в. жителями Испании. Автор рассматривает различные аспекты образа России эпохи Смутного времени, включая отношение испанцев к личностям царей, православной церкви, а также всей русской истории. Особое внимание уделяется их взгляду на идеального монарха и, наоборот, деспота на троне. Данное исследование выявило причины формирования такого мнения о России и его вероятные последствия. Необходимо уточнить, что, для понимания трансформации представлений о России, были проанализированы два специфических разновременных источника — более ранняя пьеса Лопе де Веги «Великий князь Московский, или Преследуемый Император» и более поздняя пьеса Педро Кальдерона де ла Барки «Жизнь есть сон».

Ключевые слова: Лопе де Вега; Кальдерон; русско-испанские отношения; образ России в литературе; Смутное время; орден иезуитов; православие и католичество.

СИНИЦА М. М. Иоанн Лид и проблема возникновения антикварианизма в ранневизантийскую эпоху.

Данная работа посвящена проблемам возникновения антикварианизма в ранней Византии, выраженного в работах константинопольского чиновника и писателя VI в. Иоанна Лиды. В работе рассматриваются основные антикварные особенности, выделяемые исследователями в творчестве вышеупомянутого писателя, и анализируются объективные и субъективные причины их складывания. В результате делается вывод о том, что антикварные интересы Иоанна Лиды были сформированы его эпохой и отражали ее основные культурные тенденции.

Ключевые слова: антикварианизм; Иоанн Лид; ранняя Византия; VI век.

СЛЯДЗЬ А. Н. «Насколько яркий, настолько же малоизвестный»: император Юстиниан II в кривом зеркале истории.

Статья посвящена эпохе Юстиниана II Ринотмета, которая традиционно оценивается как вереница крупных поражений, бессмысленных начинаний и оголтелого террора. В то же время пристальный взгляд на события рубежа VII–VIII вв. позволяет понять, что царствование Юстиниана II явилось завершающим этапом крутой социальной трансформации и глубокого преобразования экономических основ Византии.

Ключевые слова: Византия; Юстиниан II Ринотмет; Ираклийская династия; Кризис VII века.

ТЕРЕНТЬЕВА Е. А. «Мистические образы великолепного и драгоценного кабинета дам» Андре Дюшена.

Статья посвящена одной из работ французского эрудита и выдающегося историка первой половины XVII в. Андре Дюшена. «Мистические образы великолепного и драгоценного кабинета дам» — одна из первых опубликованных им книг. По тематике значительно отличаясь от остальных его трудов, она, однако, не только органично вписывается в общий контекст его наследия, но и

позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся биографии ученого, которая до сих пор остается недостаточно исследованной.

Ключевые слова: XVII век; Андре Дюшен; Франция; французское историописание; эрудиты.

ТИШУНИН Е. Г. Английский парламент в дневнике Эдуарда VI.

Статья посвящена дневнику Эдуарда VI. В центре рассмотрения лежат оставленные королем записи, посвященные деятельности английского парламента в период правления монарха с 1547 по 1553 гг. Основная часть этих заметок посвящена законам, затрагивающим процесс реформирования церкви. Королем упомянуты в дневнике следующие акты: «О ликвидации часовен», «О бродягах», «О единообразии», «Об упорядочивании церковных служителей».

Ключевые слова: дневник Эдуарда VI; Английский парламент; XVI век; Тюдоры.

ТУМИНСКАЯ О. А. Образы новгородских юродивых в произведениях искусства Великого Новгорода эпохи позднего русского Средневековья.

В статье предлагается обратить внимание на две известные иконы новгородского происхождения эпохи позднего Средневековья, в которых изображены юродивые во Христе. Размышления об образах юродивых в искусстве XVI в. доказывает высокую степень развития местной культуры, а предъявляемые в статье иконы могут быть трактованы как примеры мощного самобытного образительного наследия в ряду русского средневекового искусства.

Ключевые слова: юродивый во Христе; иконы местночтимых новгородских святых Николая Кочанова или Феодора Блаженного.

УТУЗИКОВ С. В. Послание, написанное королевой Кастилии на исходе Реконксты.

Данная статья посвящена анализу обнаруженного в Российской национальной библиотеке в коллекции П. П. Дубровского письма Изабеллы Кастильской королю Франции Карлу VIII, на-

писанного за несколько недель до взятия Гранады. Найденный документ открывает новые подробности завершающего периода Реконкисты в Испании.

Ключевые слова: Кастилия; Изабелла I; Реконкиста.

УШАКОВА В. Г. Архитектурная декорация базилики в Трое: к вопросу о генезисе романской скульптуры Южной Италии.

В статье рассматривается анатомическое строение одного скульптурного мотива в декоративном оформлении нижнего яруса романской базилики XII столетия в южноитальянском городе Троя. Морфологический анализ множественного ряда близких ему аналогий в восточнохристианском и в исламском искусстве позволяет задуматься о средиземноморском строении формы — едином как для востока, так и для запада — и уходящем в великую древность I-II вв. н. э.

Ключевые слова: романское искусство; Южная Италия; скульптура; архитектурная декорация; Апулия; Троя.

ФЕДОННИКОВ Н. А. Образ королевской власти в «De Ordine Palatii» Хинкмара Реймского.

Данное исследование посвящено рассмотрению королевской власти в системе политических взглядов Хинкмара, архиепископа Реймского. В основе данного доклада лежит анализ его последнего труда, «De ordine palatii» (882), написанного для короля Западного королевства франков Карломана II в качестве наставления в управлении двором и королевством. На материале текста удалось выявить, кем для Хинкмара являлся король, какими качествами он должен был обладать, а также какими конкретными полномочиями он был наделен.

Ключевые слова: Хинкмар Реймский; Каролинги; Образ королевской власти; «De ordine palatii».

ФЕДОРОВА Т. Е. Ковровые страницы в Островной книжной миниатюре: в поисках аналогий.

Статья посвящена такому значительному феномену англо-ирландской книжной миниатюры как ковровая страница. Рассма-

тривая различные памятники раннего Средневековья, автор обращает внимание на подход их создателей к структурированию и заполнению плоскости. Подобный анализ помогает выявить сходные приемы организации пространства и возможные источники композиций ковровых страниц.

Ключевые слова: средневековое искусство; книжная миниатюра; ковровые страницы; орнамент.

ШАБАНОВ И. П. Исследование феномена кругового путешествия ирландского святого на примере «Vita sancti Albei».

В данной работе исследуется феномен кругового путешествия на примере входящего в «Vitae Sanctorum Hiberniae» жития святого Айлбе. Исходя из анализа научных работ, можно сделать вывод, что исследование данного феномена началось в XX в., и охватывало социально-экономическую и политическую сторону вопроса. Анализ жития позволяет судить об авторстве, хронологических рамках составления жития и самого путешествия, месте составления. Кроме того, проанализированы особенности путешествия и факторы влияния на них, обнаружены «ядро культа» и области притязаний святого Айлбе.

Ключевые слова: феномен кругового путешествия; святой Айлбе; символический объезд.

ШЕРИХОВА Е. А. Метод Никколо Макиавелли в интерпретации Клода Лефора: экономическое измерение политики.

Статья посвящена анализу экономического аспекта наследия Никколо Макиавелли. В качестве исследовательской задачи авторами была определена попытка оценить состоятельность тезиса Клода Лефора относительно идейной связи рассуждений Макиавелли о «народе» и «классовой теории» Карла Маркса. Обосновывается мысль о том, что именно флорентийский мыслитель открыл внутренние, ни к чему не редуцируемые различия между социальными группами управляющих и управляемых, что позволило взглянуть по-новому и на политику. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке истории и историографии.

Ключевые слова: неомарксизм; экономика; Маркс; Макиавелли.

ШИШКОВА А. С. Политические аспекты Ферраро-Флорентийского собора в воспоминаниях Сильвестра Сиропула.

Статья рассматривает политические составляющие Ферраро-Флорентийской унии, ее ключевую роль в падении Константинополя. Как известно, приверженцы католицизма считают унию легитимной, а православные христиане ее отрицают. Кроме того, существуют различные мнения о целях, которые преследовал византийский император Иоанн VIII, соглашаясь на переговоры с католиками. Наконец, много споров вызывает вопрос о том, почему выбор Иоанна пал именно на папу Евгения IV, а не на сторонников Базельского Собора, находившегося в оппозиции Риму. Также в статье представлена интерпретация греко-католической унии русскими монахами. Источниковой основой статьи служит памятник Ферраро-Флорентийского собора, написанный его участником – Сильвестром Сиропулом, под названием «Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе».

Ключевые слова: уния; Ферраро-Флорентийский собор; Иоанн VIII; Евгений IV; православие; католичество.

ЮЩЕНКО А. В. Обстоятельства издания «Historical collections» Джона Рашуота.

Рассматривается ряд изданий коллекций английского парламентария, участника гражданской войны и личного секретаря Оливера Кромвеля, Джона Рашуота (John Rushworth) — «Historical collections». Характеризуются обстоятельства выхода в свет. Также дается обзор биографии автора, Джона Рашуота, раскрывается роль издателя коллекций, Джона Вильдмана (John Wildman), ставшего в определенной степени соавтором части описываемых изданий.

Ключевые слова: Англия; гражданская война; Джон Рашуот; «Исторические коллекции»; Джон Вильдман.

SUMMARIES

ALEKSANDROVA M. Bullionism in action: Crown borrowing and transportation of money to England in the middle of the XVIth c.

The article deals with transportation of money and bullion of English crown loans from the continent to England in the middle of XVI c. It focuses on the difficulties faced by T. Gresham, English royal agent in the Netherlands while transporting borrowed money and the ways of getting over these difficulties. Based on Gresham's official correspondence the article shows how English monarchs' financial practices adjusted to the limitations resulting from bullionist ideology.

Key words: bullionism; royal borrowing; Thomas Gresham; transportation of money in the Middle Ages and Early Modern period; XVIth-century England; Antwerp Bourse.

ALEXEEVA M. Antichrist or the Irish king? «Vision Tnugdali» and its sculptural illustration.

The article is dedicated to the iconographic issue of the sculpture on the North Portal of the St. James Church in Regensburg. The text «Vision Tnugdali» which was created at this monastery is considered as a source for the iconography. The author is suggesting the new interpretation of several images, disputing or supplementing the prevalent theory. In this article the author is paying attention to the figure which here is interpreted as the image of the Irish king Cormac Mac Carthaig.

Key words: iconography; visions; Romanesque sculpture; missionary; portal; sculptural program.

ANUFRIEVA A. The first legation to Constantinople of Liutprand of Cremona: a diplomatic mission or an educational trip?

The article analyzes the preparation of the first legation to Constantinople of the eminent Ottonian historiographer Liutprand

of Cremona. The mission led by Liutprand, sent in 949 from the Italian ruler Berengar II to the Byzantine emperor Constantine VII Porphyrogenetos is analyzed both in the broad context of the political situation in the middle of the 10th century and with regard to its importance in the biography of the ambassador.

Key words: Liutprand of Cremona; Berengar II; Constantine VII Porphyrogenetos; Mission to Constantinople.

BESPALCHIKOVA Y. Mausoleum of Theoderic the Great as the finale of his power representation.

The central issue of the article is Theoderic the Great's mausoleum, which, with its architectural features, reflects the final stage of the ruler's power representation. Analyzing the funeral practice of the Late Antiquity and the Early Middle Ages the author attempts to interpret the place of the mausoleum in the tradition of burial places of emperors and tribal chiefs. Constantin the Great's burial, Childeric's grave and the tomb in Concesti are studied as the most convincing examples.

Key words: Theoderic the Great; funeral practice; power representation; Constantin the Great; Childeric's grave; tomb in Concesti.

BIRULYA M. Saints as opponents of secular authorities: Thorlak son of Torhall, bishop of Skalaholt and Stanislaus of Szczepanow, bishop of Krakow.

A characteristic feature of the most zealous church leaders XI–XII centuries is that most of them before start trying to implement reforms in their dioceses, have traveled on the main European centers of learning located in England, Germany and France. According to sources, Stanislaus of Szczepanow (1036–1079) was studied in Paris (probably in the Abbey of Saint-Victor). There was studied and Thorlak Thorhallsson (1178–1193). Saint-Victor was abbey of Augustinian canons and an international center of the orthodox Catholic philosophy.

Key words: Iceland; Poland; St. Stanislaus; St. Thorlak; The Church in the Middle Ages.

DINGES M. Wallenstein in the XVIII century historiography.

The article is devoted to the death of Wallenstein in the XVIII century historiography. In the «History of the Thirty Years' War» by Schiller, as well as in the writings of his predecessors. Particular attention is paid to what has been inherited from the baroque historiography and features Wallenstein's biographies of Enlightenment from the biographies of the XIX century. In the analysis were considered the social statuses and tasks of authors of biographies, which changed in comparison with the previous era.

Key words: Albrecht von Wallenstein; Friedrich Schiller; The Thirty Years War; the Age of Enlightenment; the German historiography.

DOLKOVA E. The reception of Breteuil customs in the urban law of the Welsh March in the XI–XIIIth centuries.

The article is devoted to the reception of Breteuil customs during urban colonization of the Welsh March. The first reception was made in Hereford by Earl of Hereford William fitz Osbern, who was the Lord of Breteuil. Subsequently, the customs of Breteuil, which was comparable with the Magdeburg Law, became models of urban freedoms and privileges for such cities as Rhuddlan, Shrewsbury, Montgomery, Ludlow, Haverfordwest, Ellesmere, Cardiff etc.

Key words: March of Wales; Breteuil; Law of the March; burghal custom; Norman Conquest of England; Marcher lords.

DREMOVA V. Flowers in the Spanish painting of the XV century.

We can see flower motives in the works of Spanish painters during the history of medieval painting. Although vegetal motives in this period were never represented as single images, they help us to perceive the evolution of art in the Spain of the XV century. The analysis of flower symbolic is important for understanding the provenance of Spanish still-life of the Golden Age.

Key words: images of flowers; international gothic; still-life; Spanish painting.

FEDONNIKOV N. Kingship in political ideas of Hincmar of Reims, according to admonition «De ordine palatii».

This research is devoted to consideration of kingship in political thought of Hincmar, archbishop of Reims. The article is based on the analysis of his last writing, «De ordine palatii» (882), which was written for the king of Western Frankish Kingdom, Karloman II, as an instruction for administration of court and kingdom. The text of admonition shows, how Hincmar defined the title of the King, which qualities he should have had, and which specific functions he had.

Key words: Hincmar of Reims; Carolingians; The image of kingship; «De ordine palatii».

FEDOROVA T. Carpet Pages in the Insular Illumination: in Search of Analogies.

The article is devoted to the carpet page which is a significant phenomenon of Anglo-Irish manuscript illumination. Contemplating various Early Medieval works of art, the author pays attention to their masters' approach to creating the structure and filling the surface. Such analysis assists to detect similar methods of the space arranging and possible sources of the design of the carpet pages.

Key words: Medieval art; illuminated manuscripts; carpet pages; ornament.

GOLOVANENKO D. The Common Patterns of Ritual Behaviour in Old Rus' and Scandinavia: an Oath by Earth and a Ritual of Blood Brotherhood.

The following article focuses on the comparison of the two rituals: the oath by earth and the ritual of blood brotherhood. Having analyzed the functions and the mechanism of the rituals mentioned as well as the role of earth in each of them, on the ground of this comparison, we will make the supposition of common mythological and cultural basis of the rituals.

Key words: ritual; oath by earth; blood brotherhood; Scandinavia; Old Rus'.

GUSAKOVA A. St. Kentigern and struggle of the Church of Scotland to the archbishopric of York in the XII century.

The article is dedicated to the Scottish Church's acquisition of independence from the Church of England, presented in this issue by the archbishopric of York. The conflict between the Church hierarchy, caused by the controversies about the subordination of border lands had been lasting for five centuries and was concluded with the Scots's victory. Not the least role in this struggle was played by the restoration of the diocese of Glasgow and returning to the stage of history of St. Kentigern as a symbol of a new independent Scottish Church.

Key words: Scottish Church; archbishopric of York; Iona Abbey; Strathclyde; Jocelyn; Saint Kentigern; David I.

KOVRIZHENKO E. The triumph of Alfonso I of Aragon in Antonio Beccadelli's «De dictis et factis Alphonsi regis Aragonum et Neapolis»

The article examines the description of the triumphal entry of Alfonso the Magnanimous into Naples in Beccadelli's «De dictis et factis Alphonsi regis». The triumph taken place in 1443 is considered to be a mixture of traditional features of royal entry and new «renaissance» ones. The description of the triumph takes an important place in Beccadelli's work as it is aimed to create the image of Alfonso I as a new humanistic kind of monarch and also to legitimate the rule of the House of Aragon in Naples.

Key words: the Kingdom of Naples; Alfonso I the Magnanimous; royal entry; Antonio Beccadelli.

KRIVOSHCHEKOVA V. Sanctity in the political dimension: prophecy of St. Columbanus.

The paper examines the motive of prophecy in the «Vita Columbani», where the saint foretold the reunion of the Frankish realm under the rule of Chlothar II. Analysing the meaning of this prophecy on different levels helps to build its perception as a reflection of the political situation in the mid-seventh-century Gaul as well as an instrument of legitimation through the authority of sanctity.

Key words: St. Columbanus; prophecy; the Merovingians.

LAPUNOV A. Patriarch Photios and the problem of ecclesiastical jurisdiction over Bulgaria.

Patriarch Photios realized the importance of baptism in Bulgaria, so went on the conflict with the pope, defending the ecclesiastical jurisdiction of Constantinople over this country. However, Photios' actions did not mean the attacks on the Roman cathedra, as it was interpreted by his actions, but only on a policy of Pope Nicholas I against Bulgaria.

Key words: The Pope Nicholas I; Patriarch Photios; Christianity; Bulgaria; Schism.

LEVINSKAIA I. The Byzantine emperor Michael VIII Palaeologus in esteems of contemporaries.

Emperor in Byzantium always vested a certain set of virtues and valors. The article is devoted to the problem of the imperial power of Michael VIII Palaeologus in the works of late Byzantine historians: George Akropolites, George Pachymeres, Nicephorus Gregoras. In the article is defined a set of traditional characteristics of basileus in three persons: the emperor-warrior emperor philanthropist, the emperor-philosopher. Particular attention is paid to the criticism of the political activity of the first Palaeologus.

Key words: Byzantium; Michael VIII Palaeologus; imperial power; George Akropolites; George Pachymeres; Nicephorus Gregoras.

MIGUNOVA A. How to live in exile? Residences of emigrant princes in the Thirty Years' War.

Early modern historical period was marked by strong social conflicts in European history. The Thirty year's war become one of them undoubtedly. The Protestant princes, who fought on the side of the opponents of the crown exposed to the disgrace, were forced to seek refuge and «new house» for himself, his family and his court outside the empire. The focus of the article to the search for this «new home». A special role is given to residences of Protestant emigration of three families: the Palatinate Wittelsbach, Duke of Württemberg and the Margrave of Baden-Dorfschule.

Key words: Thirty Years' War; migration; nobility.

MITYUREVA D. The Royal power in the presentation of Jean Bodin and James I Stuart.

The paper deals with the reception of Jean Bodin's political ideas in the early works of James I Stuart. The analysis of the relationship between the political traditions of France and England help us to understand the presentation of the ideal political system of European thinkers of the early Modern period.

Key words: Bodin; James I; absolutism; sovereignty; the divine law.

PIKIN A. The Leaders of the Church Vis-à-vis the Barbarian's Kings in the Middle of Fifth Century: the Embassies of the Leo the Great and Severinus of Noricum.

The article focuses to three episodes from the history of embassies of the fifth century. The author considers these missions and compares with a typical practice. The author's conclusion is that the embassy, despite the seeming differences in some moments of commission, are in the same row with others.

Key words: church leaders; embassies; Leo the Great; Severinus of Noricum.

PROHOROVA M. The search for optimal organizational forms of international cooperation: Czech and French model — a comparative analysis.

In our article, the history of international organizations is interpreted as the story of finding the best organizational forms of international cooperation. The author reviewed one of their first successful projects implementing in practice the idea of cooperation and mutual support in the face of military threat-Delian Union. The in the first part author made a comparative legal analysis of the projects of King Irgy Podebrady (1420–1471) treatise and Yan Amos Komenskeiy (1592–1670). King Irgy «Christian League» created a project of legal document, an agreement on the approval of an international organization to establish peace on the European continent. Y. A. Komenskeiy «Universal Council for the correction of human affairs» s a project of the

universal forms of international cooperation to correct human nature and the establishment of universal peace. In the second part, we analyze the French models of King Henry IV (1553–1610) — M. Syulli (1560–1641) and A Gúdar (17??–1791). The project of Henry IV — «The Great Republic» and the project Gúdar — «Peace in Europe can not otherwise be restored as of continuous truce or draft general fading conjugated jointly with the deposition of twenty years between all political powers», in our opinion, are a modesl of legal organization of society and also socio-political treatises. In this article, we try to present the history of the concepts of international alliances not only as legal history projects, but also as a sociocultural phenomenon, thereby developing direction in the study of international organizations from the standpoint of Sociology of law.

Key words: international organizations; the search for an appropriate organizational form of international cooperation; «Christian League»; «Universal Council for correction of human affairs»; «The Great Republic»; «Peace in Europe».

REVA K. Scottish Crown and Parliament in 1424–1426: the restoration of financial privileges.

The article is devoted to the relationship of King James I and his vassals on the early years of independent rule, reflected in record of the statutes of the Scottish Parliament. The author made an attempt to trace the dynamics of the unfolding events, as well as the direction of the royal policy on the basis of materials of acts of Parliament.

Key words: Medieval Scotland; Scottish Parliament; Stewart dynasty; James I of Scotland.

SEMENOVA P. Episcopal office in St Augustine's sermons 339 and 340A.

This current research deals with St Augustine's sermons 339 and 340A, which were delivered on the anniversary day of St Augustine's consecration and on the day of a new bishop's ordination. Their main theme is an episcopal service. It is supposed that Augustine creates

the image of bishop using the metaphor of bishop's burden — «sarcina episcopatus» — and the set of scriptural references, such as Ez 33:2-7, Lk 19:21-23 etc.

Key words: Saint Augustine; episcopal service; sermon studies.

SHABANOV I. The research of the phenomenon of circular journey of the Irish saint on the example «Vita sancti Albei».

In this work phenomenon of circular journey is investigated on the example «Vita sancti Albei», that is included in the collection «Vitae Sanctorum Hiberniae». Based on an analysis of scientific publications, it can be concluded, that the research of this phenomenon began in the XX century, and socio-economic and political side of the issue were covered. The analysis of «Life» gives an indication of authorship, chronological framework of the preparation of the lives and travel, as well as a place of creation. Besides, we analyzed features of the journey and factors influencing them, we found «the core of the cult» and field claims of Albei.

Key words: the phenomenon of circular journey; saint Albei; symbolic detour.

SHERIHOVA E. The method of Niccolo Machiavelli in Interpretation Claude Lefort: izmenerenie economic policy.

The article is devoted to analysis of the economic aspects of Niccolo Machiavelli's heritage. The authors defined research problem, as an attempt to assess the viability of the thesis of Claude Lefort regarding ideological considerations connection Machiavelli about the «people» and «class theory» of Karl Marx. There is justification for idea that it was the Florentine thinker opened internal nowhere reducible differences between social groups of rulers and ruled, that allowed to look in a new way and to politics. The article has an interdisciplinary character, written at the crossroads of history and historiography.

Key words: Neomarxism; the economy; Marx; Machiavelli.

SHISHKOVA A. Political aspects of Council of Ferrara-Florence in the Memoirs of Sylvester Syropoulos.

As the title implies the article describes the political aspects of the Council of Florence and its key role in the fall of Constantinople. It is known that almost all Catholics believe that the union is legal while Orthodox deny it. Furthermore, there are many points of view regarding the John's VIII objectives. Moreover, there is a controversial issue about the decision to unite with Eugene IV instead of uniting with the Council of Basel which was opposite the Pope. The article also draws our attention to interpretation of the Union in the novels of Russian monks. Source base of article is «The Memoirs of the Council of Florence» written by Sylvester Syropoulos.

Key words: union; the Council of Florence; John VIII; Eugene IV; Orthodox; Catholicism.

SIMONZHENKOVA E. The features of perception of Russia in the early XVII century by spanish playwrights.

This work is devoted to the problem of perception of Russia in the early XVII century by the Spaniards. The author examines different issues of image of Russia of the era of the Time of Troubles, including the attitude of the Spaniards to the personalities of the kings, the Orthodox Church and the entire Russian history. Special attention is given to their view on an ideal monarch and, on the contrary, the despot on the throne. This study revealed reasons for the formation of such an opinion about Russia and its possible consequences. It should be noted that two different specific literary sources — an earlier play by Lope de Vega «The Great Prince of Moscow, or the Persecuted Emperor» and a later play by Pedro Calderón de La Barca «Life Is a Dream» were analyzed to understand the transformation of ideas and thoughts about Russia.

Key words: Lope de Vega; Calderón; Russian-Spanish relations; the image of Russia in the literature; the Time of Troubles; the Jesuits; Orthodoxy and Catholicism.

SINITCA M. John Lydus and the problem of origin of antiquarianism in the Early Byzantium.

The subject of this article is dedicated to problems of origin of antiquarianism in the Early Byzantium, which was represented in works by Constantinopolitan official and writer — John Lydus. There are considered basic antiquarian features in this article, which are selected by researchers in works of afore-mentioned writer; also there are analysed the objective and subjective causes of theirs formation. As a result it is concluded, that antiquarian interests of John Lydus were formed by his epoch and reflected its main cultural trends.

Key words: antiquarianism; John Lydus; Early Byzantium; VI century.

SLYADZ A. «As colorful so obscure»: Emperor Justinian II at a false mirror of history.

This article is devoted to the era of Justinian II Rhinotmetus, which is traditionally estimated as a series of great defeats, senseless initiatives and extreme terror. At the same time the stare on events of a turn of the VII–VIII centuries allows to understand that Justinian II's reign was the final stage of dramatic transformation of social and economic bases of Byzantium.

Key words: Byzantium; Justinian II Rhinotmetus; the Heraclian dynasty; Crisis of the Seventh century.

TERENTEVA E. André Duchesne's «Mystic figures of the Rich and Precious Ladies' Cabinet».

«Mystic figures of the Rich and Precious Ladies' Cabinet» was one of the first published works of an outstanding French erudite and historian, André Duchesne (1584–1640). It would appear that this Duchesne's paper seriously differs from the others. The article argues that in fact this work perfectly fits into the context of his heritage and besides permits to draw some conclusions concerning the biography of A. Duchesne, which is still incomplete.

Key words: André Duchesne; erudites; France; French historical writing; XVII century.

TISHUNIN E. English Parliament in the diary of Edward VI.

The paper is dedicated to the diary of Edward VI. The analysis is focused on the King's notes, devoted to the English Parliament's activities during the king's reign from 1547 to 1553. The major part of the notes is devoted to the laws affecting the process of the reformation. The following acts are mentioned by Edward VI: The Dissolution of Colleges Act, The Vagabonds Act, The Act of Uniformity, The Act for the ordering of Ecclesiastical Ministers.

Key words: diary of Edward VI; English Parliament; XVI century; Tudors.

TUMINSKAYA O. Images of Novgorod fools in the works of art of Great Novgorod of the late Russian middle Ages.

The article proposes to draw attention to two well-known icons of the Novgorod origin of the Late middle Ages, which shows fools in Christ. Reflections on the images of Holy fools in art of the XVI century proves a high degree of development of local culture, as presented in the article icons may be interpreted as examples of powerful original fine heritage in a number of Russian medieval art.

Key words: the fool in Christ; icons of locally venerated saints of Novgorod Nikolay Kochanov or Theodor Blazennij.

USHAKOVA V. The architectural decoration of basilica in Troia: On the genesis of Romanesque sculpture in Southern Italy.

The article deals with the anatomical structure of one motif of the sculptural decoration of the Romanesque basilica of XII century in the southern Italian city of Troy. Morphological analysis of some analogies in Eastern and Islamic art allows us to think about the single Mediterranean past of this form — common for both the east and the west — and goes back to the Antiquity of the I–II century BC.

Key words: Romanesque art; Southern Italy; sculpture; architectural decoration; Apulia; Troia.

UTUZIKOV S. The message written by the Queen of Castile in the end of the Reconquest.

The current article contains the commentary on the letter written by the Queen of Castile Isabella the Catholic in the end of the Spanish Reconquest and sent to the King of France Charles VIII, which was recently found in the National Library of Russia in Saint Petersburg. The letter reveals new details of the last weeks before the Fall of Granada in January, 2, 1492.

Key words: Castile; Isabella the Catholic; Spanish Reconquest.

VERSHININ I. Melancholy of personality in Robert Burton's representation.

The work of Robert Burton's «Anatomy of Melancholy» was his life's work and reflected the difficult transition period in the history of the British Isles and Europe. This makes the treatise one of the best historical and psychological sources for this direction of research. However, an in-depth study of the psychological state of medieval man and his society, at the moment, is gaining momentum. The article presents an analysis of allocated by Robert Burton the basic problems besetting the English society of the end XVI – early XVII century.

Key words: Robert Burton; «Anatomy of Melancholy»; England.

VLASOVA A. The phenomenon of sociocultural analysis of occidental medieval capitalism in concepts of K. Marx, M. Weber and F. Braudel.

The article is devoted to the issue of genesis of modern capitalism in Western Europe in works by K. Marx, M. Weber and F. Braudel. The author, analyzing different views of leading occidental researchers, comes to the conclusion that in the basis of the becoming of capitalist society lie not only economic, but also social roots.

Key words: modern capitalism; K. Marx; M. Weber; F. Braudel.

YUSCHENKO A. The circumstances of the publication «Historical collections» of the John Rushworth.

We consider a number of editions of collections of the English parliamentarian, participant of the Civil War and the personal secretary to Oliver Cromwell, of the John Rushworth — «Historical collections». Characterized by circumstances come out in print. Also it provides an overview of the author's biography, John Rushworth, explores the role of collections publisher, of John Vildman, which has become to some extent a co-author of the described publications.

Key words: England; Civil War; John Rushworth; «Historical collections»; John Vildman.

ZAYTSEV A. The evolution of the historiography of the Renaissance in the United States in the context of European academic emigration of the 1930s.

The article deals with some aspects of formation of Renaissance studies in the United States. Here concerns the relationships between Renaissance studies and Medieval studies, between Renaissance and Middle ages, the problem of combination of European and American academic tradition. The decisive importance of the emigration of 1930s for American Renaissance studies is concluded.

Key words: Renaissance; historiography; history of science; intellectual history; «revolt of the medievalists».

ZAYTSEVA A. The Devil and the Demon at the Heavenly Judgement in the Treatise of Bartolus da Saxoferrato «Processus satanae contra genus humanum».

«Processus satanae contra genus humanum», which is believed to be written by the medieval lawyer Bartolus da Saxoferrato (1313/14–1357), describes the legal action started by the devil who wants to restore his ancient right to possess the humanity and files a case to do so. His is presented at the law court by one of his demons chosen for his wit and skills. This demon defends his masters rights against humanity's holy advocate St. Mary and Jesus Christ the Judge. The author of the article examines historical and cultural background of the image of the devil

as the participant of the heavenly judgment. The devil does not leave his realm but enters the heavenly court through the body of the demon-procurator who is physically present there. The devil can be called a sum of all the vices and the demons are a part of it too. This is the reason they can share their mutual characteristics and appearances. Moreover, demon-procurator becomes an important part of the treatise because he is the one who is linked to the mortal world where his legal document is signed. Knowing the exact date and place of this event the reader can better understand the place of the treatise in the 14th century.

Key words: Satanprozesse; devil's image; demon's image; Bartolus da Saxoferrato; heavenly judgment; demon's ever-presence; symmetry of Heaven and Hell.

ZAYTSEVA T. A study of the «men's history» in contemporary German medieval studies.

The article examines the state of the gender studies of the «men's history» of the Middle Ages and beginning of the Early New Time in contemporary German historiography. Research in this scientific field is characterized; the widely used concepts and terms, the considered research topic and theme, the source base is marked.

Key words: a «men's history»; a contemporary German medieval studie; the Middle Ages and beginning of the Early New Time.

ZHIGALOVA N. Thessaloniki under the rule of the Venetians (1423–1430): anti-Latin sentiments of citizens in the conditions of the Turkish siege.

The article is devoted to the problem of strengthening of anti-Latin sentiment in Thessaloniki on the eve of its capture by the Turks in 1430. The author affects the problem of discontent of Greek population for the Venetian power in Thessaloniki during the Venetian rule 1423–1430. According to the materials composing by the Byzantine writer John Anagnostes is characterized relations between Greeks and Latins in Thessalonica and Greek's attitude to the Venetian government. Attention is also given to the author's characterization of the Venetians.

Key words: Thessaloniki; Byzantium; Ottoman Turks; Venice; John Anagnostes.

ZVYAGINA E. Relationships between Gregory I and the King Reccared within the spreading of Pope's power in the West.

The article is devoted to analysis of the relationships between Gregory and Reccared, based on correspondence's material. It reveals Pope's requirements of alliance with the King in the context of resistance to religious expansion of Byzantium and policy of Christian world's unity under the aegis of Western Church.

Key words: Gregory; Reccared; kingdom of Toledo; king, church.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Мария Александровна. Аспирантка, Московский государственный университет.
alexandrova.m.a@gmail.com

Алексеева Мария Сергеевна. Аспирантка, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (Российская Академия художеств).
alexeeva.marie@gmail.com

Ануфриева Анастасия Сергеевна. Аспирантка, Московский государственный университет.
elanskaya91@mail.ru

Беспальчикова Яна Евгеньевна. Студентка 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
yana_bes@mail.ru

Бируля Маргарита Андреевна. Аспирантка, Институт Славяноведения Российской академии наук.
birulya-zakamskaya@yandex.ru

Вершинин Игнат Николаевич. Магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
vershininignat@gmail.com

Власова Александра Антоновна. Студентка 3 курса, Иркутский государственный университет.
vlasova.alexandra95@mail.ru

Голованенко Денис Андреевич. Студент 4 курса, НИУ «Высшая школа экономики».
dagolovanenko@edu.hse.ru

Гусакова Анна Викторовна. Студентка 4 курса,
Санкт-Петербургский государственный университет.
anika-magic@mail.ru

Дингес Михаил Александрович. Магистрант 1 курса,
Нижегородский государственный университет.
dingesm@mail.ru

Долкова Елизавета Александровна. Студентка 4 курса,
НИУ «Высшая школа экономики» — Нижний Новгород.
dolkova_elizaveta@mail.ru

Дремова Виктория Сергеевна. Студентка 4 курса,
Санкт-Петербургский государственный университет.
anselm.victoria@yandex.ru

Жигалова Наталья Эдуардовна. Аспирантка, Уральский
федеральный университет.
nezhigalova@gmail.com

Зайцев Александр Александрович. К. и. н., ассистент,
Казанский федеральный университет.
alex-q1@yandex.ru

Зайцева Арина Витальевна. Студентка 4 курса,
НИУ «Высшая школа экономики».
arinazajtseva@gmail.com

Зайцева Татьяна Игоревна. К. и. н., доцент, Томский
государственный педагогический университет.
zaytsevati@mail.ru

Звягина Елена Дмитриевна. Студентка,
НИУ «Высшая школа экономики».
zvyagina.el@yandex.ru

Ковриженко Елена Владимировна. Студентка 3 курса,
Санкт-Петербургский государственный университет.
alyona.kovrizhenko@yandex.ru

Кривошекова Виктория Николаевна. Студентка 4 курса,
НИУ «Высшая школа экономики» — Пермь.
kiltyrie@outlook.com

Лапунов Алексей Алексеевич. Студент 4 курса,
Санкт-Петербургский государственный университет.
alexlapunov@gmail.com

Левинская Яна Владиславовна. Магистрантка 1 курса,
Уральский федеральный университет.
levinskayana@mail.ru

Мигунова Анастасия Викторовна. Магистрантка 1 курса,
Санкт-Петербургский государственный университет.
rose78561@rambler.ru

Митюрёва Дарья Сергеевна. Аспирантка, Тюменский
государственный университет.
dmiturova@yandex.ru

Пикин Андрей Валентинович. Аспирант, Ивановский
государственный университет.
andrewvpikin@gmail.com

Прохорова Марина Юрьевна. К. ю. н., старший научный
сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет.
marina-aqva@mail.ru

Рева Ксения Сергеевна. Студентка 4 курса,
Санкт-Петербургский государственный университет.
revakseniya@mail.ru

Семенова Полина Николаевна. Магистрантка 1 курса,
Московский государственный университет.
pelageo@yandex.ru

Симонженкова Екатерина Михайловна. Студентка 2 курса,
Московский государственный университет.
kotenok-sim@mail.ru

Синица Марина Михайловна. Аспирантка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
sinitcam@yandex.ru

Слядзь Андрей Николаевич. Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.
slyads@mail.ru

Терентьева Екатерина Анатольевна. К. и. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций.
e.a.terenteva@bk.ru

Тишунин Евгений Геннадьевич. Студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
zhenyatishunin@yandex.ru

Туминская Ольга Анатольевна. Д. иск., ведущий методист музейно-образовательной деятельности, Государственный Русский музей.
olgmorgun@yandex.ru

Утузиков Сергей Вячеславович. Студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
khajitdjo@gmail.com

Ушакова Вероника Георгиевна. Студентка 4 курса, Московский государственный университет.
veronikaush24@gmail.com

Федонников Никита Александрович. Студент 4 курса, НИУ «Высшая школа Экономики».
mr.fedonnikov@mail.ru

Федорова Татьяна Евгеньевна. Ведущий специалист по учетно-хранительской документации, Государственный Эрмитаж.
jumpinghedgehog@gmail.com

Шабанов Илья Петрович. Студент 2 курса, Тюменский государственный университет.
desomorphus@gmail.com

Шерихова Екатерина Александровна. Студентка 4 курса, Нижегородский государственный педагогический университет.

Шишкова Анна Сергеевна. Студентка 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет.
ryginochka665@mail.ru

Ющенко Анастасия Викторовна. Аспирантка, Тюменский государственный университет.
stasy_stasy2009@mail.ru

LIST OF AUTHORS

Aleksandrova Maria. Post-Graduate Student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.
alexandrova.m.a@gmail.com

Alexeeva Maria. Post-Graduate Student, Saint-Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture.
alexeeva.marie@gmail.com

Anufrieva Anastasia. Post-Graduate Student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.
elanskaya91@mail.ru

Bespalchikova Yana. Third year Student, Institute of History, Saint-Petersburg State University.
yana_bes@mail.ru

Birulya Margarita. Post-Graduate Student, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.
birulya-zakamskaya@yandex.ru

Dinges Mikhail. Master's degree program student, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.
dingesm@mail.ru

Dolkova Elizaveta. Fourth year student, Law Department, National Research University «Higher School of Economics» — Nizhny Novgorod campus.
dolkova_elizaveta@mail.ru

Dremova Viktoria. Fourth year student, Institute of History, Saint-Petersburg State University.
anselm.victoria@yandex.ru

Fedonnikov Nikita. Fourth year student, National Research University «Higher School of Economics».

mr.fedonnikov@mail.ru

Fedorova Tatiana. Lead inventory specialist, The State Hermitage museum.

jumpinghedgehog@gmail.com

Golovanenko Denis. Fourth year student, National Research University «Higher School of Economics».

dagolovanenko@edu.hse.ru.

Gusakova Anna. Fourth year student, Institute of History, Saint-Petersburg State University.

anika-magic@mail.ru

Kovrizhenko Elena. Student, Institute of History, Saint-Petersburg State University.

alyona.kovrizhenko@yandex.ru

Krivoshchekova Victoria. Fourth year student, National Research University «Higher School of Economics» — Perm campus.

kiltyrie@outlook.com

Lapunov Alexey. Fourth year student, Institute of History, Saint-Petersburg State University.

alexlapunov@gmail.com

Levinskaia Iana. Master's degree program student, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University.

levinskayana@mail.ru

Migunova Anastasiya. Master's degree program student, Institute of History, Saint-Petersburg State University.

rose78561@rambler.ru

Mityureva Daria. Post-Graduate Student, Tyumen State University.

dmiturova@yandex.ru

Pikin Andrey. Post-Graduate Student, Ivanovo State University.

andrewvpikin@gmail.com

Prohorova Marina. PhD, Saint-Petersburg State University.
marina-aqva@mail.ru

Reva Kseniya. Fourth year student, Institute of History,
Saint-Petersburg State University.
revakseniya@mail.ru

Semenova Polina. Master's degree program student, Lomonosov
Moscow State University.
pelageo@yandex.ru

Shabanov Ilia. Second year student, Institute of History and Political
Science, Tyumen State University.
desomorphus@gmail.com

Sherihova Ekaterina. Fourth year student, Nizhny Novgorod State
Pedagogical University.

Shishkova Anna. Fourth year student, Saint-Petersburg State
University.
ryginochka665@mail.ru

Simonzhenkova Ekaterina. Second year student, Lomonosov Moscow
State University.
kotenok-sim@mail.ru

Sinitca Marina. Post-Graduate Student, Belgorod State National
Research University.
sinitcam@yandex.ru

Slyadz Andrey. Post-Graduate Student, Institute of History,
Saint-Petersburg State University.
slyads@mail.ru.

Terentyeva Ekaterina. PhD, Associate professor,
The Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of
Telecommunications.
e.a.terenteva@bk.ru

Tishunin Evgeniy. Master's degree program student, Institute of
History, Saint-Petersburg State University.
zhenyatishunin@yandex.ru

Tuminskaya Olga. Doctor of Arts, Leading methodologist of the Museum and educational activities, State Russian Museum.
olgmorgun@yandex.ru

Ushakova Veronika. Fourth year student, Lomonosov Moscow State University.
veronikaush24@gmail.com

Utuzikov Sergey. Second year student, Institute of History, Saint-Petersburg State University.
khajitdjo@gmail.com

Vershinin Ignat. Master's degree program student, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University.
vershininignat@gmail.com

Vlasova Alexandra. Third year student, Irkutsk State University.
vlasova.alexandra95@mail.ru

Yuschenko Anastasiya. Post-Graduate Student, Institute of History and Political Science, Tyumen State University.
stasy_stasy2009@mail.ru

Zaytsev Alexander. PhD, Assistant Lecturer, Kazan Federal University.
alex-q1@yandex.ru

Zaytseva Arina. Fourth year student, National Research University "Higher School of Economics".
arinazajtseva@gmail.com

Zaytseva Tatiana. PhD, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University.
zaytsevati@mail.ru

Zhigalova Natalia. Post-Graduate Student, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University.
nezhigalova@gmail.com

Zvyagina Elena. Student, National Research University «Higher school of Economics».
zvyagina.el@yandex.ru

Научное электронное издание

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА**

Материалы XXXV всероссийской научной конференции
«Курбатовские чтения» (1–4 декабря 2015 года)

Редакторы: *А. Ю. Прокопьев, Е. Г. Тишунин*
Верстка и дизайн: *К. В. Перепечкин*

Все материалы опубликованы в авторской редакции

